Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

исследования по российской и всеобщей истории

№ 3 (11) 2016

Петербургский Исторический Журнал

исследования по российской и всеобщей истории

№ 3 (11) 2016

Учредитель

Санкт-Петербургский
институт истории РАН
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-41-98
E-mail: SPbHistoryStudies@mail.ru

Адрес редакции

«Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-41-98

Издатель

Издательство «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
E-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Типография

«Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург,
Тел. (812)622-01-23

Издается с 2014 г.
Выходит 4 раза в год
ISSN 2311-603X

Редакционный совет:

д-р *Я. Валге* (университеты Тарту и Таллина)

профессор *Т. Вихавайнен* (Хельсинкский университет)

д.и.н., профессор *А. К. Гаврилов* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

д.и.н., профессор *А. Х. Даудов* (директор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета)

д.и.н. *О. П. Илюха* (директор Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск)

д-р, профессор *И. Коэн* (Высшая школа социальных наук, Париж)

член-корр. РАН, д.и.н. *И. П. Медведев* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

д.и.н. *И. И. Муллонен* (доктор филологических наук, профессор Петрозаводского госуниверситета, Петрозаводск)

профессор *А. Рабинович* (Индианский университет)

профессор *У. Г. Розенберг* (университет Мичигана, Европейский университет в Санкт-Петербурге)

д.и.н., профессор *Н. Н. Смирнов* (Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербургский государственный университет)

д.и.н. *А. Н. Чистиков* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

д.и.н., профессор *М. В. Ходяков* (Санкт-Петербургский государственный университет)

д.и.н. *С. Е. Эрлих* (Генеральный директор издательства «Нестор-История»)

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор – д.и.н. А. И. Рупасов (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

Секретариат

Ответственный секретарь – *К. А. Тарасов* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

А. А. Ефимов (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

Члены редколлегии:

к.филол.н. *Д. В. Кейер* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

к.и.н. *В. Ю. Черняев* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

к.и.н. *В. И. Мажуга* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

д.и.н., профессор *М. Б. Свердлов* (Санкт-Петербургский институт истории РАН; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

д.и.н., профессор *В. В. Носков* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

д.и.н. *Т. В. Андреева* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

д.и.н. *С. Н. Искюль* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

Дата подписания в печать: ??.07.2016

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

Тираж 500 экз.

Заказ № 470

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77–64510
от 31.12.2015

© Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, 2016
© Издательство «Нестор-История», 2016

Содержание

История России

- *В. В. Кучурин*
  Из истории политической борьбы в начале XIX в.:
  нереализованный проект масонской реформы М.М. Сперанского 6
- *Т. В. Андреева*
  Государственное управление России во второй половине XVIII –
  первой четверти XIX в.: к проблеме преемственности и различия
  в правительственной преобразовательной политике 19
- *С. В. Букалова*
  Роль местного самоуправления в организации помощи беженцам
  в годы I Мировой войны 61
- *В. Н. Гинев*
  Мажоритарные или пропорциональные? Полемика в связи
  с первыми в России выборами в волостное земство в 1917 г. 80
- *Л. В. Смирнова, С. Н. Уваров*
  Эвакуированные ленинградцы в Удмуртской АССР в годы
  Великой Отечественной войны (численность, размещение,
  трудовая деятельность) 93

Всеобщая история

- *А. И. Рупасов*
  Советско-эстонские отношения в период
  мирового экономического кризиса 103
- *Н. А. Власов*
  История международных отношений или история дипломатии в Европе?
  Проблема изучения и преподавания истории международных отношений
  Нового времени 140

Публикации

- *Е. Ф. Синельникова, В. С. Соболев*
  Воскрешая величавые образы мыслителей.
  Из истории Петербургского философского общества (1897–1923) 150
- *А. В. Резник*
  Письмо А. А. Иоффе Г. Е. Зиновьеву 23 января 1924 г. 167

Семинар

- *В. Г. Вовина-Лебедева*
  В Древнерусском семинаре 172
- *А. Е. Жуков*
  «Летописец начала царства» и Воскресенская летопись 174

Историография, источниковедение

- *М. Е. Проскурякова*
  Просопографические базы данных как инструмент работы
  с массовыми источниками в современной историографии 190
- *О. Е. Шухман*
  Коллекция Л.Ф. Фридланда в Институте восточных рукописей РАН.
  История собрания и современное состояние 199

Сообщения

- *Л. В. Тимофеев*
  Вокруг прототипа Митрофанушки Дениса Фонвизина 216
- *Е. С. Левшина*
  С. Ю. Витте и И. С. Аксаков в 1880-е гг. 234
- *Б. Н. Ковалев*
  Палачи и жертвы Колмовской больницы 249

Критика, рецензии

- *Е. А. Яровая*
  Рецензия на издание: Sigilla regum et reginarum Poloniae. Pieczęcie królów
  i królowych Polski ze zbiorów Archiwum Głównego Akt Dawnych (AGAD).
  (Kings' and Queens' Seals from the collection of the Central Archives of Historical
  Records in Warsaw, Poland). Widawnictwo DiG Sp. J. 2015. 244 L. 261

Конкурс

- Конкурс «Актуальная наука» («Советский Союз, Польша и другие страны
  Центральной и Восточной Европы в мировой политике XX века»)
  памяти Олега Николаевича Кена 265

Аннотации 266

Abstracts 275

Сведения об авторах 284

Contacts of authors 286

Требования к публикации статей и материалов 288

УДК 94(47).072

В. В. Кучурин

Из истории политической борьбы в начале XIX в.: нереализованный проект масонской реформы М. М. Сперанского

В 1810 г. Александр I через военного генерал-губернатора Санкт-Петербурга А. Д. Балашова объявил высочайшее соизволение на возобновление масонских лож[1]. О мотивах этого решения можно только догадываться. Предполагают, что Александр I планировал приступить к насаждению мистической идеологии в российском обществе, но предпочитал делать это тайно и постепенно[2]. В связи с этим не исключено и даже вполне вероятно, что он имел намерение посвятить себя в тайны масонства и использовать его в своих политических целях[3]. Гипотеза эта не представляется полностью надуманной, так как масонство с его идеей «единой вселенской религии», в которой «согласны между собой все без исключения люди», вне всякого сомнения, соответствовало «экуменическим» планам императора.

Наряду с Балашовым важную роль в реализации этих планов сыграл знаменитый российский реформатор М. М. Сперанский. В 1810 г. параллельно с общим реформированием государственного управления он разработал и предложил Александру I собственный проект масонской реформы.

[1] См.: *Кушелев Е. А.* Записка краткая историческая о начальном введении в России масонских лож... // Русская старина. 1877. Т. 18. С. 467.

[2] *Вишленкова Е.* Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов: Саратовский государственный университет, 2002. С. 132.

[3] *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. Т. 1. Ч. I–II. СПб., 1861. С. 261.

К ее разработке Сперанский приступил во многом в связи с увлечением всякого рода мистическими и эзотерическими учениями, а также искренней верой «в перерождение мира посредством тайных обществ», в частности масонских, которыми он заинтересовался еще в 1803 (или 1804) г. Сперанский попросил тогда великого мастера санкт-петербургской ложи Умирающего сфинкса А. Ф. Лабзина ввести его в масонское братство. Однако скрытный и недоверчивый Лабзин отказал новоявленному искателю масонских тайн. В этой ситуации, и это точно установлено, Сперанский обратился к одному из руководителей масонов-розенкрейцеров екатерининского царствования И. В. Лопухину, который в конце концов стал его духовным учителем в масонских и эзотерических таинствах. В течение нескольких лет Лопухин регулярно наставлял своего ученика и высылал ему для чтения и перевода разнообразную эзотерическую литературу. После этого, вероятно, в 1806 г., Сперанский познакомился с масоном-розенкрейцером А. А. Ленивцевым, а он, в свою очередь, свел его с руководителем общества «Народ Божий» или «Новый Израиль» графом Тадеушем Лещицей-Грабянкой, выдававшим себя за «посланника Провидения» и проповедовавшим в Санкт-Петербурге «новое иерусалимское царство»[4]. Затем, в 1809 г., Сперанский подружился с мистиком и масоном Р. А. Кошелевым[5].

Одновременно, как предполагают исследователи, для подготовки масонской реформы Сперанский с позволения императора и по рекомендации профессора Педагогического института П. Д. Лодия вызвал в Россию немецкого богослова (перешедшего из католицизма в лютеранство), историка, профессора восточных языков и герменевтики, теоретика и практика масонства Игнатия-Аврелия Фесслера[6]. В феврале 1809 г. ему послали официальное приглашение занять должность профессора восточных языков в Духовной академии. В течение года шли переговоры. В январе 1810 г. Фесслер наконец приехал в Санкт-Петербург[7].

Впрочем, гораздо вероятнее, что инициатива в разработке проекта масонской реформы исходила не от Сперанского, а от Фесслера, более сведущего в масонских делах. Фесслеру было нетрудно убедить Сперанского в целесообразности

[4] Об этом факте в частности сообщал А. Ф. Лабзин в письме Д. П. Руничу (см.: Письма А. Ф. Лабзина к Д. П. Руничу // ОР РНБ. Ф. 656. Ед. хр. 24. Л. 201 об.). На это же указывал М. Л. Магницкий в записке Николаю I. В ней он писал: «Как собрания сии открывались молитвою “Отче наш”, ограничивались изъяснением Евангелия, не довольствуя пытливости некоторых слушателей, Сперанский и Лубяновский, дошли до особенных свиданий с Грабянкою, у него на дому; но в то самое время, как они наиболее с ним сблизились, полиция взяла его под стражу...» (см.: Два доноса в 1831 году. Всеподданнейшие письма М. Магницкого императору Николаю об иллюминатах // Русская старина. 1899. № 2. С. 296).

[5] Два доноса в 1831 году. Всеподданнейшие письма М. Магницкого императору Николаю об иллюминатах // Русская старина. 1899. № 2. С. 301.

[6] *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. С. 260.

[7] В связи с этим М. Л. Магницкий писал: «Около, сколько помню теперь, 1810 года приехал в Петербург, вызванный Сперанским, неизвестно кем ему указанный, <...> — Фесслер» (Два доноса в 1831 году. Всеподданнейшие письма М. Магницкого императору Николаю об иллюминатах // Русская старина. 1899. № 2. С. 297).

реформирования масонства, использовании его в общегосударственных интересах и в необходимости предложить это Александру I[8]. Острый ум, широта взглядов, масонская эрудиция и личное обаяние Фесслера, несомненно, импонировали Сперанскому. Кроме того, их сближала определенная общность воззрений. В частности, Сперанский разделял представление Фесслера о том, что масонство, чуждое фанатизма и «лживой mysticite», сообразуется со всяким христианским учением и воспитывает в своих членах благочестивые религиозные чувства.

Прежде всего Фесслер принял Сперанского в масонство. Для этого, как свидетельствует сам Сперанский, Фесслер открыл частную домашнюю ложу, которая «ни имени, ни состава, ни учреждения, ложам свойственного, не имела»[9]. Точная дата открытия ложи и принятия Сперанского неизвестна, но в любом случае это произошло не позже июня 1810 г.

После этого Сперанский и Фесслер приступили к разработке проекта масонской реформы. О его содержании можно судить по нескольким независимым источникам.

В первую очередь это обнаруженные в Венском государственном архиве и опубликованные в 1902 г. в журнале «Русская старина» в переводе с немецкого воспоминания Ф. М. Гауеншильда — сотрудника Сперанского в Комиссии составления законов[10]. По словам Гауеншильда, Сперанский задумал «основать масонскую ложу с филиальными ложами по всей Российской империи, в которую были бы обязаны поступать наиболее способные из духовных лиц всех сословий»[11]. В дальнейшем «*духовные* братья были бы обязаны писать статьи по известным гуманным вопросам, говорить проповеди и т.д., каковые бумаги должны были затем препровождаться в главную ложу на рассмотрение первого мастера <...>, по предложению которого достойнейшие должны были получать повышение в союзе масонских лож и в государстве»[12].

Кроме того, о проекте масонской реформы известно по двум сохранившимся специальным запискам (донесениям) о масонстве.

По мнению исследователей, автором первой записки был Сперанский. Полный текст ее не обнаружен. Сохранились выписки, сделанные Г. В. Вернадским. Записка состояла из двух частей. В первой части Сперанский рассмотрел существующие масонские системы, во второй дал общую оценку масонства, указав на его плюсы и минусы. Все масонские системы Сперанский характеризовал

[8] В частности, Ф. М. Гауеншильд указывал на «влияние дурных советов Фесслера» (*Гауеншильд Ф. М.* Воспоминания // Русская старина. 1902. Т. 110. С. 253).

[9] См.: *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. С. 261. Впрочем, А. Ф. Лабзин предполагал, что Сперанский «мог получить некоторые градусы <...> еще прежде» от Ф. П. Ключарева и И. В. Лопухина (См.: Письма А. Ф. Лабзинак Д. П. Руничу // ОР РНБ. Ф. 656. Ед. хр. 24. Л. 224). Однако другими источниками данное предположение не подтверждается.

[10] См.: *Гауеншильд Ф. М.* Воспоминания // Русская Старина. 1902. Т. 110. С. 251–262.

[11] Там же. С. 253.

[12] Там же. С. 253–254.

отрицательно, но особенно «шведские» ложи, которые «состояли из невежд и дураков», и розенкрейцерство, представлявшее собой «смесь мистицизма, политики и религии». В связи с этим он писал: «1) Цель масонства (к какой бы ветке или системе оно ни принадлежало) в самом себе противна единству властей, а следовательно интересам Правительства; 2) зло, которое может произойти от него,— позитивное, а добро, которое может произойти,— гадательно; 3) система Храмовников-Розенкрейцеров — противна порядку, установленному в обществе, т[ак] к[ак] они все признают вторую власть рядом и независимо от власти законной — status in statu; 4) это таинственное орудие дает человеческому разуму вредное направление, приготовляя его ко всяким впечатлениям; там, где находятся уже организованные правители и управляемые — нужно еще только одну светлую голову, чтобы сделать из этой организации всё что угодно; 5) масонство было главным средством, употребляемым делателями революции; а сколько раз оно служило второстепенным средством, не говоря уже о революциях, которые делались в маленьком размере <...> в самом масонстве; 6) аксиома, что всё, что заставляет Правительство скрывать и покрывать недостатки,— доказывает, что оно само следует порочному принципу; 7) в качестве клуба — не отвечает внешней формой: зачем есть и жить под тайной?»[13]

Вместе с тем Сперанский признавал, что в положительном плане масонство «1) дает моральную и религиозную связь, которую может использовать правительство; 2) воспитывает чувство религиозности; 3) делает людей законопослушными; 4) подготавливает к административной работе»[14]. Но, по его мнению, чтобы все эти положительные черты масонства оказались действенными, необходимо подготовить новую масонскую конституцию и провести на ее основе реформу масонства.

Авторами другой записки, как считается, были И.-А. Фесслер и Г. А. Розенкампф. В записке довольно подробно излагалась история масонства с описанием разных масонских систем, обманов, происходивших в ордене, как, например, в системе тамплиерства. В заключение авторы отмечали, что «истинное масонство соображается со всяким христианским учением и, какое бы масоны ни исповедовали, оное стремится возбудить во всех человеках чувства прямо благочестивые и христианские, и сберечь их от фанатизма и лживой mysticite, не вводя в иноверие»[15]. В дальнейшем они предполагали «изложить в другом представлении истинную систему древнего масонства, и способы, какие правительство может употребить не только для избежания злоупотреблений, в которые впали касательно сего предмета во всех землях, но что можно воспользоваться масонством и для просвещения целой нации»[16].

[13] Цит. по: *Серков А. И.* История русского масонства в XIX веке. СПб., 2000. С. 71–72.

[14] Там же. С. 72.

[15] *Пыпин А. Н.* Русское масонство. XVIII — первая четверть XIX в. Пг., 1916. С. 389.

[16] Там же.

К практической реализации проекта Сперанский приступил в июне 1810 г. По свидетельству Гауеншильда, он подготовил и представил императору записку о масонстве и проекты двух указов: первым повелевалось закрыть все ложи в России, второй же предлагал или принять преобразования Сперанского, или прекратить деятельность[17]. Одновременно «Сперанский приступил <...> к торжественному открытию Великой ложи»[18]. По свидетельству Магницкого, это была ложа Полярной звезды[19]. Мастером стула стал Сперанский[20]. Работы в ложе проходили по «новому ритуалу», сочиненному «по большей части Фесслером», на французском языке в «беседке, принадлежащей к помещению Комиссии Законов»[21]. Кроме Сперанского в нее входили Гауеншильд (первый надзиратель), Розенкампф (второй надзиратель), П. П. Помиан-Пезаровиус (брат вводитель), Фесслер, П. Д. Лодий, Злобин, Дерябин, М. Л. Магницкий, Р. Ренненкампф, Е. Е. Эллизен и другие лица, составлявшие окружение Сперанского[22].

В свою очередь Фесслер то ли по личной инициативе, то ли по указанию Сперанского (источники об этом умалчивают) попытался установить связи с местными масонами. Сведения об этом имеются в письме А. Ф. Лабзина к Д. П. Руничу. В нем весьма информированный в масонских делах руководитель ложи Умирающего сфинкса писал: «Приехав сюда, Фесслер явился в здешнюю Немецкую □; но немцы, частью по гордости, частью по моему предупреждению чрез Сергеева, не поддались ему, и он остался просто членом почти безгласным. Фесслер обратился ко мне, и через Немецкого Meister vom Stuhl просил у меня письменно позволения быть ко мне и сделать со мною bruder liebe bekanntschaft. Я отвечал мастеру Стула Немецкой ложи: “Что я г-на профессора Фесслера по слухам давно имею честь знать, и как профессора я готов его у себя принять: а как брата не могу ему предложить с собою знакомства”. Фесслер однако ж

[17] *Гауеншильд Ф. М.* Воспоминания. С. 254.

[18] См.: *Гауеншильд Ф. М.* Воспоминания. С. 254. Сведения эти отчасти подтверждаются письмом Лабзина к Руничу от 20 июля 1810 г., в котором он писал: «Фесслер <...>, удовлетворяя любопытству Сперанского, Магницкого и Злобина, составил с ними тайную □ (символ, обозначающий масонскую ложу. — *В. К.*) или Капитул, которому хочет подвергнуть учреждение и правление 🗗 (символ, обозначающий несколько масонских лож. — *В. К.*) в России и которого главою быть предоставляет Сперанскому» (Письма А. Ф. Лабзина к Д. П. Руничу // ОР РНБ. Ф. 656. Ед. хр. 24. Л. 201 об.).

[19] Два доноса в 1831 году. Всеподданнейшие письма М. Магницкого императору Николаю об иллюминатах. С. 297–298.

[20] *Гауеншильд Ф. М.* Воспоминания. С. 254.

[21] Там же.

[22] Там же. С. 255. Следует заметить, что в исследовательской литературе время начала работы ложи Полярной звезды до сих пор определяется по-разному. Т. О. Соколовская и А. И. Серков по странному недоразумению относят это к 1807 г. (*Соколовская Т. О.* Раннее александровское масонство // Масонство в прошлом и настоящем. М., 1915. Т. 2. С. 174; *Серков А. И.* История русского масонства. С. 70). По мнению А. Ю. Минакова, тоже ошибочному, Фесслер организовал работу ложи в 1809 г. (*Минаков А. Ю.* Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 141).

у меня был, я также отплатил ему визитом; но как я его весьма остерегался, а он не мог быть мною доволен, то сие посещение и не было повторено ни с той, ни с другой стороны». Затем Фесслер провел удачные переговоры с Жеребцовым, в ложе которого стал почетным членом[23].

Как следствие, в июле–августе 1810 г. в Санкт-Петербурге появились слухи, что «в главнокомандующие Жеребцовского масонства въедет Сперанский», что «Фесслер <...>, удовлетворяя любопытству Сперанского, Магницкого и Злобина, составил с ними тайную □, или Капитул, которому хочет подвергнуть учреждение и правление 🗗 в России и которого главою быть предоставляет Сперанскому»[24], который «точно занимается сим делом или как шпион, или чтоб образовать с Фесслером свой департамент, начальников отделения, и пр[очее] по-своему», что «от них поданы уже бумаги к государю, и ожидали, что мастера лож призваны будут к министру полиции, а потом к министру просвещения, и им объявлены будут сделанные акты, по которым позволяется им держать свои 🗗, и в которых будто бы (подчеркнуто автором письма. — *В.К.*) велено выбросить, или сократить то, что есть религиозное, а оставить больше того, что забавно быть может», что «с другой стороны говорят, что 🗗 запретятся; ибо они сделались слишком уже публичны и всеобщей материей разговоров, наравне с Бонапартею...»[25]

В то же время Балашов, считавший, что «не тех лож бояться надобно, которые не скрываются, но которые прячутся», хотел, опираясь на мастера стула ложи Соединенных друзей Жеребцова, поставить начальником над всеми петербургскими ложами белорусского генерал-губернатора принца Вюртембергского и даже обращался с этим предложением к Александру I[26]. Однако высочайшего одобрения не получил, так как император решил, что поскольку принц «во-первых не русский, во-вторых, может по службе отлучаем быть, то бы он лучше предоставил звание и место сие другому»[27]. Тем не менее Балашов не оставил попыток установить контроль над масонскими ложами. Позднее, будучи уже министром полиции, он, по свидетельству Лабзина, требовал от Жеребцова, чтобы тот «надзирал за другими ложами». При этом Жеребцов,

[23] Письма А. Ф. Лабзина к Д. П. Руничу // ОР РНБ. Ф. 656. Ед. хр. 24. Л. 201–202 об. Однако мнение А. И. Серкова о формировании союза «Фесслер–Новиков–Жеребцов», которое он подтверждает переговорами Фесслера с Жеребцовым, а также с И. В. Лопухиным и З. Я. Карнеевым, представляется недостаточно аргументированным. В это время И. В. Лопухин и З. Я. Карнеев отошли от масонства и не принадлежали к кругу Н. И. Новикова. В настоящее время можно утверждать, что сложился только союз «Фесслер–Жеребцов», так как, по свидетельству хорошо информированного А. Ф. Лабзина, «Жеребцов в речи своей сказал, что они сделали великое приобретение в особе Фесслера» (Там же. Л. 202 об.).

[24] Письма А. Ф. Лабзина к Д. П. Руничу // ОР РНБ. Ф. 656. Ед. хр. 24. Л. 201 об.

[25] Там же. Л. 215.

[26] Там же. Л. 188 — 189 об.

[27] Там же. Л. 201.

согласно некоторым источникам, был настроен против масонских лож шведской системы и, в частности, ложи Петра к Правде[28].

Между тем активные действия, с одной стороны, Сперанского и Фесслера, с другой — Балашова и Жеребцова, а также наметившийся союз Фесслера с Жеребцовым вызвали опасения шведских и розенкрейцерских масонских лож. Глава шведского масонства И. В. Бебер, высказывая большое недовольство деятельностью Фесслера, внесшей разлад в братство, обвинял его в желании «сделать диверсию» и всячески противодействовал усиливавшемуся его влиянию[29]. В свою очередь Поздеев, один из лидеров розенкрейцеров, критикуя и дискредитируя планы Фесслера–Сперанского, решил использовать в борьбе с ними министра народного просвещения А. К. Разумовского. Одновременно, по обоснованному предположению А. И. Серкова, Поздеев «начинает склоняться к союзу с братьями “шведской” системы»[30].

В сложившейся ситуации острого противостояния общественных и политических сил осторожный Александр I решил не торопиться и, подписав первый и пообещав подписать второй из представленных Сперанским указов, повелел в августе 1810 г. создать специальный тайный комитет в составе «двух особ, знанием и степенями своими в масонском деле известных <...> под непосредственным наблюдением министра просвещения», изучить правила масонских обществ и «удостовериться в тех основаниях, на которых они могут быть терпимы или покровительствуемы»[31]. Для этого «каждый начальник ложи войдет в сношения и изложит им в духе доверенности и братства правила, основания и систему своей ложи»[32]. Одновременно приказывалось: «1) чтоб с сего времени до последнего окончания всех выше означенных сношений приостановлены были во всех ложах новые членов принятия; 2) чтоб сношения с начальниками лож, от правительства установляемых, были сохраняемы каждым из них лично в совершенной тайне не только для публики, но и для членов самих лож»[33].

[28] Письма А. Ф. Лабзина к Д. П. Руничу // ОР РНБ. Ф. 656. Ед. хр. 24. Л. 201 об.

[29] *Соколовская Т. О.* Раннее александровское масонство // Масонство в прошлом и настоящем. С. 175.

[30] *Серков А. И.* История русского масонства. С. 79.

[31] *Пыпин А. Н.* Русское масонство. С. 384. По мнению А. И. Серкова, комитет был составлен «для рассмотрения плана М. М. Сперанского — И. А. Фесслера» (*Серков А. И.* Русское масонство в XIX веке. С. 73). Высказывая это мнение, он исходит из приводимых А. Ф. Лабзиным сведений о том, что «Фесслер подал уже свой план государю чрез Сперанского (которого содержание увидишь ты в прилагаемом при сем листочке), и государь нарядил комитет для рассмотрения онаго из трех персон: 1) министра просв[ещения] 2) министра полиции и 3) Сперанского» (См.: Письма А. Ф. Лабзина к Д. П. Руничу // ОР РНБ. Ф. 656. Ед. хр. 24. Л. 218 об.). Однако мнение Серкова представляется слишком категоричным и требует уточнения.

[32] *Пыпин А. Н.* Русское масонство. С. 383.

[33] Там же. С. 384.

В состав комитета вошли: министр просвещения Разумовский, министр полиции Балашов и Сперанский[34]. В связи с этим Серков делает вполне обоснованный вывод о том, что «в этом комитете были представлены члены различных масонских направлений: реформаторского (М. М. Сперанский), консервативного (А. К. Разумовский, член поздеевского круга), а также аполитичного еще в 1810 г. “французского” масонства (А. Д. Балашов)»[35].

В сентябре 1810 г. в соответствии с приведенным выше распоряжением руководители масонских лож А. А. Жеребцов, А. С. Сергеев и М. Ю. Виельгорский представили Разумовскому «акты, протоколы собраний и проч.». Это документируется запиской «Собранные сведения от начальников лож: Жеребцова, Виельгорского и Сергеева»[36]. По мнению А. Н. Пыпина, автором ее был министр полиции Балашов[37]. Однако, судя по содержанию, ее подготовил для Александра I министр просвещения Разумовский сразу же по получении масонских документов[38].

В записке он сообщал, кто и какие масонские документы представил, дал краткое описание масонских лож Жеребцова, Виельгорского и Сергеева (деятельность, количество и состав членов)[39]. Особое внимание Разумовский уделил характеристике масонских систем, по которым работали эти ложи. По его мнению, французская система «ничего осудительного в себе не заключает, <...> бумаги их состоят из одних обрядов и церемониалов; <...> учения в них мало, и предмету никакого»[40]. Из этого он делал вывод, что «в таком положении никакая ложа существовать долго не может», так как «занимаясь одними наружными обрядами, церемониалами и приемами, в продолжении времени занятие сие членам, конечно, покажется скучным; и тогда или вовсе ложа должна рушиться, или превратиться в общество шумное и непристойное, в коем главной целью собраний будет ложа столовая»[41]. Кроме того, он указывал, что «система сия весьма удобна к получению всякого направления, как полезного, так и вредного», что «в добром намерении она может быть обращена к полезной

[34] Письма А. Ф. Лабзина к Д. П. Руничу // РО РНБ. Ф. 656. Д. 24. Ед. хр. 24. Л. 218 об.

[35] *Серков А. И.* История русского масонства. С. 73–74. Однако материалы заседаний этого комитета до сих пор не обнаружены. На этом основании А. И. Серков обоснованно предполагает, что, возможно, они и не проводились.

[36] См.: *Пыпин А. Н.* Русское масонство. С. 384–386.

[37] Там же. С. 384.

[38] Следует заметить, что А. И. Серков также считает, что автором был Разумовский (см.: *Серков А. И.* История русского масонства. С. 80–81). Это подтверждает и Е. А. Кушелев, по словам которого, не Балашов, а «министр просвещения граф Разумовский потребовал к себе акты» (*Кушелев Е. А.* Записка краткая историческая о начальном введении России масонских лож... С. 468).

[39] *Пыпин А. Н.* Русское масонство. С. 384–385.

[40] Там же. С. 385.

[41] Там же.

для нравственности цели», а «в противном она же может сделаться средством к распространению вредных и опасных внушений»[42]. Положительно Разумовский оценил шведскую систему, которая, по его словам, «полнее французской и весьма близко подходит к истинному масонству», и поэтому «с некоторым исправлением и пополнением легко может принять надлежащее и желаемое направление»[43].

Из записки Разумовского явствует, что полученные им документы он отдал «специально назначенным чиновникам для подробнейшего рассмотрения»[44], т.е. Балашову и Сперанскому.

По мнению А. Н. Пыпина, к этому подробнейшему рассмотрению относится и записка о масонских системах Фесслера и Розенкампфа[45]. Поздеев упоминал о ней в письме к Разумовскому от 20 октября 1810 г. В связи с этим А. И. Серков указывает, что «не позднее октября 1810 г. Г. А. Розенкампф и И. А. Фесслер подали императору план реорганизации масонства в России; особенно важным было участие в проекте М. М. Сперанского»[46].

Примерно в то же самое время Разумовский подготовил для Александра I свою записку о регламентации деятельности масонских лож. Об этом свидетельствует письмо Поздеева к Разумовскому, в котором он писал: «Благодарю покорно за вашу бумагу; она так хороша, что к ней нечего прибавить или убавить, кроме что одной матери-ложе трудно иметь дело во всем государстве; а не худо бы другую сделать в Москве, на что, кажется, легко согласить. Коли на эту вашу бумагу, без перемены актов, согласятся, весьма это хорошо <...>»[47]. В связи с этим представляет интерес опубликованная Пыпиным записка без указания автора. В ней предлагалось наряду с введением министерством полиции тайного надзора за масонскими ложами и установлением масонства «во всей его первоначальной чистоте» «образовать центр соединения, к которому примыкали и где сходились бы все учреждения этого рода, какие могли бы образоваться внутри империи, в каком бы то ни было месте», и «этим центром соединения была бы ложа-мать, основанная в столице», соответственно «всякая другая ложа в империи, не учрежденная этою ложей-матерью, не должна бы быть терпима». Судя по содержанию, автором этой записки был Разумовский.

Итак, осенью 1810 г. Александру I представили несколько проектов реформирования масонства. Во всех предлагалось подчинить масонские ложи одной провинциальной ложе. Однако оставалось неясным, какая масонская система будет положена в основу работ этой провинциальной ложи. Среди членов ко-

[42] *Пыпин А. Н.* Русское масонство. С. 386.

[43] Там же.

[44] Там же.

[45] Там же. С. 389.

[46] *Серков А. И.* История русского масонства. С. 72.

[47] *Васильчиков А. А.* Семейство Разумовских. Т. 2. СПб., 1880. С. 513.

митета не было единства в этом вопросе. Сперанский продвигал систему Фесслера. Балашов склонялся в пользу французского масонства Жеребцова. Разумовский поддерживал шведскую систему.

При этом поначалу перспективы Сперанского были весьма обнадеживающими. Он не без оснований мог рассчитывать на поддержку Александра I. Среди некоторых розенкрейцеров Сперанский также пользовался доверием. По крайней мере И. А. Поздеев не считал его основным противником и даже видел в нем человека близких взглядов. Скорее всего, Поздеев, а вероятно и Бебер, рассчитывали на возможный союз со Сперанским. Но данному союзу мешал Фесслер. Поэтому осенью–зимой 1810 г. Поздеев и Бебер использовали все имеющиеся у них возможности для дискредитации Фесслера.

В частности, в сентябре 1810 г. Поздеев получил из Германии документ под названием «Известие о профессоре Фесслере по отношению к масонству, выписка из анналов, выдаваемых в Кетене, о системе Фесслером скропанной». 23 сентября он отправил его Разумовскому. В этом же письме Поздеев просил Разумовского действовать не через Сперанского, а непосредственно выходить на Александра I, чтобы доказать ему, что система Фесслера — «это подкрадывающийся враг, отвергающий божество Иисуса Христа, а признающий его только великим мужем... тут змея есть — змея западная, вползающая в спокойство России»[48].

Одновременно в розенкрейцерских кругах была подготовлена записка о масонстве и масонских системах, в которой в частности указывалось: «Тончайшая и опаснейшая отрасль есть фесслерова сциентифическая или так [называемая] гамбургская система, ибо она ослепительным блеском своего учения пленяет разум и убеждает его в софизмах, в коих под видом иероглифического и символического языка чрез послабление страстям скрываются материализм и неверие для человека пагубные. В сей системе в вышних ее градусах отвергается откровение, воплощение и божество Иисуса Христа, а Священное Писание называется книгою классическою, для детей только нужною. Смело можно сказать и ясными доводами доказать, что фесслерово масонство есть вреднейшее и тем менее должно быть терпимо, что оно есть приуготовительный рассадник к иллюминатству»[49].

Кроме того, Разумовскому удалось подключить к дискредитации Фесслера Ж. де Местра, который в начале 1811 г. подал Александру I критический разбор конспекта лекционного курса Фесслера. В нем он обвинил философа в разрушении религии, нравственности и государственности[50].

В свою очередь Бебер в ноябре 1810 г. получил от немецкого масона Ф. Кастильона ответ на свое письмо, в котором просил сообщить ему подробные

[48] Там же. С. 475.

[49] Записки неустановленных лиц об истории и значении масонства, наставления и правила масонских лож // РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 263. Л. 86.

[50] См.: *Вишленкова Е.* Заботясь о душах подданных. С. 139.

сведения о Фесслере[51]. Характеристика, данная Кастильоном Фесслеру, была исключительно отрицательной.

В результате влияние Фесслера в русской масонской среде стремительно уменьшалось. Не лучшим образом складывались дела и у Сперанского, который вслед за Фесслером также терял поддержку и влияние. По собственному признанию Сперанского, его называли «попеременно <...> мартинистом, поборником масонства, защитником вольности, гонителем рабства и <...> записным иллюминатом», преследовали как «опасного уновителя», «скрывая собственные <...> страсти под личиной общественной пользы». В частности, в сентябре 1810 г. Ростопчин сообщал императору, что «шайка мартинистов, имея в больших местах своих членов, в обществе проповедников и везде сообщников, скрытно достигает до своей цели и приготовляет разрушением начальств основание своей власти»[52].

Таким образом, осенью 1810 г. наметилось очевидное ослабление Сперанского, Фесслера и Жеребцова.

Зато совершенно иначе складывалась ситуация для Бебера и шведского масонства. Дело в том, что Беберу удалось побеседовать о масонстве с одним из великих князей, вероятнее всего, с Константином Павловичем, который по прочтении подаренного ему Бебером масонского молитвенника Г. Х. Вагнера передал его Александру I, заметив, что «он из книги убедился, что масонство не только не затрагивает религии и церкви, но что напротив, члены его должны питать глубокое уважение к религии, и что, как это еще явствует из этой же книги, они молятся за государя и правительство; а следовательно они верны и покорны существующему государственному строю и законам»[53].

Это оказалось как никогда кстати для Александра I, который в новой внешнеполитической ситуации, сложившейся после избрания 21 августа 1810 г. шведским наследным принцем симпатизировавшего России французского маршала Бернадота, по вполне очевидным мотивам решил сделать ставку на «шведских братьев».

Тем не менее даже в этой ситуации Сперанский не терял надежды убедить Александра I в необходимости и целесообразности реализации его проекта масонской реформы. Поэтому в феврале 1811 г. Сперанский обратился напрямую к государю, но тот отверг его проект масонской реформы, а также приказал выслать Фесслера из Санкт-Петербурга и закрыть ложу Полярной звезды.

Это свидетельствовало о том, что Беберу удалось окончательно убедить государя признать терпимым только шведское масонство. Но решение это

[51] *Пыпин А. Н.* Русское масонство. С. 391.

[52] Русский архив. 1881. Кн. III. С. 221.

[53] См.: *Л<иссне>р К.* К истории масонства в России // Русская старина. 1882. № 9. С. 547–549. Следует заметить, что в данном очерке автор, член ложи Александра к венчанному пеликану К. Лисснер, вспоминая спустя годы эти события, относит их к 1812 г. Но это ошибка. В действительности они произошли в 1810 г.

было объявлено только в октябре 1811 г. Соответственно французские ложи Соединенных друзей и Палестины, чтобы продолжить работы, вынуждены были подчиниться Беберу. По сути, это означало объединение масонских лож в подотчетную правительству единую организационную структуру во главе с Директориальной ложей Владимира к порядку[54]. Как указывал позднее Е. А. Кушелев, «наименование великой ложе “князя Владимира” присвоено весьма прилично, по тому уважению, что истинное масонство, по свидетельству самых древнейших его актов, исторических записок, различных документов и обрядов, основано на истинном христианстве; и что христианская религия введена в Россию и оная озарена, яко солнцем истины, святым крещением, по пламенному усердию ко Христу Спасителю помянутого великого князя Владимира»[55]. Кроме того, отныне «масоны должны были доносить правительству обо всех ставших им известными тайных обществах, подавать списки членов, не принимать в Орден лиц моложе 25 лет, сообщать о месте пребывания лож и о всех собраниях», а также «исключать из масонства всех лиц, коих захочет выключить из Ордена вольных каменщиков Министерство полиции»[56].

Итак, подводя общие итоги, можно сделать вполне обоснованный вывод о том, что обращение Сперанского к масонству было лишь эпизодом, который был локализован в его биографии определенными хронологическими границами и был вызван конкретной социально-культурной ситуацией, с одной стороны, и политическими задачами — с другой. Судя по всему, Сперанский решил превратить масонство в одно из государственных учреждений, а его членов в служащих этого учреждения, и таким образом вписать его в разработанную им общую государственную систему страны как идеологический инструмент духовного или нравственного воспитания нации. При этом Сперанский предлагал в качестве государственной идеологии христианизированный вариант масонской вселенской религии, в которой «согласны между собой все без исключения люди». По сути, это был проект огосударствления масонства. Однако в сложившихся условиях реализовать его не удалось.

References

Dva donosa v 1831 godu.Vsepoddannejshie pisma M. Magnickogo imperatoru Nikolau ob illuminatah // Russkaja Starina. 1899. N 2. S. 289–314.

Gauenshild F. M. Vospominanija // Russkaja Starina. 1902. T. 110. S. 251–262.

Korf M. A. Zhizn grafa Speranskogo. T. 1. Ch. I–II. SPb., 1861.

[54] Это вовсе не свидетельствует в пользу совершенно необоснованного мнения Вишленковой о том, что с этого времени масонские ложи под управлением великой Директориальной ложи Владимира к порядку стали работать по системе розенкрейцерства (см.: *Вишленкова Е.* Заботясь о душах подданных. С. 140). В данном случае она допускает очевидную ошибку, так как ни Бебер, ни ложи шведской системы не имели отношения к розенкрейцерству.

[55] См.: *Кушелев Е. А.* Записка краткая историческая о начальном введении в России масонских лож... // Русская старина. 1877. Т. 18. С. 468.

[56] *Серков А. И.* История русского масонства. С. 86.

Kushelev E. A. Zapiska kratkaja istoricheskaja o nachalnom vvedenii v Rossii masonskih lozh... // Russkaja Starina. 1877. T. 18. S. 455–479.
L<issne>r K. K istorii masonstva v Rossii // Russkaja Starina. 1882. N 9. S. 533–560.
Minakov A. U. Russkij konservatizm v pervoj chetverti XIX veka. Voronezh, 2011.
Pypin A. N. Russkoe masonstvo. XVIII — pervaja chetvert XIX v. Pg.: Ogni, 1916.
Serkov A. I. Istorij russkogo masonstva v XIX veke. SPb.: Izd-vo im. N. I. Novikova, 2000.
Sokolovskaj T. O. Rannee aleksandrovskoe masonstvo // Masonstvo v proshlom i nastoajshhem. M., 1915. T. 2. S. 153–202.
Vasilchikov A. A. Semejstvo Razumovskih. T. 2. SPb., 1880.
Vishlenkova E. Zabotjas o dushah poddannyh: religioznaja politika v Rossii pervoj chetverti XIX veka. Saratov, 2002.

Список литературы

Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. Т. 2. СПб., 1880.
Вишленкова Е. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002.
Гауеншильд Ф. М. Воспоминания // Русская Старина. 1902. Т. 110. С. 251–262.
Два доноса в 1831 году. Всеподданнейшие письма М. Магницкого императору Николаю об иллюминатах // Русская старина. 1899. № 2. С. 289–314.
Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. Ч. I–II. СПб., 1861.
Кушелев Е. А. Записка краткая историческая о начальном введении в России масонских лож... // Русская старина. 1877. Т. 18. С. 455–479.
Л<иссне>р К. К истории масонства в России // Русская старина. 1882. № 9. С. 533–560.
Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011.
Пыпин А. Н. Русское масонство. XVIII — первая четверть XIX в. Пг.: Огни, 1916.
Серков А. И. История русского масонства в XIX веке. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова, 2000.
Соколовская Т. О. Раннее александровское масонство // Масонство в прошлом и настоящем. М., 1915. Т. 2. С. 153–202.

УДК 94(47).07

Т. В. Андреева

Государственное управление России во второй половине XVIII — первой четверти XIX в.: к проблеме преемственности и различия в правительственной преобразовательной политике

На протяжении второй половины XVIII — первой четверти XIX в. вопросы совершенствования государственного управления России были в центре внимания монархов, управленческой и интеллектуальной элит. Последовательное падение действенности абсолютистской административной системы в условиях общественного развития и усложнения задач, стоявших перед правительственным аппаратом, заставляло верховную власть и формирующуюся «просвещенную бюрократию» искать пути ее адаптации к новым историческим реалиям. Новой организации управления требовала постепенная модернизация социальной структуры империи.

Само по себе усовершенствование административного механизма без коренного преобразования политического строя страны не могло предотвратить ослабления его управленческих возможностей. Неэффективность и слабость правительственного реформаторства были связаны с органической непригодностью «громоздкой феодально-бюрократической машины к каким-либо капитальным преобразованиям страны»[1]. Кроме этого, отсутствовал постоянный

[1] *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 234.

государственный орган, способный разработать реформаторскую программу и план действий по ее реализации. Тем не менее, хотя отсутствует официальный документ, который можно было бы считать долгосрочной общегосударственной программой, явное объединяющее начало в предполагаемой законодательной реформе и связанных с ней институциональных преобразованиях[2] свидетельствует о наличии в ней неких стратегических элементов.

Почти 100 лет — от начала правления Екатерины II до конца царствования Николая I — в России прошли под знаком осуществленных или не состоявшихся преобразований в организации и функционировании государственной власти. В настоящей статье ставятся следующие задачи: рассмотреть основные принципы преобразовательной практики и реформаторских поисков второй половины XVIII в. в сфере управления высшего и центрального уровня; выявить причины актуализации административных реформ в начале XIX в.; определить преемственные и отличительные черты в преобразовательной политике Александра I и его предшественников.

В целом официальное реформаторство второй половины XVIII — первой четверти XIX в. было направлено на формирование монархического государства с эффективной, унифицированной и рационализированной системой управления и кодифицированным законодательством. Для носителей верховной власти и представителей управленческой элиты было характерно стремление только бюрократическим путем решать проблемы российской модернизации[3]. Доминировало приспособление просветительских принципов к условиям России. Это перенесение на самодержавно-крепостническую почву результатов «чужого», европейского социально-политического опыта приводило к тому, что прогрессивные формы государственной и общественной жизни, не подготовленные внутренним развитием, не приживались или не соответствовали западным образцам.

В передовых европейских государствах законность, имевшая сложную многоэлементную структуру, формировалась длительно и постепенно под влиянием социально-экономических и политических процессов. Накапливая правовые элементы и основываясь на рецепции римского права и кодификации законов (Франция) или базируясь на судебном прецеденте и сохраняя «старое» право (Англия), к концу XVIII — началу XIX в. она превратилась в общеобязательную норму. Мощный толчок к развитию законности как важнейшего просветительского принципа дали буржуазные революции, одним из главных последствий которых стало оформление буржуазного права в виде национальных правовых систем[4]. Для России также были характерны многоэлементность содержания законности и последовательное развитие ее элементов[5]. Однако процесс кодификации законодательства, создания фундаментальных («коренных», «непременных») законов (Жалованных Грамот 1785 г.) и выработки «Свода коренных законов» был запущен самой абсолютистской властью. В силу этого формирование законодательных основ государства и общества происходило форсированно, в искаженном виде, путем приспособления передовых европейских образцов к национальным условиям.

[2] О специфике российских реформ, их классификации см.: Реформы в России XVI–XIX вв.: Сб. науч. трудов. М., 1992; Власть и реформы в России: материалы круглого стола // Отечественная история. 1998. № 2. С. 2–36; *Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 2001. С. 44–46.

[3] В данном контексте правы историки, которые считают, что применительно к истории России XVIII в. (прибавлю и XIX в.) понятия «модернизация» и «европеизация» практически тождественны. См. об этом: *Медушевский А. Н.* Утверждение абсолютизма в России. М., 1994. С. 47, 78.

[4] История государства и права зарубежных стран: В 2 т. Т. 2. М., 1991. С. 122–129; Всеобщая история государства и права. М., 1997. С. 295–305.

[5] *Краковский К. П.* Российский абсолютизм XVIII — первой половины XIX в. и законность // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX в. Международная конференция. Чтения памяти ак. Л. В. Черепнина. М., 1994. Ч. 1. С. 233.

Царствование Екатерины II

Екатерина II, стремясь утвердить статус России как великой европейской державы, смягчить образ российского абсолютизма (самодержавия) западными формами, поставила вопрос о законодательной («конституционной») реформе. Стратегической целью ее «реформаторской программы», основанной на идеях Просвещения и реализуемой во внутренней политике, стало укрепление российской государственности путем ее трансформации в «истинную», «законную монархию» с верховенством закона, единственным источником и гарантом которого является власть просвещенного абсолютного монарха. Реализация программы была направлена на решение двух взаимосвязанных задач — формирование государственного и сословного строя, опирающегося на прочный фундамент «непременных» законов, и дальнейшее совершенствование управления путем его централизации, рационализации и унификации. Это была попытка осуществить план последовательных и взаимосвязанных преобразований[6].

С этим связано написание самой Екатериной II в 1765–1766 гг. «Наказа Уложенной комиссии»[7]. Носивший декларативный характер и являвшийся изложением политической доктрины императрицы, он воплотил в себе ее важнейшую идею о позитивной сущности самодержавия. В «Наставлении»

[6] В данном контексте присоединяюсь к тем исследователям, которые рассматривают преобразовательную деятельность Екатерины II как «единый реформаторский процесс», базирующийся на «единой» и «системной» программе, и не делят ее царствование на два этапа: реформаторский и стагнационный: *Анисимов Е. В.* Реформы Екатерины II // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. 1-е изд. СПб., 1996. С. 169; *Каменский А. Б.* 1) Реформы в России XVIII века в исторической ретроспективе // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX в. Международная конференция. Ч. 1. С. 149; 2) От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. С. 331–332, 465, 523.

[7] Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения / Под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907.

кн. А. А. Вяземскому, вступавшему в должность генерал-прокурора Сената, Екатерина II утверждала: «Российская Империя есть столь обширна, что кроме Самодержавнаго Государя, всякая другая форма правления вредна ей, ибо все протчие медлительные в исполнениях <...> к раздроблению власти и силы влекут»[8]. «Наказ», не являясь законодательным актом, обязательным для исполнения, а будучи инструкцией для депутатов Уложенной комиссии, формулировал также важнейшие принципы будущего «нового Уложения», составление которого предоставлялось депутатскому корпусу. Хотя «Наказ» не содержал теории общественного договора и принципа разделения властей, а отражал «просветительскую» концепцию абсолютизма, тем не менее в нем впервые была сделана попытка сформулировать «правовой статус самодержавия»[9].

Созыв и деятельность самой Уложенной комиссии относятся к 1767–1768 гг. Эта комиссия являлась не бюрократическим, а временным сословно-представительным учреждением. Ее главной задачей определялась выработка Уложения, или «Свода коренных законов», понимаемого во второй половине XVIII в. как конституция государства. Понятие «конституция» означало целостную систему фундаментальных законов, исходящих от просвещенного монарха и устанавливающих «единое общегосударственное урегулирование всего правопорядка»; оно соединяло «принципы, постоянно действующие законы и институты, создающие основу упорядоченного управления»[10]. Сама Екатерина II утверждала: «Законы наши требуют поправления: 1-е) Чтоб всё ввести в одну систему, которой и держаться надлежит. 2-е) Чтоб отрешить те, которыя оной прекословят. 3-е) Чтобы разделить временные и на персон данныя от вечных и непременных. О сем уже было помышляемо, но короткость времени Меня к произведению сего в действие еще не допустила»[11]. Уложенная комиссия состояла из более чем 500 выборных депутатов дворянского, городского и крестьянского сословий (кроме духовенства и крепостных крестьян). «Обряд выборов» в нее предусматривал сложную систему сословного представительства: по одному депутату от дворянства каждого уезда, одному чиновнику от каждого центрального правительственного учреждения и одному депутату от государственных крестьян и однодворцев[12]. Однако эксперимент

[8] Наставление Екатерины II князю Александру Вяземскому. Список начала XIX в. // НИ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36 (Воронцовы). Оп. 1. Д. 400. Л. 193 об. — 194.

[9] *Омельченко О. А.* «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 80–98; *Анисимов Е. В.* Реформы Екатерины II. С. 188; *Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I. С. 356–359, 368–371, 523.

[10] *Омельченко О. А.* 1) Конституция «просвещенного абсолютизма» в России: Неизвестные законодательные проекты Екатерины II // Советское государство и право. 1989. № 8. С. 136–142; 2) «Законная монархия» Екатерины Второй. С. 104, 337–360; *Каменский А. Б.* 1) «Под сению Екатерины...». Вторая половина XVIII в. СПб., 1992. С. 318–319; 2) От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. С. 407; *Анисимов Е. В.* Реформы Екатерины II. С. 169, 187–190.

[11] Наставление Екатерины II князю Александру Вяземскому. Л. 195 об. — 196.

[12] *Флоровский А. В.* Состав Законодательной комиссии 1767–1774 гг. Одесса, 1915.

с российским сословно-представительным учреждением окончился ничем. После нескольких заседаний «Большого собрания депутатов» комиссия была распущена в декабре 1768 г. под предлогом начавшейся войны с Турцией. В современной историографии до сих пор нет единой точки зрения на причины прекращения ее работы. Обоснованным представляется положение А. Б. Каменского, что дискуссии на заседаниях собрания, выявившие острые социальные противоречия и обнаружившие низкий уровень политической культуры представителей сословий, отсутствие опыта законодательной деятельности, продемонстрировали императрице, что «они не являются действенным механизмом при решении такой задачи, как законотворческая»[13]. Следует добавить, что Екатерина II увидела в комиссии как сословно-представительном учреждении «зародыш» парламентской традиции и политический институт, представлявший опасность для принципа полноты самодержавной власти.

В целом «реформаторская программа» Екатерины II, являясь механизмом модернизации существующего самодержавно-крепостнического строя, его адаптации к новым историческим условиям, в реальной преобразовательной практике не могла дать желаемых результатов. Ведь «законность», декларированная императрицей, и просветительская идеологическая установка на реформирование власти и общества во внутренней политике в большей степени были подчинены задачам укрепления абсолютистской государственной системы, нежели развитию социума.

Важнейшим инструментарием их решения признавалось комплексное преобразование высших и центральных учреждений. Идеологический принцип незыблемости самодержавия определял базовый принцип преобразовательного процесса, когда вся система государственных органов рассматривалась лишь как «механизм реализации верховной воли просвещенного самодержца в жизнь»[14]. Для предупреждения концентрации правительственных полномочий в одном из них (в связи с властными устремлениями сановной аристократии) имелась в виду система «сдержек и противовесов». Для ослабления Сената 15 декабря 1763 г. была осуществлена сенатская реформа. Но даже через год Екатерина II считала, что «Сенат вышед единожды из своих границ, и ныне с трудом привыкает к порядку»[15]. Неудивительно, что он перестал быть единым коллегиальным учреждением, был разделен на шесть департаментов, каждый из которых имел некоторые исполнительские компетенции, превратился в «хранилище законов», т.е. наблюдающую за исполнением законов инстанцию[16], как это позже фигурировало в «Наказе Сенату». С утратой Сенатом статуса высшего правительственного и координирующего административную

[13] *Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I. С. 413.

[14] *Анисимов Е. В.* Реформы Екатерины II. С. 167.

[15] Наставление Екатерины II князю Александру Вяземскому. Л. 193 об.

[16] ПСЗ-I. Т. XVI. № 11989.

систему империи органа изменился и сам принцип управления империей. Екатерина II осуществляла свои властные полномочия не посредством высшего коллегиального учреждения, а через лично доверенных ей администраторов центрального и местного уровня. Усилилась роль генерал-прокурора Сената, который, обладая различными полномочиями (полиция, финансы, внутренние дела), превратился в обособленного от него управляющего юстицией[17]. С середины 1780-х гг. императрица приступила к составлению «Свода государственных установлений», в составе которого был проект «Наказа Сенату», подготовленный в 1787 г., но так и не опубликованный, как и сам «Свод». В «Наказе» Сенат был назван не только «хранилищем законов», но и гарантом незыблемости фундаментальных законов (Жалованных грамот 1785 г.), исходящих от самодержавной власти. В нем, вероятно, как реакция на конституционно-представительный проект Н. И. Панина — Д. И. Фонвизина 1773–1774 гг.[18], были развиты идеи «Наказа Уложенной комиссии», связанные с утверждением незыблемости принципа полноты самодержавной власти. В «Наказе Сенату» неизменяемость верховных прав самодержца определялась «коренным» законом. В проектах более позднего времени Екатерина II предполагала превратить Сенат в высший судебный орган страны[19].

В противовес Сенату 17 января 1769 г. был создан законосовещательный Совет при Высочайшем дворе[20], который заменил собой Конференцию при Высочайшем дворе и был предшественником Государственного Совета. Отвергнув проект 1762 г. воспитателя Павла Петровича — Н. И. Панина о создании коллегиального Императорского Совета, без одобрения которого императрица не имела бы права подписывать указы, Екатерина II учредила свой Совет, не имевший законодательных полномочий и не обладавший законодательно закрепленным статусом[21].

В 1779–1788 гг. была проведена реформа центрального управления: были ликвидированы — Мануфактур-, Берг-, Камер-, Юстиц-коллегии и Коллегия экономии, в 1796 г. — Коммерц-коллегия[22]. Были оставлены только центральные коллегии — Военная, Адмиралтейская, Иностранных дел. Результатом стало уничтожение созданной Петром I коллегиальной системы. В современной

[17] История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг. Т. 3. СПб., 1911. С. 2–6.

[18] *Сафонов М. М.* Конституционный проект Н. И. Панина — Д. И. Фонвизина // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VI. Л., 1974. С. 261–280.

[19] *Коркунов Н. М.* Два проекта преобразования Сената 2-й половины царствования Екатерины II 1788 и 1794 гг. // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 5. Май. С. 139–171.

[20] ПСЗ-I. Т. XVIII. № 13232.

[21] *Анисимов Е. В.* Реформы Екатерины II. С. 170; *Омельченко О. А.* «Законная монархия» Екатерины Второй. С. 246–248; *Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I. С. 382, 417.

[22] ПСЗ-I. Т. XX. № 14947; Т. XXI. № 15660; Т. XXII. № 16096, 16307, 16399; Т. XXIII. № 17510, 17567.

историографии существуют различные трактовки реформы, сведение которых воедино дает более цельное представление о причинах ее проведения и последствиях. Петровская коллегиальность управления к середине XVIII в. оказалась неэффективной, в деятельности важнейших коллегий происходила эволюция в направлении единоначалия. Реформа центрального управления оказалась вполне естественной мерой в связи с губернской реформой и передачей многих функций центральных органов в губернии (Е. В. Анисимов). «Коллегиальность замедляла процесс управления», речь шла о «кардинальном перераспределении полномочий между органами власти в центре и на местах» (А. Б. Каменский). Ликвидация коллегиального принципа управления обусловливалась необходимостью реализации «реформаторской программы» Екатерины II, в которой «смысл и задачи централизма оставались неизменными». При этом если «проводником централизма» ранее была «система коллегиальных ведомств, подконтрольных и подчиненных монарху», то теперь — чиновники, «действующие строго по предписанию государственного закона» (О. А. Омельченко, А. Б. Каменский)[23]. Процесс утверждения единоначалия и «отступления» коллегиальности управления в данную эпоху был характерен для ряда европейских государств[24]. Принцип централизма и личное начало в России были не только усилены административно, но и расширены территориально.

В трактовке реформаторской деятельности Екатерины II в современной историографии нет единства мнений. Одни авторы оценивают реформы в рамках концепции «просвещенного абсолютизма», который определяют по-разному: как «социально и политически консервативную доктрину» (О. А. Омельченко), как «максимальное приспособление» «традиционных структур путем реформ сверху» (А. Н. Медушевский)[25]. Для других исследователей характерно рассмотрение екатерининских преобразований «в общем контексте модернизации Российского государства» (А. Б. Каменский)[26]. С моей точки зрения, две последние трактовки не противоречат друг другу.

Екатерининская «административная конструкция», при которой верховная власть осуществляла свои функции посредством узкого круга доверенных лиц — генерал-прокурора Сената и наместников — упрощала процесс управления страной. В условиях поворота России к активной внешней политике, повлекшей доминирование в государственной политике международных дел, данная «конструкция» была даже эффективной, поскольку освобождала императрицу от пристального внимания к внутренним проблемам. Однако к концу екатерининского царствования она стала давать сбои, всё больше проявлялись

[23] *Анисимов Е. В.* Реформы Екатерины II. С. 171; *Омельченко О. А.* «Законная монархия» Екатерины Второй. С. 261–264; *Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I. С. 436–437.

[24] Всеобщая история государства и права. С. 113.

[25] *Омельченко О. А.* «Законная монархия» Екатерины Второй. С. 379; *Медушевский А. Н.* Утверждение абсолютизма в России. С. 293.

[26] *Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I. С. 41–42, 329, 466.

ее негативные составляющие (отсутствие бюрократической системности управления, распространение злоупотреблений). В мае 1796 г. Александр Павлович в своем хорошо известном в историографии письме В. П. Кочубею писал: «В наших делах господствует неимоверный беспорядок; грабят со всех сторон; все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду, а империя стремится лишь к расширению своих пределов»[27].

Однако именно при Екатерине II оформились те принципы правительственного реформаторства, которые были взяты на вооружение ее потомками. Оказались востребованными как условие незыблемости самодержавия и идея централизма, так и просветительская доктрина «законной монархии», которая легла в основу политической концепции верховной власти первой четверти XIX в. Логика наследственной монархии подразумевала преемственность в реформаторской политике или, по крайней мере, в ее принципах. Не вызывает возражений мнение ряда современных исследователей о необходимости рассматривать историю реформ XVIII — первой половины XIX в. как единый целостный преобразовательный процесс[28]. В его основе лежала единая стратегическая цель[29], стоявшая перед представителями царствующей династии и направленная на укрепление и усовершенствование российской государственности путем модернизации государственной системы и развития социальной структуры империи. Однако единство стратегической цели официального реформаторства вовсе не предполагало единства тактических средств ее достижения. Это проявлялось в различных подходах к административным преобразованиям.

[27] Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование: В 4 т. Т. 1. СПб., 1897. С. 277.

[28] *Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I. С. 8, 12, 521; *Шепелев Л. Е.* Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб., 2007. С. 3–6; *Писарькова Л. Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX в.: Замысли, проекты, воплощение. М., 2012. С. 8–12, 383–386.

[29] Иная тенденция характерна для некоторых историков, в работах которых подчеркивается цикличный характер преобразований в России и отчетливо просматривается неправомерное противопоставление правительственного реформаторства, базирующегося на западной модели, контрреформаторству, основанному на выборе особого национального пути развития страны. С моей точки зрения, изучение российского реформаторского процесса как отдельных и изолированных друг от друга «вспышек» модернизации и продолжительных периодов стагнации является бесперспективным, разрывающим целостность представления о развитии общества и государства. См.: *Янов А. Л.* Три лика «русского деспотизма». Российская политическая традиция в зеркале западной историографии // Свободная мысль. 1992. № 10. С. 14–23; Реформы и контрреформы в России: Циклы модернизационного процесса / В. В. Ильин, А. С. Панарин, А. С. Ахиезер; под ред. В. В. Ильина. М., 1996. С. 39–45; *Миронов Г. Е.* Государи и государевы люди: Российские реформаторы и контрреформаторы XIX — начала XX в. М., 1999. С. 8–76; *Сафаров Т.А, Садриев М. М.* Российские реформы и контрреформы: Исторические, политические, экономические аспекты. М., 2001. С. 98–137.

Правление Павла I

Приход к власти Павла I вернул в государственное управление принцип коллегиальности. Еще в великокняжеский период им был написан ряд записок, в которых просматриваются элементы определенной реформаторской «программы». В «Рассуждении о государстве вообще» 1774 г. Павел Петрович утверждал, что России нужно «отказаться от завоевания новых земель; прекратить войны и не начинать новых», а заняться прежде всего внутренними проблемами[30]. В его дневниковых записках 1783 г. и «Наказе» 1788 г. речь шла о преобразованиях в государственном управлении. В записках цесаревича имеется указание на необходимость превращения Сената не только в высший судебный, но и выборный орган дворянско-аристократического представительства, ограничивающий прерогативы монарха[31]. Трудно сказать — было ли это предложение отражением его собственных политических взглядов или воспроизведением идей конституционно-представительного проекта Н. И. Панина — Д. И. Фонвизина. Важнее другое — в «Наказе» 1788 г., написанном самим Павлом Петровичем, утверждалась не только позитивная сущность самодержавия, подчеркивалась необходимость кодификации существующих законов, но и четко определялся статус Сената, который должен был стать только высшей судебной и контролирующей исполнение законов инстанцией[32].

После прихода к власти Павел I составил записку, отложившуюся в материалах Комитета 6 декабря 1826 г., в которой предполагалось ввести в России управление, основанное на разделении властных полномочий и сочетавшее коллегиальное и единоличное начала. «Главное правление» должны были составить 7 департаментов — юстиции, финансов, военный, иностранный, морской, «коммерц», «казна», которые управлялись министрами, и в каждый из которых входили профильные коллегии во главе с вице-канцлерами. При этом министры, обладавшие правом личного доклада императору, в большей степени описывались не как управители, а как посредники между верховной властью и департаментами, коллегиями. Высшим законосовещательным органом определялся Совет, состоявший из первых министров департаментов и вице-канцлеров и имевший своей важнейшей функцией быть связующим звеном между монархом и министрами. Сенату отводилась роль высшей судебной инстанции — «главного трибунала». Особое место в административной системе занимал «Кабинет», или «Государева Канцелярия», состоявшая из генерал-адъютанта (который имел в своем управлении помимо дел военного ведомства все дела Канцелярии) и 6 секретарей-адъютантов, «каждый принадлежавший одному из департаментов». Через генерал-адъютанта, контролирующего

[30] Цит. по: *Кобеко Д. Ф.* Цесаревич Павел Петрович. Изд-е 3-е. СПб., 1887. С. 105–107.

[31] *Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I. С. 483–486.

[32] Наказ // Вестник Европы. 1867. Т. 1. С. 316–320.

деятельность департаментов, императору поступали доклады министров и исходили его решения[33].

«Программа» Павла I была компромиссом между коллегиальной и министерской системами, между принципом опоры на учрежденческие силы и екатерининским принципом функционирования верховной власти посредством доверенных лиц. Она была переходным этапом в развитии правительственного реформаторства конца XVIII — первой четверти XIX в. в сфере государственного управления. С 1796 г. началась ее реализация. При сохранении центральных коллегий (Военной, Адмиралтейской, Иностранных дел) 19 ноября восстанавливались Мануфактур-, Берг-, Коммерц-коллегии, а в феврале 1797 г. — Камер-коллегия[34]. Однако восстанавливая принцип коллегиальности в центральном управлении, Павел I во многом его парализовал созданием в 1796 г. первых министерств — уделов и коммерции[35] во главе с министрами — главными директорами. В целом процесс централизации не привел к созданию системы центрального управления с юридически закрепленным статусом учреждений[36]. Однако «министерское» начало всё более закреплялось в управлении: законосовещательные функции Совета при Высочайшем дворе были переданы генерал-прокурору Сената, сохранившему широкие властные полномочия и ставшему центральной фигурой в административной структуре империи. Значение самого Сената как коллегиального органа с высшими судебными и частично хозяйственно-экономическими функциями всё более умалялось. Это укрепление принципа единоначалия и опоры на доверенных лиц способствовало усилению той системы единоличной власти, которую сумела сохранить и развить Екатерина II. Также на базе екатерининской Уложенной комиссии 16 декабря 1796 г. была создана «Комиссия для составления законов» для кодификации действующих законов[37].

Для достижения стратегической цели — укрепления российской абсолютистской государственности — во внутренней политике применялись жесткие ограничительные меры, а в системе государственного управления усилились административно-бюрократические начала за счет частных и публичных прав и преимуществ дворянского сословия. В 1797 г. дворяне, исключенные из воинской службы, не только не могли сами быть избираемы в органы дворянского

[33] Записка Императора Павла I об устройстве разных частей государственного управления // Сборник РИО. Т. 90. СПб., 1894. С. 1–4. Дата ее написания не указана в документе. Об этом также см.: *Писарькова Л. Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX в. С. 17–18.

[34] ПСЗ-I. Т. XXIV. № 17567, 17584, 17594, 17793.

[35] Там же. Т. XXVI. № 19554.

[36] *Приходько М. А.* Политические предпосылки министерской реформы в России в начале XIX века // Уроки истории — уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю. Д. Марголиса. СПб., 2012. С. 129–133.

[37] ПСЗ-I. Т. XXIV. № 17652, 17697.

управления, но и подавать голоса при выборе других[38]. Уничтожалось освобождение от телесных наказаний для лиц, лишенных дворянства; вводилась обязательная служба. В результате вмешательства государства в избирательный процесс в 1798–1799 гг.[39] дворянские губернские выборы фактически были отменены. Усилилось вмешательство государства в отношения помещиков и крестьян[40]; ужесточилась цензура в отношении частных типографий и иностранных книг, введенная еще Екатериной II.

В оценке преобразований Павла I исследователи столь же разноречивы, как и в отношении реформ Екатерины II. Одни, продолжая традицию Н. Я. Эйдельмана[41], рассматривают их в рамках «непросвещенного абсолютизма» — как реализацию «собственного плана» Павла I, отличающегося от реформаторских программ Екатерины II и Александра I, т.е. как «два пути» развития России[42]. В результате реформ «власть законодательная принадлежала ему, государю; власть, хранящая законы, была поручена Сенату, а власть исполнительная — коллегиям, de facto ставшим при Павле министерствами»[43]. Другие видят в противоречивой внутренней и внешней политике Павла I «русский вариант просвещенного деспотизма» как разновидность «просвещенного абсолютизма»[44]. При этом и те, и другие рассматривают реформы павловского царствования в рамках эволюции российского абсолютизма как поступательный процесс, тогда как с точки зрения А. Б. Каменского «процесс преобразований был прерван» с приходом к власти Павла I»: «По существу это была попытка государственно-полицейского реванша над сословиями»[45].

Действительно, во внутренней политике Павла I отсутствовали две важнейшие составляющие поступательного развития — «законность» и стабильность. Тем не менее как реальная политическая практика, так и перспективная направленность его правительственного курса вполне укладывались в заданные Екатериной II рамки реформирования государства, а с его помощью и «общества» в широком смысле по пути модернизации. Сословная политика Павла I,

[38] Там же. № 18245.

[39] Там же. Т. XXV. № 18333, 19154.

[40] *Долгих А. Н.* Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII — первой четверти XIX в.: Монография. Т. 1. Липецк, 2006. С. 132–161.

[41] *Эйдельман Н. Я.* Грань веков: Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия. М., 1982. С. 152.

[42] *Сорокин Ю. А.* 1) Павел I: Личность и судьба. Омск, 1996. С. 163–165; 2) Российский абсолютизм в последней трети XVIII в. Омск, 1999. С. 5–8, 163–167, 184–185.

[43] *Песков А. М.* Павел I. М., 2003. С. 254.

[44] *Захаров В. Ю.* 1) Эволюция российского абсолютизма в контексте развития конституционных идей в России и Европе во 2-й половине XVIII — 1-й четверти XIX в. М., 2008; 2) Российский конституционализм 2-й половины XVIII — 1-й четверти XIX в. в контексте развития западноевропейской правовой мысли: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. С. 40–41.

[45] *Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I. С. 511–512, 523–524.

детерминированная задачами укрепления и расширения социального фундамента абсолютистской власти, в перспективе была направлена на развитие новых социально-экономических сил, расширение прав других сословий и их сближение.

Однако по своей форме и методам правление Павла I оказалось деспотичным и дестабилизирующим. Это делало внутреннее состояние Российской империи весьма неустойчивым и не застрахованным от социальных катаклизмов. Один из руководителей государственного переворота 1801 г. — П. А. Пален — в своих воспоминаниях, отложившихся в составе записок А. Ф. Ланжерона, подчеркивал, что «настоятельная необходимость переворота» обусловливалась опасностью, которая угрожала не только лично ему и другим заговорщикам, но прежде всего России. Необходимо было «избавить Россию, а может быть, и всю Европу от кровавой и неизбежной смуты». События трагической ночи с 11 на 12 марта П. А. Пален считал вполне оправданными и называл «революцией»: «Я прекрасно знал, что надо завершить революцию или уже совсем не затевать ее, и что если жизнь Павла не будет прекращена, то двери его темницы скоро откроются, произойдет страшнейшая реакция, и кровь невинных, как и кровь виновных, вскоре обагрит и столицу, и губернии». Видя, что Александр Павлович «предавался в своих покоях отчаянию, довольно натуральному, но неуместному», Пален, грубо схватив его за руку, сказал: «Будет ребячиться! Идите царствовать, покажитесь гвардии!»[46]. Неизвестный автор, ретроспективно рассуждая об истоках трагедии в ночь с 11 на 12 марта 1801 г., пришел к важному выводу: главная ошибка Павла I состояла в отсутствии связи между верховной властью и подданными, отделении «общих интересов» от личных эгоистических устремлений императора. Управляя страной «по единому произволу своих страстей, не внемля никаким законам», он «обратил пользу общественную в ничто, народ в пустое слово <...> Ослепленный ложным блеском частных своих выгод, отделяя себя от общества, исключая свою пользу от пользы общественной, он сам себе стал лютейшим врагом»[47]. Об этом же писал в своих записках Ф. Ф. Вигель, охранительная направленность политического мировоззрения которого была всем известна. Характеризуя царствование Павла I как «краткий, удушливый сон, кошмар», мемуарист подчеркивал, что гибель императора была закономерна, поскольку это было «произвольное» правление самодержца, который «высоко ценил только свои права» и считал, «что Россия как поместье ему досталась в удел». Он не хотел признавать, что «обязанности, с правами соединенные, не менее священны»[48]. Таким образом, главной ошибкой павловского режима как представители нарождающегося либерального направления общественной мысли, так и консерваторы считали отсутствие в политической идеологии верховной власти принципа «законности».

[46] Из записок графа Ланжерона // Цареубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1907. С. 133, 135–136, 148–149.

[47] Записка неизвестного лица «О вреде для народа и государства неограниченного и безотчетного единовластия». Писарская копия. 1800–1810 гг. // РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 337. Л. 6 — 6 об.

[48] *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 2000. С. 76.

На переломе двух веков

В XIX в. Россия вступила феодальной страной с неограниченным фундаментальными законами самодержавием, которое легко могло перейти в «безотчетное единовластие» и потому расшатывало устои монархического строя. Кризис системы «традиционной» абсолютной монархии находил отражение в хаотичном функционировании государственного управления. Организованная под авторитарную модель, не справлявшуюся с управлением огромной империей, Россия оказалась ослаблена отсутствием централизованного, развитого административного аппарата, нарушенной связью между монархом и дворянством. Получившее «печальный опыт» правления Павла I дворянское просвещенное сообщество стремилось к твердому («конституционному») осуществлению своих частных и публичных прав и формированию регламентированной фундаментальными законами, а потому устойчивой административной структуры. Положение о важности законов для организации управления было общепринятым в общественном мнении всей первой четверти XIX в.[49]

Не вызывает сомнений, что Александр I осознавал ошибки своего предшественника. Его правление стало, с одной стороны, возвращением к гибкой и маневренной политике Екатерины II, а с другой — осуществлением поставленных императрицей, но отложенных реформ. Император очень скоро пришел к пониманию того, что заговор столичной знати, лишивший его отца престола и жизни, показал новый уровень политической самоидентификации просвещенного дворянства и продемонстрировал необходимость формирования новой модели взаимоотношений верховной власти и дворянского общества. Следовало продемонстрировать приверженность идеалам «законной монархии», дать основанные на фундаментальных законах гарантии обеспечения прав дворянского и городского сословий и законодательно регламентировать деятельность органов государственного управления. Однако неординарные обстоятельства восшествия на престол, связанные с убийством Павла I, отсутствие политического опыта и опыта преобразований создавали для молодого реформатора на троне весьма непростую обстановку.

Расстановка сил

Ситуация осложнялась борьбой за влияние на Александра I трех основных «партий»: «молодых друзей», руководителей дворцового переворота с 11 на 12 марта 1801 г. и «екатерининских стариков». Каждая группировка

[49] *Тимофеев Д. В.* Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск, 2011. С. 126.

пыталась использовать преобразовательные начинания императора в своих корпоративных интересах.

Кружок молодых аристократов, возникший в начале 1790-х гг. и состоявший из П. А. Строганова, В. П. Кочубея, Н. Н. Новосильцова, А. А. Чарторийского, оказал большое влияние на формирование политических взглядов Александра Павловича. С восшествием на престол Александра I они продолжали претендовать на роль его идеологических руководителей. Из них Александр I составил неофициальный Негласный комитет, созданный в апреле 1801 г. Именно в нем был осуществлен анализ возможностей проведения реформ и их принципов, сформирована программа и определен план действий[50]. «Ключом» всей работы «молодые друзья» считали либерально-просветительскую идею о прогрессивной сущности просвещенного абсолютизма как инструмента преобразований и советовали, вслед за воспитателем императора — Ф.-С. Лагарпом[51], проводить реформы постепенно и не жертвовать полнотой самодержавной власти преждевременно, до окончания работ по подготовке к ним «отсталой общественной среды». Преобразование России на конституционно-представительных началах они видели возможным только в отдаленном будущем[52]. Александр I согласился с этими предложениями и перспективами. Вместе с тем, приобретая политический опыт, он всё с бóльшим раздражением относился к опеке со стороны «молодых друзей».

Весьма опасным для молодого монарха было возвращение на политический «Олимп» убийц Павла I — кн. П. А. Зубова и гр. П. А. Палена — которых Александр I был вынужден ввести в состав Государственного Совета. Политические условия марта 1801 г. заставляли его, с одной стороны, пойти на временный компромисс с Зубовым и его приверженцами, а с другой — искать единомышленников в других сферах. «Зубовцы», будучи сторонниками дворянско-аристократического (олигархического) типа конституционализма[53], стремились к созданию аристократической конституции и аристократического представительного органа, которым видели Совет или Сенат[54], что

[50] *Арискина Ю. Э.* Негласный комитет: истоки реформаторской политики Александра I: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2015.

[51] *Андреев А. Ю., Тозато-Риго Д.* Александр I и Ф.-С. Лагарп — ученик и учитель в годы революций и либеральных реформ // Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп. Письма. Документы. Т. 1: 1782–1802 / Сост., вступ. ст. и коммент. А. Ю. Андреева и Д. Тозато-Риго. М., 2014. С. 31–112.

[52] *Сафонов М. М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С. 242.

[53] Конституционализмом его можно назвать лишь условно, поскольку он не предусматривал введения фундаментальных законов, закреплявших гражданские и политические права всех граждан. См.: *Захаров В. Ю.* Российский конституционализм 2-й половины XVIII — 1-й четверти XIX в. в контексте развития западноевропейской правовой мысли. С. 24.

[54] История Правительствующего Сената за двести лет. С. 11; *Захаров В. Ю.* Конституционные замыслы участников антипавловского заговора // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2009. № 4. С. 202–203.

привело бы к доминированию высшего дворянства как над верховной властью, так и над большинством дворянского общества. Декабрист М. А. Фонвизин — племянник Д. И. Фонвизина — подчеркивал, что проект Н. И. Панина — Д. И. Фонвизина «опять и здесь явился на сцену, может быть, с некоторыми модификациями»: «Убийцы Павла», «мечтая, что будут царствовать» с императором, хотели воспользоваться им, «чтобы ограничить самодержавие, заставя Александра в первую минуту принять этот конституционный акт и утвердить его своею подписью». Александр Павлович сразу отверг это предложение Н. П. Панина (племянника Н. И. Панина) и П. А. Палена, поскольку оно «имело вид принуждения»[55]. Тем не менее члены «зубовской партии» развивали при Дворе, в столичном обществе и гвардии бурную агитационную деятельность в целях усиления в дворянском сознании идеи о введении «умеренной конституции» и создании представительного органа аристократической олигархии. В силу этого очень скоро они были убраны с политической арены (путем увольнения из состава Государственного Совета и Сената): в июне 1801 г. П. А. Пален, в декабре П. А. Зубов, в декабре 1804 г. Н. П. Панин[56].

Сходное понимание роли высшего дворянства в социально-политической системе империи было характерно и для «екатерининских стариков», заседавших в Сенате. Считая дворянскую аристократию ведущей политической силой, они видели в ней «новый правящий класс», способный разделить власть с монархом. Именно эти идеи лежали в основании проектов превращения Сената в высший исполнительный и судебный орган, имеющий также законосовещательные и контролирующие функции (проекты Д. П. Трощинского — М. М. Сперанского, П. В. Завадовского — А. Р. Воронцова, Г. Р. Державина).

Конституция

Понятие «конституция», заимствованное в XVIII в. из европейского политического лексикона, в процессе культурной адаптации в России в начале XIX в. сохраняло значение, характерное для предшествующей эпохи. В официальных материалах и источниках личного происхождения оно имело несколько вариантов своего употребления: «учреждение или устав», «постановление Государя», «основополагающий законодательный акт», «собрание коренных законов». Доминирующим было представление о конституции в категориях континентальной правовой системы XVIII в. и рамках концепции «законной

[55] *Фонвизин М. А.* Сочинения и письма: В 2 т. Т. 2: Сочинения. Иркутск, 1982. С. 145–147.

[56] *Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А.* Члены Государственного Совета Российской империи. 1801–1906. Биобиблиографический справочник. СПб., 2007. С. 336, 606; *Мурзанов Н. А.* Словарь русских сенаторов. 1711–1917 гг. Материалы для биографии / Изд. подг. Д. Н. Шилов. СПб., 2011. С. 331.

монархии» как целостная система фундаментальных законов, исходящих от просвещенного монарха[57].

Именно в данном аспекте воспринималась конституция Александром I и его ближайшим окружением в начале XIX в. Так, во время приема 22 июля 1804 г. одного из членов «Комиссии для составления законов» (Г. А. Розенкампфа) император указывал: «Я желал бы вообще даровать участие всей нации, всем моим народам в пользовании правами граждан, насколько это возможно. Это должно быть определено общим кодексом (книгою законов), который мои предшественники, начиная с Петра I, обещали нации. Вот, мне кажется, чем надлежало бы заняться, прежде всего потому, что оно будет обнимать всё остальное»[58]. В записке 1801 г. «О существе нашей конституции» П. А. Строганов подчеркивал: «Конституция есть законное признание прав народа и тех форм, в которых он может осуществлять свои права. Для укрепления действенности этих прав необходимо иметь обеспечение, что посторонние власти не препятствуют пользованию этими правами. Где нет такого обеспечения, которое воздержало бы правительство от мер, противных интересам народа, там нет конституции. Таким образом, в конституции три части: установление прав, пользование ими и обеспечение их»[59]. И если две первые, как считалось, уже существовали в Жалованных грамотах дворянству и городам, то гарантией, их обеспечивающей, должна была стать конституция. «Государственный закон принято вместо слова конституция и всегда означает закон, определяющий первоначальные права и отношения всех классов государственных между собой», — писал М. М. Сперанский в своем первом пространном трактате — «Записке об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», написанном в 1803 г. по заказу Александра I[60]. Подобное восприятие конституции свойственно и другим сановникам[61].

Следует подчеркнуть, что хотя представители формирующейся «просвещенной бюрократии» являлись наиболее образованной и государственно мыслящей частью русского общества, сосредоточение в их руках преобразовательного «проектирования» приводило к неоднозначным последствиям. С одной стороны, их высокий образовательный уровень и ориентация на Запад способствовали формированию либерально-просветительских идеалов, а с другой — социальный статус крупных земельных и крестьянских собственников, принадлежность к правительственной сфере приводили к тому, что они определяли как приоритетные государственные интересы устремления верхов дворянства, а не общественные нужды. Всё это обусловливало синкретизм политического мировоззрения государственных деятелей, в формировании которого немаловажную роль сыграло несоответствие теоретических построений идеологов европейского Просвещения и российских реалий (социально-экономическая отсталость страны, политическая неразвитость поместного дворянства и непросвещенность народа)[62]. В силу этого сущность преобразовательной модели «просвещенной бюрократии» состояла в постепенном государственном и общественном развитии при сохранении абсолютной монархии и сословного строя[63].

Между тем решение конституционного вопроса в рамках абсолютно-монархической формулы предлагали и представители старшего поколения дворянских интеллектуалов — Н. М. Карамзин, А. Х. Востоков, И. И. Дмитриев, П. Ю. Львов. Стремление верховной власти опереться на широкую общественную поддержку при подготовке предполагаемой конституции определило идейные рамки проправительственных и ведомственных органов печати[64]. Неудивительно, что уже с первых лет александровского царствования наиболее устойчивой и близкой к идеалу формой правления представлялась «законная» абсолютная монархия[65].

Улавливая преобладавшее у дворян и общества стремление к установлению «законности», стремясь преодолеть кризис «традиционного», феодального абсолютизма, в центре формирующейся преобразовательной программы Александр I поставил конституционную реформу. Поскольку установление предполагаемой конституции виделось как мирный способ преобразований, эволюционное развитие государственных и общественных институтов[66], то она представлялась

[57] *Тимофеев Д. В.* Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. С. 128–138.

[58] Цит. по: *Розенкампф Г. А.* Отрывки из автобиографии // Русская старина. 1904. Т. 120. № 10. С. 151.

[59] Цит. по: История Правительствующего Сената за двести лет. С. 12.

[60] *Сперанский М. М.* Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России. 1803 г. // Сперанский М. М. Избранное / Под. ред. В. С. Парсамова. М., 2010. С. 276–278.

[61] Мнение графа Александра Воронцова в Совет. Записка о Правительствующем Сенате. 3-го мая 1802-го года. Копия // НИ Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 400. Л. 3–12; Записка о положении Империи и о мерах к прекращению беспорядков и введению лучшего устройства в разные отрасли правительства, составленная д. т. с. Кочубеем. Декабрь 1814 г. Копия // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 483. Л. 1–10.

[62] *Тимофеев Д. В.* Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элитой в первой четверти XIX века. Челябинск, 2006. С. 188.

[63] *Акульшин П. В.* Просвещенная бюрократия Российской империи в дореформенную эпоху // Дискуссионные вопросы российской истории: Материалы IV международной научно-практической конференции. Арзамас, 2000. С. 74–78; *Ружицкая И. В.* «Просвещенная бюрократия» (1800–1860-е гг.). М., 2009. С. 8.

[64] *Календарова В. В.* Либеральные идеи в России в начале XIX в.: попытки правительственной пропаганды (опыт количественного анализа содержания первых министерских журналов) // Источник. Историк. История: Сб. науч. работ аспирантов Европейского ун-та в С.-Петербурге. Вып. 1. СПб., 2001. С. 52–72.

[65] *Жуковская Т. Н.* Дворянский либерализм при Александре I: Споры о конституциях и «рабстве» в русских журналах 1800–1810-х гг. Петрозаводск, 2001. С. 14, 38.

[66] Конституционные проекты в России XVIII — начала XX века / Под ред. А. Н. Медушевского. М., 2000. С. 112, 114; *Тимофеев Д. В.* Европейские идеи в социально-политическом лексиконе. С. 130–138.

Александру I важнейшим инструментом выхода из кризиса. Конституция должна была оптимизировать механизм реализации государственной власти, усилить связь между государством и «обществом» в широком смысле, обеспечить их устойчивость при необходимой модернизации. Однако просветительский принцип «соблюдения законности», являясь выражением «общеобязательности права», как и при Екатерине II, продолжал оставаться не более чем отвлеченной формой политической риторики, когда любой закон или учреждение могли быть уничтожены монархом, личность и мера власти которого определялись гарантами будущей правовой и государственной организации.

Осторожный, умеющий лавировать Александр I прекрасно осознавал, что следует не только продолжить совершенствование российской административной системы, но и приспособить ее к новым историческим условиям послереволюционной эпохи. Это достигалось существованием законосовещательных и в определенной мере сословно-представительных органов при монархе. В силу этого он выделяет реформу государственного управления как одну из ключевых.

Причины актуализации преобразований в государственном управлении в начале XIX в.

В царствование Александра I реформа управления приобрела общественно-политическое и государственное значение, обусловленное несколькими причинами. Во-первых, тот факт, что план реализации «всеобщего законоположения» Екатерины II не был доведен до конца и не завершился введением в жизнь «Свода государственных установлений», обусловил уже в последний период ее правления ослабление управленческих возможностей правительственного аппарата. Во-вторых, своего продолжения требовало восстановление центральных ведомств, начатое Павлом I. В-третьих, международный авторитет России, ее возросшие политические и экономические связи диктовали необходимость создания стабильной системы государственных органов, которая обеспечила бы ее развитие в кругу ведущих европейских государств. В-четвертых, переустройство управления было связано с предполагаемым введением конституции, которая, как считал Александр I и его «молодые друзья», должна была стать «только следствием преобразования администрации». На первом заседании Негласного комитета 24 июня 1801 г. основной задачей его деятельности определялось: «Прежде всего, узнать действительное положение дел, затем реформировать различные части администрации и, наконец, обеспечить государственные учреждения конституциею, основанною на истинном духе русского народа»[67].

Взаимосвязь административных реформ и законодательных мероприятий была очевидна как носителю верховной власти, так и сановной бюрократии.

[67] Цит. по: История Правительствующего Сената за двести лет. С. 12.

Учреждение «конституционных» институтов обусловливало необходимость создания бюрократически организованного, приспособленного к социальным условиям России правительственного аппарата. Необходимо было вернуть законосовещательные функции учреждению, а не лицу, т.е. создать постоянный законосовещательный государственный орган, определить место Сената в административной системе империи. Следовало сформировать структуру центральных ведомств с законодательно закрепленным статусом, определением функций, личной ответственностью министров перед законом и носителем верховной власти. В целом с преобразованием высшего и центрального управления связывалось решение следующих важнейших задач: четкое разграничение функций между государственными органами; создание условий для контроля над их деятельностью; оптимизация управленческой практики; создание единой системы государственного управления высшего, центрального и местного уровня. Причем в основу преобразовательного процесса ставился принцип не уничтожения, а совершенствования существующих учреждений. М. М. Сперанский в упоминаемой «Записке об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» 1803 г. писал: «Учреждения наши, конечно, недостаточны, но их можно усовершить и исправить <...> Усовершение губернского управления не может быть без усовершения управления государственного»[68].

Государственный Совет

Прежде всего следовало ввести новый принцип осуществления монархом своих властных полномочий — не через узкий круг доверенных лиц, а посредством учреждений. Ведь закрепление при Павле I личного начала в управлении сделало его правление дестабилизирующим, ослабило управленческие возможности правительственного аппарата. Положение, что монархи «одни сами собою с неизбранными двумя-тремя доверенными лицами управлять Россией не могут»[69], в начале XIX в. было достаточно распространено. Поэтому неудивительно, что уже 30 марта 1801 г. был создан Государственный Совет[70], обладавший законодательно закрепленным официальным статусом, вместо неофициального и бездействовавшего Совета при Высочайшем дворе. В Государственный Совет вошли 12 наиболее известных сановников двух предыдущих царствований, в большинстве ранее входивших в распущенный Совет. После учреждения министерств его членами стали и министры. Государственный

[68] *Сперанский М. М.* Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России. С. 276–278.

[69] Мнение графа Александра Воронцова в Совет. Записка о Правительствующем Сенате. Л. 6 об.

[70] *Писарькова Л. Ф.* Непременный или Государственный Совет был в России в 1801–1809 гг.? (К вопросу об уточнении терминологии) // Отечественная история. 2008. № 5. С. 128–130.

Совет стал постоянно действующим при императоре совещательным учреждением по вопросам законодательства, был обязан принимать решения по важнейшим внутри- и внешнеполитическим делам, уделяя особое внимание упорядочению местного управления и административно-территориальному устройству страны[71].

По замыслам Александра I, Совет должен был стать управляемым, повинующимся императорской воле органом, центром реформаторского процесса. Однако этого не произошло. Хотя со дня своего основания Совет, безусловно, влиял на принятие важнейших решений государственной политики[72], однако все поставленные императором фундаментальные «русские» вопросы советниками решались с единственной целью — сохранить существовавшую систему экономических, социальных и политических отношений.

Между тем, помимо создания административной «подушки» отсутствие свода действующих гражданских законов и «состояние умов» в империи делали крайне необходимой подготовку юридического и идеологического оснований для будущей конституции. Работу по выявлению и систематизации законов продолжила упомянутая выше «Комиссия для составления законов», учрежденная Павлом I и подчинявшаяся генерал-прокурору Сената. Согласно указу от 5 июня 1801 г.[73] и рескрипту от того же числа на имя назначенного председателем комиссии гр. П. В. Завадовского, она перешла в прямое ведение Александра I.

Вторая задача решалась созданием «правовых», административных и социальных условий для соблюдения, условно говоря, «национальных интересов». Политический термин «национальные интересы» появился лишь во второй половине XIX в., но само словосочетание употреблялось уже в начале столетия[74]. Демонстрацией движения в сторону формирования правительством законодательных, административных и социальных условий для соблюдения, условно говоря, «национальных интересов» являлся один из коронационных документов Александра I, который так и не был реализован.

«Грамота, Российскому народу жалуемая»

Ко дню своей коронации, 15 сентября 1801 г., Александр I повелел подготовить особый конституционный акт под названием «Всемилостивейшая

[71] ПСЗ-I. Т. XXVI. 1801 г. № 19806; Наказ Непременному совету 5 апреля 1801 года // Архив Государственного Совета. СПб., 1878. Т. 3. Ч. 1. Стб XIX; *Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А.* Члены Государственного Совета Российской империи. 1801–1906. С. 68, 110, 167, 332, 336, 417, 429, 434, 463, 606, 720, 804; *Писарькова Л.* Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в. С. 39–49.

[72] *Морозов А. В.* Государственный совет в структуре государственной власти Российской империи (первая половина XIX в): Автореф. дис. ... канд. юр. наук. СПб., 2001. С. 11–12.

[73] ПСЗ-I. Т. XXVI. 1801. № 19904.

[74] *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. 1898. Т. 96. С. 511.

Грамота, российскому народу жалуемая»»[75]. В работе над документом, продолжавшейся около полугода, принимали участие члены Государственного Совета (А. Р. Воронцов, Д. П. Трощинский), Негласного комитета (В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцов), «Комиссии для составления законов» (А. Н. Радищев). Первоначальная редакция А. Р. Воронцова[76] была подвергнута изменениям после обсуждения в Негласном комитете в июле–августе 1801 г. Окончательная редакция проекта была возложена на Трощинского, но почти целиком легла на его секретаря — М. М. Сперанского. Об этом свидетельствует писарская копия «Грамоты», сохранившаяся в ОР РНБ в личном фонде ближайшего сотрудника Сперанского — К. Г. Репинского — с пометой последнего: «Сочинение Трощинского, бывшего министра юстиции, карандашные поправки Михаила Михайловича Сперанского»[77].

Окончательный вариант проекта «Грамоты» дает основание предположить, что она представляла собой российский аналог «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г. (созданной, как считали ее авторы, «для всех времен и народов»[78]). В «Грамоте» также были использованы основополагающие конституционные акты эпохи средневековья и Нового времени — Charta magna 1215 г. и Habeas Corpus Act 1679 г. Но главное — она была создана с учетом сословно-крепостнических реалий в России и развития революционного процесса во Франции. «Грамота» должна была стать составной частью блока конституционных актов (Декларации и Конституции). Состоявшая из 26 статей, она возобновляла, подтверждала, законодательно закрепляла и расширяла предоставленные Манифестом о вольности дворянства Петра III и «Жалованной грамотой дворянству» Екатерины II частные и публичные права и привилегии дворянства (ст. 2–5). Возобновлялись и подтверждались «все права и преимущества», данные «городам, купечеству, мещанству» (ст. 10, 11). Гарантировались минимальные имущественные права государственных поселян, предоставлялись законодательные гарантии движимой собственности помещичьих крестьян как от произвола помещиков, так и от казенных взысканий государства (ст. 12). Всем лицам «свободного состояния» гарантировались гражданские права — личная безопасность, движимая и недвижимая собственность, свобода передвижения, презумпция невиновности (ст. 13). В преамбуле «Грамоты» закреплялась ключевая обязанность просвещенного монарха быть гарантом нерушимости этих прав, стабильности и общей безопасности. Самым

[75] *Захаров В. Ю.* Всемилостивейшая жалованная грамота российскому народу 1801 г. в контексте развития конституционных идей в России во второй половине XVIII — первой четверти XIX в. М., 2002.

[76] Первоначальная редакция проекта А. Р. Воронцова: НИ Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 400. Л. 210–215; вторая, более поздняя: РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 149. Л. 1–27.

[77] Проект Всемилостивейшей Грамоты, Российскому народу жалуемой. 1801 г. Писарская копия // ОР РНБ. Ф. 637. Оп. 1. Д. 922. Л. 1–18.

[78] История государства и права зарубежных стран. С. 49–52.

важным в данном документе явилось включение статей, провозглашавших буржуазные свободы. Декларировалось, что «каждому российскому подданному предоставляется беспрепятственно пользоваться свободою мысли, веры, или исповедания, богослужения, слова или речи, письма и деяния», с оговоркой: если «они законам государственным не противны и никому не оскорбительны» (ст. 8)[79].

9 сентября 1801 г., т.е. за шесть дней до коронации, эта последняя редакция «Грамоты» была внесена на обсуждение Государственного Совета, члены которого ее единодушно одобрили, предложив лишь несколько незначительных поправок. «Грамота» не требовала срочной реализации выдвинутых в ней положений; провозглашение абстрактных просветительских принципов вовсе не означало их немедленного воплощения, но демонстрировало либерально-просветительскую направленность идеологии нового царствования и придало бы империи вполне европейский вид. Однако Александр I не дал ей хода, имея на то вполне конкретные доводы: «Грамота», являясь попыткой ослабить исключительность правового положения дворянского сословия, создала бы для неокрепшей власти императора ситуацию конфронтации с большинством консервативного дворянства. Это усложнило бы работу набирающего обороты механизма преобразований.

Между тем, положение Сената как «первого и верховного установления среди всех прочих, подчиненных императору», было «освящено временем» и достаточно уникально, что делало всякое покушение на его прерогативы весьма опасным. Усиление Государственного Совета и придание ему законосовещательных функций вызывали ревнивое неудовольствие и сопротивление со стороны сенаторов. Тем более что при Екатерине II утверждение единоначалия умалило роль Сената как высшего коллегиального органа административного управления, что было усилено при Павле I. Поэтому при Александре I неудивительно вполне объективное стремление сенаторов восстановить свой высокий правительственный статус, сохранить за собой административно-бюрократический ресурс.

Проблема Сената

Споры вокруг определения компетенции и объема власти Сената, а также принципов его формирования (назначением императора или выборно-представительным путем), тянувшиеся с апреля 1801 по сентябрь 1802 г., выявили достаточно широкий разброс мнений. В обсуждении участвовали как сами сенаторы, так и советники — члены «зубовской партии» и члены Негласного комитета. При этом все они надеялись путем изменения организации государственной власти увеличить свою долю участия в управлении страной.

[79] Проект Всемилостивейшей Грамоты, Российскому народу жалуемой. Л. 1–18.

Сам вопрос о необходимости реформы Сената был поставлен сенатором Г. Р. Державиным на аудиенции у императора 1 мая 1801 г.[80] 9 мая того же года его коллегой Д. П. Трощинским Александру I была представлена записка «О причинах унижения Сената», которую он подготовил с помощью М. М. Сперанского. По мнению авторов, уменьшение власти Сената произошло не столько вследствие вытеснения принципов коллегиальности «единоначалием», сколько в результате злоупотреблений генерал-прокурорами Сената своими властными полномочиями. Причем в большей степени это относилось к делам, подлежащим ведению самого Сената. Исправить положение могло бы возвращение сенаторам административных и законосовещательных функций путем представления проектов законодательных актов на Высочайшее имя[81].

Доводы авторов записки не удовлетворили Александра I. Считая совершенно необходимым более четкое разделение административных и судебных ведомств, он подготовил свой вариант указа, который был им подписан и обнародован 5 июня 1801 г. В нем император определял Сенат как «верховное место правосудия и исполнения законов» и давал обещание утвердить его права «фундаментальным государственным законом и преобразовать на новых началах». Для чего сенаторам было предписано выразить их воззрения на роль, место и значение Сената в системе государственных учреждений, установить причины падения авторитета и наметить меры по расширению его прав[82].

Выполняя данное в указе обещание, Александр I решил подготовить к дню коронации не только упоминаемую «Грамоту», но и указ (манифест) о правах Сената. Его основой должны были стать сенаторские предложения о том, каким должен быть этот орган. После долгих обсуждений сенаторами данного вопроса Александру I был представлен обобщающий Всеподданнейший доклад Сената под названием «Положение о правах и преимуществах Сената», подготовленный сенатором, членом Государственного Совета гр. П. В. Завадовским[83] с приложенными письменными «мнениями» сенаторов. В докладе предлагалось возвратить Сенату уникальное положение в государственной системе России приданием ему значения высшего административного, судебного и контролирующего деятельность других учреждений органа, являвшегося также «хранителем законов». Сенаторы должны были назначаться императором[84].

В начале июля 1801 г. доклад был рассмотрен в 1-м Департаменте, а затем в Общем собрании петербургских департаментов Сената. Свои «мнения» с замечаниями на доклад представили некоторые сенаторы, в том числе Г. Р. Державин.

[80] Сочинения Г. Р. Державина / Прим. Я. Грота. Т. VI. СПб., 1871. С. 760–761.

[81] *Корф М. А.* Александр I и его приближенные до эпохи Сперанского // Русская старина. 1903. № 2.

[82] ПСЗ-I. Т. XXVI. № 19908.

[83] *Завадовский П. В.* Мнение о правах и преимуществах Сената // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1864. № 1.

[84] *Писарькова Л. Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX в. С. 71–72.

Он предлагал, чтобы Сенат, члены которого назначались бы императором из выборных кандидатов, стал «местом соединения», восходящего к верховной власти, всех трех частей высшего управления — законосовещательной, исполнительной и судебной[85]. Именно таким, но без выборного принципа, станет Государственный Совет в 1810 г.

Предложения Державина не были поддержаны Общим собранием Сената, который 26 июля 1801 г. утвердил Всеподданнейший доклад Завадовского. Разумеется, вскоре доклад вместе с письменными «мнениями» сенаторов был передан Александром I в Негласный комитет, где 5 августа того же года обсуждался. Весьма резкую критику со стороны «молодых друзей» вызвало «мнение» Державина. Между тем Александр I, вынужденный вести себя с вельможными стариками весьма осторожно, всячески демонстрировал им приверженность реформированию Сената и решил составить проект указа о Сенате с учетом «мнений» сенаторов. Д. П. Трощинскому, которому всё так же помогал М. М. Сперанский, было поручено на основании сенаторских проектов составление обобщающего документа о правах Сената. В августе 1801 г. ими был подготовлен «Проект Манифеста о правах и преимуществах Сената», который не был утвержден императором.

Поэтому 11 сентября 1801 г., накануне коронации, Негласный комитет рассмотрел весьма схожие проекты кн. П. А. Зубова и Г. Р. Державина. «Проект устройства Сената» Державина представлял обширный план преобразования Сената с конкретизацией его прежних предложений. Главная идея о сосредоточении в данном высшем государственном учреждении империи законосовещательной, исполнительной, судебной и надзорной функций оставалась неизменной[86]. При этом идея Державина о превращении Сената в выборный, полупредставительный орган вновь подверглась наибольшим нападкам со стороны «молодых друзей». Подобная реакция обусловливалась их убеждением в несвоевременности представительного правления в России. Поэтому император поручил им самим составить проект преобразования Сената. 9 и 30 декабря 1801 г. новый вариант «Положения о правах и обязанностях Сената», составленный П. А. Строгановым и ненамного отличавшийся от Всеподданнейшего доклада П. В. Завадовского, обсуждался на заседании Негласного комитета. В середине марта 1802 г. вопрос о преобразовании Сената ввиду необходимости его согласования с подготавливаемой в Негласном комитете министерской реформой был вновь поставлен на обсуждение «молодых друзей». В результате в конце апреля — начале мая проект указа о правах Сената — в виде документа под названием «Второй проект Манифеста о правах и преимуществах Сената», в основе которого был Всеподданнейший доклад Завадовского с внесенными в него поправками членов Негласного комитета — рассматривался в Государственном Совете. Однако проект поддержали только три советника — А. Р. Воронцов, П. В. Завадовский, Д. П. Трощинский — которые сделали много замечаний и внесли поправки. В «мнении» Воронцова, которое обсуждалось на заседании Государственного Совета 5 мая 1802 г., нашли отражение проблема взаимоотношений предполагаемых ведомств центрального управления и Сената и вопрос о соотношении «личного управления» и «посредством учреждений». С точки зрения автора, чтобы предотвратить недостатки личного начала в управлении и опоры на доверенных лиц, следовало создать «Правительствующий Сенат», который должен стать «местом, в коем соединились бы все части внутренняго Государственнаго управления», с восстановлением его полномочий высшего судебного органа, имеющего также законосовещательные полномочия. Возобновление прав Сената «в прежних пределах», по мнению Воронцова, являясь «первым шагом» в преобразовании государственного управления, укрепит политический авторитет самодержавной власти. Когда же будет введен «Свод государственных законов», то Сенат примет на себя обязанности «хранителя и блюстителя законов»[87].

С учетом обсуждения в Государственном Совете был выработан третий, окончательный проект, составленный М. М. Сперанским. 8 сентября 1802 г., одновременно с Манифестом о создании министерств, был подписан и опубликован указ «О правах и преимуществах Сената»[88]. Данные законодательные акты подтвердили первенствующее положение Сената в государственной системе России предоставлением ему некоторых исполнительных, а главное — судебных и контролирующих деятельность министров полномочий, и частично восстановили его законосовещательные функции. Между тем в своем большинстве советники, которых поддержал В. А. Кочубей, посчитали сенатскую реформу неподготовленной. Да и сам Александр I, под влиянием политических интриг «зубовской» партии и радикализма некоторых сенаторов, посчитал, что реформирование Сената с предоставлением ему широких властных полномочий дает в руки сановной аристократии законный механизм противодействия проводимой им политической программе. Поэтому уже сенатская реформа 27 января 1805 г.[89] свелась к утверждению Сената лишь высшим судебным органом и учреждением надзора за соблюдением законности. Вопрос о Сенате стал первым предзнаменованием той несогласованности позиций Александра I и «просвещенной бюрократии», которая выражала точку зрения, с одной стороны, власти, а с другой — определенной части дворянского общества.

[85] Материалы, относящиеся до издания указа 8 сентября 1802 г. о существе должности, правах и обязанностях Сената // Сборник Археологического института. Кн. 1. СПб., 1878. С. 96–100.

[86] Материалы, относящиеся до издания указа 8 сентября 1802 г. о существе должности, правах и обязанностях Сената. С. 134–151; *Писарькова Л. Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX в. С. 75–77.

[87] Мнение графа Александра Воронцова в Совет. Записка о Правительствующем Сенате. Л. 5 об. — 11 об.

[88] ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20405.

[89] Там же. Т. XVIII. № 21605.

Министерская реформа

Министерская система формально была установлена в России манифестом от 8 сентября 1802 г., согласно которому учреждались восемь министерств и Комитет министров[90]. Политическими и административными предпосылками министерской реформы были утрата Сенатом широких исполнительных функций, всё бóльшая его специализация в качестве высшего судебного органа империи; отсутствие четкой системы центральных учреждений с их юридически закрепленным статусом и законодательной регламентацией деятельности; смешение функций местных и центральных учреждений; необходимость систематизации и унификации власти на основе жесткой централизации, а также усиления оперативности и динамизма[91]. Кроме этого, учреждение министерств являлось подготовительным мероприятием для введения конституции, т.е. было первым шагом к подготовке общей «правовой» реформы. Предполагалось, что министерства станут оперативными, гибкими исполнительными органами, функционировавшими на основе принципов «ответственности» и «единства и скорости действий», приспособленными к проведению в жизнь преобразовательных начертаний верховной власти.

Однако на практике министерская реформа оказалась достаточно противоречивой и незавершенной. В организации центрального управления не было достигнуто четкого определения сфер деятельности и компетенции министров и Комитета министров, сохранялось первенствующее значение Сената, до конца не были уничтожены коллегии. Хотя на заседаниях Негласного комитета высказывалось мнение, что создание министерской системы должно повлечь за собой полное уничтожение коллегиального принципа в управлении и замену свойственного им совещательного делопроизводства единоличным, Александр I счел правильным осуществлять это постепенно. И хотя министры как главы отдельных отраслей государственного управления были лично ответственны перед императором, скоро проявилась их фактическая бесконтрольность. Идея же единства управления и солидарности между министрами, нашедшая отражение в предполагавшемся, согласно Манифесту, «едином министерстве», которым должен был стать Комитет министров[92], на практике не осуществилась. Неудивительно, что министр внутренних дел В. П. Кочубей в записке «Об учреждении министерств» 1806 г., уловив нежелание Александра I превращать Комитет в «объединенное правительство», обладающее реальными полномочиями координировать деятельность министров, настаивал

[90] Там же. Т. XXVII. № 20406.

[91] *Приходько М. А.* Политические предпосылки министерской реформы в России в начале XIX века. С. 129–133.

[92] *Зуев Н. И.* Комитет министров России в первой половине XIX века: Автореферат дис. ... канд. юр. наук. М., 2002.

на праве императора решать важнейшие государственные вопросы самому, наедине с каждым из них[93].

Недостатки реформы 1802 г. очень скоро стали очевидны самим министрам и другим государственным деятелям, а также дворянским интеллектуалам. Причем в критике министерской системы оказались едины как либералы, так и консерваторы[94]. Почти сразу после создания министерств возникла дилемма — коллегиальное управление или министерское «самовластие», — которая стала «камнем преткновения» прежде всего в бюрократической среде. К ноябрю 1802 г. относится Всеподданнейшая записка Д. П. Трощинского, в которой он стремился продемонстрировать императору пагубность для российской абсолютистской государственности учреждения министерств. С его точки зрения, введение принципа единоначалия привело к ограничению власти монарха, поскольку «самовластные министры» способны навязать ему свое единоличное мнение. Отдавая предпочтение коллегиальной системе как наиболее приемлемой для самодержавной России, Трощинский видел в ней не только основу стабильности государственного управления, но и гарантию незыблемости самодержавия[95].

Его оппонентом выступил В. П. Кочубей, который 18 июля 1803 г. подал императору докладную записку, посвященную министерской проблеме. В ней он утверждал, что главной преградой к успешному функционированию различных отраслей центрального управления является сохранившийся «коллегиальный порядок», который приводит к медленности в прохождении дел, недостатку ответственности. В записке предлагалось сократить стадии делопроизводства, передать функции коллегий департаментам министерств, а главное — усилить активную роль самого министра в управлении. Александр I, одобрив доклад, приказал составить указ, который так и не был им подписан[96].

Проблема министерств продолжала оставаться дискуссионной. Даже участвовавший в разработке министерской реформы М. М. Сперанский в своей записке 1804 г. «Размышления о государственном устройстве империи», подготовленной по повелению Александра I и посвященной вопросу о создании долговременной стратегической программы развития России, указывал, что важнейшим «препятствием» в работе министерской системы также является «самовластие» министров. Он подсказывал императору: «И Ты, действуя чрез него (через предполагаемое учреждение, составляющее эту программу. — *Т. А.*)

[93] Цит. по: *Тимофеев Д. В.* Европейские идеи в России. С. 156.

[94] *Марней Л. П.* Министерская реформа 1802, 1811 гг. в оценках современников // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2000. № 1. С. 69–89.

[95] Записка Д. П. Трощинского о министерствах // Сборник РИО. Т. 3. СПб., 1868.

[96] *Шепелев Л. Е.* Торгово-промышленные ведомства России в первой четверти XIX в. // Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2000. С. 169–171.

по утвержденному самим тобою плану, и быв предупрежден о видах и намерениях каждого из твоих министров, с совершенною уже уверенностию не преминешь руководствовать и ими к предположенному тобою концу. И им останется только с удивлением покориться воле твоей, не находя ничего предоставить тебе вопреки оной»[97].

О «самовластии» министров говорил и бывший воспитатель Александра I Ф.-С. Лагарп, советуя императору «сохранить в неприкосновенности» абсолютную власть и приучать министров к мысли, что «они — только уполномоченные», исполняющие его волю. Только сам император, выслушав «внимательно их мнения», может принимать решения, а министрам «останется лишь исполнение»[98]. Безусловно, Сперанский и Лагарп стремились лишь к нивелированию недостатков министерской системы. Сами министры поддерживали министерскую реформу, но отмечали ее незавершенность, дублирование полномочий Сената и министерств, неопределенность своих административных обязанностей. Более всего их раздражал сенатский контроль, который выражался в том, что Сенат, получая постоянные рапорты от губернских прокуроров и увидев злоупотребления в какой-либо части управления, имел право требовать от министра отчета по этому поводу. Кроме этого, каждый министр в конце года направлял отчет о работе своего ведомства в Сенат, который должен был обсудить его и только затем войти с докладом к императору с добавлением своего мнения о нем[99].

Во многом под влиянием критики министерской системы император посчитал необходимым исправить ее недостатки. В 1807 г. Сперанскому было поручено «выработать новое административное устройство» министерств. Согласно манифесту от 1 января 1810 г. об учреждении Государственного Совета, министрам было предоставлено право законодательной инициативы. При этом не только отчеты по министерствам, но и все законопроекты они должны были представлять на рассмотрение Совета. Так, часть ответственности за принятие важнейших решений по внешне- и внутриполитическим делам была снята с императора и распределена между министрами и советниками. 25 июля 1810 г. был обнародован указ о «новом распределении государственных дел между министерствами», 25 июня 1811 г. изданы «Общее учреждение министерств» и «Наказ» министрам, которые разделяли государственные дела «в порядке исполнительном». Эти законодательные акты организовывали и упрочивали административную систему Российской империи усилением в ней бюрократического принципа, определением состава министерств, указанием степени

[97] *Сперанский М. М.* Размышления о государственном устройстве империи // Сперанский М. М. Проекты и записки / Под ред. С. Н. Валка. Л., 1961. С. 66–67.

[98] Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 22–23, 48–50.

[99] *Богданович М. И.* История царствования императора Александра I и России в его время: В 6 т. Т. 4. СПб., 1869. С. 565.

власти и круга обязанностей самих министров, чиновников разного уровня и структурных подразделений ведомств, четким порядком прохождения дел. По словам назначенного 1 января 1810 г. министром юстиции И. И. Дмитриева, «вместо прежнего неловкого смешения коллегиальных и бюрократических форм Сперанский сумел правильно разграничить их и связать в одно стройное управление»[100]. Однако, по справедливому мнению Л. Е. Шепелёва, принцип ответственности министров остался только на бумаге, а также сохранилось первенствующее значение Сената, который оставался органом верховного административного надзора[101].

К декабрю 1814 г. относится Всеподданнейшая записка сенатора и председателя Департамента законов Государственного Совета В. П. Кочубея «О положении империи и мерах к прекращению беспорядков и введении лучшего устройства в разные отрасли, правительство составляющие». Ее автор подчеркивал, что все преобразования государственного управления требуют окончания реформирования и усовершенствования. Это было обусловлено форсированным темпом просвещения России, ее вхождением в европейскую систему и необходимостью соответствия западным державам: «Россия, следуя большими шагами за просвещенным образованием и поставив себя в числе держав европейских, необходимо должна и установления свои располагать образом, соответствующим европейской державе». Прежде всего следовало обратить внимание на «устройство министерств и неудобства оного». Полагая, что абсолютизм как форма монархического правления адекватно отвечает географическому положению и уровню развития России, Кочубей видел помеху функционированию государственного управления в смешении функций администрации и суда, отсутствии точного определения властных полномочий Государственного Совета, министерств, Комитета министров и Правительствующего Сената. Неэффективность управленческой системы он связывал с величиной и неповоротливостью бюрократического аппарата, медленностью производства дел, «произволом и деспотизмом всех чиновников от министра до последнего». С точки зрения Кочубея необходимо было оставить Государственный Совет только как законосовещательный орган; Сенат традиционно сохранить как орган, объединяющий в себе верховную судебную и «некоторую правительственную власть»; Комитет министров, дублирующий законосовещательные полномочия Совета, сделать коллегиальным органом «для совещания по исполнительной части»; министерства сохранить «как орудие исполнительной власти по части управления», но усовершенствованные. Главным же «усовершенствованием» предлагалось установление ответственности министров путем предоставления

[100] Цит. по: Министерство внутренних дел: Исторический очерк. 1802–1902. СПб., 1902. С. 20.

[101] *Шепелёв Л. Е.* Торгово-промышленные ведомства России в первой четверти XIX в. С. 172–173.

1-му Департаменту Правительствующего Сената «исполнительной власти, которая Комитету Министров присвоена». Кочубей предлагал объединить некоторые министерства (внутренних дел и полиции, народного просвещения и духовных дел, финансов и Государственного казначейства), сократить количество канцелярий и уменьшить штат чиновников[102]. Часть этих предложений была реализована.

Проблема министерств оставалась до конца не решенной, заставляя виднейших государственных деятелей эпохи вновь и вновь возвращаться к ней. К послевоенной эпохе относится Всеподданнейшая записка члена Государственного Совета и министра финансов Д. А. Гурьева. В данном документе дилемма — коллегиальное управление или министерское «самовластие» — решалась в пользу первого. Это свидетельствовало о том, что принцип единоначалия вызывал опасения некоторой части министерского корпуса, поскольку власть императора ограничивалась «самовластием министров», имевших возможность навязать монарху свое единоличное мнение. Наиболее приемлемым для России Гурьев, как и Трощинский, считал принцип коллегиальности, в котором он видел основу стабильности государственного управления и гарантию незыблемости самодержавия[103].

Министерская реформа была подвергнута критике и Н. М. Карамзиным. Речь идет о его знаменитой «Записке о древней и новой России». Созданная по «заказу» вел. кн. Екатерины Павловны, «Записка» была подана Александру I при ее посредничестве в феврале 1811 г. В ней министерская реформа, воспринимавшаяся Карамзиным как составная часть всего комплекса форсированных преобразований государственного управления по западным образцам, была подвергнута им резкой критике. Нарекания историка вызывали следующие важнейшие положения: неосведомленность министров о состоянии дел в подведомственных им местах, поскольку они не управляли ими непосредственно; отсутствие законодательной регламентации их полномочий и юридической ответственности. Всё это приводило к произволу, коррупции, местничеству[104]. Не вызывает сомнений, что критическое острие «Записки» во многом направлялось против либеральных советников Александра I, главным образом против исполнителя его реформаторских замыслов М. М. Сперанского[105]. Подчеркивая отсутствие у «новых законодателей России» государственного мышления, Карамзин писал, что они «славятся наукою письмоводства более, нежели наукою государственной»[106].

[102] Записка графа В. П. Кочубея «О положении империи и о мерах к прекращению беспорядков и введении лучшего устройства в разные отрасли, правительства составляющие» // Сборник РИО. Т. 90. СПб., 1894. С. 5–38.

[103] *Гурьев Д. А.* Всеподданнейшая записка «Об устройстве верховных правительственных мест в России. Предложения к исправлению настоящего установления». 1815–1816 гг. Список // ОР РНБ. Ф. 836 (А. И. Чернышев). Оп. 1. Д. 21. Л. 1–32. Опубликована по другому списку «Записка неизвестного [графа Д. А. Гурьева] «Об устройстве верховных правительств в России» // Сборник РИО. Т. 90. СПб., 1894. С. 39–92.

[104] *Карамзин Н. М.* Записка о Древней и Новой России // Русский архив. 1870. Кн. 1. Стб 2267.

План Всеобщего государственного образования 1809 г.

Если Екатерина II отказалась от сословно-представительного принципа, то Александр I в своих преобразовательных инициативах шел дальше. Во многом это было обусловлено потребностью в новых исторических условиях соответствовать ведущим странам Европы, в которых «уроки» Французской революции способствовали модернизации монархических институтов. Весьма впечатляющим был позитивный опыт строительства Наполеоном модернизированной абсолютной монархии, имеющей рационально организованную бюрократическую систему и управляемый верховной властью сословно-представительный орган. Согласно Конституции 1799 г., закреплялось верховенство правительства во главе с первым консулом — Наполеоном. Консул, обладавший законодательной инициативой, осуществлял исполнительную власть, назначал министров и членов Государственного Совета. Законодательный корпус — в виде Государственного Совета, составлявшего законопроекты, Законодательного собрания, утверждавшего или отвергавшего их без обсуждения, Охранительного Сената, контролировавшего конституционность — находился в полной зависимости от консула. Во время Первой империи во Франции окончательно восстановилась централизованная и бюрократически организованная система государственного управления[107]. Конституционная монархия в Англии в начале XIX в. была дуалистической, поскольку в руках короля оставалась сильная исполнительная власть и право абсолютного вето в отношении актов парламента[108].

В имперской России первым приступом к изменению политического строя страны стала работа по созданию знаменитого «Плана Всеобщего государственного образования» 1809 г., у которого были два автора — Александр I и М. М. Сперанский[109]. **С**тремясь выйти за пределы «феодального

[105] *Мирзоев Е. Б.* Записка Н. М. Карамзина и проекты М. М. Сперанского: Два взгляда на российское самодержавие // Вестник Московского государственного университета. Сер. 8: История. 2001. № 1. С. 61–76.

[106] *Карамзин Н. М.* Записка о Древней и Новой России. Стб 2289.

[107] История государства и права зарубежных стран. Т. 2. С. 61–65.

[108] Там же. С. 22–23.

[109] *Уманец Ф. М.* Александр и Сперанский. СПб., 1810. С. 67–81; *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории России в первой половине XIX в. М.; Л., 1957. С. 127–137; *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. С. 29; *Андреева Т. В.* Александр I и М. М. Сперанский: еще раз о «Плане Всеобщего государственного образования» 1809 года // Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2001. С. 41–74.

самоуправства»[110], создатели «Плана» видели в установлении конституционно-представительной монархии дуалистического типа, т.е. с парламентом и сильной, почти абсолютной властью монарха, гарантию укрепления и стабилизации российской государственности, а также механизм просвещения нации. Неподготовленность России в идеологическом и экономическом отношениях для введения «истинного монархического правления», т.е. конституционно-представительного правления классического образца, заставляла авторов «Плана» стремиться к сохранению верховенства монарха, крепостного права, сословного строя, а также к отказу от реализации классического принципа разделения властей.

Формирование представлений Александра I и Сперанского о дуалистической монархии как наиболее адекватной российским условиям происходило путем анализа конституционных актов Старого и Нового Света и выборки из них принципов, необходимых для приспособления к национальной специфике России. В опубликованном нами в 2011 г. новом варианте записок С. П. Трубецкого есть указания на то, что до создания «Плана» 1809 г. «Сперанский был уже с некоторого времени занят по поручению Александра разбором конституций существующих представительных государств»[111].

Это находит подтверждение в постоянном обращении М. М. Сперанского к основополагающим английским конституционным актам — Charta magna 1215 г. и Habeas Corpus Act 1679 г. При этом в парламентских реалиях Англии он подчеркивал «видимое властей ее разделение», и отсюда — «политическую силу ее правителей»[112]. Что же касается государственного устройства наполеоновской Франции, то реформатор совершенно четко увидел в нем принципы «мнимого конституционализма», при котором политические и правовые атрибуты классического монархического конституционализма использовались для утверждения внешних конституционно-парламентских форм и легитимации нового типа авторитаризма — диктатуры Бонапарта[113].

Создателей «Плана» 1809 г. интересовала и американская модель конституционализма. В РГИА, в фонде под названием «Бумаги М. М. Сперанского» сохранился рукописный текст Конституции США 1787 г.[114] Интерес к важнейшему законодательному акту Нового времени был обусловлен тем, что в основе американской Конституции лежал не классический принцип разделения властей, а его национальный американский вариант. Созданный не столько в соответствии с классическими теориями, сколько с учетом собственного политического опыта Северной Америки, он был направлен на предотвращение «деспотизма» в высшем управлении. В основе данного варианта лежала идея единства государственной власти, имеющей три ветви — законодательную, исполнительную и судебную. Для предупреждения концентрации властных полномочий одной из них Конституция утверждала систему «сдержек и противовесов», которая базировалась на следующих началах: все три ветви имели различные источники формирования; все органы власти имели различные сроки полномочий; каждая из ветвей власти имела законное право нейтрализовать узурпаторские намерения другой[115].

Одной из важнейших задач «Плана» 1809 г. Александра I и Сперанского, концептуально направленного только на подготовку условий для перехода от «феодального самодержавия» к «истинному монархическому правлению», также являлось формирование системы «сдержек и противовесов». Это было обусловлено трагическими уроками Французской революции, традициями российских дворцовых переворотов XVIII — начала XIX в., а также стремлением части российского сановничества к установлению аристократической конституции и превращению Государственного Совета или Сената в орган аристократической олигархии. Чтобы избежать всего этого, сохранить в государственной системе верховенство носителя «державной власти», сосредоточить в его руках законодательную, исполнительную, судебную «части», необходимо было прежде всего законодательно закрепить «власть и преимущества императора». Поэтому в «Проекте Уложения государственных законов» как основной части «Плана» утверждалось: «Особа императора есть священна. Император, вместе с восшествием на престол, восприемлет державную власть во всем ее пространстве. По праву державной власти и в порядке для нее установленном, император есть верховный законодатель <...>, верховный охранитель правосудия <...> он есть верховное начало силы исполнительной»[116].

Само же приближение к «истинному монархическому правлению» должно было происходить путем утверждения «образа правления Империи на непременяемом (т.е. конституционном. — *Т.А.*) законе», что давало «внутреннее политическое бытие России»[117]: «Не внешними только формами покрыть самодержавие, но ограничить его внутреннею и существенною силою установлений и учредить державную власть на законе». Предметами «непременяемого» «закона государственного (конституционного)» авторы «Плана» определяли:

[110] Противопоставление «истинного монархического правления» и «феодального самодержавства», «самоуправства» постоянно присутствует в работах Сперанского, предшествующих «Плану». См.: *Сперанский М. М.* 1) Записка о порядке государственного управления (в частности в России) и об улучшении организации губернской администрации. 1803 или 1804 годы // ОР РНБ. Ф. 637. Оп. 1. Д. 758. Л. 3 об.; 2) Проекты и записки. С. 24, 45, 67.

[111] *Трубецкой С. П.* Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. / Сост.: Т. В. Андреева и П. В. Ильин. СПб., 2011. С. 69.

[112] *Сперанский М. М.* Избранное. С. 198, 235, 324.

[113] Там же. С. 321, 324, 328, 335.

[114] РГИА. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 136.

[115] История государства и права зарубежных стран. Т. 2. С. 38–40.

[116] *Сперанский М. М.* Проект Уложения государственных законов в Российской империи // Сперанский М. М. Избранное. С. 367.

[117] *Сперанский М. М.* Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам // Там же. С. 376.

«права верховной власти», «права престола и его наследства», «образ составления законов, их сила действия», «права подданных, разделение состояний, означение прав политических каждого состояния и общих прав гражданских», а также «устройство порядка законодательного <...>, судного <...>, управления», т.е. устройство тех высших государственных учреждений, «коими закон составляется и исполняется». Все они в целом и составляют «Государственное уложение», т.е. «российскую конституцию»[118]. Предполагалось, что «державная власть, заключающаяся в особе императора и соединяющая в себе всю силу законодательную, судную и исполнительную», будет «приводить их в действие посредством государственных сословий, для сего установленных»[119]. Под «сословиями» имелись в виду Государственный Совет, Государственная Дума, Сенат и министерства.

При этом соотношение властных полномочий между «сословиями» и верховной властью и принципы их функционирования базировались на системе «сдержек и противовесов»: все «сословия» должны были иметь различные источники формирования и разные сроки полномочий; Государственный Совет, Государственная Дума и носитель «державной власти» являлись по отношению к друг другу политическими противовесами; «государственная ответственность» министров перед Государственной Думой утверждала новые просветительские принципы взаимоотношений законодательной и исполнительной «частей».

Что касается Государственного Совета, то он имел две политические функции. По отношению к носителю верховной власти Совет рассматривался как высший законосовещательный орган. По отношению к Государственной Думе, Сенату и министерствам он выступал как высший орган, координирующий их деятельность. Намечалось, что все проекты новых законов будут рассматриваться на Общем собрании Совета, члены которого должны представлять императору свои «мнения». Этим системе законодательства придавался централизованный и четкий порядок. Государственный Совет должен был состоять из членов, назначаемых императором, который председательствовал; причем министры также входили в его состав «по званию». Срок полномочий советников не оговаривался и полностью зависел от монарха. Совет был разделен на четыре департамента — законов, военных дел, гражданских и духовных дел, государственной экономии, в компетенцию которых входило рассмотрение проектов законов, представляемых министрами и «Комиссией составления законов», а также — дел по различным министерствам. При этом «ничто не выходит из Совета без Высочайшего утверждения», а все постановления, указы, манифесты, исходящие из него, после их Высочайшего утверждения должны были иметь преамбулу: «Вняв мнению Государственного Совета, повелеваем

[118] *Сперанский М. М.* Общее обозрение всех преобразований... С. 367.

[119] *Сперанский М. М.* Введение к Уложению государственных законов // Там же. С. 313–315, 321–322.

или учреждаем и проч.». Из четырех «сословий», функционирование которых было необходимо для введения конституции, т.е. «Государственного уложения», первым должен был быть учрежден Государственный Совет. Его открытие было назначено на 1 января 1810 г.[120], что и произошло.

Устройство Сената в порядке преобразований «Плана» намечалось вторым, поскольку «смешение дел управления и суда в Сенате дошло уже до такого беспорядка, что, независимо от общего преобразования, нельзя более отлагать нужные меры и исправления». По мнению авторов «Плана», Сенат должен был стать высшим судебным органом, каким его видели Екатерина II и Павел I. При этом он должен был стать выборным органом, но не учреждением аристократического представительства. Кроме министра и канцлера юстиции, Сенат должен был составляться из сенаторов, «избранных в губернских думах», но обязательно «утвержденных державной властью». Срок их полномочий — пожизненный, с возможностью увольнения по собственному желанию. Сенат имел четыре департамента — два гражданских и два уголовных, по равному числу в обеих столицах. Каждый департамент раз в три года мог избирать из своих членов трех кандидатов и представлять императору для утверждения одного из них президентом Сената. В полномочия Сената должно было входить прежде всего рассмотрение дел по государственным преступлениям (преступления «государственного бунта, или измены, или важного какого-либо потрясения государственной безопасности»). Все «суждения и решения» Сената должны были носить публичный характер. К государственным относились и все уголовные или должностные преступления, совершённые государственными деятелями — членами Государственной Думы и Государственного Совета, министрами, генерал-губернаторами и губернаторами, а также самими сенаторами. Для их рассмотрения из одной трети состава Сената, всех членов Совета, определенного числа депутатов Думы и всех министров создавался Верховный уголовный суд. Сенату как высшему судебному «сословию» также вверялся контроль над деятельностью нижестоящих судебных инстанций (суда волостного, окружного, губернского) и надзор за исполнением процедурных норм. Сенат, формирование которого должно было закончиться к 1 сентября 1810 г., задумывался и как высший апелляционный орган[121].

Центральной инстанцией «исполнительной части», т.е. «управления государственного», оставались министерства, во главе которых стояли министры, назначаемые императором. Срок их полномочий зависел от Высочайшей воли. Утверждалось, что «в России вся исполнительная часть должна принадлежать

[120] *Сперанский М. М.* 1) Введение к Уложению государственных законов. С. 362–366; 2) Краткое начертание государственного образования // Там же. С. 371–372; 3) Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам. С. 377.

[121] *Сперанский М. М.* 1) Введение к Уложению государственных законов. С. 347–349; 2) Краткое начертание государственного образования. С. 372; 3) Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам. С. 378, 380.

власти державной», но ее следует «усовершить и усилить». Главное внимание обращалось на отсутствие «государственной ответственности» министров, под которой понималась «законная ответственность», т.е. перед «конституционным законом» и «государственным законодательным сословием». По мнению авторов «Плана», это было обусловлено тем, что в России не было ни «коренных законов», т.е. конституции, ни законодательного учреждения. Модернизация министерской системы напрямую связывалась с формированием законодательного представительного органа и являлась важнейшей частью системы сдержек двух «сословий». Другим важнейшим недостатком министерского правления виделась «некоторая неточность и несоразмерность» в системе разделения дел между министерствами. Авторы «Плана» предлагали в ее основу положить принцип деления права на публичное и частное. Это должно было привести к более четкому разделению «в порядке исполнительном» на пять главных частей центрального управления. Это — «внешние сношения» (Министерство иностранных дел); «устройство внешней безопасности» (Военное министерство и Морское министерство); «публичная экономия» (Министерства внутренних дел и финансов); «устройство внутренней безопасности» (Министерство полиции); «устройство и надзор суда» (Министерство юстиции). Еще одним важным несовершенством министерской системы признавалось отсутствие «точных правил или учреждения, на коем можно действовать министру». Необходимо было ввести для всех министров «общий наказ», определяющий границы их «степени, власти и ответственности». Усовершенствование министерской системы авторы «Плана» видели не только в усилении единства и централизации государственного управления, но и в приведении его в соответствие с местной администрацией. «Устройство исполнительной части» должно было закончиться к 1 мая 1810 г.[122]

Важнейшим государственным учреждением империи должна была стать Государственная Дума. Думе, по замыслам Александра I и Сперанского, как «законодательному сословию», должен был «вверяться закон». В системе высших органов «державной власти» ей предназначалось «место, равное Сенату и министерству». Дума не обладала законодательной инициативой и могла только рассматривать законопроекты, предлагаемые императором. Однако они превращались в закон только после их рассмотрения в Думе и утверждения императором: «Законы предлагаются правительством, уважаются в Думе, утверждаются государем». Являясь высшим сословно-представительным органом, она «составлялась» по принципу многоступенчатости выборов «из депутатов от всех свободных состояний по избранию дум губернских»[123]. Подобный принцип был заложен в основание не только Конституции США при формировании

[122] *Сперанский М. М.* 1) Введение к Уложению государственных законов. С. 325, 349–359; 2) Краткое начертание государственного образования. С. 373; 3) Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам. С. 377.

[123] *Сперанский М. М.* Краткое начертание государственного образования. С. 372.

высшей палаты Конгресса — Сената, но и Конституции Наполеона 1799 г. при составлении Законодательного корпуса. Российская Государственная Дума должна была созываться ежегодно по «коренному», т.е. конституционному закону, а не указу императора, но император мог не только приостановить деятельность, но и распустить ее «совершенным всех членов ее увольнением». Согласно важнейшему просветительскому принципу, ей вверялся контроль над деятельностью центрального управления, т.е. министров: «Думе должны были представляться отчеты министров»; в случаях явного нарушения «Государственного уложения» Думе предоставлялось право «взыскивать ответ от министров, представляя отчет государю». По порядку преобразований Государственная Дума должна была открыться 1 сентября 1810 г.[124]

Александр I так и не реализовал «План» 1809 г. в полном объеме, но учреждение 1 января 1810 г. законосовещательного Государственного Совета рассматривалось императором как первый приступ к его воплощению и «безмерный шаг от самовластия к истинным формам монархическим»[125].

Государственная Уставная грамота

Разработку проекта «Государственной Уставной Грамоты Российской империи»[126] в 1816 г. Александр I поручил Н. Н. Новосильцову, поскольку последний имел возможность во время поездок в конце XVIII в. во Францию и Англию ознакомиться с их парламентскими системами, его перу принадлежал ряд записок 1801 г., посвященных конституционному вопросу. Первая редакция проекта была готова и рассмотрена Александром I в октябре 1819 г. Вторая редакция текста «Уставной Грамоты» в Варшаве была представлена Александру I, привезшему ее летом 1820 г. в Петербург, где она стала достаточно широко известна[127].

«Уставная Грамота», основные положения которой развивали идеи «Плана» 1809 г., имела как отличительные, так и схожие черты с западноевропейскими конституциями первой четверти XIX в. Сходство с Конституционной Хартией Франции 1814 г., Конституционной Хартией Царства Польского 1815 г., конституциями Баварии и Бадена 1818 г. прослеживается прежде всего в структуре политического устройства. В «Грамоте» предполагалось введение «народного

[124] *Сперанский М. М.* 1) Введение к Уложению государственных законов. С. 329, 344–345; 2) Краткое начертание государственного образования. С. 372; 3) Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам. С. 381.

[125] *Сперанский М. М.* Отчет от 11 февраля 1811 года о делах 1810 года, представленный Александру I // Сборник РИО. Т. 21. СПб., 1877. С. 449.

[126] Публикации проекта см.: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 499–526; Конституционные проекты в России XVIII — начала XX в. М., 2000. С. 411–453.

[127] *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы. С. 178, 182–183.

представительства» в форме общероссийского парламента — Государственного сейма (Государственной Думы) — которому вверялась законодательная власть. Он должен был состоять из двух паритетных политических сил — «Государя и двух Палат». Палаты — Высшая (Сенат), нижняя (Посольская Палата), имея политическое равенство, не обладали правом законодательной инициативы, которой в полном объеме владел только император. Верховным главой государства объявлялся монарх, который мог наложить абсолютное вето на любой закон, уже утвержденный Сеймом, или распустить его. Император в полном объеме обладал исполнительной властью с правом назначения высших должностных лиц. В основе избирательного права лежали высокий имущественный ценз и многоступенчатость выборов, что обеспечивало контроль над представительным органом. Главной отличительной чертой «Уставной Грамоты» по сравнению с европейскими конституциями был принцип федеративного устройства, что отвечало объективным потребностям Российской империи, и, как известно, было положено в основу «Русской Правды» П. И. Пестеля. Отсутствовали также основополагающий просветительский принцип контроля сословно-представительного органа над деятельностью носителя верховной власти в лице императора, а также право вотирования им государственного бюджета. И главное — в России сохранялись сословный строй и крепостное право[128].

«Уставная Грамота» была следующим (применительно к «Плану» 1809 г.) шагом на пути преобразования Российской империи в конституционно-представительную дуалистическую монархию. Основанная на компромиссе парламентаризма и абсолютизма, она выявляла стремление Александра I приспособить либерально-просветительские идеи и принципы к российским условиям. Кроме этого, «План» 1809 г. и «Уставная Грамота» отражали главную идею преобразовательной программы Александра I, состоявшую, как и «реформаторская программа» Екатерины II, в проведении взаимосвязанных преобразований системного характера. В том и другом случае их главной целью являлась законодательная («конституционная») реформа, которой были подчинены перестройка высшего, центрального и местного управлений и увязывание их в единую систему, функционировавшую на всей территории Российской империи. Это отчетливо проявляется в утверждении М. М. Сперанского в его «Обозрении гражданских установлений» (1821 г.), что «вместе с учреждением министерств помышлено было и о лучшем образовании губернского устройства, но ни в 1802 году, ни в 1809 году не было составлено полного на сию часть проекта»[129].

Необходимость унификации административного управления и создания местной власти на принципах, заданных министерской реформой и предполагаемым введением конституционно-представительного правления, заставляла верховную власть после событий 1812–1814 гг. инициировать создание проекта «Учреждения наместничеств»[130]. Скорее всего, его автором также был Н. Н. Новосильцов. Тот факт, что именно ему было поручено создание проекта, вероятно, был обусловлен тем, что он был автором последней редакции Конституционной Хартии Царства Польского 1815 г., являлся сторонником имперского централизма и стремился к созданию единообразного управления над всеми имперскими территориями[131]. То, что нормы Конституционной Хартии нашли отражение в проекте «Учреждения наместничеств», а его основные положения, связанные с проблемой генерал-губернаторств, легли в основу «Уставной Грамоты», свидетельствует о взаимосвязанности преобразований. В разговоре с генерал-адъютантом А. Д. Балашевым (ноябрь 1819 г.) император подчеркивал: «Я, войдя на престол, нашел управление Государства в довольно смешанном и странном виде <...> по сему последовало разделение Министерств, которое потом показав свои удобствы и неудобствы, нужно было переиначивать иногда; учрежден Комитет Министров; преобразован Государственный Совет <...> Я уверен, что Государство не может быть хорошо управляемо, есть ли не будет в среднем и нижнем его разряде подобия с вышним; также и в том, что Государство, дабы деятельно было управляемо, должно быть разделено на весьма многие части, иначе надзор Государя будет везде слаб»[132]. 2 марта 1823 г. начался «балашовский эксперимент», который в историографии справедливо рассматривается в комплексе реформаторских проектов как составная часть общего преобразования государственного управления и реализация «Уставной Грамоты»[133]. Ведь ее третья редакция была создана в 1824 г. с учетом опыта создания генерал-губернаторств под руководством Балашева[134].

Итак, административные преобразования начала XIX в., а также проекты «Грамоты российскому народу» 1801 г., «Плана» 1809 г. и «Государственной Уставной Грамоты» 1818–1820 гг., предполагавшие преобразование всей

[128] *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы. С. 184–206; *Захаров В. Ю.* Российский конституционализм 2-й половины XVIII — первой половины XIX в. С. 43.

[129] Цит. по: Материалы, собранные для Высочайше учрежденной Комиссии о преобразовании Губернских и уездных учреждений. Ч. 1. Отдел 1. СПб., 1870. С. 230.

[130] Проект учреждения наместничеств 1816 г. // Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: В 2 т. Т. 2. СПб., 2003. С. 36–57.

[131] *Любезников О. А., Скрыдлов А. Ю.* Н. Н. Новосильцов и А. Д. Балашев: разработка и реализация преобразований в системе местного управления при императоре Александре I // Клио. 2013. № 12. С. 108–111.

[132] Цит. по: Там же. С. 111.

[133] *Вернадский Г. В.* Государственная Уставная Грамота Российской Империи 1820 г. Историко-юридический опыт. Прага, 1925. С. 44–45; *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы. С. 178; *Чернов К. С.* Забытая конституция: «Государственная Уставная Грамота Российской империи». М., 2007. С. 128; *Любезников О. А., Скрыдлов А. Ю.* Н. Н. Новосильцов и А. Д. Балашев. С. 108–115; *Скрыдлов А. Ю.* На службе России: Александр Дмитриевич Балашев. 1770–1837. СПб., 2016. С. 202.

[134] *Чернов К. С.* Забытая конституция: «Государственная Уставная Грамота Российской империи». С. 128, 138–146.

государственной структуры империи, а также генерал-губернаторский эксперимент — свидетельствовали, что реформаторский процесс царствования Александра I носил целостный, программный и системный характер.

Выводы

1. В целом историю реформ в государственном управлении России во второй половине XVIII — первой четверти XIX в. следует рассматривать как единый, целостный процесс, отражавший поступательный характер ее политического развития и направленный на укрепление Российского государства. Однако единство стратегической цели официального реформаторства не предполагало единства тактических средств ее достижения. Если Екатерина II проводила политику «просвещенного абсолютизма» с «элементами доктрины конституционализма», Павел I строил «регулярное государство», то Александр I использовал правительственный конституционализм.

2. При всех особенностях и отличительных чертах реформаторской тактики прослеживается определенная преемственность в преобразовательной политике второй половины XVIII — первой четверти XIX в.: а) в основе официального реформаторства лежали реформаторские программы или их элементы; преобразования при Екатерине II и Александре I носили последовательный, системный и взаимосвязанный характер; б) реформирование административного строя империи в данную эпоху являлось составной частью процесса модернизации российской государственности и было тесно связано с созданием кодифицированного законодательства; в) важнейшей задачей преобразований признавалась централизация управления, хотя инструментарии ее решения были избраны разные — личное начало при Екатерине II и Павле I, посредством государственных учреждений при Александре I; тогда как система «сдержек и противовесов», коллегиальный и министерский принципы варьировались; г) при Екатерине II и Александре I преобразования были подчинены законодательной («конституционной») реформе, но граница официального реформаторства была различной; в основе политической концепции власти лежала идеологическая просветительская концепция «законной монархии», которая на практике использовалась прагматично и выборочно. До конца александровского царствования так и не были реализованы: 1) основополагающая просветительская идея об ограничении власти монарха путем законодательного закрепления его обязанностей, установления социального контроля над его деятельностью в лице сословно-представительного органа; 2) положение о даровании всем подданным гражданских прав и буржуазных свобод, об обеспечении прав граждан на участие в осуществлении государственной власти.

3. В царствование Александра I реформирование управления являлось составной частью модели взаимоотношений верховной власти и «общества» в широком смысле. Александровская модель включала: философию Просвещения как ее идеологический источник, предполагаемую конституцию как законодательную базу, систему усовершенствованного государственного управления как административную практику.

References

Anisimov E. V. Reformy Ekateriny II // Vlast' i reformy. Ot samoderžavnoj k sovetskoj Rossii. 1-e izd. SPb., 1996. S. 164–190.

Anisimov E. V. Rossiâ pri Pavle I // Tam že. S. 191–198.

Černov K. S. Zabytaâ konstituciâ: «Gosudarstvennaâ Ustavnaâ Gramota Rossijskoj imperii». M., 2007.

Èjdel'man N. Â. Gran' vekov: Političeskaâ bor'ba v Rossii. Konec XVIII — načalo XIX stoletiâ. M., 1982.

Istoriâ Pravitel'stvuûšego Senata za dvesti let. 1711–1911 gg. T. 3. SPb., 1911.

Kamenskij A. B. «Pod seniû Ekateriny...». Vtoraâ polovina XVIII v. SPb., 1992.

Kamenskij A. B. Ot Petra I do Pavla I. Reformy v Rossii XVIII veka. Opyt celostnogo analiza. M., 2001.

Konstitucionnye proekty v Rossii XVIII — načala XX v. M., 2000.

Mironenko S. V. Samoderžavie i reformy. Političeskaâ bor'ba v Rossi v načale XIX v. M., 1989.

Omel'čenko O. A. «Zakonnaâ monarhiâ» Ekateriny Vtoroj: Prosveŝennyj absolûtizm v Rossii. M., 1993.

Pisar'kova L. F. Gosudarstvennoe upravlenie Rossii v pervoj četverti XIX v.: Zamysli, proekty, voplošenie. 1-e izd. M., 2012.

Safonov M. M. Problema reform v pravitel'stvennoj politike Rossii na rubeže XVIII i XIX vv. L., 1988.

Šepelev L. E. Apparat vlasti v Rossii. Èpoha Aleksandra I i Nikolaâ I. SPb., 2007.

Sorokin Û. A. Pavel I: Ličnost' i sud'ba. Omsk, 1996.

Sorokin Û. A. Rossijskij absolûtizm v poslednej treti XVIII v. Omsk, 1999.

Timofeev D. V. Evropejskie idei v Rossii: vospriâtie liberalizma pravitel'stvennoj èlitoj v pervoj četverti XIX veka. Čelâbinsk, 2006.

Timofeev D. V. Evropejskie idei v social'no-političeskom leksikone obrazovannogo rossijskogo poddannogo pervoj četverti XIX veka. Čelâbinsk, 2011.

Zaharov V. Û. Èvolûciâ rossijskogo absolûtizma v kontekste razvitiâ konstitucionnyh idej v Rossii i Evrope vo 2-j polovine XVIII — 1-j četverti XIX v. M., 2008.

Zaharov V. Û. Vsemilostivejšaâ žalovannaâ gramota rossijskomu narodu 1801 g. v kontekste razvitiâ konstitucionnyh idej v Rossii vo vtoroj polovine XVIII — pervoj četverti XIX v. M., 2002.

Список литературы

Анисимов Е. В. Реформы Екатерины II // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. 1-е изд. СПб., 1996. С. 164–190.

Анисимов Е. В. Россия при Павле I // Там же. С. 191–198.

Захаров В. Ю. Всемилостивейшая жалованная грамота российскому народу 1801 г. в контексте развития конституционных идей в России во второй половине XVIII — первой четверти XIX в. М., 2002.

Захаров В. Ю. Эволюция российского абсолютизма в контексте развития конституционных идей в России и Европе во 2-й половине XVIII — 1-й четверти XIX в. М., 2008.

История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг. Т. 3. СПб., 1911.

Каменский А. Б. «Под сению Екатерины...». Вторая половина XVIII в. СПб., 1992.

Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 2001.

Конституционные проекты в России XVIII — начала XX в. М., 2000.

Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в Росси в начале XIX в. М., 1989.

Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993.

Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: Замыслы, проекты, воплощение. 1-е изд. М., 2012.

Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988.

Сорокин Ю. А. Павел I: Личность и судьба. Омск, 1996.

Сорокин Ю. А. Российский абсолютизм в последней трети XVIII в. Омск, 1999.

Тимофеев Д. В. Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элитой в первой четверти XIX века. Челябинск, 2006.

Тимофеев Д. В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск, 2011.

Чернов К. С. Забытая конституция: «Государственная Уставная Грамота Российской империи». М., 2007.

Шепелёв Л. Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб., 2007.

Эйдельман Н. Я. Грань веков: Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия. М., 1982.

УДК 94(47)«1914/19»

С. В. Букалова

Роль местного самоуправления в организации помощи беженцам в годы I Мировой войны

Тема массовых миграций неожиданно приобрела острую актуальность в связи с хлынувшим в Европу потоком переселенцев из стран Ближнего Востока и Африки. Статус этих людей, политика в их отношении становятся темами, грозящими расколоть единство Европейского Союза. Осознавая обманчивость исторических параллелей, отметим, что летом–осенью 1915 г. губернии Европейской России приняли не менее 2,7 млн беженцев[1].

Исход беженцев был гуманитарной катастрофой, спровоцированной как военными неудачами, так и политикой Ставки. Дальнейшая же судьба миллионов обездоленных стала предметом заботы гражданской администрации тыловых губерний. Государственная политика в отношении беженцев складывалась летом 1915 — весной 1916 г. Большую роль в ее реализации играли органы местного самоуправления — земства, городские общественные управления и созданные ими структуры. Тема участия местного самоуправления в помощи беженцам в существующих работах затронута поверхностно, тогда как именно на этот уровень публичной власти законодательством было возложено «местное попечение о беженцах и их дальнейшей судьбе»[2].

[1] *Курцев А. Н.* Беженство // Россия и I Мировая война (Материалы международного научного коллоквиума). СПб., 1999. С. 140.

[2] Положение об обеспечении нужд беженцев. П. 22 // Законы и распоряжения о беженцах. Вып. 1. Изд. 2-е, значительно дополненное. М., 1916. С. 6.

Первым по хронологии возникновения является вопрос о механизмах вовлечения местного самоуправления в дело помощи беженцам. После того как исход населения из оставляемой русскими войсками зоны принял непредвиденный размах и неуправляемый характер, военные власти были вынуждены воззвать к помощи Земского союза, имевшего соответствующую инфраструктуру и опыт участия в эвакуации раненых, а также располагавшего финансовыми возможностями. Ходатайства об оказании помощи беженцам поступали не только от местных комитетов Союза, но и от начальников снабжения армий Юго-Западного и Северо-Западного фронтов, а также от губернаторов[3].

Хотя участие в помощи гражданскому населению (как, впрочем, и деятельность во фронтовых районах) изначально не входили в компетенцию Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам, структуры ВЗС пошли навстречу обращениям властей, предоставив беженцам питательные пункты, врачебную помощь, устроив склады необходимых материалов и изоляционные бараки[4]. МВД санкционировало обращения руководства Земского и Городского союзов к Главноуполномоченным Северо-Западного и Юго-Западного фронтов по устройству беженцев за необходимыми для этих целей кредитами[5]. В адрес местных комитетов производились ассигнования по представленным сметам, местные комитеты самостоятельно расходовали на нужды беженцев имеющиеся у них в обороте средства обоих союзов[6].

В связи с тем, что для транспортировки беженцев широко использовался железнодорожный транспорт, беженские партии прибывали главным образом в города, и городские управы должны были прилагать усилия по размещению и обеспечению этой массы людей. Они развернули активную работу по обслуживанию нужд прибывших в форме разнообразных комиссий и бюро — транспортных, питательных, квартирных, адресных. При городских управах создавались комитеты по беженскому делу. Их состав был довольно широким, не ограничиваясь деятелями самоуправления: так, Владимирский городской комитет включал управу и членов городской думы, представителей от польского, епархиального, Татьянинского, уездного земского комитетов и студенческой организации[7].

[3] Беженцы и организация помощи им в связи с работами Особого совещания. Доклад Гл. ком. уполномоч., пред. отдела М. М. Щепкина. М., 1916. С. 3, 13.

[4] В Особое совещание по устройству беженцев / Главный комитет Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам. М., 1915. С. 2.

[5] *Цовян Д. Г.* Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 88.

[6] Беженцы и организация помощи им... С. 3, 15.

[7] Список организаций, ведающих дело помощи беженцам (на 1-е мая 1916 г.). Вып. 1. Европейская Россия. М., 1916. С. 13, 32.

В городах могли работать беженские комитеты городских управ или отделения Союза городов, занятые устройством беженцев, либо же отделение уездного комитета Земского союза могло охватывать своей деятельностью и город. Со складов Земского союза местные комитеты могли получать одежду и белье для беженцев[8]. В период притока беженцев губернские комитеты Земского союза получали средства от ВЗС и главноуполномоченных Северо-Западного и Юго-Западного фронтов для создания на узловых железнодорожных станциях распределительных пунктов и справочных бюро, организации медицинской помощи[9].

На начальном этапе транзита беженцев организация помощи им отличалась структурным разнообразием, сосредоточиваясь не только вокруг самоуправлений, но и вокруг местных отделений Татьянинского комитета, предводителей дворянства. Так, в Царевосанчурске Вятской губернии городское общественное управление влилось в состав Татьянинского комитета, а в Саратовской губернии в начале беженского движения по указанию губернатора земские и городские учреждения создали местные отделения комитета[10]. Однако впоследствии возобладало мнение, что распределение казенных ассигнований не должно осуществляться через благотворительную организацию, каковой являлся «Комитет Е. И. В. Великой Княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий».

Масштаб беженского движения указывал, что эта социальная категория нуждается в широкой государственной помощи. Принципиальным моментом в характеристике системы призрения беженцев явилось ее отличие от сложившейся годом ранее системы помощи больным и раненым воинам, стержнем которой стали общероссийские объединения органов самоуправления. Они также принимали активное участие в эвакуации беженцев, получая на это государственные ассигнования, и были готовы возглавить деятельность местного самоуправления в отношении беженцев.

Собрание уполномоченных губернских земств 7–9 сентября 1915 г. признало целесообразным сосредоточение всех мероприятий по беженскому делу в руках местного самоуправления с централизующей ролью союзов, по образцу организации госпитального дела. Это решение долгое время служило Главным комитетам союзов аргументом для отстаивания своих интересов. К тому моменту императором уже был подписан Закон об обеспечении нужд беженцев от 30 августа 1915 г. Его основу составлял проект члена внепартийной «земской группы» Государственной Думы Г. И. Свенцицкого, вынесенный на рассмотрение Комиссии по направлению законодательных предположений уже

[8] Краткий очерк деятельности Всероссийского земского союза. Январь 1916 года. М., 1916. С. 46.

[9] *Карманов Д. К.* Воронежское земство: 1914–1918: Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2002. С. 128.

[10] Список организаций... С. 21, 71, 99, 109, 126.

30 июля, в самый разгар стихийного движения беженцев. Около месяца в Думе продолжались дискуссии о распределении полномочий и финансирования[11]. Со стороны МВД подготовку закона вела комиссия с участием членов Государственного Совета и под председательством товарища министра внутренних дел Н. В. Плеве. 13, 17 и 21 августа законопроект проходил обсуждение в Госсовете[12]. В итоговом варианте местному самоуправлению была отведена роль исполнительных органов реализации политики в отношении беженцев. Они наделялись правом самостоятельно избирать организационные формы решения поставленных задач, однако роль ВЗС по отношению к беженскому вопросу не была регламентирована законом.

Главный комитет ВЗС настаивал на рассмотрении этого вопроса Особым Совещанием по устройству беженцев, через своего главу Г. Е. Львова входил в сношения с министром внутренних дел, надеясь на принятие благоприятных для себя решений об объединении земств в деле помощи беженцам — однако Особеж упорно воздерживался от вынесения окончательного официального заключения, в то время как подготовительная комиссия Особого совещания единодушно высказалась против возможности подобного объединения[13].

В отличие от лета 1914 г., когда принималось решение о создании Земского и Городского союзов, для власти были очевидны как перспективы затяжной войны, так и оппозиционный по отношению к официальной иерархии настрой общественных деятелей. В этих условиях правительство стремилось сохранить за собой контроль значительного объема направляемых на помощь беженцам средств. С другой стороны, в случае сосредоточения беженской помощи вокруг ВЗС и губернских земств все остальные правительственные, национальные и благотворительные организации, причастные к беженскому делу (в том числе и Татьянинский комитет), оказывались бы в подчиненном положении, что было неприемлемо для них.

В сентябре 1915 г., когда вопрос о статусе союзов по отношению к беженскому делу находился в подвешенном состоянии, причем союзы уже понесли значительные расходы на неотложную помощь беженцам, ими был создан Объединенный отдел ВЗС и ВСГ по устройству беженцев[14]. Наряду с Земгором (Главным комитетом по снабжению армии) этот отдел явился соединительным звеном между земскими и городскими структурами. В то же время руководство Союзов пришло к выводу, что следует сохранить самостоятельность обоих союзов в беженском деле, несмотря на трудность разграничения компетенции между городским и земским самоуправлением[15].

[11] *Хасин В. В.* Миграционные процессы в Российской империи в I Мировую войну: По документам Нижнего Поволжья: Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1999. С. 25.

[12] *Цовян Д. Г.* Указ. соч. С. 37.

[13] В Особое Совещание... С. 5.

[14] Беженцы и организация помощи им... С. 16.

[15] Там же.

Отдел по устройству беженцев обладал организационной автономией от обоих союзов, вел отдельное счетоводство. Его связь с союзами поддерживалась путем совместных заседаний с Главными комитетами, на которых рассматривались принципиальные вопросы деятельности[16]. После долгой переписки Отделу удалось получить два транша правительственного финансирования в счет компенсации средств, перечисленных местным комитетам в период транзита беженцев, всего 4,1 млн руб.[17]; еще 1,1 млн руб. получил Союз городов (Согор)[18]. Также Особеж в конце 1915 г. предоставил ВЗС аванс на беженское дело в размере 3 млн руб. Еще 2 млн были получены ВЗС авансом от военного ведомства на этапе транзита. В дальнейшем отсутствие казенных средств существенно сузило и размах деятельности Отдела, и ее территориальные рамки.

Объединенный отдел по устройству беженцев оказался приписан к Московской губернии[19], значительная часть его деятельности носила локальный характер. Эвакуационный подотдел действовал в пределах Московского железнодорожного узла. Наряду с ним существовали подотдел питательных пунктов и подотдел проводников[20]. Юридический подотдел давал консультации обратившимся беженцам, вел издательскую деятельность. Информационные функции выполняли статистический подотдел и Центральное справочное бюро, которое вело регистрацию беженцев и издавало справочники адресов беженцев. Более широкие связи с периферией поддерживали детский подотдел, который финансировал сиротские приюты для детей-беженцев, и Всероссийское бюро труда, субсидировавшее местные трудовые бюро.

Подотдел помощи детям-беженцам имел отделения в большинстве губерний и городов России. Первоначально агенты Союза городов собирали детей, потерявших в ходе эвакуации своих родителей, и сосредотачивали их преимущественно в Москве, где городское управление по согласованию с Главным комитетом ВСГ открыло ряд детских приемников-распределителей, откуда дети направлялись в специализированные приюты в других городах. Например, в октябре 1915 г. Тула приняла от ВСГ 45 детей-сирот, так как выяснилось, что среди осевших в городе беженцев сирот почти не было, тогда как Объединенным отделом по устройству беженцев предусматривалось финансирование только приютов для круглых сирот[21]. Всего на средства Объединенного отдела было создано 58 детских приютов на 3714 мест[22].

[16] Очерк деятельности Всероссийского союза городов. 1914–1915. М., 1916. С. 42.

[17] В Особое Совещание... С. 6–7.

[18] Беженцы и организация помощи им... С. 28.

[19] Список организаций... С. 61.

[20] Беженцы и выселенцы. Отдельные оттиски из № 17 Известий Всероссийского союза городов. М., 1915. С. 50, 91.

[21] Отчет о деятельности Тульского городского комитета по призрению беженцев с 22 июля 1915 г. по 1 января 1916 г. Тула, 1916. С. 23.

[22] Очерк деятельности... С. 142.

Медико-санитарный подотдел разрабатывал меры по борьбе с эпидемиями, угроза которых исходила от беженской массы. Объединенный отдел содержал врачебные пункты в 26 городах, занимался командированием врачебного персонала и присылкой медикаментов по заявкам как городских, так и земских комитетов о беженцах[23].

В отличие от Земского союза, Союз городов сумел сохранить значительное финансирование медицинской помощи беженцам и детских приютов. Городской организации к 1 января 1916 г. удалось получить более 6,5 млн субсидий на нужды беженцев[24]. В конце 1916 г. Согор решил учредить свой собственный отдел по устройству беженцев для руководства беженскими учреждениями, финансируемыми им, и Объединенный отдел прекратил свое существование[25].

Между Объединенным отделом и прочими структурами беженского дела существовали определенные противоречия, придававшие некоторым проблемам, сопряженным с пребыванием беженцев, политическое звучание. Уже на этапе беженского транзита деятельность питательных пунктов Земского союза и Татьянинского комитета не была взаимно согласована, что было названо даже «игрой в чехарду»[26]. Затем трения вызвала регистрация прибывших беженцев в целях установления их общего числа. В конкуренцию между собой вступили Статистический подотдел Объединенного отдела ВЗС и ВСГ и Особый отдел Татьянинского комитета по регистрации беженцев, образовавший Центральное всероссийское бюро по регистрации и розыску беженцев.

Особое совещание в декабре 1915 г. (на заседании «случайно отсутствовали» представители обоих союзов[27]) постановило, что центральным органом по производству сплошной регистрации осевших беженцев должен быть Татьянинский комитет[28]. В свою очередь, комитет предполагал перепоручить проведение сплошной переписи по разработанной им анкете земским и городским управам, имевшим хорошо поставленное статистическое дело. Он надеялся централизованно решить эту задачу через главные комитеты союзов, дважды направляя им предложения о сотрудничестве, однако ответа от Г. Е. Львова и М. В. Челнокова не было получено. Устно представители союзов заявили уполномоченному Татьянинского комитета, что регистрация будет осуществлена ими самостоятельно и ее результаты будут использоваться Справочным бюро по розыску беженцев[29].

[23] Очерк деятельности... С. 136.

[24] Там же. С. 144. *Примечание: в тексте явная опечатка: «...на 1-е января 1915 г.».*

[25] *Алёхина Е. В.* Деятельность Тамбовского земства в годы I Мировой войны: Дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2005. С. 110, 113.

[26] Беженцы и организация помощи им... С. 20.

[27] Там же. С. 40.

[28] Отчет о деятельности Особого отдела Комитета Великой Княжны Татьяны Николаевны по регистрации беженцев в 1915 г. Пг., 1916. С. 62.

[29] Там же. С. 33.

В итоге в разных губерниях организация сплошной регистрации беженцев существенно различалась. В некоторых губерниях было найдено взаимопонимание между местными отделениями Татьянинского комитета и Земского Союза, и последний взял на себя организацию переписи беженцев. В Киеве по взаимной договоренности регистрацию осуществлял комитет, а в Киевской губернии — ВЗС. В Казанской губернии регистрацию беженцев в интересах Татьянинского комитета произвело Справочное бюро при губернской земской управе, а в Ярославской губернии регистрацию провели уездные справочные бюро, состоявшие при уездных управах. Во Владимирской губернии в распоряжение Татьянинского комитета были предоставлены результаты переписи, ранее проведенной структурами Земского и Городского союзов[30]. Стоит отметить, что обмен информацией между местными структурами Объединенного отдела и Татьянинского комитета протекал не безвозмездно: Татьянинский комитет, будучи вынужден получать регистрационный материал от Объединенного отдела, платил по 1 копейке за копию учетной карточки беженца[31].

Другой важной проблемой, имевшей общественное значение, было медико-санитарное обслуживание беженской массы. Во время транзита среди беженцев свирепствовали инфекционные заболевания, уносившие в дороге тысячи жизней вынужденных переселенцев. Вместе с беженскими поездами холера, тиф, корь и т.п. распространялись по стране, грозя вызвать эпидемии и среди местных жителей. К тому же бедственное материальное положение и плохие условия жизни делали беженцев особенно уязвимой для болезней категорией населения. Именно в отношении медицинской помощи беженцам роль органов местного самоуправления была наиболее значительной, ибо они были единственной структурой, располагавшей соответствующими возможностями. В первую очередь это касалось городов, как в силу большей концентрации факторов риска, так и в силу сравнительно лучшей по сравнению с сельской местностью обеспеченности врачебными кадрами.

Союз городов еще до нашествия беженцев выразил обеспокоенность угрозой эпидемий, переведя ее, как и проблему регистрации беженцев, в политическую плоскость. На расширенном заседании Главного комитета ВСГ 5 апреля 1915 г. было решено ходатайствовать перед императором о передаче всего «дела борьбы с заразными болезнями» как на фронте, так и в тылу, в руки Земского и Городского союзов с соответствующим финансированием, причем Городской союз уже подготовил соответствующую смету, одобренную Красным Крестом[32].

Объединенный отдел по устройству настаивал на разработке общегосударственного плана противоэпидемических мероприятий, рассчитывая стать

[30] Там же. С. 40–44.

[31] Беженцы и организация помощи им... С. 70.

[32] Очерк деятельности... С. 93.

ключевым звеном его осуществления, тем более что на Земский союз была возложена борьба с эпидемиями на фронте[33]. По замыслу главных комитетов союзов, исходящая от беженцев эпидемическая угроза требовала создания общероссийской сети фильтрационных пунктов, распределителей, специализированных лечебных учреждений. Городские самоуправления встречали значительные затруднения в реализации даже отдельных элементов этой программы ввиду их затратности, нехватки персонала, дефицита оборудования и медикаментов. Однако на совещании при Верховном начальнике санитарной и эвакуационной части 2 августа 1915 г. было одобрено финансирование противозаразных мероприятий в военных госпиталях Земского союза, в то время как мероприятия по борьбе с заразными заболеваниями среди гражданского населения считались подлежащими ведению местных общественных учреждений и субсидировались Противочумной комиссией[34].

В сельской местности, где доля осевших беженцев по отношению к местному населению была сравнительно невелика, нагрузку приняла на себя земская медицина. Костромской губернский комитет о беженцах еще в сентябре 1915 г. постановил руководствоваться при расселении беженцев соображениями близости врачебного надзора и обеспеченности уезда врачебными силами[35]. Вынужденные переселенцы должны были пользоваться бесплатной медицинской помощью от земств на общих основаниях с местным населением. Например, в 1915–1916 гг. в земских больницах Козельского уезда на стационарном лечении находилось 562 беженца, а еще 5859 человек воспользовались амбулаторным лечением.

В городах лечебные учреждения не могли принять на себя значительную дополнительную нагрузку, при том что эпидемиологическая ситуация здесь была более угрожающей. ВСГ определял общую долю беженцев, охваченных болезнями, в 1/5 от их числа, предполагая их общую потребность в госпитальных местах в 14 тыс. коек[36]. В интересах доступности врачебной помощи как для беженцев, так и для самих местных жителей местному самоуправлению приходилось идти на создание специализированных беженских лечебниц различного типа.

В Калуге и Сухиничах за период войны были открыты два инфекционных госпиталя на 640 коек, два заразных барака для беженцев, а также создано пять эпидемиологических отрядов[37]. В Костроме для медицинского обследования

[33] *Куликов С. В.* Всероссийский Земский Союз // Россия в I Мировой войне, 1914–1918: энциклопедия: В 3 т. М., 2015. Т. 1. С. 442.

[34] Собрание уполномоченных губернских земств в Москве. 7–9 сентября 1915 г. Журналы заседания. М., 1916. С. 45.

[35] *Басов Н. Ф., Аристова О. В.* Опыт помощи беженцам в Костромской губернии в годы I Мировой войны // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2008. № 3. С. 271.

[36] Очерк деятельности... С. 135.

[37] *Суханова О. Н.* Земская помощь беженцам во время I Мировой войны (на материалах Калужской губернии) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 4. С. 133.

беженцев и оказания им лечебной помощи был специально нанят врачебный персонал[38].

ВСГ санкционировал создание в городах 1640 госпитальных мест для лечения заразных заболеваний беженцев и 580 мест — для неинфекционных больных[39]. В Брянске в заразный барак для беженцев превратили хирургический госпиталь Союза городов на 80 мест[40]. В Туле на средства Союза городов была организована 100-местная больница для беженцев и изолятор для детей. Для медицинского обследования беженцев Тульский городской комитет нанял четырех врачей и 8 фельдшеров[41].

На местах помощь беженцам могла выделяться как самостоятельное направление деятельности Земского союза: в Екатеринославском губернском комитете ВЗС действовал отдел помощи беженцам; также и в Воронежской губернии существовал губернский комитет по призрению беженцев Земского союза, включавший представителей местных комитетов ВЗС и ВСГ, губернской земской управы и воронежского городского самоуправления. В свою очередь воронежский комитет Союза городов также образовал комиссию по беженцам. В Смоленской губернии возник объединенный беженский комитет ВЗС и ВСГ.

В ряде губерний роль объединяющей организации закрепилась за губернским комитетом Земского союза. Так, в Казанской губернии устройством беженцев ведал губернский комитет ВЗС[42]. Напротив, в Таврической губернии всё беженское дело сосредоточилось в губернском комитете при губернской земской управе. А в Перми на этапе становления системы призрения беженцев губернатор настойчиво требовал сосредоточить беженскую помощь при земских управах, не допуская вовлечения союзов в это дело. В Бежецком уезде Тверской губернии по распоряжению губернатора был создан Объединенный комитет по оказанию помощи беженцам, который финансировался Бежецким городским комитетом Союза городов[43].

Законом 30 августа 1915 г. забота об обеспечении нужд беженцев была возложена на МВД и подведомственные ему органы[44]. На местах были образованы совещания по устройству беженцев под руководством губернаторов. Их заседания проходили с участием представителей администрации, самоуправления, общественности, национальных беженских организаций. До принятия Руководящих положений по устройству беженцев в марте 1916 г. губернские

[38] *Басов Н. Ф., Аристова О. А.* Указ. соч. С. 270.

[39] Очерк деятельности... С. 135.

[40] Смета расходов по устройству беженцев в городах (январь–март 1916 г.). М., 1916. С. 25.

[41] Отчет о деятельности Тульского... С. 16.

[42] Список организаций... С. 18, 27, 32.

[43] Там же. С. 61, 84, 121, 133.

[44] Закон и положение об обеспечении нужд беженцев // СУ. 1915. № 242, 1 сент. Ст. 1842.

совещания самостоятельно определяли принципы назначения пособий и установления трудоспособности. На губернском уровне осуществлялась координация деятельности не только органов самоуправления, но также национальных комитетов и благотворительных организаций.

Руководящие положения по устройству беженцев возлагали общее руководство беженским делом на губернаторов и градоначальников, а непосредственное попечение о них — на местное самоуправление. Национальным и благотворительным организациям отводилась вспомогательная роль — выдача одежды, содействие обучению детей, удовлетворение духовных и культурных нужд, тогда как распределением казенных пособий должны были заниматься администрация и органы местного самоуправления.

Продолжала сохраняться практика отпуска Особым совещанием средств по сметам национальных комитетов для распределения среди беженцев опекаемой национальности (литовцев, латышей, поляков, евреев). Характерным примером взаимной ревности национальных организаций и местного самоуправления стала ситуация, сложившаяся в Борисоглебске Тамбовской губернии: там местное отделение польской организации отказалось принимать от городского управления ассигнованные средства на выдачу пособий беженцам-полякам и не желало давать городу сведения о количестве этих беженцев. На этом основании Борисоглебский городской комитет о беженцах потребовал от губернского совещания сосредоточить призрение беженцев в руках земств и городов, дабы избежать дублирующей выдачи пайков. К этому требованию присоединился не только главноуполномоченный по устройству беженцев И. И. Стерлигов, но и председатель губернского совещания, тамбовский губернатор А. А. Салтыков. Было решено обратиться с ходатайством к Особому совещанию[45].

По мнению Земского союза, широкая государственная поддержка Татьянинского комитета и национальных организаций (получивших преобладание в Особом совещании) имела целью создать противовес влиянию Земского и Городского союзов[46].

Губернаторы также внимательно следили за тем, чтобы местные отделения Земского и Городского союзов оставались в рамках компетенции, очерченной для них законом. Так, соорудив на средства ВСГ приют для 100 детей-беженцев, городское управление Екатеринбурга отказывалось принимать в него детей из-за отсутствия средств на их содержание. Губернатор выделил на эти цели 20 тыс. руб., но запретил передавать их Екатеринбургскому комитету ВСГ. Причиной этого служило отсутствие права у организаций ВСГ призревать беженцев без предварительного разрешения губернатора согласно Закону об обеспечении нужд беженцев. Земский и Городской союзы, равно как и другие общественные учреждения, могли только содействовать верховной власти в организации «беженского дела»[47].

[45] Журнал заседания Тамбовского Губернского совещания по устройству беженцев 27 мая, 29 июня, 25 июля и 6 сентября 1916 года. Вып. 7. Тамбов, 1916. С. 3.

[46] Беженцы и организация помощи им... С. 52.

Закон предоставлял земствам право самим определять порядок и организацию помощи беженцам. При губернских земских управах были созданы губернские комитеты попечения о беженцах. Земские и городские управы уездного уровня могли либо создавать обособленные беженские комитеты, либо выделять в своем составе специальные беженские отделы. В компетенцию уездных комитетов входило преимущественно распределение и расселение беженцев, подыскание работы для них и медико-санитарное обслуживание, для чего при управах могли создаваться специальные отделы и комиссии. В Орловской губернии их членами стали все земские начальники, члены уездных земских управ, старшие инспекторы мелкого кредита, уполномоченные по устройству беженцев, назначенные уездным исправником[48]. Инструкция «О мероприятиях по беженцам в сельских местностях», подписанная управляющим МВД кн. Щербатовым, возлагала обязанности по оказанию помощи им на местное самоуправление и органы волостного крестьянского самоуправления[49].

Система беженского призрения охватывала также волостной и поселенческий уровень, хотя и не повсеместно. Так, созванное при рязанской губернской земской управе совещание представителей уездных управ по вопросу о выполнении возложенных на земство забот о беженцах признало безусловно необходимым образование приходских, районных, волостных, городских комитетов[50]. В Орловской губернии уездные комитеты имели отделения по волостям, церковным приходам, участкам земских начальников или при сельских кредитных товариществах[51]. В Арзамасском уезде Нижегородской губернии дело помощи беженцам приняли на себя попечительства о семьях призванных[52]. Низовые беженские комитеты занимались поиском квартир, организацией питания, трудоустройством.

Городские управы принимали участие в расселении беженцев. Так, орловское городское самоуправление предоставило бесплатные жилища для

[47] *Баженова К. Е.* Деятельность организаций Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов Пермской губернии по оказанию помощи беженцам в годы I Мировой войны // Вестник ЧелГУ. 2011. № 12. С. 25.

[48] Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 580. Ст. 1. Д. 5888. Л. 3; Д. 613. Л. 172; Ст. 2. Д. 4392. Л. 21–22.

[49] *Кищенков М. С.* Беженцы I Мировой войны в Ярославской губернии // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 2. С. 62.

[50] Жизнь Рязанской губернии в годы I Мировой войны // История, культура и традиции Рязанского края: Электронный ресурс. URL: http://www.history-ryazan.ru/node/7284 (дата обращения 10.12.2015).

[51] *Букалова С. В.* Орловская губерния в годы I Мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (дореволюционный период: июль 1914 — февраль 1917 года): Дис. ... канд. ист. наук. Орёл, 2005. С. 112.

[52] Журнал заседания Тамбовского Губернского совещания... Вып. 7. С. 9.

260 чел.[53] Некоторые города создавали специальную беженскую инфраструктуру: общежития, приюты для нетрудоспособных, питательные пункты, делая акцент на оказании помощи в натуральной форме. Зачастую в городах просто не было достаточного количества свободных для найма частных квартир, где могла бы разместиться масса прибывших. Это обстоятельство делало неизбежным устройство городским управлением беженских общежитий. Расположенные в приспособленных помещениях или специально возведенных бараках «беженские убежища» в большинстве своем отличались крайней скученностью, плохими санитарно-гигиеническими условиями и лишь отчасти облегчали участь обездоленных. В Туле уже после прибытия организованно эвакуированных учреждений начался «квартирный кризис», и для размещения беженцев городской управе пришлось арендовать трактиры, сараи и недостроенные дома — «всё, что имело подобие жилья»[54]. В Псковской губернии к концу 1916 г. было организовано 27 приютов с общим числом детей и взрослых 1158 чел.[55] В Саратове в построенных для беженцев бараках на каждого обитателя приходилось ¾ аршина нар[56]; из 12 тысяч осевших беженцев более половины были размещены в убежищах[57].

Тульский городской комитет о беженцах пробовал заменить выдачу пайков беженцам, проживающим в городских общежитиях, их натуральным довольствием, рассчитав его норму по калорийности и сбалансированности рациона. Была устроена собственная кухня, кормившая 2,5 тыс. чел. Однако непрерывный рост цен на продовольствие вынудил вернуться к выдаче денежных пайков[58].

Собранное в январе 1916 г. в Орле заседание областного комитета ВСГ указало, что приюты деморализуют беженцев и отдало предпочтение их индивидуальному размещению. Всё же ВСГ содержал в Орле два барака-приюта на 900 чел. Городские общественные самоуправления старались предоставлять места в приютах для особо нуждающихся, одиноких и нетрудоспособных либо престарелых беженцев.

Губернские земские управы составляли беженские сметы, представлявшиеся на утверждение Особого совещания, которое могло рассматривать их более месяца[59]. Правительство направляло средства непосредственно в распоряжение губернских управ, контролировавших распределение продовольственных и квартирных казенных пайков. Впоследствии финансирование осуществлялось МВД

[53] ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5244. Л. 9–25, 31–94.

[54] *Керстен Я.* Литовцы-беженцы в г. Туле. Тула, 1917. С. 5.

[55] *Васильев М. В.* Беженцы I Мировой войны и Псковская губерния // Псков. 2014. № 40. С. 173.

[56] Смета расходов... С. 22.

[57] Список организаций... С. 18, 22, 109.

[58] *Керстен Я.* Указ. соч. С. 29.

[59] Беженцы и организация помощи им... С. 36.

через губернаторов по сметам, одобренным губернскими совещаниями. Ежемесячно для получения средств уездные комитеты должны были представлять в губернское совещание сметы на предстоящий месяц. Уездные комитеты не имели права самостоятельно определять или изменять размер пайка, получаемого беженцами. Они должны были планировать свою работу исходя из тех средств, которые будут отпущены в их адрес Государственным казначейством. После начала реализации политики перевода беженцев на самообеспечение смета отражала не объем необходимой помощи, а соотношение рекомендованного количества пайков и пособий с числом беженцев, проживающих в уезде. Впервые нормы беженского продовольственного пайка (20 коп. на человека в день) были намечены сентябрьским съездом уполномоченных земств[60]. На определение размера беженского пайка оказали влияние опыт государственного призрения солдатских семей и практика оказания помощи беженцам Татьянинским комитетом[61].

Хроническая задержка перечисления правительственных ассигнований вынуждала комитеты при земских управах прибегать к заимствованию средств из земских капиталов и прибегать к коммерческим займам. Например, в Тамбовской губернии источники финансирования беженского дела были следующими: с июля 1915 по июль 1916 г. 6 млн руб. было получено от казны через губернатора; 155 тыс. — от губернского комитета ВЗС, от Татьянинского комитета и других благотворительных организаций — 272 тыс. руб.; позаимствовано из разных капиталов и сумм ввиду недостатка и несвоевременной высылки средств — 106 тыс. руб.[62]

В начале декабря 1915 г. средства, отпущенные Орловскому губернскому комитету попечения о беженцах, оказались израсходованы. Для продолжения деятельности уездных комитетов пришлось позаимствовать 10 тыс. руб. из оборотного капитала губернского земства, а в середине декабря — еще 10 тыс. из процентов на оборотный капитал; в конце декабря губернская земская управа открыла комитету кредит еще на 10 тыс. руб. из сумм губернского сбора[63].

Отдельными строками проходили расходы на снабжение беженцев одеждой и обувью, обучение детей, расходы на медицинскую помощь, а также удовлетворение духовных нужд, выражавшееся в содержании священнослужителей соответствующих конфессий. В условиях хронических задержек и неуклонного урезания беженских пайков финансирование этих статей было невелико. Нередки были случаи, когда беженцы не могли выйти на работу из-за отсутствия у них теплых вещей и обуви. В Тамбовской губернии отсутствие одежды делало невозможным привлечение беженцев к весенним полевым работам; хотя склад губернского комитета ВЗС имел запас вещей и был готов отпускать

[60] Там же. С. 25.

[61] *Курцев А. Н.* Указ. соч. С. 138.

[62] Журнал заседания Тамбовского губернского комитета... Вып. 7. С. 42.

[63] ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 285. Л. 5, 10, 17.

их по себестоимости, и в марте месяце губернским комитетом не были получены средства, заложенные для этой цели в январскую смету[64].

Деятельное участие в снабжении беженцев одеждой принимал Татьянинский комитет, нередко оплачивавший обучение детей-беженцев. Комитет широко сотрудничал с местными структурами ВЗС и городскими управами. Так, во Владимирской губернии бюро Татьянинского комитета открыло кредит уездным и городским комитетам Земского союза на приобретение одежды, обуви и оплату обучения беженцев. В Вологодской губернии комитет кредитовал уездные комитеты Земского союза в отношении расходов по призрению сирот и нетрудоспособных беженцев, общежития для учащихся, изготовлении одежды и обуви. В Екатеринославской губернии, принявшей беженцев больше всех, Татьянинский комитет субсидировал противоэпидемические мероприятия городского управления, а в Смоленске отпускал городской управе средства на содержание 4000 из 5300 осевших в городе беженцев[65].

Предусмотренные для беженцев виды помощи позволяли им существовать относительно изолированно от принявшего их социума, что было благом для городов, в которых доля беженцев по отношению к коренному населению могла быть весьма значительной. Однако такая ситуация могла сохраняться лишь в контексте признания государством временности беженского статуса. Весной 1916 г. государственная политика в отношении беженцев заметно меняется. Правительство берет курс на жесткое сокращение расходов на их содержание. Перед губернскими совещаниями ставится задача сокращения беженских смет. В III квартале общий кредит на содержание беженцев сокращался наполовину, хотя даже Руководящие положения определяли долю трудоспособных беженцев в 1/3 от их общего числа[66]. В IV квартале предполагалось лишить пайков беженцев, вставших на сельхозработы, за которыми прежде сохранялись казенные пособия[67]. Обсудив требование МВД о механическом снятии с пайка половины беженцев, тамбовское губернское совещание признало этот шаг невозможным и решило направить в МВД на защиту сметы свою делегацию[68].

Хотя размер пайка на человека определялся законом, уездные управы Калужской губернии приняли стратегию распределения ассигнованных сумм между всеми нуждавшимися, из-за чего пайковое довольствие сильно различалось между уездами. Так, в Мещовском уезде беженцы получали по 3,88 руб. в месяц, а в Козельском — по 7,2 руб.[69] Жиздринский уездный комитет Калужской губернии

[64] Журналы заседаний Тамбовского губернского комитета по устройству беженцев. 1916. Вып. 5. 3 и 20 марта. Тамбов: Типография губернского земства, 1916. С. 2.

[65] Список организаций... С. 13, 16, 27, 116.

[66] Беженцы и организация помощи им... С. 52.

[67] ГАОО. Ф. 580. Ст. 1. Д. 6162. Л. 1.

[68] Журнал заседания Тамбовского губернского комитета... Вып. 7. С. 46.

[69] *Суханова О. Н.* Указ. соч. С. 88.

не мог согласиться с сокращением наполовину ассигнований на пайки — он не желал «навлекать на себя озлобление местного населения и беженцев»[70].

Несвоевременная выдача казенных пайков и другие тяготы беженской жизни вынудили 19 человек, размещенных в селе Крутое Елецкого уезда Орловской губернии, обратиться в начале 1916 г. в Татьянинский комитет с жалобой. Рассмотрение на месте проводили уполномоченный по устройству беженцев в Орловской губернии И. Голынский и Главноуполномоченный VIII района В. Лигин. Проверка показала, что «многие старики и больные лишены продовольственного пайка, несмотря на поданные ими в попечительства медицинские свидетельства», имеется острая нужда в одежде и обуви, не все квартиры приспособлены для зимнего проживания, казенные пайки выдаются с двухмесячным запозданием. Губернский земский комитет помощи беженцам по представлению проверяющих сделал распоряжение об удовлетворении «справедливых претензий» беженцев Елецкого уезда[71].

После оседания беженцев в тыловых губерниях правительственная политика в их отношении поворачивается от мер социальной защиты в сторону максимального использования беженской массы как трудового ресурса. Мизерный беженский паек и без того вынуждал к подработке всех трудоспособных. Механическое сокращение пайкового довольствия, отсутствие индексации его размеров в соответствии с ростом цен, снижали значение системы органов, чья функция сводилась к распределению пайков как упорядочивающей и организующей беженскую массу силы.

Поскольку беженская масса рассматривалась как источник рабочей силы, ставилась цель ее скорейшей интеграции в местное сообщество. Был взят курс на максимальное сокращение государственной помощи беженцам. В феврале 1916 г. министр земледелия А. Н. Наумов указывал губернаторам и уездным земским управам на крайнюю необходимость вовлекать беженцев в сельскохозяйственный труд[72]. Уездные земские управы были обязаны заранее оповещать беженцев об объеме работ и уровне заработной платы, посредничать в вопросах найма. Практиковалось принятие твердых расценок на труд беженцев, которые были обязательными: за отказ наниматься на этих условиях они лишались пайка. Твердые расценки минимальной оплаты труда беженцев вырабатывались уездными комитетами и вносились в губернский комитет попечения о беженцах.

На начальном этапе местные комитеты самостоятельно устанавливали критерии определения трудоспособности и оснований отказа трудоспособных беженцев от предлагаемой работы, при которых за ними сохранялся паек.

[70] *Белова И. Б.* I Мировая война и российская провинция. 1914 — февраль 1917 г. М., 2011. С. 103.

[71] Там же.

[72] *Зигель И. А.* Деятельность Новгородской губернской администрации и органов местного самоуправления в годы I Мировой войны: Дис. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2003. С. 138.

Оренбургская уездная земская управа постановила за отказ трудоспособных беженцев от работ лишать казенного пособия не только отказника, но и всё его семейство. Согласившимся встать на работы паек сохранялся вне зависимости от размера заработной платы. Для определения трудоспособности предусматривалась процедура медицинского осмотра[73].

В отношении сочетания принудительных и стимулирующих мер привлечения беженцев к работе Объединенный отдел ВЗС и ВСГ отстаивал ту точку зрения, что следовало не столько лишением пайка принуждать трудоспособного становиться на работу, сколько предоставить ему работу в соответствии с его силами, привычками и профессиональными навыками. Решением этой задачи занимались трудовые бюро, действовавшие при местных губернских и уездных беженских комитетах, работа которых координировалась Всероссийским бюро труда Объединенного отдела Земского и Городского союзов, возглавлявшего более 200 местных трудовых бюро[74]. Трудовые бюро исполняли посреднические функции: собирали сведения о трудоспособных беженцах — их количестве, профессиях и месте жительства; уведомляли беженцев о заявленных вакансиях. В среднем деятельность трудового бюро обходилась в 500 руб. в месяц[75] (напомним, что на пропитание беженца выделялось 6 руб. в месяц).

Предполагалась организация беженцев в рабочие артели на кооперативных началах при участии земств, городских самоуправлений, их общероссийских объединений и национальных организаций. В Пермской губернии уездные земские комитеты создавали артели и мастерские для предоставления работы переселенцам[76]. Беженские артели могли либо участвовать в работе мастерских по изготовлению белья для самих беженцев и госпиталей, арендовать для обработки землю.

В систему беженского дела входили общероссийские структуры (Особое совещание, отдел по устройству беженцев при МВД, институт главноуполномоченных), структуры местного управления — губернатор, губернская администрация; органы местного земского и городского самоуправления; структуры Земского и Городского союзов; общественные организации — национальные, местные благотворительные объединения, Татьянинский комитет. Взаимное соотношение этих структур и взаимосвязи между ними в масштабах России было организовано по-разному. В этой системе местное самоуправление играло роль исполнительных органов, создавших организационную инфраструктуру жизнеобеспечения прибывшего населения. Их деятельность (в той своей части, в которой она была направлена именно на оказание безвозмездной помощи беженцам) носила общественный характер, но финансировалась казной.

[73] *Рязанский И. В.* Тыловая российская провинция в условиях I Мировой войны: Южный Урал в июле 1914 — феврале 1917 года: Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006. С. 153.

[74] Краткий очерк деятельности... С. 46.

[75] Смета расходов... С. 17.

[76] *Баженова К. Е.* Указ. соч. С. 23.

Несущим элементом структуры беженской помощи были казенные пособия — прежде всего «кормовые» и «квартирные», а также пособия на баню, одежду и обувь и т.п. нужды. Данный вид помощи мог предоставляться как деньгами, так и натурой, но любой вариант требовал от земств и городских управ дополнительных распорядительных усилий. Органы местного самоуправления играли ведущую роль в распределении пособий, разделяя это поле деятельности с национальными организациями. Вторую группу составляли инфраструктурные элементы помощи беженцам — приюты (общежития и специализированные — для нетрудоспособных, детские); медицинское обслуживание (амбулаторное, стационарное и аптечное), юридические консультации, подыскание заработка. В этой части органы местного самоуправления вынужденно проявляли наибольшую самодеятельность в отношении медицины, приюты часто находились в подчинении национальных и благотворительных организаций, юридические консультации и трудовые бюро — в структуре Земского и Городского союзов.

Как и призрение семей призванных, помощь беженцам потребовала создания более разветвленной организационной структуры, охватывающей волостной и даже поселенческий уровень. Уездные комитеты имели отделения по волостям, церковным приходам, участкам земских начальников или при сельских кредитных товариществах. Участие органов местного самоуправления в помощи беженцам осуществлялось в трех «ипостасях»: самостоятельно; в лице местных комитетов ВЗС и ВСГ; через комитеты попечения о беженцах.

References

Aljohina E. V. Dejatel'nost' Tambovskogo zemstva v gody I mirovoj vojny: Dis. ... kand. ist. nauk. Tambov, 2005.

Basov N. F., Aristova O. V. Opyt pomoshhi bezhencam v Kostromskoj gubernii v gody I Mirovoj vojny // Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova. Pedagogika. Psihologija. Social'naja rabota. Juvenologija. Sociokinetika. 2008. N 3. S. 270–274.

Bazhenova K. E. Dejatel'nost' organizacij Vserossijskogo zemskogo sojuza i Vserossijskogo sojuza gorodov Permskoj gubernii po okazaniju pomoshhi bezhencam v gody I Mirovoj vojny // Vestnik ChelGU. 2011. N 12. S. 21–27.

Belova I. B. I Mirovaja vojna i rossijskaja provincija. 1914 — fevral' 1917 g. M.: AIRO-XXI, 2011.

Bezhency i organizacija pomoshhi im v svjazi s rabotami Osobogo soveshhanija. Doklad Gl. kom. upolnomoch., pred. Otdela M. M. Shhepkina. M., 1916.

Bezhency i vyselency. Otdel'nye ottiski iz N17 Izvestij Vserossijskogo sojuza gorodov. M., 1915.

Bukalova S. V. Orlovskaja gubernija v gody I Mirovoj vojny: social'no-jekonomicheskie, organizacionno-upravlencheskie i obshhestvenno-politicheskie aspekty (dorevoljucionnyj period: ijul' 1914 — fevral' 1917 goda): Dis. ... kand. ist. nauk. Orjol, 2005.

Covjan D. G. Dejatel'nost' gosudarstvennyh organov i obshhestvennyh organizacij po okazaniju pomoshhi bezhencam v gody I Mirovoj vojny. 1914–1917 gg.: Dis. ... kand. ist. nauk. M., 2005.

Hasin V. V. Migracionnye processy v Rossijskoj imperii v I Mirovuju vojnu: Po dokumentam Nizhnego Povolzh'ja: Dis. ... kand. ist. nauk. Saratov, 1999.

Karmanov D. K. Voronezhskoe zemstvo: 1914–1918: Dis. ... kand. ist. nauk. Voronezh, 2002.

Kersten Ja. Litovcy-bezhency v g. Tule. Tula, 1917.

Kishhenkov M. S. Bezhency I Mirovoj vojny v Jaroslavskoj gubernii // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2010. N 2. S. 61–65.

Kratkij ocherk dejatel'nosti Vserossijskogo Zemskogo Sojuza. Janvar' 1916 goda. M., 1916.

Kulikov S. V. Vserossijskij Zemskij Sojuz // Rossija v pervoj mirovoj vojne, 1914–1918: jenciklopedija: V 3 t. M.: ROSSPJeN, 2014. T. 1.

Kurcev A. N. Bezhenstvo // Rossija i I Mirovaja vojna (Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma). SPb., 1999. S. 129–147.

Ocherk dejatel'nosti Vserossijskogo Sojuza Gorodov. 1914–1915. M., 1916.

Otchjot o dejatel'nosti Osobogo otdela Komiteta Velikoj Knjazhny Tat'jany Nikolaevny po registracii bezhencev v 1915 g. Pg., 1916.

Otchjot o dejatel'nosti Tul'skogo gorodskogo komiteta po prizreniju bezhencev s 22 ijulja 1915 g. po 1 janvarja 1916 g. Tula, 1916.

Polozhenie ob obespechenii nuzhd bezhencev. P. 22 // Zakony i rasporjazhenija o bezhencah. Vyp. 1. Izdanie vtoroe, znachitel'no dopolnennoe. M., 1916.

Rjazanskij I. V. Tylovaja rossijskaja provincija v uslovijah I Mmirovoj vojny: Juzhnyj Ural v ijule 1914 — fevrale 1917 goda: Dis. ... kand. ist. nauk. Cheljabinsk, 2006.

Smeta rashodov po ustrojstvu bezhencev v gorodah (janvar'–mart 1916 g.). M., 1916.

Sobranie upolnomochennyh gubernskih zemstv v Moskve. 7–9 sentjabrja 1915 g. Zhurnaly zasedanija. M., 1916.

Sokolova V. I., Haritonova S. B. Razmeshhenie i trudoustrojstvo jevakuirovannyh i bezhencev Simbirskoj gubernii v gody I Mirovoj vojny // Vestnik Chuvashskogo universiteta. 2013. N 2. S. 53–61.

Spisok organizacij, vedajushhih delo pomoshhi bezhencam (na 1-e maja 1916 g.). Vyp. 1: Evropejskaja Rossija. M., 1916.

Suhanova O. N. Zemskaja pomoshh' bezhencam vo vremja I Mirovoj vojny (na materialah Kaluzhskoj gubernii) // Nauchnye problemy gumanitarnyh issledovanij. 2010. N 4. S. 130–135.

V Osoboe Soveshhanie po ustrojstvu bezhencev / Glavnyj komitet Vserossijskogo Zemskogo Sojuza pomoshhi bol'nym i ranenym voinam. Knjaz'kov (glavnoupolnomochennyj). M., 1915.

Vasil'ev M. V. Bezhency I Mirovoj vojny i Pskovskaja gubernija // Pskov. 2014. N 40. S. 170–184.

Zakon i polozhenie ob obespechenii nuzhd bezhencev // SU. 1915. N 242, 1 sent. St. 1842.

Zhizn' Rjazanskoj gubernii v gody I Mirovoj vojny // Istorija, kul'tura i tradicii Rjazanskogo kraja URL: http://www.history-ryazan.ru/node/7284 (date of access 10.12.2015).

Zhurnal zasedanija Tambovskogo Gubernskogo soveshhanija po ustrojstvu bezhencev 27 maja, 29 ijunja, 25 ijulja i 6 sentjabrja 1916 goda. Vyp. 7. Tambov: Tipografija gubernskogo zemstva, 1916.

Zhurnaly zasedanij Tambovskogo gubernskogo komiteta po ustrojstvu bezhencev. Vyp. 5. 3 i 20 marta 1916 goda. Tambov: Tipografija gubernskogo zemstva, 1916.

Zigel' I. A. Dejatel'nost' Novgorodskoj gubernskoj administracii i organov mestnogo samoupravlenija v gody I Mirovoj vojny: Dis. ... kand. ist. nauk. Velikij Novgorod, 2003.

Список литературы

Алёхина Е. В. Деятельность Тамбовского земства в годы I Мировой войны: Дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2005.

Баженова К. Е. Деятельность организаций Всероссийского Земского Союза и Всероссийского Союза Городов Пермской губернии по оказанию помощи беженцам в годы I Мировой войны // Вестник ЧелГУ. 2011. № 12. С. 21–27.

Басов Н. Ф., Аристова О. В. Опыт помощи беженцам в Костромской губернии в годы I Мировой войны // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2008. № 3. С. 270–274.

Беженцы и организация помощи им в связи с работами Особого совещания. Доклад Гл. ком. уполномоч., пред. Отдела М. М. Щепкина. М.: Моск. гор. тип., 1916.

Беженцы и выселенцы. Отдельные оттиски из № 17 Известий Всероссийского союза городов. М., 1915.

Белова И. Б. I Мировая война и российская провинция. 1914 — февраль 1917 г. М.: АИРО-XXI, 2011.

Букалова С. В. Орловская губерния в годы I Мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (дореволюционный период: июль 1914 — февраль 1917 года): Дис. ... канд. ист. наук. Орёл, 2005.

В Особое Совещание по устройству беженцев / Главный комитет Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам. М., 1915.

Список организаций, ведающих дело помощи беженцам (на 1-е мая 1916 г.). Вып. 1: Европейская Россия. М.: Тип. Сельскохоз. о-ва, 1916.

Жизнь Рязанской губернии в годы I Мировой войны // История, культура и традиции Рязанского края: Электронный ресурс. URL: http://www.history-ryazan.ru/node/7284 (дата обращения 10.12.2015).

Журнал заседания Тамбовского Губернского совещания по устройству беженцев 27 мая, 29 июня, 25 июля и 6 сентября 1916 года. Вып. 7. Тамбов, 1916.

Журналы заседаний Тамбовского губернского комитета по устройству беженцев. Вып. 5. 3 и 20 марта 1916 года. Тамбов, 1916.

Собрание уполномоченных губернских земств в Москве. 7–9 сентября 1915 г. Журналы заседания. М.: Тип. т-ва Рябушинских, 1916.

Закон и положение об обеспечении нужд беженцев // СУ. 1915. № 242, 1 сент. Ст. 1842.

Зигель И. А. Деятельность Новгородской губернской администрации и органов местного самоуправления в годы I Мировой войны: Дис. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2003.

Карманов Д. К. Воронежское земство: 1914–1918: Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2002.

Кищенков М. С. Беженцы I Мировой войны в Ярославской губернии // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 2. С. 61–65.

Краткий очерк деятельности Всероссийского земского союза. Январь 1916 года. М., 1916.

Куликов С. В. Всероссийский Земский Союз // Россия в I Мировой войне, 1914–1918: Энциклопедия: В 3 т. М.: РОССПЭН, 2014. Т. 1.

Курцев А. Н. Беженство // Россия и I Мировая война (Материалы международного научного коллоквиума). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 129–147.

Керстен Я. Литовцы-беженцы в г. Туле. Тула, 1917.

Отчет о деятельности Особого отдела Комитета Великой Княжны Татьяны Николаевны по регистрации беженцев в 1915 г. Пг., 1916.

Отчет о деятельности Тульского городского комитета по призрению беженцев с 22 июля 1915 г. по 1 января 1916 г. Тула, 1916.

Очерк деятельности Всероссийского союза городов. 1914–1915. М., 1916.

Положение об обеспечении нужд беженцев. П. 22 // Законы и распоряжения о беженцах. Вып. 1. Изд. 2-е, значительно дополненное. М.: Юрид. отд. Всеросс. союза городов, 1916.

Васильев М. В. Беженцы I Мировой войны и Псковская губерния // Псков. 2014. № 40. С. 170–184.

Рязанский И. В. Тыловая российская провинция в условиях I Мировой войны: Южный Урал в июле 1914 — феврале 1917 года: Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006.

Смета расходов по устройству беженцев в городах (январь–март 1916 г.). М.: Городская типография, 1916.

Соколова В. И., Харитонова С. Б. Размещение и трудоустройство эвакуированных и беженцев Симбирской губернии в годы I Мировой войны // Вестник Чувашского университета. 2013. № 2. С. 53–61.

Суханова О. Н. Земская помощь беженцам во время I Мировой войны (на материалах Калужской губернии) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 4. С. 130–135.

Хасин В. В. Миграционные процессы в Российской империи в I Мировую войну: По документам Нижнего Поволжья: Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1999.

Цовян Д. Г. Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам в годы I Мировой войны. 1914–1917 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.

УДК 94(47)«1917.02.27»

В. Н. Гинев

Мажоритарные или пропорциональные? Полемика в связи с первыми в России выборами в волостное земство в 1917 г.

В демократических странах, где органы власти, центральные и местные, избираются всеобщим и равным голосованием, в настоящее время применяются около ста разновидностей избирательных систем. Но основных две — мажоритарная и пропорциональная в различных модификациях.

Исторически первой появилась мажоритарная система, она же стала в XX–XXI вв. самой распространенной. Обычно применяется одна из трех ее разновидностей: относительного большинства, абсолютного большинства и смешанная. В первом случае победителем становится кандидат, получивший в своем округе больше голосов, чем кто-либо из соперников. Во втором варианте требуется набрать не менее 50 % + 1 голос всех избирателей округа. Смешанный способ предполагает возможность второго тура — если в первом туре никто не наберет абсолютного большинства голосов, то во втором для победы достаточно относительного большинства.

При пропорциональной системе избиратели голосуют не за конкретного кандидата, а за партийный список. Места в парламенте или муниципалитете распределяются в соответствии с процентом полученных той или иной партией голосов в целом по стране или по округам. При мажоритарной системе победитель получает всё, а избиратели, проголосовавшие за неудачников, остаются без представительства во властных органах. Пропорциональная система лучше учитывает интересы меньшинства, но при введении 5-процентного порога набранных голосов, который необходимо преодолеть для прохождения

в парламент или муниципальный орган это также лишает мелкие партии и их избирателей представительства.

Кроме того, при пропорциональной системе в отличие от мажоритарной нет непосредственной связи между избирателем и известным ему депутатом. Избиратели голосуют за ту или иную партийную программу и в приложении к ней за список малоизвестных или совсем неизвестных им людей, определенных партийным руководством, тогда как при мажоритарной системе при всех ее недостатках между собой конкурируют не только идеи, но и личности.

Существует еще один вариант: половина мандатов распределяется по пропорциональной системе, половина — по мажоритарной. Тем самым, по замыслу властных структур, уменьшается отрицательное воздействие недостатков обеих систем и в определенной степени сохраняются их достоинства. Этот вариант было решено применить в Российской Федерации при выборах в Государственную Думу в сентябре 2016 г.

В России уже был опыт испытания на практике обеих систем, когда в 1917 г. в стране Временным правительством впервые было введено всеобщее и равное избирательное право. По пропорциональной системе было избрано Учредительное собрание, причем не существовало никакого процентного барьера. Еще раньше, в июле–октябре 1917 г., прошли первые в России всеобщие выборы в только что образованные бессословные волостные земства — низшие органы самоуправления и управления в сельской местности. Они сопровождались спорами о преимуществах и недостатках мажоритарного и пропорционального способов голосования.

Интересно, что эти споры среди кадетов начались еще в 1910 г., когда о всеобщих и равных выборах они могли только теоретически рассуждать без каких-либо реальных оснований. В политической реальности периода III и IV Государственных Дум кадетская фракция была вынуждена ради сохранения союза с октябристами согласиться с куриальной системой выборов в будущее всесословное волостное земство, которое к тому же до февраля 1917 г. так и не удалось образовать[1]. Тем не менее дискуссия, хотя и непродолжительная, велась так, будто бы всеобщие выборы в волостное земство начнутся завтра.

В двух майских номерах журнала «Земское дело» появилась статья члена ЦК партии кадетов, крупного землевладельца А. А. Свечина и его коллеги по партии Г. Соколовского, в которой приводились доводы в защиту пропорциональной системы и критиковалась мажоритарная.

«Мажоритарная система с полной победой большинства и устранением меньшинства <...> развращает большинство, озлобляет меньшинство и доводит вековой антагонизм до стремления уничтожить другую сторону <...> Только пропорциональная система, не подчеркивая отдельных групп, дает

[1] См. *Гинев В. Н.* Правительственные законопроекты о волостной реформе в оценке октябристско-кадетского большинства III и IV Государственных Дум // Революционный процесс и общественное сознание. СПб., 2009. С. 90–112.

возможность, благодаря своей гибкости, группироваться так, как сложилась в действительности жизнь»[2].

Отвечая на довод неназванных противников пропорциональной системы о том, что при ней руководящая роль на выборах отдается составителям списков кандидатов — партийным комитетам, авторы статьи писали: в российских условиях это будут не партии, а «группы избирателей, имеющих одинаковые интересы», и имена кандидатов в гласные волостных собраний будут известны голосующим. Если же в дальнейшем из групп образуются прочные партии, то это следует только приветствовать. О том, чтобы интересы меньшинства избирателей были гарантированы, «необходимо подумать <...> именно сейчас»[3]. Возникает вопрос: о каком меньшинстве беспокоились кадетские авторы? Ясно, что не о крестьянах, которым при всеобщем избирательном праве большинство было заведомо обеспечено.

Ответная статья с доводами в пользу мажоритарной системы появилась в «Земском деле» 5 июля. Автор П. П. Гронский, тоже кадет, юрист, приват-доцент Петербургского университета, так же как и А. А. Свечин, землевладелец, член IV Государственной Думы, в 1916 и 1917 гг. избирался в ЦК кадетской партии.

П. П. Гронский не был принципиальным противником пропорциональной избирательной системы, напротив. Но он полагал, что «ввести сейчас же систему пропорциональных выборов уездных и волостных гласных невозможно, как бы ни было это желательно»[4]. Избирателю «понятнее и нагляднее борьба между двумя или несколькими кандидатами в одном небольшом округе, чем борьба между двумя или несколькими списками в большом избирательном округе». В первом случае избирателю будут лучше видны результаты его участия в голосовании. Мажоритарная система быстрее приучит население участвовать в политической жизни страны[5]. Гронский явно был озабочен тем, чтобы привлечь к выборам крестьянскую массу.

После Февральской революции, когда кадеты стали наиболее влиятельной частью Временного правительства, они получили возможность беспрепятственно реализовать свое давнее намерение создать бессословную земскую волость. Постановлением Временного правительства от 21 мая 1917 г. «О волостном земском управлении» и «Наказом о производстве выборов волостных земских гласных» от 11 июня уездным земским управам еще дореволюционного состава, но пополненным «представителями местных общественных организаций» предписывалось «немедленно» установить границы новых бессословных

[2] *Свечин А., Соколовский Г.* Представительство меньшинства в местном самоуправлении // Земское дело. 1910. № 10. С. 29, 30.

[3] Там же. № 9. С. 662; № 10. С. 730, 731.

[4] *Гронский П. П.* Земские выборы и пропорциональное представительство // Земское дело. 1910. № 13–14. С. 1024.

[5] Там же. С. 1025.

земских волостей. В основе таких волостей территориально должна была находиться прежняя сословная крестьянская волость, а к ней присоединялись окрестные земельные владения, находящиеся вне городских поселений. После этого наступила очередь организации всеобщих равных выборов гласных в новые волостные земские собрания. Соответственно, вопрос о мажоритарной или пропорциональной системе выборов перешел от теоретических рассуждений в практическую политическую плоскость.

27 марта 1917 г. состоялось «Совещание по реформе местного самоуправления и управления образованного при министерстве внутренних дел». Исследователь земских избирательных систем в России второй половины XIX — начала XX в. А. Ю. Шутов подробно и последовательно по сохранившейся в архиве стенограмме (к сожалению, плохо правленой) изложил ход дискуссии на этом совещании, в частности по поводу мажоритарного или пропорционального способа организации выборов в волостные земства[6].

Если выделить основные положения, высказанные на этом совещании, то они сводятся к двум-трем тезисам. Один из сторонников пропорциональной системы видел ее безусловное достоинство в том, что она обеспечивает «справедливые интересы меньшинства». Другой, еще более убежденный приверженец той же системы полагал, что главное не в этом: «Задача пропорционального представительства не есть защита меньшинства, а точное отражение партийных течений, имеющихся в пределах данного коллектива. Это задача более сложная»[7]. Партийная рекомендация — единственная гарантия недопущения избрания недостойных, но умеющих «сказать несколько хороших слов» людей. Поэтому надо «побудить общество создать <...> партийные организации» и средством для этого являются пропорциональные выборы: «При пропорциональном представительстве население, зная, что ему придется голосовать по пропорциональным спискам, сорганизуется»[8].

Принципиальных противников пропорциональной системы на совещании не было, высказывались сомнения в возможности ее практического применения в имеющихся реальных условиях. Вот выдержка из стенограммы: «Я, будучи сторонником пропорциональности <...> сегодня считаю желательною во что бы то ни стало систему наиболее простую, желаю такую систему, которая наиболее осуществима, и этою наиболее простою, осуществимою системою является система не пропорциональных выборов, а простая система, система не такая, при которой рекомендует партия, а человеческая система, не партийная». К тому же большинство партий еще не наметилось и к выборам не успеют наметиться[9]. Очевидно, имелось в виду слабое проникновение партийности

[6] *Шутов А. Ю.* Земские выборы в истории России (1864–1917 гг.). Исследование избирательных систем. М., 1997. С. 176–179, 189.

[7] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 1788. Оп. 6. Д. 6. Л. 4.

[8] Там же. Л. 5, 9.

[9] Там же. Л. 5–6.

в деревенскую глубинку. Последний аргумент был повторен еще раз с тем же выводом: в обсуждаемом проекте закона следует установить, «чтобы по отношению к земским выборам система пропорциональных выборов не применялась вовсе»[10].

На совещании дебатировались также вопросы о выборах в уездное земство и о городских выборах, но это не относится к теме данной статьи. Что же касается системы выборов в волостное земское собрание, то на мартовском совещании не удалось выработать определенную рекомендацию. «Обязательность пропорциональности» была отвергнута. Обязательность мажоритарности, видимо, просто не голосовалась. Выбор той или иной системы должен был решаться «факультативно», а как оно будет определяться — рекомендовалось в дальнейшем точно прописать в разрабатываемом законе[11].

В апреле — начале мая 1917 г. колебания по поводу системы выборов в волостное земство, очевидно, продолжались. 20 апреля Совещание по реформе местного управления и самоуправления «большинством всех голосов против одного <...> высказалось за установление для волостного земства системы пропорциональных выборов, хотя бы простейшего вида». Этот принцип был подтвержден в «Основных положениях проекта Положения о волостном земском управлении», датированном 21 апреля[12]. Однако в «Обзоре работ Совещания и Комиссий за время с 26 марта по 1 августа 1917 г.» неожиданно было записано: «Выборы волостных земских гласных производятся по мажоритарной системе», и указывалось, что это «согласно Положению о волостном земском управлении»[13].

По всей вероятности, имелось в виду принятое наконец Временным правительством 21 мая 1917 г. «Временное положение о волостном земском управлении»[14], по которому начали практически проводиться выборы гласных в волостное земское собрание. Голосование провозглашалось всеобщим равным и тайным. Процесс выработки в марте–апреле других пунктов «Положения» рассмотрен мною в специальной статье[15]. О том, что голосование проводится по мажоритарной системе, в Положении не говорилось, и самого термина «мажоритарность» там не было, но описание процедуры голосования и подсчета

[10] ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 6. Д. 6. Л. 8.

[11] Там же. Л. 14.

[12] Там же. Д. 5. Л. 17; Ф. 1800. Оп. 1. Д. 166а. Л. 53.

[13] Там же. Ф. 1788. Оп. 6. Д. 15. С. 4.

[14] Временное Положение о волостном земском управлении // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 2. Ч. 1. Пг., 1918. Л. 221–237.

[15] *Гинев В. Н.* Думские законопроекты о преобразовании сословной крестьянской волости во всесословную (1911 и 1916 гг.) и «Временное положение о волостном земском управлении» Временного правительства (21 мая 1917 г.). Последовательность разработки и сравнительная характеристика // Актуальные проблемы истории парламентаризма в России (1906–1917 гг.). Таврические чтения. СПб., 2010. С. 157–174.

голосов, без сомнения, указывали на то, что в конце концов выбор разработчиков «Временного положения о волостном земском управлении» остановился на мажоритарной системе.

Так называемый бюллетень для голосования — он назывался избирательной запиской, представлял собой «восьмую часть листа чистой бумаги обыкновенного писчего формата». На этих листочках, розданных жителям сельского округа, внесенным в список избирателей, обладатель листочка вписывал от руки или посредством пишущей машинки фамилии, имена или даже прозвища тех лиц, которых он хотел видеть в числе гласных волостного земского собрания. Число перечисленных таким образом в записке кандидатов в гласные не должно было превышать количества гласных, приходящихся по раскладке на данный сельский избирательный округ. Заполненная записка вкладывалась в конверт, если таковой имелся, или просто складывалась пополам исписанной стороной внутрь. Заполнить записку желательными фамилиями можно было заранее или в помещении избирательной комиссии в день голосования. Но обязательно было лично отдать ее председателю сельской избирательной комиссии, который в присутствии избирателя опускал ее в опечатанный избирательный ящик. Избранными считались те кандидаты, которые набирали более половины голосов всех избирателей, принявших участие в выборах. Если при этом окажется, что избрано меньшее число гласных, чем полагается на данный округ, то следовало назначить дополнительные выборы, и на них для избрания было достаточно относительного большинства полученных голосов[16].

Указанный порядок голосования членам избирательных комиссий предписывалось неустанно разъяснять устно и письменно слаборазвитому избирательному контингенту. Один из примеров такой популяризации — обращение к «гражданам» от псковской земской управы.

«Граждане! Непременно несите записки в избирательный ящик. На записке пишите только столько человек, сколько надо избрать гласных вашему округу. Напишите на записке имя, отчество, фамилию или прозвище избираемого и деревню, в которой он проживает. Пишите разборчиво, написанного не зачеркивайте, не делайте никаких помарок и не подписывайте своих имен. Граждане! Избирательные записки будут вам розданы, а если потеряете, то можете их получить в волостной или сельской избирательной комиссии не позже 17 сентября с.г.

Помните, что избирательную записку каждый должен подавать лично, сам за себя, а подавать чужие записки или своих родных законом воспрещается». Обращение предусмотрительно давало советы и неграмотным избирателям: «Неграмотные граждане! Просите честных грамотных написать записку за вас, но приносите ее непременно сами»[17].

[16] Временное Положение о волостном земском управлении. С. 226. (П. 26, 27); Наказ о производстве выборов волостных земских гласных // Вестник Временного правительства. 1917. 13 июня. (П. 30–32).

[17] Самоуправление. 1917. № 5.

Ни в «Положении» Временного правительства от 21 мая о волостном земстве, ни в «Наказе» о том, как проводить выборы волостных земских гласных от 11 июня, не содержалось прямых ясных указаний, следует ли заранее каким-либо группам избирателей составлять перечень желательных кандидатов в гласные и как это делать. Как явствует из имеющихся проектов «Положения», у самих его составителей не было четкого представления об этом.

В проекте, датированном 10 апреля, сказано: «Баллотировке может быть подвергнуто каждое лицо, <...> если оно предложено не менее как десятью избирателями данного избирательного округа»[18]. В другом проекте (не датированном) обязательное количество избирателей, имеющих право выдвинуть своего кандидата, было снижено: «Баллотировке может быть подвергнуто всякое лицо, предложенное к баллотировке не менее как пятью избирателями»[19].

В окончательной редакции «Положения» вышеуказанных условий выдвижения кандидатов не было. Местные избирательные комиссии по собственной инициативе давали советы своим избирателям: «Вам необходимо заблаговременно наметить достойных кандидатов в гласные на сходах, собеседованиях, в кружках знакомых и т.п., а уже затем, в день выборов, подавать избирательные записки за намеченных вами лиц»[20]. Но судя по тому, что в «Положении» предусматривалась возможность вписывания имен кандидатов в избирательную записку в день голосования в самом помещении для голосования и без присутствия посторонних, то в таком варианте вряд ли это происходило по предварительному уговору, скорее спонтанно.

Сразу после публикации принятого Временным правительством 21 мая Положения о выборах в волостное земство на местах стали создаваться избирательные комиссии, начались составление и проверка списков избирателей; агитаторы разъясняли важность деятельности будущих волостных земств для сельского населения, призывали активно участвовать в голосовании. Правительство со своей стороны настаивало на скорейшем назначении дня выборов.

И вдруг, в разгар предвыборной кампании, которая, напоминаем, должна была пройти по мажоритарной системе, совершенно неожиданно для местных избирательных комиссий в «Вестнике Временного правительства» 4 августа было помещено «дополнение» к постановлению правительства от 21 мая. Оно было подписано заместителем министра-председателя Н. В. Некрасовым

[18] ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 25. Л. 5.

[19] Там же. Л. 146 об.

[20] Там же. Ф. 393. Оп. 5. Д. 738. Л. 135 («От Трубчевской уездной земской управы к населению Трубчевского уезда»). Трубчевский уезд находился в Орловской губ. Известно, что «кандидаты намечались на селенных сходах» в Нижегородском уезде (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 5. Д. 736. Л. 22 об.). В Корочанском уезде Курской губернии «распространенным способом предвыборной агитации являлись сборы волостных сходов и сходов по сельским избирательным округам, где население и сговаривалось о кандидатах в гласные» (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 5. Д. 734. Л. 20 об.).

и министром внутренних дел Н. Д. Авксентьевым еще 26 июля. Текст этого дополнения был продублирован в той же газете 10 августа.

Если при мажоритарной системе избирательной комиссии до вскрытия избирательного ящика после окончания голосования не были известны имена кандидатов в гласные, то параграф седьмой дополнительного постановления правительства 26 июля предписывал избирателям не позднее пяти дней до дня выборов подавать председателю волостной избирательной комиссии «списки предлагаемых к баллотировке кандидатов в гласные, выразивших желание баллотироваться». Каждый список должен был иметь подписи определенного числа избирателей — не менее половины от числа гласных, подлежащих избранию в данной волости. Избиратель мог подписать только один какой-нибудь список кандидатов. Подаваемые списки нумеровались в порядке их поступления. По желанию заявителей, поданный ими список кандидатов мог иметь, кроме номера, название партии или группы.

При голосовании избиратель в своей избирательной записке, которую при нем опускали в опечатанный избирательный ящик, писал не фамилии-прозвища желаемых кандидатов, а только номер списка. Параграф 12-й Постановления правительства от 26 июля гласил: «Общее число гласных, подлежащих избранию во всем избирательном округе, распределяется между заявленными списками пропорционально числу голосов, поданных на выборах за каждый из этих списков»[21]. Это означало, что правительство в разгар избирательной кампании решило рекомендовать перейти с мажоритарной на пропорциональную систему выборов. Никаких разъяснений, почему было принято такое решение, «Вестник Временного правительства» не дал. Не было ясности и в том, обязательна ли такая рекомендация к всеобщему исполнению или она факультативна. Болховская уездная земская управа, получив соответствующий номер официальной правительственной газеты, обратилась в орловскую губернскую земскую управу с просьбой «разъяснить, отменяется ли способ выборов в волостные земства, упоминаемый в № 62 и 73 “Вестника Временного правительства”, и вводится другой способ согласно № 122 “Вестника Временного правительства” или же оба способа могут быть допущены в зависимости от местных условий»[22]. Можно полагать, что подобные запросы поступали и из уездов других губерний.

Обоснование правительственной рекомендации перейти на пропорциональную систему мы находим в брошюре А. Н. Макарова «Что такое пропорциональные выборы?». На обложке брошюры значилось: «Издание Главного управления по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел», следовательно, доводы А. Н. Макарова в защиту пропорциональных выборов можно считать официальной точкой зрения. Единственный довод автора — бóльшая справедливость пропорциональной системы.

[21] Вестник Временного правительства. 1917. 4 августа.

[22] ГАОО (Государственный архив Орловской области). Ф. 525. Оп. 1. Д. 408. Л. 195.

При мажоритарной системе пропадают голоса за тех, кто в меньшинстве. «Справедливо ли такое подавление меньшинства большинством? <...> Конечно, нет. Дух истинной свободы, которым должна быть жива каждая демократия, настойчиво требует, чтобы не только численному большинству, часто большинству случайному, дано было право высказать при решении общественных дел свое мнение: и меньшинство должно иметь право защищать свои взгляды, и оно должно быть допущено к деланию общего дела»[23].

Возникает вопрос: почему именно в конце июля 1917 г. Временное правительство вспомнило и озаботилось справедливостью на волостных выборах? В начале статьи отмечалось, что еще до Февральской революции думская фракция партии кадетов выступала за всеобщие равные выборы в волостное бессословное земство. Думские либералы полагали, что земские сельские фельдшеры, врачи, учителя, учившие крестьянских детей, мелкие земские служащие, к которым крестьянам приходилось часто обращаться со своими нуждами, имеют в крестьянской среде определенный авторитет и могут рассчитывать на то, чтобы их фамилии избиратели-крестьяне включали в достаточном количестве в свои «избирательные записки». Но уже в мае в правительство и в околоправительственную среду стали поступать тревожные сведения о недоброжелательном отношении крестьян к сельской интеллигенции, так называемому «третьему элементу». Это отмечал в частности журнал «Русская школа»[24]. В этой ситуации «Земское дело» обратилось к сельской интеллигенции с призывом «объединяться хотя бы во временные организации и наметить план культурно-политического воздействия на крестьян»[25]. При пропорциональной системе без процентного проходного барьера избирательный список из организовавшихся самостоятельно сельских интеллигентов имел шансы получить какой-то процент в волостном земском собрании. По всей вероятности, именно это соображение побудило Временное правительство принять 26 июля маловразумительное постановление о пропорциональных выборах, не отменяющее определенно ранее принятую мажоритарную систему, но прозрачно рекомендующее ее заменить.

Между тем июльское решение правительства поставило в очень затруднительное положение многие местные избирательные комиссии, особенно те, у которых почти всё было готово к началу выборов по мажоритарной системе.

18 августа 1917 г. в связи с получением постановления правительства о дополнении к Положению о выборах в волостное земство от 21 мая в Орле было созвано губернское совещание «по делам выборов в волостное и уездное земство». На совещании выяснилось, что избирательные комиссии Малоархангельского

[23] *Макаров А. Н.* Что такое пропорциональные выборы? Пг., 1917. С. 5.

[24] *Малиновский Н. П.* Культурно-просветительные задачи в деревне // Русская школа. 1917. № 5–8. С. 139–140. Сведения взяты из монографии Е. М. Балашова «Школа в российском обществе 1917–1927 гг.» (СПб., 2003. С. 97–98).

[25] Земское дело. 1917. № 9–10, май. С. 364.

и Карачевского уездов поддерживают пропорциональную систему, так как она дает «возможность представительства всем классам населения», при пропорциональных выборах «даже мелкие поселения могут провести желательных кандидатов».

Однако ливенская уездная комиссия «постановила остаться при мажоритарной системе по чисто техническим соображениям ввиду состоявшейся уже подготовки выборов». При мажоритарной системе решил остаться Кромский уезд. Председатель елецкой уездной управы «сообщил, что вопрос о той или другой системы выборов еще комиссией не обсуждался, но ввиду того, что население уже подготовлено к выборам по мажоритарной системе, уездная управа опасается, что перемена системы выборов может внести сумбур на местах»[26]. По имеющимся у автора статьи сведениям, по семи уездам Орловской губернии в четырех выборы прошли по мажоритарной системе, в трех — по пропорциональной.

Министерство внутренних дел требовало от местных избирательных комиссий скорейшей присылки различных сведений о том, как прошли выборы в волостях и уездах, в частности по какой системе они проходили.

Эти отчеты имеются в Государственном архиве Российской Федерации.

Председатель земской управы Горбатовского уезда Нижегородской губернии докладывал: «Больше всего затруднений вызвала невозможность своевременного ознакомления населения с пропорциональной системой выборов. На этой почве возникало очень много пререканий и споров на тему о праве составления списков кандидатов»[27]. Из отчета председателя Переславской уездной управы Владимирской губернии: «Затруднения при выборах возникали как на почве спешности, так и на почве перехода от мажоритарной к пропорциональной системе выборов»[28]. Выборы в уезде тем не менее удалось всё же провести по пропорциональной системе.

«Выборы по уезду прошли благополучно»,— радовал министерство председатель Малоярославского уезда Калужской губернии. Но и в этом благополучном уезде «население, усвоив одну систему выборов, было недовольно ее отменой и необходимостью знакомиться с другой более сложной системой». Население семи волостей удалось уговорить принять пропорциональную систему, но одна проявила упорство и на своей территории осталась верна первоначальной мажоритарной системе[29].

По Мосальскому уезду той же Калужской губернии отчет оказался не столь позитивным. «Население к выборам по пропорциональной системе отнеслось скептически, чем и объясняется пассивное отношение к ним, выразившееся

[26] ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 408. Л. 215–218.

[27] ГАРФ. Ф. 393. Оп. 5. Д. 736. Л. 19 об.

[28] Там же. Д. 738. Л. 27 об.

[29] Там же. Д. 732. Л. 9 об.

в 30% количестве принявших участие избирателей в выборах»[30]. Тревожные сведения поступили из Слуцкого уезда Минской губернии: «Сельское население весьма недоверчиво относится к интеллигенции, выражает неудовольствие, что им предлагают выбирать по определенной системе, тогда как, по их словам, они сами определили бы систему выборов наиболее для них желательную»[31]. Крестьяне Деревской волости Новогрудского уезда Гродненской губернии проявили «полное нежелание иметь общие списки» и требовали «предоставление права каждому на избирательной записке писать имя, фамилию, отчество и прозвище того, кого он хочет избрать»[32]. Малоразвитая, но на бытовом уровне хорошо чувствующая свой интерес крестьянская масса безошибочно поняла, что мажоритарная система дает ей большие возможности отсекать неугодных ей кандидатов в гласные. Этого близоруко не учли разработчики Положения о выборах во Временном правительстве, а когда увидели свой промах, было уже невозможно существенно изменить ситуацию. «Значительной части населения прежняя система голосования за отдельных кандидатов (мажоритарная) являлась более понятной и удобной по местным условиям»,— давал требуемую министерством «общую характеристику выборов» председатель Уманской уездной управы Киевской губернии[33].

На предпочтение крестьянами на волостных выборах 1917 г. мажоритарной системы обратил особое внимание в своей монографии Г. А. Герасименко. Ссылаясь на статью в журнале «Волостное земство», он утверждает, что мажоритарная система применялась «в огромном большинстве случаев»[34]. Никакой исследователь не в состоянии единолично дать статистику применения той или иной системы по всем российским уездам. Автор данной статьи попытался частично решить этот вопрос — выборочно по данным ограниченного количества уездов 16 губерний в различных географических регионах страны[35]. В итоге получилась следующая картина: в 31 уезде выборы прошли по мажоритарной системе, в 27 — по пропорциональной. Возможно, в последнем случае сработал так называемый «административный ресурс». В восьми губерниях из семнадцати в одних уездах применялась мажоритарная система, в других пропорциональная.

Книга Г. А. Герасименко написана по канонам советской историографии. Он приветствует вытеснение классовыми советами крестьянских депутатов всесословных земств. Пропорциональная система выборов, в его интерпретации,

[30] ГАРФ. Ф. 393. Оп. 5. Д. 732. Л 15 об.

[31] Там же. Д. 741. Л. 21 об.

[32] Там же. Ф. 1789. Оп. 1. Д. 142. Л. 4 об.

[33] Там же. Ф. 393. Оп. 5. Д. 733. Л. 8 об.

[34] *Герасименко Г. А.* Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 126.

[35] Центр: губернии Владимирская, Воронежская, Калужская, Костромская, Орловская. Север: губернии Архангельская, Вологодская, Олонецкая. Юг: губернии Екатеринославская, Киевская. Запад: губернии Витебская, Волынская, Минская. Поволжье: губернии Казанская, Нижегородская. Сибирь: губернии Иркутская, Оренбургская.

«в тех условиях в большей степени соответствовала намерениям и целям помещиков, хуторян, отрубщиков, торговцев, земских служащих, сельской интеллигенции». А цель у них была — создать буржуазную систему управления[36].

В одной строке у Г. А. Герасименко помещики и сельская интеллигенция, но нет рабочих, а они тоже были заинтересованы в пропорциональных выборах. 11 июля московский и уездный Совет рабочих депутатов отправил телеграмму Временному правительству о том, что «считает безусловно необходимым введение пропорциональной системы выборов», поскольку «при мажоритарной системе интересы рабочего класса уезда сильно пострадают. Представительства рабочих в местных самоуправлениях может не оказаться, так как во всех волостях уезда рабочие представляют незначительное меньшинство»[37].

Помещики вряд ли могли рассчитывать на избрание в волостное земство и при пропорциональной системе, а что касается сельской интеллигенции, то приходится сожалеть, что крестьянская темнота и сословный эгоизм малограмотной российской деревни воспрепятствовал этому очень полезному для земской работы социальному слою пройти в достаточном количестве в земские собрания на пользу тех же крестьян.

Властные элиты разных стран в различных социальных и политических ситуациях устраивают выборы по той системе, которая представляется им наиболее выигрышной. Когда руководство партии большинства начинает чувствовать, что пропорциональная система не работает больше в ее пользу, оно устраивает мажоритарные округа, куда посылает известных общественных деятелей, не вызывающих аллергии у избирателей. Или мобилизует так называемых «независимых», которые в случае избрания оборачиваются послушными партийцами. Однако при этой системе в мажоритарных округах получает свой небольшой шанс и слабая оппозиция.

Возвращаясь к 1917 г., можно предположить, что у земской России, если бы она состоялась, было бы более благополучное будущее, нежели то, которое было ей уготовано Советами.

References

Balashov E. M. Shkola v rossijskom obshchestve 1917–1927 gg. SPb., 2003.

Gerasimenko G. A. Zemskoe samoupravlenie v Rossii. M., 1990.

Ginev V. N. Dumskie zakonoproekty o preobrazovanii soslovnoj krest'yanskoj volosti vo vsesoslovnuyu (1911 i 1916 gg.) i «Vremennoe polozhenie o volostnom zemskom upravlenii» Vremennogo pravitel'stva (21 maya 1917 g.). Posledovatel'nost' razrabotki i sravnitel'naya harakteristika // Aktual'nye problemy istorii parlamentarizma v Rossii (1906–1917 gg.). Tavricheskie chteniya. SPb., 2010. S. 157–174.

Ginev V. N. Pravitel'stvennye zakonoproekty o volostnoj reforme v ocenke oktyabristsko-kadetskogo bol'shinstva III i IV Gosudarstvennyh Dum // Revolyucionnyj process i obshchestvennoe soznanie. SPb., 2009. S. 90–112.

Gronskij P. P. Zemskie vybory i proporcional'noe predstavitel'stvo // Zemskoe delo. 1910. N 13–14. S. 1024.

Makarov A. N. Chto takoe proporcional'nye vybory? Pg., 1917.

[36] *Герасименко Г. А.* Указ. соч. С. 125, 128.

[37] ГАРФ. Ф. 1789. Оп. 1. Д. 102. Л. 23.

Sbornik ukazov i postanovlenij Vremennogo pravitel'stva. Vyp. 2. Ch. 1. Pg., 1918.
Shutov A. Yu. Zemskie vybory v istorii Rossii (1864–1917 gg.). Issledovanie izbiratel'nyh sistem. M., 1997.
Svechin A., Sokolovskij G. Predstavitel'stvo men'shinstva v mestnom samoupravlenii // Zemskoe delo. 1910. N 10. S. 29, 30.
Vestnik Vremennogo pravitel'stva. 1917 g. 13 iyunya, 4 avgusta.

Список литературы

Балашов Е. М. Школа в российском обществе 1917–1927 гг. СПб., 2003.
Вестник Временного правительства. 1917. 13 июня, 4 августа.
Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. М., 1990.
Гинев В. Н. Думские законопроекты о преобразовании сословной крестьянской волости во всесословную (1911 и 1916 гг.) и «Временное положение о волостном земском управлении» Временного правительства (21 мая 1917 г.). Последовательность разработки и сравнительная характеристика // Актуальные проблемы истории парламентаризма в России (1906–1917 гг.). Таврические чтения. СПб., 2010. С. 157–174.
Гинев В. Н. Правительственные законопроекты о волостной реформе в оценке октябристско-кадетского большинства III и IV Государственных Дум // Революционный процесс и общественное сознание. СПб., 2009. С. 90–112.
Гронский П. П. Земские выборы и пропорциональное представительство // Земское дело. 1910. № 13–14. С. 1024.
Макаров А. Н. Что такое пропорциональные выборы? Пг., 1917.
Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 2, Ч. 1. Пг., 1918.
Свечин А., Соколовский Г. Представительство меньшинства в местном самоуправлении // Земское дело. 1910. № 10. С. 29, 30.
Шутов А. Ю. Земские выборы в истории России (1864–1917 гг.). Исследование избирательных систем. М., 1997.

УДК 93/94

Л. В. Смирнова, С. Н. Уваров

Эвакуированные ленинградцы в Удмуртской АССР в годы Великой Отечественной войны (численность, размещение, трудовая деятельность)

В истории Великой Отечественной войны совершенно особое место занимает эвакуация из Ленинграда. Ее отличают не только беспрецедентные масштабы, длительность, но и тот факт, что бóльшая часть населения вывозилась в условиях блокады города. Ленинградской эвакуации посвящен целый ряд крупных исследований[1]. Великая Отечественная война разбросала ленинградцев по разным регионам страны, однако работ, описывающих эвакуацию из Ленинграда в различные области и республики страны, не так много[2]. Это обстоятельство актуализирует региональные исследования. Несмотря на ряд вышедших работ[3], недостаточно исследований о ленинградцах, эвакуированных в Удмуртскую АССР.

[1] См. напр.: *Данилов П. П.* Эвакуация населения и оборудования из Ленинграда в 1941–1943 годах // Отечественная история. 2006. № 3. С. 55–64; *Ковальчук В. М.* 1) Эвакуация населения Ленинграда летом 1941 года // Отечественная история. 2000. № 3. С. 15–24; 2) 900 дней блокады: Ленинград 1941–1944 гг. СПб., 2005; *Уродков С. А.* Эвакуация населения Ленинграда в 1941–1942 гг. // Вестник Ленинградского университета. 1958. № 8. С. 88–102.

[2] *Арасланова Л. З.* Дети блокадного Ленинграда на Вятской земле: 70-летию прорыва блокады посвящается // Библиотечное дело. 2013. № 3 (189). С. 33–34; *Кабирова А. Ш., Хузеева Л. В.* «Татарстан стал для нас второй родиной» (к 70-летию полного снятия блокады Ленинграда) // Гасырлар авазы. 2014. № 3–4. С. 196–207.

[3] *Родионов Н. А.* Прием, размещение и трудовая деятельность эвакуированного населения в Удмуртской АССР (1941–1945 гг.) // В годы суровых испытаний: Сб. ст. Устинов, 1986. С. 141–166; *Смирнова Л. В., Уваров С. Н.* Эвакуация жителей Ленинграда и Ленинградской области в Удмуртию в годы Великой Отечественной войны // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. № 2 (Т. 4. История). С. 26–35.

В данной статье предпринимается попытка восполнить существующую в отечественной историографии лакуну. Источниками явились как делопроизводственные документы государственных органов СССР, Ленинграда, Удмуртской АССР, так и неопубликованные воспоминания эвакуированных ленинградцев. В Центральном государственном архиве Удмуртской Республики отложился совершенно невостребованный фонд Королевой Нины Александровны (Р-1703), в годы войны работавшей в МПВО Ленинграда. Она собрала воспоминания блокадников, кто-то из которых оказался в Удмуртии благодаря эвакуации, кто-то, как она — в послевоенное время. Воспоминания помогают понять отношение к происходившим событиям, что чувствовали ленинградцы во время эвакуации.

Всего из Ленинграда к 1 апреля 1943 г., по данным Ленинградской городской эвакуационной комиссии, было эвакуировано 1 743 129 чел., из них непосредственно горожан — 1 448 338 чел.[4] Многих эвакуированных из столицы на Неве направляли в Удмуртскую АССР. Уже до 9 августа из Ленинграда в Удмуртскую АССР по железной дороге было отправлено 12 776 чел.[5] Так, 16 июля на станцию Ижевск выехали поездом 2969 эвакуированных, 17 июля — 2787 чел., 19 июля — 2932 чел., 20 июля — 1617 чел., 23 июля — 1562 чел.[6] Однако к 15 августа на территории УАССР находилось всего 418 эвакуированных жителей Ленинграда, к 1 сентября 1941 г. — 442 чел.[7] Вероятнее всего, как показал В. М. Ковальчук, эта разница между выехавшими и добравшимися до места объясняется тем, что эвакуированные высаживались на станциях, расположенных на пути следования[8].

Музейные ценности пригородных дворцов-музеев Ленинграда отправились в г. Сарапул Удмуртской АССР. Последняя отправка из Ленинграда по решению Ленгорисполкома состоялась 16 августа. Всего в Сарапул в 1941 г. прибыло более тысячи ящиков с коллекциями из дворцово-парковых ансамблей Петродворца, Пушкина, Ломоносова, Павловска, Гатчины[9].

В Глазов было эвакуировано 2-е Ленинградское военное пехотное училище, а в Сарапул — 3-е. На территории Глазовского винзавода расположилась Ленинградская табачная фабрика им. К. Цеткин[10]. В ноябре 1941 г. в Удмуртию прибыл 1-й Ленинградский военно-музыкальный интернат в составе 100 учащихся, эвакуированный первоначально в г. Галич Ярославской области. На месте он был переименован в Балезинскую спецшколу.

В источниках не удалось найти никаких упоминаний сборника документов о 5-й ГЭС и ремесленном училище № 52, эвакуированных из Ленинграда в Ижевск, о НИИ «Гипрогор», размещенном в Сарапуле, и о Ленинградском машиностроительном техникуме, прибывшем на ст. Новые Зятцы Старозятцинского района Удмуртской АССР[11].

К началу блокады только жителей Ленинграда было эвакуировано 488 703 чел. Несмотря на это к 15 сентября в Удмуртии оказался всего 561 ленинградец. К 15 октября 1941 г. их количество выросло до 620 чел. и не менялось до середины декабря[12]. Связано это было с тем, что в этот момент масштабы эвакуации резко снизились. С конца 1941 и по 22 января 1942 г. было эвакуировано 104 711 чел., в числе которых было 36 783 ленинградца[13].

С 22 января 1942 г. началась массовая эвакуация по льду Ладожского озера («Дороге жизни»), во время которой к 15 апреля эвакуировались 554 186 чел. Это был наиболее сложный период эвакуации. Выжившие в суровую зиму 1941–1942 гг. блокадники были физически слабы. К примеру, в январе–апреле 1942 г. в Удмуртию прибыло 1248 ленинградцев, из них почти треть (391 чел.) была госпитализирована. В апреле 1942 г. из проезжавших через Сарапул ежедневно 5–10 эвакуированных ленинградцев были вынуждены оставаться в городе на срок от 3 до 10 дней для восстановления сил, так как не могли двигаться дальше. Как вспоминала эвакуированная в феврале 1942 г. В. М. Ветковская, добравшись до родительского дома (была родом из Ижевска), она пролежала полтора месяца. По словам П. М. Косаревой, после эвакуации в марте 1942 г. она больше полугода лежала почти без движения, настолько сильно был истощен организм. Очень многие умерли из-за того, что после эвакуации получили хорошее питание. У Р. К. Бабкиной во время переезда на Большую землю в апреле 1942 г. умерли две младшие сестры, пережившие голодную зиму 1941–1942 гг., но не справившиеся с обилием пищи после блокады[14].

При этом многие ленинградцы, несмотря на голод и холод, не очень желали покидать город, веря, что он будет скоро освобожден. У изможденных людей было и равнодушие к происходящему. Читая воспоминания, в очередной раз поражаешься, через что пришлось пройти блокадникам. Например, Г. Б. Степанова, встретив войну 12-летней девочкой, столкнулась с людоедством и описала его так. Лежала однажды в детском отделении больницы,

[4] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 4965. Оп. 3. Д. 46а. Л. 45.

[5] *Ковальчук В. М.* Эвакуация населения Ленинграда летом 1941 года // Отечественная история. 2000. № 3. С. 19.

[6] Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее — ЦГА УР). Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 303. Л. 6, 7, 67, 77, 83.

[7] Там же. Оп. 1. Д. 5. Л. 2, 8, 14.

[8] *Ковальчук В. М.* Указ. соч. С. 21.

[9] История музея истории и культуры Среднего Прикамья: Электронный ресурс. URL: http://museumsarapul.ru/about/history/index.php (дата обращения 28.04.2016).

[10] *Кочин Г. А.* Прибежище и спасение: жизнь эвакуированных в Глазове в 1941–1945 гг.: Электронный ресурс. URL: http://glazovskaya-zbc.3dn.ru/Kozin/pribezhishhe_i_spasenie.doc (дата обращения 28.04.2016).

[11] Удмуртия в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Ижевск, 1995. С. 319–324.

[12] ЦГА УР. Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 5. Л. 18, 28, 47, 49.

[13] ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 50. Л. 189–190.

[14] ЦГА УР. Ф. Р-755. Оп. 3. Д. 4. Л. 76, 78; Ф. Р-1703. Оп. 1. Д. 25. Л. 22, 27.

где работали ее мама и тетя, пятилетняя Соня. Во время одного из обедов она удивилась тому, что дают мало мяса. Тетя Галины Борисовны спросила у Сони:

— А разве ты дома больше мяса ела?

— Конечно. Мне мама каждый день котлеты жарит.

— А где твоя мама мясо берет?

— Как где? К нам кто-нибудь придет, папа топориком «тюк», а мама котлеты жарит.

Тетя Галины Борисовны заявила в милицию. На квартире Сониных родителей произвели обыск и обнаружили в погребе бочку с засоленным человеческим мясом и головы убитых. Родителей Сони арестовали, а ее после выздоровления передали в детдом.

От голода и болезни Галина Борисовна потеряла маму, и остаток войны прожила с тетей в Ленинграде[15].

За время с 22 января по 15 апреля 1942 г. больше всего из города было вывезено рабочих и служащих с семьями — 351 845 чел., а также инвалидов войны — 43 056 чел. Жителей Ленинградской области, прибалтийских республик оказалось 35 409 чел.[16]

Постановлением СНК СССР от 11 февраля 1942 г. № 169–90сс Ленинградскому военному совету было предложено перебросить в феврале–марте в г. Сарапул 500 рабочих ленинградской радиопромышленности для работы на заводе № 203[17]. Сам завод, в свою очередь, был эвакуирован из Москвы, и с февраля 1942 г. начал выпускать радиооборудование для фронта: навигационную и танковую радиоаппаратуру (в том числе радиостанции для танков Т-34), а также радиопередающие устройства для истребительной авиации.

С 27 мая 1942 г., когда Ладожское озеро очистилось ото льда, эвакуация проводилась по воде. С ноября 1942 г. она носила уже выборочный характер. С 27 мая 1942 по 1 апреля 1943 г. было вывезено 448 029 чел., из них жителей Ленинградской области, прибалтийских республик — 43 954 чел.[18] Согласно Распоряжению СНК СССР № 14598-рс от 5 августа 1942 г. в Сарапул был эвакуирован Ленинградский ликероводочный техникум, единственный в стране готовивший кадры для спиртовой и ликероводочной промышленности[19].

Количество жителей Ленинграда в Удмуртии стало увеличиваться особенно быстро во второй половине 1942 г. (см. табл.). Так, за август 1942 г. их число в республике увеличилось почти вдвое. Тем не менее это количество

[15] ЦГА УР. Ф. Р-1703. Оп. 1. Д. 25. Л. 12 — 13 об.

[16] ЦГА СПб. Ф. 4965. Оп. 3. Д. 46а. Л. 45.

[17] Центр документации новейшей истории УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3487. Л. 115.

[18] ЦГА СПб. Ф. 4965. Оп. 3. Д. 46а. Л. 45.

[19] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 43а. Д. 2719. Л. 2–3.

явно не соответствовало масштабам эвакуации ленинградцев. Например, в соседнюю Пермскую область уже к маю 1942 г. эвакуировали 107 879 чел. из Ленинграда[20].

Количество эвакуированных жителей Ленинграда в Удмуртской АССР на начало месяца, чел.[21]

Месяц	1942			1944			1945			1946		
	Всего эвакуированных в УАССР	в том числе из Ленинграда	%	Всего эвакуированных в УАССР	в том числе из Ленинграда	%	Всего эвакуированных в УАССР	в том числе из Ленинграда	%	Всего эвакуированных в УАССР	в том числе из Ленинграда	%
Январь	40 903	663	1,6	54 612	5750	10,5	24 967	3331	13,3	–	–	–
Февраль	44 227	772	1,7	53 130	5670	10,7	22 891	2571	11,2	14 907	1827	12,3
Март	47 366	1143	2,4	52 120	5662	10,9	22 461	2645	11,8	14 128	1389	9,8
Апрель	–	–	–	51 834	6027	11,6	22 501	2649	11,8	13 863	1363	9,8
Май	–	–	–	49 154	5279	10,7	22 375	2608	11,7	13 460	1346	10,0
Июнь	–	–	–	47 711	5897	12,4	21 597	2554	11,8	13 154	1264	9,6
Июль	63 061	1862	3,0	46 818	5583	11,9	21 164	2903	13,7	12 707	1221	9,6
Август	63 794	2001	3,1	45 000	5513	12,3	20 613	2777	13,5	12 119	1182	9,6
Сентябрь	70 481	4242	6,0	43 565	5315	12,2	18 858	2628	13,9	11 705	955	8,2
Октябрь	70 606	4257	6,0	38 372	4187	10,9	16 496	2329	14,1	10 332	855	8,3
Ноябрь	71 310	4361	6,1	31 047	3808	12,3	15 868	2105	13,3	10 319	853	8,3
Декабрь	73 195	4757	6,5	27 899	3650	13,1	15 724	2067	13,1	10 296	900	8,7

На 1 августа 1943 г. в Удмуртии находилось 5933 ленинградца[22]. Учитывая, что в 1943 г. эвакуация из Ленинграда еще продолжалась, а блокада города полностью не снята, маловероятно, что с февраля по август количество ленинградцев в республике снизилось так сильно.

Эвакуированных из Ленинграда расселяли по всей территории республики. Осенью 1943 г. ленинградцев не было только в одном районе (Карсовайском) из 37 имевшихся и в одном городе (Воткинске) из пяти существовавших. На 1 ноября 1943 г. в городах Удмуртской АССР проживало 2255 жителей Ленинграда, в районах — 3559 чел. Больше всего жителей Ленинграда было в Кезском районе (621 чел.), а среди городов — в Глазове (827 чел.)[23]. Половозрастной и национальный состав эвакуированных из отдельных областей в отчетах переселенческих органов, к сожалению, не указывался. Если говорить в целом

[20] Снятию блокады посвящается... Электронный ресурс. URL: http://www.permgani.ru/publikatsii/stati/snyatiyu-blokady-posvyaschaetsya.html (дата обращения 28.04.2016).

[21] ЦГА УР. Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 5. Л. 48 — 80 об.; Д. 165. Л. 1–78; Д. 166. Л. 1–90; Д. 234. Л. 6 — 74 об.

[22] Там же. Д. 128. Л. 31.

[23] Там же. Д. 129. Л. 110.

про всё эваконаселение, проживавшее в Удмуртии, то на 1 декабря 1942 г. числилось 29 994 мужчин и 43 201 женщина, из тех и других 23 689 — это дети до 14 лет. На 1 апреля 1942 г. русских среди эваконаселения в республике было 68,7 %, евреев — 14,3 %, украинцев — 6,6 %, белорусов — 3 %[24]. Высокая доля евреев объясняется, скорее всего, тем, что они эвакуировались при первой же возможности, осознавая, какая судьба ждет их на оккупированной территории[25].

Серьезные сложности возникли с жилищным обеспечением эвакуированных. Города оказались не готовы к массовому прибытию населения. Новое жилье возводилось очень медленно, выделявшиеся на эти цели средства осваивались не полностью. Например, выделенный республике на строительство в 1941 г. кредит в 800 тыс. руб. к 1 декабря на 86,6 % был неиспользован[26]. Жилищная проблема усугублялась призывом на заводы сельского населения, которое также требовалось где-то разместить. Обеспечение жилплощадью эвакуированного населения производилось в основном за счет уплотнения. Нередко возникали конфликты. Из документов известны случаи притеснений эвакуированных жителей домовладельцами.

Случалось и обратное. Так, в двухкомнатную квартиру С. Порошина, работавшего бухгалтером в буфете Глазовского вокзала, въехала семья (3 чел.) майора Доценко из Ленинградского пехотного училища. Одна комната майора не устроила, и он занял всю квартиру. Хозяин же с семьей и сундуками был выселен в неблагоустроенный дом за городом, где дети стали часто болеть. В своей жалобе С. Порошин писал: «Почему дети Доценко должны жить в теплой квартире, а наши переносят лишения?» Однако Порошиным квартиру так и не вернули[27]. Но подобные случаи были редкостью. Как правило, местные жители и эвакуированные жили дружно, как одна большая семья.

Трудоустраивались эвакуированные, как правило, исходя из их возможностей и полученной специальности. К примеру, в эвакогоспитале № 3891 г. Глазова самоотверженно работали врачи, эвакуированные из Ленинграда. В Глазовской женской средней школе вела немецкий язык учительница М. С. Богданович, правнучка М. И. Кутузова[28]. На крупнейшем в республике заводе № 74 в конце 1942 г. трудилось 22 ленинградца, на заводе № 71 — 29 чел. Список их профессий был разнообразным: учетчики, бухгалтеры, контролеры, механики, разнорабочие, инженеры, кассиры, медработники, буфетчицы и др.[29]

Переселенческие органы вели в годы войны статистический учет по всем эвакуированным, а не по отдельным группам. По состоянию на 1 февраля

[24] ЦГА УР. Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 5. Л. 61, 79.

[25] *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. СПб.: Нева, 2002. С. 242–243.

[26] *Родионов Н. А.* Указ. соч. С. 153.

[27] *Кочин Г. А.* Указ. соч.

[28] Там же.

[29] ЦГА УР. Ф. Р-177. Оп. 1. Д. 876. Л. 1–12.

1942 г. из 27 500 трудоспособных эвакуированных работали только 20 805 чел. (76,7 %). Столь низкий процент объяснялся недостатком одежды и обуви. Из-за этого же не все дети эвакуированных могли ходить в школу. Например, как показала проверка в сентябре 1943 г., в Киясовском районе не посещало школу большинство эвакуированных детей[30].

В июле 1943 г. из 37 жалоб от эвакуированных, поступивших в Отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения при СНК УАССР, 21 жалоба была на невозможность приобрести обувь и одежду, 5 жалоб — на недостаточное снабжение продуктами питания, 4 — на жилищные условия, 3 — на несвоевременный расчет с колхозами[31]. Зимой жалоб на дефицит обуви и одежды, скорее всего, было намного больше. Затем за счет предоставляемой помощи положение улучшилось: на 1 января 1944 г. доля трудоустроенных составила 99,7 %[32]. В январе 1945 г. в основном все дети эвакуированных посещали школы.

Вызывало осложнения продовольственное обеспечение эвакуированных. Положение ленинградцев было здесь чуть лучше, поскольку им полагались повышенные нормы снабжения. 3 апреля 1942 г. СНК УАССР принял постановление, которым повысил до 500 г нормы хлеба для эвакуированных из Москвы и Ленинграда, остальное эваконаселение получало 400 г[33]. Это говорит об особом отношении к жителям двух столиц. Однако кроме хлеба часто больше ничего не выдавали. С октября 1943 г. из-за неурожая нормы выдачи хлеба в сельской местности были снижены для служащих до 300 г, для иждивенцев — до 150 г в день[34].

Не всегда эвакуированные находили и понимание у должностных лиц. Например, в декабре 1943 г. при проверке Глазовского горсовета обнаружился пример нечуткого отношения к эвакуированному из Ленинграда И. С. Семенову, инвалиду войны. Он жил в деревне в 3 км от г. Глазова и, будучи без ноги, работал в райсовете ОСОАВИАХИМа, неоднократно обращался в Горжилуправление за предоставлением соответствующей жилплощади, но получал ответ: «Ищите квартиру сами»[35].

С 1943 г. началась история ленинградской реэвакуации. Система, основы которой были заложены в 1943 г., существовала до лета 1946 г., когда город перестал быть закрытым. Основополагающим документом этой системы стало решение исполкома Ленгорсовета от 12 февраля 1943 г. «О въезде и выезде из Ленинграда». Согласно этому решению, всем руководителям организаций,

[30] Там же. Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 63. Л. 36.

[31] Там же. Д. 123. Л. 6 об.

[32] Там же. Д. 165. Л. 2.

[33] Там же. Оп. 3. Д. 4. Л. 33.

[34] Там же. Оп. 1. Д. 125. Л. 2 об.

[35] Там же. Д. 63. Л. 54 об.

учреждений и предприятий города запрещалось вызывать в город сотрудников без разрешения Ленгорисполкома, запрещалось брать на работу лиц, прибывших в город без разрешения властей, а значит, вернувшихся незаконно. В 1943–1946 гг. реэвакуация в основном была организованной, т.е. в город возвращались сотрудники эвакуированного предприятия. Основная тяжесть задачи их обустройства и размещения в городе ложилась на работодателей[36].

Поток возвращающихся быстро рос. Если на 1 января 1944 г. в городе насчитывалось около 560 тыс. жителей, то уже к июлю его население возросло до 725 тыс. чел. В августе было принято решение о прекращении реэвакуации населения. Тем не менее, за 1945 г. в город прибыло около 600 тыс. чел. В сентябре в Ленинграда проживало уже около 1 млн 240 тыс. чел.[37]

Поскольку в Удмуртии практически не было эвакуированных предприятий Ленинграда, численность ленинградцев в республике в первой половине 1944 г. уменьшилась незначительно. Более того, за отдельные месяцы она даже увеличивалась (см. табл.). В первую очередь это объясняется прибытием эвакуированных ленинградцев из других областей. Так, летом 1944 г. в Ижевск из с. Тогул Алтайского края была переведена 8-я Ленинградская артиллерийская школа в составе 239 учащихся, 45 чел. командно-преподавательского состава, 8 служащих, 43 рабочих и 89 иждивенцев[38]. В Удмуртии артшкола располагалась до 1946 г.

Лишь с сентября 1944 г. выезд из Удмуртии в столицу на Неве приобрел массовый характер (см. табл.). С 1 августа по 1 декабря численность ленинградцев в республике уменьшилась в 1,5 раза. Несмотря на введенный в августе запрет на реэвакуацию населения, люди уезжали в Ленинград по своей инициативе. В 1945 г. выехало около 1,3 тыс. чел., в 1946 г. — около 1 тыс. жителей Ленинграда. К началу 1947 г. в республике проживало 866 ленинградцев[39]. Среди них было много уроженцев республики, решивших остаться в родных краях.

Таким образом, Удмуртская АССР явилась регионом, где нашли временное пристанище свыше 6 тыс. эвакуированных ленинградцев, различные учебные заведения и предприятия Ленинграда. Около 90 тыс. экспонатов пригородных дворцов-музеев Ленинграда было сохранено в Сарапульском музее. В целом республиканские и местные власти, а также простые жители проявляли заботу об эвакуированных как могли. Отношение к ленинградцам при этом было особенным. Проявлялась забота, например, в повышенных нормах продовольственного обеспечения. Все понимали то положение, в котором они оказались, через что пришлось им пройти.

[36] *Карпенко И. А.* Социально-бытовые аспекты процесса реэвакуации гражданского населения в Ленинград. 1943–1946 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 2. История. Вып. 4. С. 178.

[37] Непокоренный Ленинград. Л.: Наука, 1970. С. 372, 373, 400.

[38] ЦГА УР. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 1071. Л. 8.

[39] Там же. Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 234. Л. 74 об.

В то же время эвакуировались ленинградцы из родного города в основном неохотно, часто предпочитая выезду в другую местность лишения дома. Приехав в Удмуртию, они самоотверженно работали за станком, трудились в поле, воспитывали подрастающее поколение, лечили больных, внося свою, очень важную, лепту в Победу. Но как только была снята блокада, эвакуированные ленинградцы стали рваться обратно, невзирая на запреты. Они с благодарностью потом вспоминали Удмуртию и жителей этой республики.

References

Araslanova L. Z. Deti blokadnogo Leningrada na Vjatskoj zemle: 70-letiju proryva blokady posvjashhaetsja // Bibliotechnoe delo. 2013. N 3 (189). S. 33–34.

Danilov P. P. Jevakuacija naselenija i oborudovanija iz Leningrada v 1941–1943 godah // Otechestvennaja istorija. 2006. N 3. S. 55–64.

Istorija muzeja istorii i kul'tury Srednego Prikam'ja. URL: http://museumsarapul.ru/about/history/index.php (date of access 28.04.2016).

Kabirova A. Sh., Huzeeva L. V. «Tatarstan stal dlja nas vtoroj rodinoj» (k 70-letiju polnogo snjatija blokady Leningrada) // Gasyrlar avazy. 2014. N 3–4. S. 196–207.

Karpenko I. A. Social'no-bytovye aspekty processa rejevakuacii grazhdanskogo naselenija v Leningrad. 1943–1946 gg. // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2006. Ser. 2. Istorija. N 4. S. 177–181.

Koval'chuk V. M. Jevakuacija naselenija Leningrada letom 1941 goda // Otechestvennaja istorija. 2000. N 3. S. 15–24.

Koval'chuk V. M. 900 dnej blokady: Leningrad 1941–1944 gg. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2005.

Kochin G. A. Pribezhishhe i spasenie: zhizn' jevakuirovannyh v Glazove v 1941–1945 gg. URL: http://glazovskaya-zbc.3dn.ru/Kozin/pribezhishhe_i_spasenie.doc (date of access 28.04.2016).

Lomagin N. A. Neizvestnaja blokada. SPb.: Neva, 2002.

Nepokorennyj Leningrad. L.: Nauka, 1970.

Rodionov N. A. Priem, razmeshhenie i trudovaja dejatel'nost' jevakuirovannogo naselenija v Udmurtskoj ASSR (1941–1945 gg.) // V gody surovyh ispytanij: Sb. st. Ustinov: NII pri Sovete ministrov UASSR, 1986. S. 141–166.

Smirnova L. V., Uvarov S. N. Jevakuacija zhitelej Leningrada i Leningradskoj oblasti v Udmurtiju v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. 2015. N 2 (T. 4. Istorija). S. 26–35.

Snjatiju blokady posvjashhaetsja... URL: http://www.permgani.ru/publikatsii/stati/snyatiyu-blokady-posvyaschaetsya.html (date of access 28.04.2016).

Urodkov S. A. Jevakuacija naselenija Leningrada v 1941–1942 gg. // Vestnik Leningradskogo universiteta. 1958. N 8. S. 88–102.

Udmurtija v Velikoj Otechestvennoj vojne: Sb. dokumentov. Izhevsk: Udmurtija, 1995.

Список литературы

Арасланова Л. З. Дети блокадного Ленинграда на Вятской земле: 70-летию прорыва блокады посвящается // Библиотечное дело. 2013. № 3 (189). С. 33–34.

Данилов П. П. Эвакуация населения и оборудования из Ленинграда в 1941–1943 годах // Отечественная история. 2006. № 3. С. 55–64.

История музея истории и культуры Среднего Прикамья: Электронный ресурс. URL: http://museumsarapul.ru/about/history/index.php (дата обращения 28.04.2016).

Кабирова А. Ш., Хузеева Л. В. «Татарстан стал для нас второй родиной» (к 70-летию полного снятия блокады Ленинграда) // Гасырлар авазы. 2014. № 3–4. С. 196–207.

Карпенко И. А. Социально-бытовые аспекты процесса реэвакуации гражданского населения в Ленинград. 1943–1946 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 2. История. Вып. 4. С. 177–181.

Ковальчук В. М. Эвакуация населения Ленинграда летом 1941 года // Отечественная история. 2000. № 3. С. 15–24.

Ковальчук В. М. 900 дней блокады: Ленинград 1941–1944 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005.

Кочин Г. А. Прибежище и спасение: жизнь эвакуированных в Глазове в 1941–1945 гг.: Электронный ресурс. URL: http://glazovskaya-zbc.3dn.ru/Kozin/pribezhishhe_i_spasenie.doc (дата обращения 28.04.2016).

Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. СПб.: Нева, 2002.

Непокоренный Ленинград. Л.: Наука, 1970.

Родионов Н. А. Прием, размещение и трудовая деятельность эвакуированного населения в Удмуртской АССР (1941–1945 гг.) // В годы суровых испытаний: Сб. ст. Устинов: НИИ при Совете министров УАССР, 1986. С. 141–166.

Смирнова Л. В., Уваров С. Н. Эвакуация жителей Ленинграда и Ленинградской области в Удмуртию в годы Великой Отечественной войны // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. № 2 (Т. 4. История). С. 26–35.

Снятию блокады посвящается... Электронный ресурс. URL: http://www.permgani.ru/publikatsii/stati/snyatiyu-blokady-posvyaschaetsya.html (дата обращения 28.04.2016).

Уродков С. А. Эвакуация населения Ленинграда в 1941–1942 гг. // Вестник Ленинградского университета. 1958. № 8. С. 88–102.

Удмуртия в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Ижевск: Удмуртия, 1995.

УДК 94(474.2)
94(47).084.6

А. И. Рупасов

Советско-эстонские отношения в период мирового экономического кризиса

Из трех прибалтийских государств именно Эстония вызывала к себе в Москве в рассматриваемый период наибольшую настороженность. Это было продиктовано не только явной ориентацией ее внешнеполитического курса на Варшаву, тем, что, по сведениям ИНО ОГПУ, в Таллине находился центр английской разведки, «откуда работа разветвляется на Гельсингфорс, Ригу и Мемель»[1], но и тем, что у советской дипломатии фактически отсутствовали какие-либо рычаги воздействия на позицию Таллина по целому спектру проблем, представлявших для Москвы интерес. Былая заинтересованность в использовании эстонского транзита, улетучившаяся уже через год после подписания мирного договора, мизерные объемы двусторонней торговли, обусловленные в значительной степени аграризацией эстонской экономики и в не меньшей степени ограниченностью внешнеторгового потенциала и структурой советского экспорта, не могли служить инструментами в достижении Москвой сугубо политических целей. Данное обстоятельство диктовало неизбежность поиска решений вне сферы двусторонних отношений, например, через предоставление внешнеторговых преференций Латвии или через дипломатические договоренности с Варшавой. Втягивание Европы в конце 1920-х гг. в мировой экономический кризис серьезно отразилось на экономике Эстонии. Складывавшаяся ситуация создавала предпосылки для нового обращения советской стороны к торговле как инструменту

[1] Eesti Rahvusarhiiv (далее — ERA). 138-SM-1–32. L. 3.

дипломатии, но, как показало развитие событий, она не дала желаемого эффекта. Впрочем, сами эти политические цели в значительной степени носили для советской стороны маргинальный характер, Москва вынужденно и неохотно соглашалась на подключение Эстонии к своим внешнеполитическим акциям.

Относительное затишье в советско-эстонских отношениях, наступившее после их резкого охлаждения, вызванного попыткой коммунистического переворота 1 декабря 1924 г., оказалось прервано советской кампанией по заключению так называемых гарантийных пактов с лимитрофами. Декабрьские события 1924 г. в значительной степени и породили ситуацию, делавшую неизбежным выступление СССР с какой-либо инициативой, направленной на успокоение соседей. Кроме того, к такому шагу советскую сторону подталкивали два обстоятельства. Во-первых, казалось, что не принесшая сколько-нибудь значимых результатов попытка эстонского правительства заручиться в Лондоне дополнительными гарантиями независимости[2] может служить своего рода предпосылкой для успеха такой инициативы. Во-вторых, советской дипломатии пришлось констатировать резкое усиление активности Польши в регионе. В Москве возможность возникновения некого «балтийского союза» во главе с Польшей вызывала по меньшей мере озабоченность. В результате уже в конце января 1925 г. советская сторона подняла в Варшаве тему пакта о ненападении, а в апреле политическое руководство СССР, обеспокоенное возможностью формирования «балтийского блока», сочло необходимым «использовать возможности нашего экономического давления на государства Прибалтики»[3]. Одновременно тема пактов о ненападении (гарантийных пактов) отошла в сторону. В Москве опасались, что даже продолжение зондажа в этом направлении будет стимулировать нежелательную тенденцию к сплочению лимитрофов под главенством Польши.

Сложившаяся в Эстонии после приобретения независимости партийно-политическая система фактически предопределяла отказ советской дипломатии от каких-либо попыток поиска той политической силы, на взаимовыгодное сотрудничество с которой можно было бы положиться. В 1927 г. эта партийная система оценивалась, например, ИНО ОГПУ следующим образом:

— Крестьянский союз — крайне правая партия, опирающаяся на зажиточное крестьянство, крупную городскую буржуазию и высшее офицерство, с фашистским уклоном;

— Союз домохозяев — «чисто профессиональная организация, имеющая целью защиту домовладельческих интересов»;

[2] Новейшей публикацией по этому вопросу является статья Хейно Арумяе (*Arumäe H.* Ühe illusiooni purunemine. Abipalve Briti valitsusele 1924. aasta detsembris // Tuna. 2014. L. 88–103).

[3] *Рупасов А. И.* Гарантии. Безопасность. Нейтралитет. СССР и государства-лимитрофы в 1920-х — начале 1930-х гг. СПб.: Европейский дом, 2008. С. 86.

— Партия христианских демократов — «наиболее правая партия из центральных группировок эстонского парламента», опирающаяся на религиозно настроенные слои городского мещанства и середняцкого крестьянства;

— Эстонская народная партия — ядро парламентского центра — опиравшаяся на середняцкое крестьянство, крупное купечество и националистически настроенную интеллигенцию; «базисом программы Народной партии является проблема национальной культуры и национального развития»;

— Партия новопоселенцев, представлявшая экономические интересы новопоселенцев;

— Трудовая партия — левая партия парламентских группировок центра, партия мелкой городской буржуазии, либеральной интеллигенции и мелкого крестьянства;

— Социалистическая рабочая партия Эстонии, образованная в 1926 г. путем объединения социал-демократов с правым крылом независимой социалистической рабочей партии, имела хорошо развитую сеть организаций, особенно в деревне, но численность ее была невелика;

— Рабочая партия Эстонии, образованная в 1926 г., не имела «ярко выраженной политической физиономии»[4].

С учетом характерного для большинства перечисленных партий отсутствия жестких организационных структур и внутрипартийной дисциплины, а также пронизанной коррупцией политической системы становится понятным, почему советская дипломатия в реализации тех или иных внешнеполитических акций предпочитала ориентироваться на довольно узкую группу политических деятелей, представлявших разные партии и отдельные фракции деловых кругов[5].

[4] Сводка общих информационных сведений об Эстонии. 1927 г. // ERA. 138-SM-1–31. L. 241–251. В Государственном собрании (парламенте) по результатам выборов 1926 и 1927 гг. эти партии имели следующее представительство: Крестьянский союз (Põllumeestekogud) — 23 и 24 депутата соответственно, новопоселенцы (Asunike Koondis) — 14 и 14, Народная партия (Rahvaerakond) — 8 и 9, Христианский демократический союз (Kristlik Rahvaerakond) — 5 и 4, Трудовая партия (Tööerakond) — 13 и 10, социал-демократы (Sotsiaaldemokraatid) — 24 и 25, левые социалисты (Vasaksotsialistid) — 6 и 6, Союз домохозяев (Majandusrühm) — 2 и 3, также были представлены национальные фракции — русских (3 и 2), немцев (2 и 3) // Eesti Ajalugu. VI. Vabadussõjast taasiseseisvumiseni. Tartu: Kirjastus Ilmamaa, 2005. L. 70.

[5] В данной статье мы намеренно уклоняемся от рассмотрения такой интересующей эстонских историков проблемы, как использование советским полпредством для достижения тех или иных политических целей одного из самых видных политиков Эстонии того времени — Константина Пятса. В разгоревшейся полемике нам близка точка зрения Яака Валге, а не Магнуса Илмъярва. Подробнее см., например: *Valge J.* 1) Konstantin Päts ja N. Liidu huvid // Akadeemia. 2007. N 1. L. 1163–1200; N 2. L. 1453–1484; 2) Konstantin Päts, 12 märts ja Moskva // Tuna. 2007. N 2. L. 42–66; 3) Veel kord Konstantin Pätsi suhetest Moskvaga // Ajalooline Ajakiri. 2010. N 1. L. 59–78; 4) Top Estonian Politician's Financial Dealings With Moscow // Journal of Baltic Studies. 2012. Vol. 43. N 4. P. 459–478; *Ilmjärv M.* 1) Veel Konstantin Pätsist ja tema suhetest Nõukogude Liidu Tallinna saatkonnaga. Kas ainult Nõukogude diplomatide silmade läbi? // Acta historica Tallinensia. 2009. N 2; 2) Hääletu

Это проявилось, когда советская дипломатия возвратилась после подписания Локарнских соглашений к теме гарантийных пактов. Упомянутые соглашения были негативно восприняты в государствах Балтии и в Польше, для них актуальной проблемой становились гарантии границ на востоке. Учитывая данное обстоятельство, Отдел Польши и Прибалтики НКИД в начале 1926 г. подготовил документ под названием «О соглашении с Прибалтикой», разосланый полпредам в Эстонии и Латвии, а 18 февраля М. М. Литвинов сделал по этому вопросу доклад на заседании Политбюро. Впервые политическому руководству предлагалось согласиться с заключением многостороннего пакта. Согласие Политбюро М. М. Литвиновым было получено[6]. Однако переговорная тактика, которую стала использовать советская дипломатия месяц спустя, свидетельствовала о том, что в Москве поспешили отказаться от ранее принятого решения. Опасения в отношении ведения именно двусторонних переговоров диктовали государствам Балтии необходимость координировать свои действия. Фундаментальным препятствием для достижения компромисса являлось отсутствие доверия у всех втянутых в переговоры сторон. Эстония была встревожена тем, что ее союзница Латвия стала относиться к идее подписания двустороннего гарантийного пакта более благосклонно. Заключение советско-латвийского торгового договора означало для Таллина не только появление бреши в едином фронте лимитрофов, но и лишение надежд на наращивание экспортных и транзитных операций. Свидетельством усилившегося в эстонских деловых кругах недовольства торговой политикой СССР стала кампания в прессе против торгпредства СССР в Эстонии, повлекшая в октябре 1926 г. острую дискуссию на заседании эстонско-русской торговой палаты. ИНО ОГПУ удалось получить копию донесения датского генерального консульства в Таллине, в котором излагалась суть претензий эстонской стороны. Несмотря на попытки заместителя торгпреда В. В. Ковалевского убедить членов палаты в том, что поставка на эстонский рынок дешевых русских товаров «является выгодной для Эстонии и в особенности для ее торгового класса и потребителей», ему категорично возразил председатель палаты Й. Пухк[7], подчеркнувший, что эстонское купечество является противником открытия русским правительством торговых филиалов и складов в Эстонии и организации в Эстонии русским нефтяным синдикатом розничной торговли. Иными словами, экспансия советских внешнеторговых организаций на скромный по масштабам эстонский рынок была признана нежелательной. Й. Пухк выражал озабоченность той «широкой экспансивностью,

alistumine: Eesti, Läti ja Leedu välispoliitilise orientatsiooni kujunemine ja iseseivuse kaotus: 1920. aastate kekspaigast anneksioonini. Tallinn: Argo, 2004.

6 Протокол № 11 (особый) заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 18.02.1926 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 23.

7 Йоаким Пухк (1888–1942) — эстонский политик и бизнесмен, в 1925 г. избран председателем Торговой палаты Эстонии, почетный консул Литвы (1921–1927), Финляндии (1927–1940).

которая сейчас проявляется со стороны русского торгового представительства в экономическом отношении». Датскому консулу он доверительно сказал, что у правительства имеются данные о попытках мирного завоевания Эстонии путем расширения советского экономического влияния[8].

16 августа 1927 г. на частной квартире главы МИД Ф. Акеля состоялось совещание эстонских посланников, аккредитованных в прибалтийских государствах и Польше. Присутствовали посланник в Варшаве О. Штрандман, посланник в Латвии Ю. Сельямаа, поверенный в делах Эстонии в Литве Оскар Эпик. В совещании приняли участие высшие чины министерства иностранных дел — А. Шмидт и Й. Леппик. Помимо вызвавшего продолжительную дискуссию сообщения Штрандмана о созданной советско-польскими переговорами о гарантийном пакте ситуации, особое внимание присутствовавшими было уделено советско-латвийским отношениям. Участники совещания были единодушны в резко отрицательном отношении к заключению советско-латвийского торгового договора, «причем красной нитью проходила мысль, что “нельзя оставаться пассивными, необходима бóльшая активность Эстонии в сторону воспрепятствования ратификации этого договора, являющегося брешью в балтийском союзе государств вообще и в политическом союзе Эстонии и Латвии в частности”»[9].

Недовольство тем, что Латвия снимает сливки с советского транзита и имеет гарантии дополнительных советских заказов, актуализировало в эстонских политических и деловых кругах вопрос о торговом договоре с СССР. В начале июня 1927 г. секретарь полпредства Калужский сообщал в Москву: «<...> в последнее время торгово-промышленная палата усиленно занимается вопросами эстонской торговли с нами, и на этой почве между советом палаты, возглавляемым Пятсом, и правлением, возглавляемым Пухком, отношения стали несколько как бы обостряться. Правление в лице Пухка считает ненормальным представление нашим хозорганам возможности производить свободные от налогов внутригосударственные торговые операции. Пухк протестует против открытия нами складов и инвестирования в Эстонии нашего госкапитала <...> Совет палаты считает необходимым создание по инициативе правительства особой комиссии, которая должна будет изучить этот вопрос и разработать проект торгового договора, в основу которого нужно положить предоставление в СССР эстонским купцам тех же привилегий, которыми в Эстонии пользуются советские торговые органы, а также чтобы торговля не была монополизирована исключительно крупными фирмами в ущерб мелким»[10].

«Наиболее выдающимся сторонником заключения хозяйственного договора между Эстонией и СССР является Константин Пятс»,— сообщал в сентябре

8 ERA. 138-SM-1–24. L. 54–55.

9 Ibid. L. 12–13.

10 Ibid. L. 88.

1927 г. советский информатор в Таллине[11]. В качестве обоснования желательности для советской стороны заключения этого договора служило следующее: «Для нейтрализации же внутренних враждебных сил, или вернее для уменьшения их влияния, громадное значение имеет открытие советско-эстонской границы для ввоза некоторого количества продуктов эстонского сельского хозяйства (масло, скот, мясные продукты, рыба и др.) на Ленинградский рынок. Рядом с чисто экономическим значением этого открытия границ, еще более было бы его моральное действие на крестьянство Эстонии. Благодаря даже частичному осуществлению этого средства бо́льшая часть крестьянства (крупного и среднего) несомненно изменила бы свое пассивно-отрицательное отношение к хозяйственному сближению с СССР — на положительное, а это в свою очередь должно было бы повлиять и на позицию влиятельнейшей местной партии — крестьянского союза, в этом вопросе»[12].

В силу комплекса причин в Москве неоднократно обращались к теме индустриализации Эстонии как к положительному фактору: рост численности промышленных рабочих обеспечил бы изменение социальной структуры эстонского общества, что сказалось бы на внутриполитической ситуации. Процесс аграризации экономики Эстонии рассматривался как фактор, противоречивший внешнеполитическим интересам СССР. Именно этим было обусловлено внимание к речи эстонского министра финансов Антона Теетсова, произнесенной в феврале 1928 г., в которой подчеркивалась необходимость индустриализации Эстонии, по крайней мере нежелательность ее аграризации. Полпреду было рекомендовано через имевшиеся у него в деловом мире связи «поддержать эту линию»[13].

Советско-латвийский торговый договор побуждал эстонскую сторону всё чаще поднимать тему торгдоговора с советскими представителями. В конце января 1928 г. член коллегии НКИД Б. С. Стомоняков следующим образом отреагировал на это: «<...> по вопросу о торговом договоре и об усилении экономических взаимоотношений мы остаемся на прежней позиции. Надо эстонцев держать под впечатлением, что их враждебная нам позиция нейтрализует развитие экономических отношений. И с торговым договором не надо торопиться, даже если Эстония сама его предложит. И в этом случае придется дать согласие, но не надо проявлять заинтересованности»[14]. Стомоняков соглашался с мнением полпреда, что в перспективе советская экономическая пассивность в Эстонии является отрицательным фактором для политики СССР в балтийском регионе, но признавал: «К сожалению, однако, в ближайшее время невозможно рассчитывать на перемену в этом направлении из-за чрезвычайного

[11] ERA. 138-SM-1–24. L. 46.

[12] Ibid. L. 61–62.

[13] Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 06.02.1928 // АВП РФ. Ф. 09. Оп. 4. П. 39. Д. 40. Л. 9.

[14] Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 23.01.1928 // Там же. Л. 3.

сокращения нашего экспорта и вследствие этого также и импортного плана. Если вообще в этом отношении можно что-нибудь сделать, то, может быть, через нового торгпреда, который должен энергично ставить перед Наркомторгом конкретные предложения о приемлемых для нас импортных сделках в Эстонии <...> Полное умирание нашей импортной работы в Эстонии, конечно, не в наших интересах»[15]. Месяц спустя он подчеркивал: «<...> мы не заинтересованы в том, чтобы помогать Эстонии выйти из тех затруднений, в которые она попала благодаря своей односторонней ориентации на Польшу и против СССР и Германии»[16].

Эстонская сторона весной 1928 г. дала понять, что вопрос о торговом договоре будет поднят. Данная тема стала постоянно присутствовать в письмах Стомонякова полпреду. «Образование весьма авторитетной эстонской комиссии для рассмотрения вопросов экономического сближения с СССР представляет для нас больше интереса в политическом, чем в экономическом отношении, — писал в конце марта Стомоняков, — <...> я весьма скептически настроен в вопросе о заключении торгового договора между нами и Эстонией. Даже если эстонцы откажутся от требования обеспечить за ними в той или иной форме определенный контингент заказов, торговый договор поставит нас сам по себе в затруднительное положение, поскольку по его заключении эстонская общественность будет вправе ожидать усиления наших заказов, а таковое при состоянии нашего экспорта почти невозможно <...> мы должны проявлять величайшую осторожность в разговорах о торговом договоре и отнюдь не поощрять эстонцев в форсировании этого вопроса»[17].

Была более фундаментальная причина, обусловливавшая настороженность руководства НКИД и Наркомата внешней и внутренней торговли в вопросе о заключении торгового договора с Эстонией, чем напряженность экспортно-импортных планов. Стомоняков обстоятельно коснулся этого аспекта в письме Петровскому в конце апреля 1928 г.: «<...> что касается вопроса об урегулировании товарообмена <...> я не могу согласиться с Вашей точкой зрения о приемлемости для нас, ввиду незначительности Эстонии как рынка сбыта, идеи о нетто-балансе вместо контингентирования эстонского импорта к нам. Борьба всех капиталистических государств против нашей монополии внешней торговли выдвигает либо требование контингентирования наших заказов, либо принцип нетто-баланса. Нет за последнее время ни одних переговоров о торговом договоре, при которых наших контрагенты не выдвигали бы как основное требование либо предоставление контингентов, либо построение торгового договора на основе нетто-баланса. Это — программа-минимум, осуществление которой должно подготовить реализацию программы-максимум, т.е. уничтожение

[15] Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 13.02.1928 // Там же. Л. 10–11.

[16] Там же. Л. 16.

[17] Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 26.03.1928 // Там же. Л. 21.

вообще монополии внешней торговли. Трудно сказать, что для нас наиболее опасно в каждый данный момент при заключении какого-нибудь торгового договора <...> Я лично думаю, что сравнительно более опасным является принцип нетто-баланса... Построение наших торговых отношений с Эстонией на принципе нетто-баланса, поскольку это был бы первый случай применения этого принципа в наших торговых отношениях с Западом, нанесло бы нам огромный ущерб, за границей усилило бы нажим на нас в сторону лишения нас преимуществ, которые дает нам монополия внешней торговли <...> Тут важно наличие прецедента, а не материальные размеры жертвы с нашей стороны»[18].

Именно поэтому, когда в мае 1928 г. в эстонской прессе замелькали сообщения о возможности построения торгового договора на основе нетто-баланса, Стомоняков забил тревогу: «Не было ли неосторожных заявлений в частных разговорах со стороны представителей торгпредства или полпредства? Необходимо при случае в осторожной форме разъяснять эстонцам неприемлемость для нас этой базы, особенно ввиду того, что это было бы опасным прецедентом в наших отношениях с западными государствами»[19]. Когда месяц спустя из бесед с торгпредом в Эстонии И. А. Смирновым[20] Стомоняков сделал вывод о возможности уклониться от конкретного обсуждения темы торгового договора, он был явно обрадован: «Его [Смирнова] предложения, в общем и целом, производят разумное впечатление. Заключение соглашений с эстонскими фирмами о продаже наших экспортных товаров на комиссионных началах с тем чтобы на известную часть вырученной суммы эти фирмы доставляли нам эстонских товаров на определенных началах, представляется на первый взгляд политически целесообразным для эстонских условий. Насколько такие оценки целесообразны с точки зрения коммерческой, судить, конечно, по первому впечатлению невозможно». Ухватившись за эту инициативу, Стомоняков направил в НКВиВТ письмо, в котором в очередной раз поднял вопрос о снабжении Ленинграда и Ленинградской области продуктами эстонского молочного хозяйства «при условии уплаты за это продуктами нашего второстепенного экспорта. Разрешение этой проблемы хотя бы в известных размерах, конечно, имеет гораздо более политическое значение, чем раздача промышленных заказов Эстонии на гораздо большие суммы»[21].

Стомоняков в течение почти всего 1928 г. не стремился увязывать решение проблем в этой сфере с достижением политических целей. Этот аспект двусторонних отношений приобрел для руководства НКИД актуальность только в конце года, когда стали вестись переговоры о подписании протокола о досрочном введении в действие пакта Бриана–Келлога. Беспокойство в Москве вызывало усиление политического влияния Польши в Эстонии, для ослабления которого использование торговых связей считалось бессмысленным. В начале 1928 г. Стомоняков в письме полпреду подчеркивал: «Поскольку в ближайшем будущем нужно ожидать новых попыток польско-прибалтийского сближения, и в особенности еще более тесного сближения между Эстонией и Финляндией, прошу Вас обратить особое внимание на эту проблему и попытаться получить в Ревеле информацию о первых шагах Прокопе[22] и Ребане[23] в этой области»[24]. В конце января Стомоняков снова обратился к этой проблеме: «Я считал бы очень важным выяснить через Рейнинга и Пятса намерения Ребане и, по возможности, влиять через них на линию последнего. Особенно важно через указанных лиц внушать Эстпра, что мы “действительно не потерпим усиления Польши в Прибалтике и каких бы то ни было блоков с Польшей”. Поддержание такого убеждения в руководящих кругах Прибалтийских государств я считаю одной из наиболее действенных мер борьбы против образования польско-прибалтийского блока»[25]. В Москве не склонны были довольствоваться «некоторым успокоением в эстонской прессе и примирительным в мелочах поведением» эстонского правительства. Это, считал Стомоняков, «не должно убаюкать нашей бдительности», так как, «несомненно, за кулисами происходят очень серьезные попытки тесного сближения Прибалтийских государств с Польшей»[26].

Раздражение в Москве вызвало выступление в парламенте Я. Тыннисона по случаю 10-летия независимости Эстонии. «Эстония проявляет в преследовании “политики барьера” гораздо бóльшую смелость, чем этого можно было ожидать,— констатировал Стомоняков. — Этот манифест является поистине провокационным, и надо изумляться глупости эстонских политиков, которые по такому случаю нашли уместным в столь резких выражениях противопоставлять себя Германии и СССР и манифестировать свою близость с Польшей. Я думаю, при таком состоянии умов в Эстонии самое большое недоверие к намерениям эстпра и величайшая бдительность являются уместными и необходимыми. <...> Учащающиеся манифестации эстонских политиков в пользу Польши вызывают подозрение, что тут дело не в одних симпатиях, а что, может быть, у Эстонии с Польшей имеются какие-то тайные соглашения»[27].

[18] Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 23.04.1928 // АВП РФ. Ф. 09. Оп. 4. П. 39. Д. 40. Л. 29–30.

[19] Письмо Б. С. Стомонякова Буравцеву, 21.05.1928 // Там же. Л. 33–34.

[20] Иван Александрович Смирнов занял пост торгпреда 18 января 1928 г., по профессии был булочником.

[21] Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, конец июня 1928 // АВП РФ. Ф. 09. Оп. 4. П. 39. Д. 40. Л. 43.

[22] Юхан Ялмар Фредрик Прокопе (1889–1954) — министр иностранных дел Финляндии (1924–1925, 1927–1931), посланник в Польше (1926–1927).

[23] Ханс Ребане (1882–1961) — министр иностранных дел Эстонии (1927–1928), посланник в Финляндии (1931–1937).

[24] Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 09.01.1928 // АВП РФ. Ф. 09. Оп. 4. П. 39. Д. 40. Л. 1.

[25] Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 23.01.1928 // Там же. Л. 3.

[26] Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 13.02.1928 // Там же. Л. 10.

[27] Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 27.02.1928 // Там же. Л. 17–18.

Весной 1928 г. опасения по поводу усиления политического влияния Польши продолжали нарастать. Признавая наличие трений между государствами региона, Стомоняков, однако, считал, что «все эти затруднения затрудняют ход событий, но не устраняют самой опасности польско-прибалтийского блока, являющейся вполне реальной угрозой для нас ввиду наличия правых и фашистских правительств во всех пяти лимитрофах и особенно вследствие ухудшения нашего международного положения». Он полагал, что обострение отношений между Германией и Эстонией является благоприятным фактом, которым следовало воспользоваться, но «мы должны, конечно, соблюдать в Прибалтике известную осторожность в отношении Германии, интересы которой ее толкают иногда на совсем нежелательные для нас шаги»[28].

В то же время Петровскому удалось наконец выполнить пожелание руководства и, встретившись «на дому» с К. Пятсом, приватно переговорить с ним по ряду интересовавших советскую сторону вопросов. «В ответ на уверения Пятса об отсутствии каких бы то ни было тайных соглашений с Польшей, равно как и серьезных шансов на такие соглашения или союз с ней, я предложил ему убедить Ребане выступить публично с соответствующим заявлением <...> Пятс указал на затруднительность такого выступления, но обещал подумать об этом»[29].

Определенные нюансы в оценку внешнеполитического курса Эстонии советским политическим руководством вносил ИНО ОГПУ. В июне 1928 г. ИНО ОГПУ так оценивал экономическое и политическое положение Эстонии: «Основная линия эстонской внешней политики — ярко выраженная ориентация на Лондон и Варшаву — не изменилась ни с образованием нового кабинета, ни с назначением нового руководителя министерства иностранных дел — Ребане. Последний является (под влиянием заинтересованных промышленных кругов) сторонником нормализации экономических отношений с СССР и приверженцем политики «моста» (взгляд на балтийский союз государств как на мост, соединяющий Восточную Европу с культурным Западом, а не как барьер разделяющий Восток от Запада) <...> Наряду с официальной политикой министерства иностранных дел существует другая, руководимая Генштабом и министром внутренних дел Эстонии, тесно связанными с контрразведкой и генштабистскими представителями Антанты и Польши, работающими против СССР <...> Внешняя политика нынешнего правительства Эстонии базируется на двух основных моментах: 1) дружба с великими державами Запада, в первую очередь с Англией, с которой предполагаются более тесные хозяйственные отношения и 2) тесное сотрудничество балтийских государств, причем <...> в первую очередь идет стремление к заключению балтийского союза из трех государств — Литвы, Латвии и Эстонии, с тем чтобы затем притянуть

[28] Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 13.03.1928 // АВП РФ. Ф. 09. Оп. 4. П. 39. Д. 40. Л. 13–14.

[29] Доклад А. М. Петровского Б. С. Стомонякову, 17 марта 1928 г. // Там же. Ф. 04. Оп. 47. П. 295. Д. 54291. Л. 53.

еще и Польшу. Эта последняя политическая комбинация продиктована Форин офисом, в надежде таким образом легче ликвидировать польско-литовский конфликт и тем достигнуть фактического сотрудничества балтийских государств под руководством Польши <...> с Польшей отношения наилучшие <...> в последнее время среди торгово-промышленных кругов замечается сильное охлаждение симпатий к Польше, вызванное тем обстоятельством, что эстонско-польский торговый договор, так поспешно заключенный в 27 году, дал Эстонии одни лишь невыгоды. <...> С Англией с 1925 г. сложились такие отношения, что внешняя политика Эстонии фактически стала диктоваться лондонским Форин офисом. <...> Основными причинами неурегулированности эстонско-советских отношений являются: сильная зависимость Эстонии от антисоветской дипломатии и боязнь правящих кулацких групп Эстонии расширить промышленность страны посредством торгового договора с СССР, и общая политика правительства Эстонии с ярко выраженной ориентацией на деревню»[30].

В декабре 1928 г. в Эстонии было сформировано коалиционное правительство во главе с социалистом А. Реем. Оценивая ситуацию, Стомоняков писал Петровскому: «Кабинет Рея, судя по эстпечати, видимо, даже для эстонских условий, является на редкость бесцветным и вряд ли будет пользоваться сколько-нибудь значительным авторитетом в стране. От участия социалистов во главе правительства, по всем данным, ничего ждать не приходится <...> Допускаете ли Вы, что во внешней политике Эстонии произошли какие-либо изменения?»[31] В полпредстве изменений не отмечали.

Настороженное отношение к возвращению темы торгового договора в НКИД сохранялось на протяжении всего 1928 г. В начале октября Стомоняков согласился с мнением полпреда о нежелательности приезда в Москву эстонской деловой делегации: «Мы, конечно, не заинтересованы в том, чтобы в настоящее время форсировать начало торговых переговоров»[32]. Правда, в своем следующем письме он уточнил позицию по вопросу о договоре: «Мы не заинтересованы в форсировании переговоров о торговом договоре постольку, поскольку с эстонской стороны могут быть выдвинуты требования, которые нам трудно было бы удовлетворить. Если бы, однако, Эстония была готова заключить нормальный договор на основе наибольшего благоприятствования, без предъявления специальных требований о заказах, о нетто-балансе и т.п. — мы, конечно, охотно пошли бы на заключение такого договора»[33]. После сформирования правительства А. Рея Стомоняков снова обратился к этой теме: «Не думаете ли вы, что при с[оциал-]д[емократическом] правительстве можно было бы хотя бы заключить торговый договор на базе наибольшего благоприятствования, плюс

[30] ERA. 138-SM-1–33. L. 100–106.

[31] Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 10.12.1928 // АВП РФ. Ф. 09. Оп. 4. П. 39. Д. 40. Л. 75.

[32] Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 03(?).10.1928 // Там же. Л. 59–60.

[33] Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 15.10.1928 // Там же. Л. 62.

статьи об урегулировании положения торгпредства? Примерно на принципе: с паршивой овцы хоть шерсти клок. Само собой разумеется, мы не должны делать такого предложения эстонскому правительству. Но, может быть, кто-нибудь из эстонцев вроде Рейнинга[34] мог бы поставить такой вопрос? Или вопрос о торговом договоре с нами не является актуальным до выяснения результатов новых выборов?»[35]

Помимо вопроса о торговом договоре в советско-эстонских отношениях особое место в это время стали занимать еще две темы — так называемая концессия Нарвского водопада и образование смешанного общества по торговле нефтепродуктами. В конце января 1928 г. эстонское правительство обратилось к вопросу о предоставлении концессии иностранным инвесторам на использование гидроресурсов р. Нарова. Данный вопрос заинтересовал советскую сторону. В соответствии с п. 1 приложения III к ст. 16-й Мирного договора с Эстонией РСФСР предоставлялось «преимущественное право на получение электрической силы от использования водопадов р. Наровы», напоминал полпреду Стомоняков, в силу чего он считал необходимым потребовать от Эстонии ознакомления с условиями, на которых предполагалась «сдача этой концессии английским капиталистам». «Само собой разумеется, что у нас нет ни средств, ни охоты брать эту концессию,— писал Стомоняков,— и речь идет только о том, чтобы использовать упомянутое право, либо для того чтобы расстроить английское предприятие, вообще нам нежелательное, поскольку речь идет либо о постройке английской станции у самой нашей границы, либо о том, чтобы использовать предоставленное нам мирным договором право для некоторого политического нажима на эстонцев»[36]. Последовавшее обсуждение вопроса на коллегии НКИД завершилось тем, что пришли к заключению: «<...> лучше сейчас не выставлять никаких требований, а использовать в будущем момент игнорирования эстонцами мирного договора, когда они будут предъявлять нам всевозможные претензии на основании мирного договора»[37].

Казалось, тема для Москвы утратила актуальность. Однако в конце марта советская сторона неожиданно изменила свою позицию. 17 марта полпред Петровский сообщил в Москву: «В последнее время внимание близких нам кругов привлек вопрос о Нарвском водопаде. Идея об его использовании, являющаяся любимым детищем Теннисона[38], не встречала здесь до сих пор особенного сочувствия, ввиду невозможности ее реализации силами самих эстонцев <...>

[34] Рудольф Каарел Реннинг (1878–1961) — исполнительный директор Эстонско-Советской торговой палаты. В 1927 г. он опубликовал брошюру по вопросу о рынках сбыта эстонской промышленности (*Renning R.* Eesti tööstussaaduste turud 1923–26 a. Tallinn, 1927).

[35] Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 10.12.1928 // АВП РФ. Ф. 09. Оп. 4. П. 39. Д. 40. Л. 78.

[36] Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 30.01.1928 // Там же. Л. 6.

[37] Там же. Л. 9.

[38] В переписке эстонского политика Яана Тыниссона упорно именовали Тениссоном.

несколько времени тому назад ко мне обратился Реннинг и передал мне, что найдена подходящая база нашего сотрудничества в этом деле. Этой базой является эксплуатация лесных массивов по обе стороны границы для переработки их в древесную массу <...> Ознакомившись с этим проектом, я пришел к заключению, что он представляет для нас несомненный интерес, равно экономический, как и политический. Не требуя от нас никаких затрат, он дает нам возможность рационального использования наших лесных богатств в этом районе и получение древесной массы для внутреннего потребления и эвентуального вывоза <...> при известных условиях, которых мы легко могли бы добиться, он поставил бы в зависимость от нас большое и государственно важное предприятие Эстонии, что явилось бы весьма серьезным средством усиления нашей позиции здесь вообще, и нашего нажима — в случае надобности»[39].

Реакция из Москвы последовала незамедлительно. «Тот оборот, который приняли в последнее время долголетние разговоры о совместном использовании энергии Нарвского водопада, представляет очень большой интерес для будущего наших отношений с Эстонией,— подчеркивал Стомоняков. — Использование этой энергии заранее было обречено на неудачу, поскольку имелась в виду продажа нам энергии и вывоз валюты из СССР, но использование становится реально осуществимой задачей, поскольку оно связывается с нашим экспортом»[40]. В Москве «в спешном порядке» занялись проверкой наличия экономических предпосылок для осуществления эстонского проекта. Конкретно речь шла о поставках советского леса на перерабатывающие предприятия Эстонии, источником энергии для функционирования которых и служили бы гидроресурсы р. Нарова.

В Москве попытались выяснить, «действительно ли у Чудского озера имеются леса, наиболее целесообразным использованием которых является получение из них балансов (папиргольца)». Однако и в этом случае обращалось внимание не столько на возможные экономические дивиденды, сколько на политические. Признавалось, что политическое значение осуществления эстонского предложения очень велико[41]. В НКИД не упускали из виду и существенное препятствие для достижения успеха — политическое руководство СССР, а также НКВиВТ не согласились бы с предложением о каком-либо участии капиталом в этом деле. Свободных валютных резервов для этого не было. Явные политические дивиденды тоже не просматривались. Помимо возможных затрат на инвестиции имелись и другие препятствия. Изучение вопроса показало, что «лесные ресурсы всей прилегающей области определяются приблизительно в размерах, которые по проекту должны послужить для переработки

[39] Доклад А. М. Петровского Б. С. Стомонякову, 17.03.1929 // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 47. П. 295. Д. 54291. Л. 49–50.

[40] Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 26.03.1928 // АВП РФ. Ф. 09. Оп. 4. П. 39. Д. 40. Л. 20–21.

[41] Там же.

электроэнергией Нарвского водопада. Но так как в Ленинградской области имеется большая писчебумажная промышленность, то "Экспортлес", имеющий фактическую монополию нашего лесного экспорта, полагает, что для переработки энергии Нарвского водопада могло бы остаться всего лишь несколько тысяч куб. сажень балансов, в то время как по эстонскому проекту требуется 60 тыс. куб. саженей»[42]. Со стороны НКИД была проявлена достаточная настойчивость, чтобы оценка объемов возможных балансов была пересмотрена. В конце мая 1928 г. поверенный в делах СССР в Эстонии М. В. Буравцев был извещен, что ВСНХ признал: вблизи эстонской границы имеется более чем достаточное количество балансов для экспорта[43].

Вскоре, однако, выявилось изменение позиции эстонской стороны, так как интерес к каскаду на Нарове проявили не только английские, но и германские компании. В начале августа исполняющий обязанности члена коллегии НКИД С. С. Александровский писал полпреду: «<...> по вопросу о Нарвском водопаде создается впечатление, что эстонцы не спешат с ним. Не спешим и мы, однако нужно сделать так, чтобы у них не создавалось впечатления, что затяжка происходит по нашей вине. У нас же разработка этого вопроса не продвигается»[44]. Неизбежность появления иностранного концессионера вынуждала советскую дипломатию к поиску компромиссных вариантов. Процесс затянулся до весны следующего года и потребовал выяснения позиции высшего политического руководства СССР. 30 апреля 1929 г. на совещании председателя СНК СССР и СТО А. И. Рыкова с его заместителями было принято положительное решение, утверждение которого потребовало санкции Политбюро. 3 мая Политбюро заслушало Рыкова и Стомонякова по этому вопросу[45]. О результатах состоявшейся дискуссии Стомоняков известил полпреда: «НКИД поручено довести до сведения Эстпра о готовности Совпра обеспечить снабжение Нарвского комбината древесным сырьем на всё время концессии, т.е. в пределах до 30 тыс. куб. саж. в течение от 20 до 30 лет. Нашим основным условием является заключение договора о поставке балансов от правительства к правительству. Мы заинтересованы в том, чтобы возможные разногласия по данному договору разрешались только в дипломатическом порядке, а не посредством третейского суда, как это было бы, несомненно, если бы договор был заключен совпра с Нарвским концессионером или, что еще хуже, каким-нибудь нашим хозорганом с этим концессионером <...> Надо сообщить эстонцам, что одним из условий заключения нами сделки о доставке балансов является предварительное соглашение с нами о национальности концессионера. При переговорах мы захотим, конечно, обезопасить себя от того, чтобы концессия из рук приемлемого для нас концессионера не перешла очень скоро в руки какой-нибудь враждебной нам группы. Дальнейшим условием для заключения сделки является погашение наших обязательств из мирного договора о предоставлении Эстонии лесных концессий. Это требование, однако, нужно выдвинуть как-нибудь мимоходом, не вызывая у эстонцев представления, будто мы считаем стеснительными эти обязательства, из которых одно (по секретному письму тов. Иоффе) уже автоматически погашено, а другое (по самому мирному договору) не представляет никакой выгоды для самой Эстонии и не сможет быть ею использовано. Само собой разумеется, при переговорах в Москве будут выдвинуты также и дополнительные условия»[46]. Из сообщений Стомонякова, как и из протоколов междуведомственных совещаний, следовало, что вопросы создания необходимой инфраструктуры для масштабных лесоразработок на прилегающих к Чудскому озеру территориях, а также вопросы обеспечения необходимой рабочей силой не ставились. Складывается впечатление, что главным являлось прежде всего достижение некой договоренности, блокирующей доступ к концессии нежелательных акционеров, тогда как практическая реализация таковой не обременяла раздумьями.

Когда месяц спустя руководству НКИД удалось договориться с главой НКВиВТ А. И. Микояном о формировании состава советской делегации для переговоров с приезжающей в Москву эстонской делегацией для подписания договора о поставке балансов, Стомоняков явно был встревожен полученной из Таллина информацией: «Мне непонятно Ваше сообщение о том, что немцы еще до получения концессии от эстпра создали уже "специальное общество" с участием западных фирм и с большим капиталом для эксплуатации Нарвской концессии. Поэлику возможно, надо воздействовать на немцев в том направлении, чтобы они "подняли" это дело без французов»[47]. Хотя летом 1929 г. тема проведения переговоров сохранялась в повестке дня, однако они так и не состоялись. В октябре 1929 г. исполнявший обязанности члена коллегии НКИД Юренев констатировал в письме полпреду: «Из всех Ваших сообщений явствует, что осуществления намечавшейся ранее желательной для нас комбинации в деле эксплуатации Нарвского водопада в ближайшее время ожидать не приходится. Во всяком случае, хорошо, что в силу принятых Вами мер грозившая скоропалительная передача концессии английской группе, по крайней мере, отсрочивается»[48].

Эстонская сторона время от времени пыталась заинтересовать Москву проектами по использованию Нарвского водопада. В марте 1930 г. в беседе с полпредом Ф. Ф. Раскольниковым Пятс предложил построить эстонско-советский завод по производству селитры с ее последующей реализацией в Латвии,

[42] Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 09.04.1928 // АВП РФ. Ф. 09. Оп. 4. П. 39. Д. 40. Л. 23.

[43] Письмо Б. С. Стомонякова М. В. Буравцеву, 21.05.1928 // Там же. Л. 33.

[44] Письмо С. С. Александровского А. М. Петровскому, 07.08.1928 // Там же. Л. 48.

[45] *Кен О. Н., Рупасов А. И.* Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. 1928–1934. М.: Алгоритм, 2014. С. 158.

[46] Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 08.05.1929 // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 47. П. 295. Д. 54292. Л. 33–34.

[47] Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, [начало июня] 1929 // Там же. Л. 43.

[48] Письмо Юренева А. М. Петровскому, 21.10.1929 // Там же. Л. 68.

Литве и Финляндии. Однако не то что до реализации, но и до сколько-нибудь конкретного обсуждения этого проекта дело никогда не дошло. Само это предложение не могло не вызывать недоумения в Москве.

На протяжении нескольких лет в советско-эстонских отношениях шло активное обсуждение темы создания смешанного общества для торговли нефтепродуктами. С середины 1920-х гг. нефтепродукты в Эстонии реализовывало представительство Нефтесиндиката. В 1927/1928 хозяйственном году на эстонском рынке было реализовано 10,6 тыс. т нефтепродуктов, что соответствовало 0,37 % валютной выручки Нефтесиндиката[49]. 18 ноября 1929 г. на объединенном заседании Президиума ЦКК и Коллегии НК РКИ состоялось обсуждение вопроса «О результатах обследования дела реализации советских нефтепродуктов в Эстонии». Присутствовавшие констатировали «наличие бесхозяйственности в деятельности отделения Нефтесиндиката в Эстонии, выразившейся в незнании и оторванности его от рынка, в допущении роста нездоровой дебиторской задолженности и чрезмерном увеличении сроков ее погашения, незаконной отсрочке платежей... хаотическом состоянии расчетов»[50]. В апреле 1931 г. председатель Всесоюзного объединения по экспорту нефти и нефтепродуктов «Союзнефтеэкспорт» К. С. Рябовол докладывал в ЦКК и Планово-контрольный сектор НК РКИ, что вопрос об образовании такого общества «с привлечением влиятельных политических и коммерческих лиц отпал, так как на совещании Наркоминдела с участием представителей Наркомторга, «Союзнефти» и торгпреда т. [А. А.] Дедя было признано нецелесообразным образование такого общества»[51]. Руководство Союзнефти считало, что «правильным методом торговли» следовало считать переход на торговлю через собственный распределительный аппарат (внутренние склады, бензоколонки), так как это позволяло избавиться от прежних контрагентов, «весьма слабых в финансовом отношении». Кроме того, Союзнефтеэкспорт столкнулся с конкуренцией со стороны Ройял Датч / Шелл и Стандард Ойл.

Если вернуться к проблеме заключения торгового договора, то позиция руководства НКИД претерпела резкие изменения во время переговоров о подписании протокола о досрочном введении в действие пакта Бриана–Келлога[52], тянувшихся с осени 1928 до весны 1929 г. Подписание торгового договора стало руководством НКИД рассматриваться в качестве одной из предпосылок для улучшения двусторонних политических отношений. Постоянное согласование Эстонией с Польшей позиции в вопросе о подписании протокола, стремление выступать «единым блоком» с Варшавой, Ригой и Хельсинки вызывало

[49] Нефтяная торговля СССР в 1927/28 операционном году. М., 1929. С. 108.

[50] Выписка из протокола № 50 объединенного заседания Президиума ЦКК и Коллегии НК РКИ, 18.11.1929 // ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 3251. Л. 7.

[51] Записка К. С. Рябовола в ЦКК и НК РКИ, 07.04.1931 // Там же. Л. 1.

[52] Подробнее см.: *Кен О. Н., Рупасов А. И.* Московский протокол или «Варшавский пакт»? // Россия в контексте мировой истории. СПб.: Наука, 2002. С. 223–233.

раздражение в Москве. Литвинов, выступивший инициатором переговоров, впервые за несколько лет столкнулся с едва ли не с консолидированной негативной оценкой своих действий со стороны политического руководства СССР, недовольного явным ростом политического влияния Польши в регионе.

Позицию эстонской стороны в отношении протокола Петровский характеризовал следующим образом: «Продолжение моих разговоров на тему о советском протоколе еще больше подтвердило полную растерянность эстонцев и их желание во что бы то ни стало оттянуть или вообще избавиться от разрешения этого вопроса <...> никто не умел занять определенной позиции и выявить ясное и определенное отношение к нашему предложению»[53]. Через несколько дней после подписания протокола в Москве Петровский писал: «Я не сомневаюсь в том, что, затягивая подписание протокола, Польша действовала в согласии с эстонцами или по крайней мере в расчете на них <...> Для меня самым ярким полонофильским моментом во всем этом деле явился тот факт, что Эстония готова была пойти даже раздельно от Финляндии и Латвии, лишь бы подписать вместе с Польшей. <...> Во всяком случае, с основным Вашим выводом о преобладающем влиянии поляков на эстонскую политику я вполне согласен»[54]. Полпред констатировал: «Мы сумели за два истекших года создать очень хорошие связи с эстонцами и сильно приблизить их к себе. Но и до последнего опыта я ни на минуту не льстил себя надеждой на то, чтобы мы могли проводить здесь свою политическую линию, опираясь на определенную поддержку этих кругов. В этом отношении наше положение здесь куда хуже, чем положение в Латвии <...> Ведь мы не можем не исходить из того, что основным настроением Эстонии — как и всякой другой буржуазной страны — по отношению к нам является не дружба, а ненависть. И отнюдь не требуется какое-нибудь враждебное воздействие третьей стороны для того, чтобы Эстония выступила не в угоду нам, а в угоду другим. Наоборот, нужно длительное и упорное наше воздействие для того, чтобы смягчить основную враждебность и добиться благорасположения <...> Нам кажется странным, почему Эстония идет с Польшей, а не с нами. Действительно, ее полонофильство логически трудно оправдать, но чем же можно было бы оправдать ее советофильство, или хотя бы даже единичное присоединение к нашей точке зрения в противовес польской? <...> Эстония может просто, без особых видимых оснований, дружить с любым государством, но ясно, что не будет без особых оснований дружить с нами. Мы за дружбу должны платить равно Эстонии, как и любому другому буржуазному государству. А чем же мы платим Эстонии? На чем должна базироваться дружба к нам эстонских общественных и политических кругов, если даже наша экономическая роль здесь... постепенно сводится к нулю?»[55] 9 февраля представителями СССР, Польши, Румынии и Эстонии протокол всё же был подписан.

[53] Доклад А. М. Петровского Б. С. Стомонякову, 24.01.1929 // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 47. П. 295. Д. 54296. Л. 5.

[54] Доклад А. М. Петровского Б. С. Стомонякову, 21.02.1929 // Там же. Л. 15.

[55] Там же. Л. 16–17.

До этого события, в конце января 1929 г. полпред Петровский обстоятельно высказался в докладе руководству по проблеме торгового договора: «<...> я должен указать на то, что пойти хоть и в некоторой степени навстречу эстонцам нам придется даже и независимо от торгового договора. Дело в том, что — несмотря на "казенное" благополучие — в наших экономических отношениях с Эстонией имеются и весьма беспокоящие моменты. Наш импорт из Эстонии стремительно падает, и с 10,33 млн эст. крон в 1925 году и 12,38 миллионов крон в 1926 году он упал до 6,65 млн крон в 1927 году и, по плану, должен еще уменьшиться наполовину в текущем. В процентном отношении к общему вывозу Эстонии мы сократились с 10,7% в 1925 г. и 12,9% в 1926 году до 6,3% в 1927 г., и таким образом предположительно до 3% в 1928 г. <...> Вы легко убедитесь в опасности, грозящей нашим отношениям с Эстонией, в результате той потери почвы, которая иллюстрируется этими цифрами. Одновременно наш экспорт в Эстонию показывает повышательные тенденции и с 4,4% общего ввоза Эстонии в 1925 г. и 7,5% в 1926 году доходит до 9,1% в 1927 и еще предположительно повысится в текущем году. В результате мы наш пассивный баланс с Эстонией превратили в активный, а именно на 35,73% в истекшем и — по плану — на 52,16% в текущем году. Вы когда-то говорили мне, что являетесь противником нашего активного баланса с балтами. Я вполне разделяю Ваше мнение и считаю, что ничтожная реальная польза (ввиду малого масштаба оборотов) от такой активности баланса отнюдь не компенсирует того большого политического вреда, который получится в результате ее»[56]. Петровский высказывал озабоченность тем, что «начинающее сказываться недовольство будет расти, сможет радикально испортить наши медленно налаживающиеся отношения, и, в конце концов, заставит нас пересмотреть наши позиции». Он предлагал не ждать этого момента[57].

Месяц спустя Петровский так оценивал экономическую ситуацию в Эстонии: «Экономическое положение Эстонии с каждым днем ухудшается. К последствиям недорода присоединились теперь тяжелые результаты сильных холодов, в результате которых почти приостановилось пароходное движение, а вместе с ним и экспорт эстонских сельскохозяйственных продуктов <...> В особенно тяжелом и даже трагическом положении в результате недорода

[56] Доклад А. М. Петровского Б. С. Стомонякову, 24.01.1929 // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 47. П. 295. Д. 54296. Л. 8–9.

[57] Там же. Л. 9. Инспектор ЦКК Абезгауз, занимавшийся проверкой деятельности торгпредства и взаимодействием торгпредства и полпредства, следующим образом оценивал полпреда Петровского: «Несмотря на то что проживает в Эстонии около 5 лет, слабо знаком с коммерческими кругами и торговой жизнью страны и, по личному признанию, ничего в торговых делах не смыслит, однако несмотря на это претендует чуть ли не на руководство всеми торговыми операциями... Болезненный, мнительный, полный сомнения, желает играть первую скрипку... жена полпреда занимается контрабандными операциями и перевозкой валюты во время своих поездок в Москву» (Записка Абезгауза члену Президиума ЦКК ВКП(б) Б. А. (И. А.) Ройзенману, 09.11.1929 // ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 3254. Л. 13).

и наводнения очутилось окраинное русское население, помощь которому оказывается государством в совершенно недостаточных размерах»[58].

Заключением торгового договора руководство НКИД явно рассчитывало нивелировать негативные последствия роста польского влияния после зимних переговоров о протоколе. Более чем сдержанное отношение со стороны НКВиВТ к желанию НКИД пойти на значительное увеличение размещаемых в Эстонии советских заказов потребовало личной встречи Стомонякова с Микояном. В ходе состоявшегося 6 апреля 1929 г. обсуждения противоречия между наркоматами были в основном сняты. Это позволило им обратиться к высшему политическому руководству за санкцией на проведение переговоров. 18 апреля Политбюро ЦК ВКП(б) разрешило принять предложение Эстонии о заключении торгового договора, ведение переговоров возлагалось на полпреда Петровского и торгпреда Смирнова. Поскольку деловые качества и первого, и второго оценивались не очень высоко, состав делегатов был усилен начальником торгово-правового управления НКВиВТ М. Я. Кауфманом и заведующим торговым подотделом Экономическо-правового отдела НКИД Б. Д. Розенблюмом. В эстонскую делегацию вошли К. Пятс, П. Пиип, К. Варма и М. Хурт.

То, с какой скоростью продвигался переговорный процесс, вызывало неподдельное удивление Стомонякова. Уже через два дня после начала переговоров он констатировал: «Судя по полученным от Вас телеграммам, переговоры идут очень благоприятно и позволяют ожидать скорого заключения торгового договора. Вы имеете по всем вопросам директивы, и я не буду в сегодняшнем письме останавливаться на этой стороне дела. Отмечу лишь общую директиву, что делегации предоставляется право в интересах скорого заключения торгового договора самой отступать от первоначальных позиций на позиции торговых договоров, заключенных нами с другими западными странами, за исключением специальных льгот, данных нам Латвии и Германии». Однако, предоставляя делегации возможность для широкого маневра, Стомоняков делал существенную оговорку: «Само собой разумеется, надо самым решительным образом отвергать все и всякие попытки эстонской делегации путем поправок и дополнений к другим статьям торгового договора протащить "принцип взаимности" или "принцип равновесия" товарооборота»[59]. Самая серьезная уступка, на которую могла пойти делегация, касалась вопроса об отказе торгпредства от розничной торговли: «...в принципе решено пойти на известную уступку Эстонии, заявив в протоколе заседания (но не в заключительном протоколе), что торгпредство, как правило, не занималось и не предполагает заниматься розничной торговлей <...> Когда эстонцы поставят это требование, надо сперва попытаться отклонить его со ссылкой на то, что этим требованием эстонцы хотят создать исключительный режим для нашего торгпредства, лишая его некоторых прав,

[58] Доклад А. М. Петровского Б. С. Стомонякову, 21.02.1929 // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 47. П. 295. Д. 54296. Л. 19.

[59] Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 08.05.1929 // Там же. Д. 54292. Л. 31.

которыми пользуются все другие иностранные фирмы в Эстонии. Поскольку эстонцы будут дальше настаивать на своем требовании, надо будет еще указать на то, что их неуступчивость непонятна, поскольку торгпредство не занимается розничной торговлей, и на то, что с этой стороны эстонской торговле никакой опасности не угрожает. Если эстонцы всё же будут настаивать... то делегации надо будет заявить, что она должна запросить инструкцию в Москве, и при этом предупредить, что этот вопрос является очень серьезным не потому, что торгпредство имеет в виду заниматься розничной торговлей, или что мы вообще в ней заинтересованы, а потому что это эстонское требование пахнет дискриминацией нашей торговли в Эстонии <...> Уступку по этому вопросу надо будет сделать в самый последний момент»[60].

Настоятельная желательность наращивания объемов двусторонней торговли руководством НКИД сознавалась, но реальные возможности для этого отсутствовали. «Я вполне согласен с Вами о необходимости в ближайшее время после заключения торгового договора поместить в Эстонии ряд заказов для того, чтобы показать правильность ориентации нынешнего эстпра на экономическое сближение с СССР, — писал Петровскому Стомоняков. — К сожалению, однако, письмо т. Смирнова, написанное в результате указания, полученного Вами от тов. Микояна, до сих пор не получило надлежащего продвижения в Наркомторге. Я говорил сегодня с тов. Шлейфером, который сообщил мне, что он дал распоряжение поискать возможность выдачи заказов на оборудования для холодильников заводу Круля в сумме 100 тыс. руб.»[61] (Стоит заметить, что этого заказа так и не последовало.)

Поздравляя Петровского с подписанием 17 мая 1929 г. торгового договора, Стомоняков рассматривал свершившееся не только как акт, имеющий политические последствия для двусторонних отношений, а как документ, оказывающий воздействие на весь комплекс взаимоотношений с лимитрофами: «Положительное экономическое значение договора невелико. Если, однако, мы не внесем в него при его применении достаточно экономического содержания, то он может сыграть серьезную отрицательную роль и облегчит работу наших противников как в Эстонии, так и в некоторых других лимитрофах, прежде всего, в Финляндии и в Польше, не имеющих с нами торговых договоров <...> Уменьшение голосов правительственной коалиции в Эстонии на последних выборах вызывает некоторые опасения за ратификацию торгового договора, в особенности за скорую ратификацию <...> чтобы укрепить шансы нынешнего всё же более расположенного эстпра, я считаю необходимым, чтобы уже в самом ближайшем будущем в Эстонию были выданы заказы и через Ревель были направлены значительные партии наших грузов. В этом смысле я вновь буду говорить с тов. Микояном»[62].

[60] Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 08.05.1929 // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 47. П. 295. Д. 54292. Л. 31–32.

[61] Там же. Л. 35.

[62] Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 20.05.1929 // Там же. Л. 39–40.

Отвечая руководству, полпред писал: «В наших отношениях с Эстонией наступил, вне всякого сомнения, переломный момент. Заключенный договор, в зависимости от того, как мы будем поступать в дальнейшем, может превратиться в чрезвычайно важный стимул переориентировки широких кругов эстонской общественности. Сам по себе он, разумеется... еще таким фактором не является, но такой фактор можно из него сделать. Для этого необходимо пойти на расширение нашей экономической работы здесь <...> почить теперь на лаврах означало бы окончательную дискредитацию сторонников сближения с нами и сторонников отхода от однобокой сельскохозяйственной ориентации»[63].

За подписанием торгового договора, на заложенный в котором потенциал для наращивания объемов двусторонней торговли и советского транзита через Эстонию рассчитывала по крайней мере часть эстонских деловых кругов и политиков, последовало, однако, весьма резкое изменение торгового баланса в неблагоприятную для Эстонии сторону (табл. 1). В Москве только после подписания договора обратились к практической проработке «в спешном порядке» практических вопросов. В Наркомвнешторге должны были созвать специальное «эстонское совещание» у замнаркома И. О. Шлейфера. До этого совещания Стомоняков выражал надежду, что «если не все, то значительная часть предложений, выдвинутых для обеспечения ратификации торгового договора и для усиления экономических отношений с Эстонией в результате заключения этого договора, будет принято и проведено в жизнь»[64].

В конце июня 1929 г., оценивая реакцию в Эстонии на заключение торгового договора, в ИНО ОГПУ констатировали: «Сведения о заключении Эсто-СССР торгового договора большинством эстонского общества были приняты очень враждебно. Все, кроме социалистов, признают, что эстонская политика потерпела новое тяжелое поражение. В политических кругах заметно какое-то уныние»[65]. Предпринятые со стороны НКИД шаги дали некоторые результаты. Была достигнута договоренность с НКВиВТ, что в Эстонии будут размещены заказы на 0,5 млн руб., что, по словам торгпреда Смирнова, способно было произвести благоприятное впечатление на эстонское общественное мнение. На следующий хозяйственный год (октябрь 1929 — сентябрь 1930) было решено разместить заказов на 3 млн руб., но советская сторона не готова была идти на наращивание объемов транзита через эстонские порты, так как это лишало части транзита Ленинградский и Мурманский порты. «НКИД не может на этом настаивать»,— признавал Стомоняков. Правда, на следующий год НКВиВТ вроде бы соглашался предоставить Таллинскому порту транзит 80–100 тыс. т грузов[66].

[63] Доклад А. М. Петровского Б. С. Стомонякову, 23.05.1929 // Там же. Д. 54296. Л. 40.

[64] Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, [03].06.1929 // Там же. Д. 54292. Л. 43.

[65] ERA. 138-SM-1–35. L. 107.

[66] Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 17.06.1929 // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 47. П. 295. Д. 54292. Л. 46.

Все усилия НКИД грозили оказаться напрасными. В июле было сформировано правительство во главе с О. Штрандманом, а иностранную комиссию парламента возглавил Я. Тыниссон. В Москве считали, что за этим неизбежно последует усиление польского влияния и возникновение новых трений в советско-эстонских отношениях. Под вопросом оказывалась ратификация в эстонском парламенте торгового договора. «<...> если эстонцы к моменту обсуждения торгдоговора в парламенте ознакомятся с текстом нашего договора с Грецией и с известными полуофициальными сообщениями греческой прессы о нашем обязательстве выдать заказы на известную сумму после вступления в силу торгдоговора <...> — нам, может быть, придется принести в жертву торгдоговор с Грецией, чтобы спасти торгдоговор с Эстонией»,— сообщал Стомоняков полпреду[67]. Последовавшая спустя полторы недели ратификация договора Эстонией (договор вступал в силу 19 сентября) поставила перед Москвой вопрос о направлении в Эстонию делегации экспертов для оценки возможностей размещения заказов на промышленные изделия. Выводы упомянутой делегации экспертов не особо заинтересовали руководство НКВиВТ, хотя в конце августа в Москву специально приехал Рудольф Реннинг, директор Эстонско-Советской торговой палаты, темой переговоров которого должны были стать конкретные предложения, вытекающие из рекомендаций делегации и подготовка возможного приезда эстонской делегации. Временно исполнявший обязанности начальника 1-го Западного отдела НКИД С. Боркусевич мог только выражать надежду в письме поверенному в делах Буравцеву: «Мы принимаем меры к скорейшему продвижению этого вопроса и будем настаивать на том, чтобы обещание экспертов относительно дачи определенных конкретных заданий эстпромышленности было бы в возможно краткий срок выполнено»[68].

Несмотря на явный оптимизм, вызванный в Москве подписанием договора с Эстонией, по прошествии всего двух месяцев после обмена ратификационными грамотами Стомоняков писал Петровскому: «Положение с выдачей заказов в Эстонии в высшей степени неудовлетворительно и угрожает серьезными осложнениями. К сожалению, за неделю своего пребывания в Москве я не имел возможности встретиться с тов. Микояном и смогу иметь с ним обстоятельную беседу, по всей вероятности, лишь после пленума ЦК партии. Отношение аппарата Наркомторга к этому делу, по-видимому, совершенно неудовлетворительное»[69]. Единственное, на что один из руководителей НКИД рассчитывал в тот момент — выяснение возможности выдачи заказа «Металлоимпортом» на несколько буксиров. Надежды на возможность внесения вопросов о размещении заказов в Эстонии в Политбюро, высказывавшиеся Стомоняковым в конце ноября, полностью истаяли в декабре. Планировавшееся

[67] Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 15.07.1929 // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 47. П. 295. Д. 54292. Л. 53.

[68] Письмо С. Боркусевича Буравцеву, 26.08.1929 // Там же. Л. 60.

[69] Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 06.11.1929 // Там же. Л. 70.

заседание в НКВиВТ под руководством Хинчука, без принятия конкретных решений которым не стоило и пытаться обращаться к высшему политическому руководству за санкцией, так и не состоялось. «На мои неоднократные устные и письменные обращения к т. Хинчуку я получаю при встречах ответ, что он вполне понимает важность вопроса и необходимость скорее его разрешить, но, вследствие чрезмерной перегрузки, фактически он лишен возможности сделать это до настоящего времени и надеется заняться вопросом в ближайшем будущем... Печально, но — факт»,— сообщал Стомоняков[70].

Таблица 1

Объемы эстонско-советской торговли в 1926–1933 гг.[71]

Годы	Экспорт в СССР	Импорт из СССР	Оборот	Баланс
1926	12381	7121	19502	+5260
1927	6652	8775	15427	–2123
1928	5496	4939	10435	+557
1929	2801	5203	8004	–2402
1930	4301	9136	13437	–4835
1931	3271	6906	10177	–3635
1932	188	2090	2278	–1902
1933	885	1760	2615	–905
1934	1690	2387	4077	–697

В рассматриваемый период по основным экспортно-импортным статьям произошли следующие изменения. Поставки из Эстонии в СССР живого скота прекратились в 1926 г. После подписания торгового договора закупки советской стороной скота возобновились, но если в 1931 г. его экспортировали в СССР на 700 тыс. крон, то в 1933 г. всего на 2 тыс. (в 1932 г. поставок не было). За все эти года Эстония продала масла в СССР всего на 1 тыс. крон в 1932 г. Продажа рыбы также не была значительной статьей экспорта — в 1927 г. — на 23 тыс. крон, в 1929 г. — на 21 тыс., в 1930 г. — на 19 тыс. Экспорт мяса и мясных продуктов в 1930 г. составил 3 тыс. крон, в 1932 г. — 97 тыс., в 1933 г. — 536 тыс. В 1933 г. впервые советская сторона закупила необработанной кожи на 313 тыс. крон, но при этом в течение 1932–1933 гг. не закупала обработанной кожи, ранее составлявшей одну из основных статей эстонского экспорта (в 1926 г. ее было закуплено более чем на 2,1 млн крон). Экспорт бумаги сократился с 7,992 млн крон в 1926 до нуля в 1933 г. Если в 1926 г. экспорт текстиля оценивался в 2,18 млн крон, то последующие его закупки были совершены только в 1930 г. — на 206 тыс. крон[72].

[70] Письма Б. С. Стомонякова А. М. Петровскому, 27.11, 17.12.1929 // Там же. Д. 54292. Л. 73, 75.

[71] *Pihlamägi M.* Väikeriik maailmaturul: Eesti väliskaubandus 1918–1940. Tallinn: Argus, 2004. L. 313.

[72] Ibid. L. 314.

Экспорт СССР в Эстонию также в 1926–1933 гг. претерпел существенные изменения. Так, если в 1926 г. экспорт зерна составил почти 4 млн крон, а в 1927 г. превысил 5,6 млн, то в 1928 г. упал до 274 тыс., а в 1929 г. — до 9 тыс. крон. Резкий подъем экспорта зерна в 1930 г. — до 3,68 млн крон, сменился уже в следующем двукратным падением, а в 1932 и 1933 гг. полностью прекратился. Тот же процесс имел место и с экспортом гороха: достигнув максимума в 1928 г. (605 тыс. крон), в 1932 г. он по стоимости составлял только 5 тыс., полностью прекратившись в 1933 г. Важной статьей советского экспорта был сахар. Однако если в 1928 г. он в стоимостном выражении составлял 846 тыс. крон, а после двукратного падения 1930 г. в 1931 г. достиг почти миллиона крон, то в 1933 г. был полностью прекращен. Постепенно возраставший экспорт керосина (в 1926 г. — 582 тыс. крон, в 1930 г. — 1,04 млн крон) к 1933 г. сократился почти втрое. Пик экспорта бензина был достигнут к 1930 г. (562 тыс. крон), но в 1933 г. его ввоз в Эстонию сократился втрое[73].

Плановые показатели советского экспорта в Эстонию никогда не выполнялись. Даже в относительно благополучный, предшествующий началу мирового экономического кризиса год. Согласно «Краткому отчету о деятельности торгпредства в Эстонии за 1927/1928 операционный год», «подавляющая часть экспорта выпадала на сахар — 800 тыс. ам. долларов (78 % всего плана), однако “Сахартрест” понизил количество отпускаемого сахара до 3900 т (39 % плана — меньше на 6100 тонн)», поэтому общий план экспорта в Эстонию сократился с 1 028 тыс. до 540 тыс. долларов. Фактически объемы экспорта в 1926–1927 операционном году и 1927–1928 операционном году в стоимостном выражении почти совпали — 0,55 и 0,558 млн долларов[74]. Показательным было выполнение экспортного плана по зерновым в том же 1927/1928 операционном году (табл. 2).

Таблица 2

Выполнение советских экспортных планов в торговле с Эстонией

Статья экспорта	По плану		Факт реализации		% выполнения
	кол-во м/т	сумма, руб.	кг	сумма, руб.	
Рожь	24 000	1 104 000	6 440 556	333 512.08	30,3
Пшеница	4000	224 000	1 237 646	71 292.64	31,9
Овес	5000	200 000	1 068 650	47 242.35	23,7
Жмыхи	8700	345 000	5 748 411	452 047.07	Нет данных
Всего	41 700	1 873 400	14 495 263	874 060.57	46,7

Источник: ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 3027. Л. 75 об. — 76

[73] *Pihlamagi M.* Vaikeriik maailmaturul. L. 316.

[74] ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 3027. Л. 74.

Надежды на использование торгового договора в качестве одного из инструментов в отношениях с Эстонией испарились быстро. В глазах политического руководства СССР приносимые НКВиВТ реальные политико-экономические выгоды значительно перевешивали значимость ставившихся НКИД в отношении Эстонии целей. На одном из совещаний в НКВиВТ торгпред И. А. Смирнов заявил: «Нужно отметить, что Торгпредство в Эстонии не входит даже в расчет во всей системе нашей внешнеторговой политики Союза. Что такое эстонское торгпредство? С ним никто серьезно не считается. Наши товары регулярно направляются в большие торговые организации. Торгпредства в Париже, Берлине, Амторг, Аркос берутся как крупные единицы, на которых базируется и строится весь наш внешнеторговый оборот, мы же являемся пасынками, мы сидим и ждем здесь, когда нашим комитентам заблагорассудится отдать лишний кусок и нам. Это очень характерно... Что такое эстонский рынок? Это не рынок, а слезы»[75].

На заседании коллегии НК РКИ, состоявшемся 23 ноября 1929 г., было принято постановление, которым рекомендовалось Наркомторгу СССР «для усиления развития наших экспортных операций в Эстонии и постепенного закрепления этого рынка за нами, перейти от метода случайных запродаж отдельных товаров на систематическое и планомерное снабжение его», а также усилить реэкспортные операции, устранить параллелизм в работе Совторгфлота и торгпредства, а «ввиду того, что объем работы “Хлеботорга” в Эстонии, в связи с прекращением вывоза из СССР основных культур хлебопродуктов, сильно сократился, и дальнейшее самостоятельное существование “Хлеботорга” нецелесообразно, ликвидировать в Эстонии “Хлеботорг” как самостоятельную единицу»[76].

В середине октября 1929 г. в ИНО ОГПУ в очередной раз оценили внутреннюю и внешнюю политику Эстонии: «Несмотря на всю благосклонность к Польше и стремление к возможно большему сближению с ней, в последнее время появились веские факторы, которые парализуют эти стремления эстонского правительства:

1) Обещания СССР дать Эстонии большие заказы. В ожидании этих заказов правительство Эстонии не решается предпринимать какие-либо шаги к дальнейшему сближению с Польшей <...>

2) Желание Польши навязать Эстонии дружбу с Румынией. Так как у Румынии много спорных вопросов с СССР, Эстония всегда избегала иметь дела с румынскими представителями <...> Кроме того, Эстонии неприятно, что Польша любит часто выставлять на вид свое влияние на прибалтийские государства и как бы играет роль опекуна над Эстонией. Правда, эсты не в обиде на Польшу, но опасаются, что хвастовство Польши напрасно раздражает

[75] Там же. Д. 3251. Л. 152 — 152 об.

[76] ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 3027. Л. 23–24.

СССР, что им в данное время крайне нежелательно»[77]. Однако к маю 1930 г. оценка ИНО ОГПУ внешнеполитического курса Эстонии претерпела изменения: «За последнее время в эстонской внешней политике возросло сильно франко-польское влияние и начало уже серьезно вытеснять первенствующую до этого английскую ориентацию. Объясняется это первым долгом тем, что поляки сейчас развили в Эстонии, не жалея средств, большую пропаганду за тесное эсто-польское сближение и этим косвенно агитируют и за французскую ориентацию. Сами поляки стали в Эстонии на твердые ноги и никогда раньше не пользовались там таким влиянием, как сейчас. Причины такого польского успеха в том, что теперешний глава государства Эстонии Штрандман — бывший эстонский посланник в Варшаве и давно уже находится под польским влиянием»[78]. Разведслужбы Эстонии с 1930 г. стали отмечать значительный рост активности IV отдела (разведка) штаба Ленинградского военного округа[79].

О том, что внешнеполитическая ориентация Эстонии стала вызывать раздражение в Москве, отчасти свидетельствовал выбор нового полпреда. На смену Петровскому в Таллин прибыл Раскольников, которого в Эстонии хорошо помнили еще по событиям конца 1918 г. Принимая в конце января 1930 г. посланника Ю. Сельямаа, Стомоняков заявил: «В течение последнего года мы как-то стали привыкать к мысли, что Эстония взяла более независимый курс в своей политике, и были рады установлению нормальных отношений с нею. Поездка Штрандмана [в Варшаву] показывает, однако, что мы были слишком большими оптимистами»[80].

В апреле 1931 г. ИНО ОГПУ перехватило переписку английского посланника в Польше. Тот писал: «Ввиду того, что точка зрения г-на Страндмана[81], клонящаяся в пользу заключения подобного рода союза (польско-эстонского военного союза. — *А. Р.*), к моменту падения его, не осуществилась, замещение его другим лицом, определенным противником политики Страндмана, представляет некоторую угрозу стремлениям Польши играть роль защитника и покровителя Балтийских государств. Отнюдь не правдоподобно, что точка зрения господина Пятса до некоторой степени сформировалась под влиянием последних сообщений о всё возрастающей силе и боеспособности Красной Армии. Политика выжидания с целью наблюдения — справится ли Польша с Россией, в случае нападения со стороны последней, заключает в себе некоторые признаки благоразумия, тем не менее она сопряжена с известной долей опасности. Здесь, мне кажется, налицо риск, что советское правительство, в целях исключения возможности в дальнейшем вмешательства Эстонии в русско-польский конфликт, может сразу же поступить с ней так, как Германия в свое время поступила с Бельгией, а не с Голландией <...> Если бы России удалось нанести сокрушительный удар Польше, то искушение поглотить сразу и Эстонию, и Латвию, быть может, окажется, очень заманчивым. Пожалуй, СССР может пренебречь мнением Западной Европы, если последнее не будет поддержано вооруженной силой. Еще вопрос, решится ли какое-либо западноевропейское государство на войну с Россией для того, чтобы спасти эти две маленькие страны. Мне лично кажется вполне очевидным, что возможность существования этих стран в качестве стран самостоятельных в конечном счете находится в зависимости от существования могущественной Польши»[82].

Данная оценка английского дипломата в целом коррелировала с превалировавшим в политическом руководстве СССР и в руководстве НКИД мнением о роли Польши в регионе. В этом отношении для Москвы в определенной степени оказались неожиданными те сигналы о желании обеспечить устойчивое мирное сосуществование, которые с осени 1930 г. и более настойчиво с весны следующего года стала подавать польская сторона. Эти сигналы были восприняты с настороженностью. Стомоняков писал полпреду Ф. Ф. Раскольникову в начале января 1931 г.: «Польская дипломатия по разным каналам лансировала за последние дни известие о якобы сделанном нами Польше новом предложении заключить гарантийный пакт <...> появились сообщения о том, что Польша обусловливает заключение пакта с нами присоединением к нему всех лимитрофов <...> Весьма вероятно, что одной из целей, преследуемых польской дипломатией при распространении слухов о нашем мнимом предложении, является стремление вызвать беспокойство и сделать германское правительство более уступчивым в отношении Польши. Целью обращения польского правительства к прибалтам по этому вопросу, наверное, является, однако, усилить позиции полонофильских кругов <...> и поднять акции Польши во время движения за образование малого прибалтийского блока»[83].

В конце мая 1931 г. Стомоняков отверг предложение Раскольникова возобновить по собственной инициативе обсуждение вопроса о пакте ненападения[84].

[77] ИНО ОГПУ. Справка «О внутренней и внешней политике Эстонии», 11.10.1929 // ERA. 138-SM-1–35. L. 94–95.

[78] ИНО ОГПУ. Справка «Внешняя политика Эстонии», 24.05.1930 // ERA. 138-SM-1–35. L. 80–81. Отличного от ИНО ОГПУ мнения придерживался начальник военно-морских сил РККА Р. А. Муклевич. 5 апреля 1930 г. он писал полпреду Раскольникову: «Особенно интересуют нас <...> официальные связи эстонских военных с англичанами. У меня были сведения, что на средства нашего Нефтесиндиката приведен в порядок Таллинский порт, построены нефтехранилища, причальные линии и проведены углубления, которые как раз соответствуют <слово нрзб.> для английских крейсеров и облегчат значительно работы для противника в организации мероприятий против нас» // Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 206. Л. 14.

[79] Подробнее см.: *Rosental R., Tamming M.* Sõda enne sõda. Nõukogude eriteenistuste tegevusest Eestis kuni 1940. aastani. Tallinn: SE&GS, 2013. L. 231–339.

[80] Цит. по: *Рупасов А. И.* Полномочный представитель СССР в Эстонии Ф. Ф. Раскольников (1930–1933 гг.). Несколько штрихов к портрету // Клио. 2002. № 3. С. 172.

[81] Имеется в виду О. Штрандман.

[82] ERA. 138-SM-1–37. L. 3–4.

[83] Цит. по: *Рупасов А. И.* Гарантии. Безопасность. Нейтралитет. С. 216.

[84] Письмо Б. С. Стомонякова Ф. Ф. Раскольникову, 26.05.1931 // АВП РФ. Ф. 09. Оп. 6. П. 54. Д. 56. Л. 36.

Стомоняков исходил из бесспорного для него факта, что пришедшее к власти в феврале правительство Пятса не изменило основной ориентации эстонской внешней политики на сближение с Польшей и образование Прибалтийского блока под эгидой Польши: «<...> до перемены ориентации Эстонии или даже до установления «равновесия сил нашего и польского влияния» еще очень далеко»[85]. В июне он прямо советовал Раскольникову не питать иллюзий относительно возможностей охлаждения между Польшей и Эстонией[86]. Вместе с тем, когда выяснилось, что Пятс останется у власти до выборов 1932 г., полпреду было рекомендовано встретиться с главой правительства в неофициальной обстановке и «как бы экспромтом» поинтересоваться, что тот думает о возможностях улучшения отношений. Раскольников, однако, не должен был вызвать у Пятса «неправильного представления о нашей заинтересованности в заключении пакта с Эстонией в настоящее время»[87]. Минуло всего четыре дня, и куратор I западного отдела НКИД в директивном письме полпредам в прибалтийских государствах выражал наигранное удивление пассивно-выжидательной позицией Риги и Таллина на фоне стремления западноевропейских государств к улучшению отношений с СССР. «Несомненно, с течением времени улучшение наших отношений с великими державами расшевелит также и маленькие прибалтийские государства, но я считал бы нужным уже и теперь повести среди них осторожную пропаганду полезности и необходимости для них... поторопиться самим урегулировать свои отношения с Советским Союзом»[88].

Конец лета 1931 г. актуализировал в повестке дня советско-польских отношений тему пакта о ненападении. Инициатором выступила Варшава. Круги быстро разошлись по воде. Осень оказалась для дипломатов прибалтийских государств напряженным временем. Ситуация не напоминала середину 1920-х гг. или зиму 1929 г. И в Варшаве, и в Москве исходили из того, что миновали времена, когда можно было crier de vieux chiffons. Понимание этого в Таллине и Риге вынуждало подключиться к обсуждению вопроса. 8 декабря эстонский посланник Ю. Сельямаа в беседе с Литвиновым сообщил о желании его правительства возобновить прерванные в 1927 г. переговоры о пакте ненападения[89]. Спустя пять дней Сельямаа сообщил о готовности его правительства вести переговоры в Москве на основе польского пакта. Литвинов предложил вести переговоры, отталкиваясь от тех договоренностей, которые были достигнуты в 1927 г.[90]

[85] Письмо Б. С. Стомонякова Ф. Ф. Раскольникову, 16.04.1931 // АВП РФ. Ф. 09. Оп. 6. П. 54. Д. 56. Л. 24.

[86] Письмо Б. С. Стомонякова Ф. Ф. Раскольникову, 16.06.1931 // Там же. Л. 42.

[87] Письмо Б. С. Стомонякова Ф. Ф. Раскольникову, 06.07.1931 // Там же. Л. 47–48.

[88] Письмо Б. С. Стомонякова М. А. Карскому, копии Ф. Ф. Раскольникову и А. И. Свидерскому, 10.07.1931 // Там же. Ф. 0151. Оп. 20. П. 41. Д. 5. Л. 58.

[89] Документы внешней политики СССР. Т. 14. С. 698.

[90] Там же. С. 710.

14 января 1932 г. заведующий 1-м Западным отделом Райвид, препровождая Литвинову и Стомонякову составленную Морштыном пространную справку[91], счел необходимым «сделать некоторые замечания о Балтийском союзе в свете последних фактов и событий»[92]. Морштын утверждал, что «прекращение открытых явно демонстративных прибалтийских конференций с 1926 г. не может, однако, рассматриваться как доказательство прекращения политического сотрудничества между Прибалтами и Польшей и как доказательство отсутствия с их стороны единого фронта против СССР», это сотрудничество приобрело «несколько законспирированные антисоветские» формы[93]. Райвид же обращал внимание на фундаментальный фактор, обусловливавший стремление балтийских государств к сотрудничеству с Польшей: «Основным и важнейшим фактором является чрезвычайный страх перед Советским Союзом и перед его растущей политической и экономической мощью. Буржуазия и кулачество лимитрофных стран одержимы страхом перед социальной опасностью — перед насильственной советизацией, попытка которой со стороны СССР им кажется неотвратимой <...> Им кажется, что окрепший и выросший Советский Союз постарается подобно царской империи попытаться вновь присоединить к себе лимитрофы, в первую голову для того, чтобы овладеть важнейшими путями к Балтийскому морю и балтийским портам»[94]. Обращая внимание на наличие центростремительных тенденций у балтийских государств и Польши, Райвид вместе с тем подчеркивал и наличие центробежных тенденций, а именно — особое нежелание Финляндии и Латвии быть вовлеченными в антисоветские авантюры. Эстония в числе не желающих быть вовлеченной в таковые им названа не была[95]. Райвид соглашался с мнением Морштына, что отсутствие де-юре оформленного Балтийского блока отнюдь не означает прекращение взаимодействия лимитрофов по основным важнейшим внешнеполитическим вопросам. В отношении Эстонии он особо обращал внимание на очень тесное военное сотрудничество Таллина и Варшавы (предполагая даже возможное наличие тайного военного соглашения) и контакты между генштабами Эстонии и Финляндии, Польши и Латвии. «Следует специально отметить,— подчеркивал Райвид,— что Эстония по этой линии играет очень серьезную роль — она является связующим звеном между Польшей, Латвией и Финляндией <...> После Ревельского восстания Эстония стала вообще играть самую активную роль в качестве прямого союзника и вассала Польши <...> благодаря Эстонии польская цепь оказывается цепью замкнутой»[96].

[91] *Морштын И.* Историческая справка о Прибалтийском блоке // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 12. П. 86. Д. 68. Л. 8–22.

[92] Райвид — М. М. Литвинову, Б. С. Стомонякову, 14.01.1932 // Там же. Л. 1–7.

[93] *Морштын И.* Историческая справка о Прибалтийском блоке. Л. 19.

[94] Райвид — М. М. Литвинову, Б. С. Стомонякову, 14.01.1932 // Там же. Л. 1.

[95] Там же. Л. 3.

[96] Там же. Л. 5.

Союзница Эстонии Латвия позже согласилась вести переговоры о пакте, но быстрее успех был достигнут в советско-латвийских, а не советско-эстонских переговорах. Проявленная Эстонией медлительность озабоченности советской стороны не вызывала. 4 мая советско-эстонский пакт был подписан. Длительное маневрирование дипломатов вокруг формулировок статей договора (особенно вокруг статьи о нейтралитете) в отличие от прежних времен не подкреплялось с советской стороны намеками на некие торговые блага. Заведующий I Западным отделом НКИД Н. Я. Райвид в середине января 1932 г. писал: «Мы, конечно, должны делать всё необходимое для противодействия влиянию Польши в Прибалтике. Но отнюдь не следует еще раз повторять попытку путем крупных экономических жертв парализовать влияние Польши <...> Эти жертвы не оправдывают себя так, как мы этого ожидали»[97]. Итогом такого подхода стало то, что за 1932 г. экспорт Эстонии в СССР составил около 188 тыс. эстонских крон. Для сравнения: стоимость эстонского экспорта в Англию превысила 15,5 млн крон, в Германию — 11 млн крон. Даже экспорт в Литву почти в 5 раз превышал экспорт в СССР[98]. Однако общая политическая атмосфера, в которой проходили затянувшиеся переговоры о пакте, создала предпосылки для еще одной дипломатической удачи советской стороны — 10 августа 1932 г. была подписана двусторонняя согласительная конвенция, не содержавшая тех уступок, которые были сделаны полпредом И. М. Майским в ходе переговоров с Финляндией.

Кризисная ситуация в экономике Эстонии негативно сказывалась на скромных попытках советской стороны развивать некоторые экспортные направления. В результате Наркомату внешней торговли пришлось в июне 1932 г. принимать особое постановление «О методах работы Техноэкспорта», в котором, в частности, указывалось: «В целях наибольшей гарантии получения реального покрытия за сельскохозяйственные машины, организовать в Финляндии, Литве, Латвии, Эстонии, Польше, Турции и Греции реализацию сельскохозяйственных машин путем встречных сделок на сельскохозяйственные продукты и сырье, не приостанавливая сбыта сельскохозяйственных машин существующим порядком»[99]. Особо негативную реакцию в деловых кругах Эстонии в это время вызвало дело бизнесмена Я. Пертселя, фактически разоренного из-за отказа советских органов выполнить решение эстонского суда о возмещении ему убытков. В день подписания пакта о ненападении Политбюро ЦК ВКП(б), рассматривая вопрос по делу Пертселя, потребовало принять меры экономического давления, а именно: прекратить всякие закупки в Эстонии, прекратить фрахт эстонских судов, не завозить товары для транзита в третьи страны[100]. В Эстонии открыто стали говорить о желательности денонсации советско-эстонского торгового договора.

[97] *Райвид Н. Я.* К вопросу о Балтийском союзе, 14.01.1932 // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 12. П. 86. Д. 68. Л. 7.

[98] ERA. 138-SM-1–54. L. 54.

[99] РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 258. Л. 9.

[100] Подробнее см.: *Кен О., Рупасов А.* Западное приграничье. С. 325–328.

К осени атмосфера в двусторонних отношениях несколько улучшилась. Дело Пертселя удалось урегулировать. 30 октября 1932 г. Политбюро согласилось с предложением НКВТ о закупке в Эстонии в 4-м квартале товаров для Торгсина на сумму 200 тыс. руб. Масштабы намечаемых закупок не свидетельствовали о стремлении к развитию торговых связей с Эстонией. Речь шла о достижении кратковременного эффекта, не более. Информация была доведена сразу же до полпредства в Таллине. 19 ноября 1932 г. полпред Раскольников посетил главу эстонского МИД А. Рея. Последний просил как можно скорее произвести какие-нибудь закупки, чтобы показать, что с его приходом в МИД советско-эстонские отношения сразу улучшились. Вечером того же дня Раскольников на частной квартире у министра путей сообщения А. Ойнаса снова встретился с Реем: «Лидеры социалистов энергично настаивали на необходимости немедленного предоставления заказов»[101]. Эстонская сторона была также крайне заинтересована в наращивании транзитных операций через эстонские порты. Это не соответствовало ставившимся политическим руководством СССР задачам. В течение 1932–1933 гг. осуществление транзитных операций почти полностью прекратилось.

В 1932–1933 гг. внутриполитическая ситуация в Эстонии, обострившаяся борьбой вокруг вопроса о новой конституции, в которой значительно были бы расширены полномочия главы государства, стала вызывать пристальное внимание советских дипломатов. Резкий подъем активности движения участников Освободительной войны, начавшийся после 3-го съезда Центрального союза участников Освободительной войны (Eesti Vabadussõjalaste Keskliit), созванного в марте 1932 г., был способен кардинально изменить внутриполитическую ситуацию[102]. 22 ноября Раскольников пригласил к себе И. Пухка и торгпреда Г. К. Клингера. В ходе состоявшейся беседы Пухк был откровенен: Эстония сейчас находится на пути к диктатуре, но это будет не та фашистская диктатура, которой добиваются «освободители»; дело остановится на полпути и ограничится диктатурой президента[103].

В конце ноября 1932 г. информатором ИНО ОГПУ был подготовлен «Политический обзор», в котором давалась характеристика сложившейся в Эстонии внутриполитической ситуации, из которого следовало, что вице-директор главного полицейского управления Сооман в политических целях намеренно в представленной правительству и парламенту оценке ситуации настолько сгустил краски, что эта возникшая среди депутатов растерянность и паника

[101] Дневник Ф. Ф. Раскольникова // АВП РФ. Ф. 0154. Оп. 25. П. 37. Д. 26. Л. 77–78.

[102] Подробнее см., напр.: *Sahlström A.* Under blåsvarta färger. Den estniska konstitutionella krisens verkningar i de finsk-estniska relationerna åren 1934–1938. Helsinki, 2000; *Valge J.* Eesti vabadussõjalased ja Saksa natsionaalsotsialistid deoloogia, poliitiline taktika ja kontaktid // Tuna. 2009. N 3. L. 50–63; *Kenkmann P.* Kas 1933. aasta põhiseadus lubas autoritaarset valitsemist? // Ibid. L. 42–49; *Pajur A.* Vabadussõjalaste retseptsioon Pätsi ajast kaasajani // Ibid. L. 34–41.

[103] Дневник Ф. Ф. Раскольникова // АВП РФ. Ф. 0154. Оп. 25. П. 37. Д. 26. Л. 76.

позволила К. Пятсу создать коалиционное правительство «с широчайшими полномочиями»[104]. «Для отвлечения интересов населения, для создания абсолютистического законодательного и правительственного аппарата, а для К. Пятса лично — для получения президентского поста, наиболее актуальным вопросом выдвигается проект изменения конституции»[105]. 8 декабря тот же информатор оценивал внутриполитическую ситуацию в Эстонии следующим образом: «Чрезвычайная непрозрачность фактического положения, и в связи с этим почти невозможность более или менее верного прогноза об обороте вещей в дальнейшем будущем»[106]. Правительство, обладающее широкими полномочиями, писал он, будет стремиться к оздоровлению экономической ситуации, для чего ему необходимо стабилизировать эстонскую крону и принять меры против утечки капитала. На этом пути правительству Пятса удалось добиться первых успехов — продажа валюты на черной бирже практически прекратилась, валюта приобретается только импортерами для покрытия внешних долгов. Стал заметным приток вкладов населения в банки, что свидетельствовало об укреплении доверия к кроне. Информатор обращал внимание на меры, предпринятые правительством против участников освободительной войны, деятельность которых была основным дестабилизирующим фактором. Однако уже по прошествии полутора недель тот же информатор обращал внимание на то обстоятельство, что наступившее, казалось бы, внутреннее успокоение оказалось краткосрочным: «<...> наблюдается прогрессивно увеличивающаяся политическая активизация населения, выражающаяся в разочаровании в настоящем государственном строе, в политической системе, в так называемых политических вождях, а главное в потере доверия к ликвидации катастрофического экономического положения избитыми методами правительственных спецов по хозяйственным вопросам»[107]. Особое раздражение у вовлеченных в импортные операции бизнесменов вызвал декрет правительства о 15% обложении всех банковских операций с заграницей, что фактически увеличивало их задолженность на те же 15%. По словам информатора, резко изменилось отношение к торговым операциям с СССР из-за пассивности баланса в торговле с Москвой, отсутствия кредита, низкого качества советских товаров[108].

В начале нового 1933 г. ситуация в Эстонии в ИНО ОГПУ оценивалась так: «<...> стало ясно, что попытка К. Пятса создать “единый фронт” политических партий, овладеть прессой всей, составить одно общественное мнение под лозунгом “спасения страны” — не удастся. Вся картина не проявляется. Задачей правительства впредь будет сохранение внутреннего спокойствия страны, безжалостная полицейская борьба против левого рабочего движения, скрытая борьба против антипартийно настроенных фашистских движений (участники освободительной войны), а затем удерживание государственного экономического равновесия до тех пор, пока новое правительство после предстоящего изменения конституции не явится на смену старого»[109]. Предстоящее народное голосование по вопросу об изменении конституции Эстонии привело к тому, что «на всех фронтах» происходит самое интенсивное приготовление, «втихомолку производится полная мобилизация всех политических партий»[110].

10 января 1933 г. последовала публикация обязательного постановления начальника внутренней обороны Эстонии[111], которым, в частности, вводилось следующее:

— запрет на передвижение в приграничной полосе шириной 1 км на советско-эстонской и латвийско-эстонской границе с заката до восхода солнца;

— запрет на выход на воду без разрешения пограничной стражи с побережья Чудского и Псковского озер и передвижения в водной приграничной полосе шириной в полкилометра вдоль советско-эстонской границы на упомянутых озерах.

К концу января ситуация в Эстонии стала еще более напряженной. Вместе с тем информаторы ИНО ОГПУ обращали внимание на то, что несмотря на резкое и продолжающееся ухудшение положения большинства населения страны избранная правительством и большинством партий тактика нагнетания в средствах массовой информации антисоветской атмосферы приносит свои плоды («сильно тормозила революционизирование масс»)[112]. Падение эстонского экспорта продолжалось, правительству с трудом удавалось лишь поддерживать равенство импорта и экспорта. На этом фоне произошли некоторые изменения в советско-эстонской торговле. СССР занял 7-е место среди европейских рынков, на которые поступали эстонские товары. Однако в стоимостном выражении в январе 1933 г. экспорт в СССР едва превысил 94 тыс. эстонских крон (в Англию, например, было экспортировано товаров более чем на 0,5 млн крон, во Францию — свыше 300 тыс.)[113]. В относительных значениях доля Советского Союза в импорте Эстонии постепенно сокращалась: с 2% (январь–ноябрь 1932) до 1,6% (январь–ноябрь 1933), хотя в экспорте Эстонии возросла с 0,1 до 0,7%[114].

Обострение внутриполитической ситуации в Эстонии побуждало советскую сторону с повышенным вниманием относиться к внешнеполитическим

[104] ERA. 138-SM-1–54. L. 4.
[105] Ibid. L. 5.
[106] Ibid. L. 7.
[107] Ibid. L. 11.
[108] Ibid. L. 13.
[109] Ibid. L. 27.
[110] Ibid.
[111] Было подписано министром юстиции и внутренних дел А. Андеркоппом на правах начальника внутренней обороны.
[112] ERA. 138-SM-1–54. L. 42.
[113] Ibid. L. 59–60.
[114] Baltic States. Annual Report, 1933 // FO/371/14388/N626/626/59. P. 27.

контактам тех или иных политических сил. В конце июня 1933 г. ИНО ОГПУ информировало руководство об эстонских национал-социалистах. Во главе последних стоял, согласно этой информации, Александр Лейпер, личный друг А. Розенберга. Основными организациями, в которых было сильно их влияние, являлись Союз освободителей (Таллин), союз фашистов (Тарту), Общество «Мытте-Ринг» (культурно-просветительное общество во главе с бароном Икскюлем и В. Лаусеном, на которое значительное влияние оказывал так называемый «немецкий клуб» во главе с Гансом фон Шульманом, Виктором фон Мюленом, Герхардом Крессом)[115]. Обращалось внимание и на рост интереса к режиму Муссолини. Английский посланник Кнетчбал-Хьюджессен информировал Форин офис о содержании состоявшейся у него 28 февраля беседы с Пятсом. Глава Эстонии объяснил решение эстонских властей о приезде 10 членов НСДАП: им разрешено приехать, но не в униформе. Пятс заметил, что он полагается на Польшу в случае возникновения каких-либо чрезвычайных обстоятельств с востока. Если Россия будет угрожать завоевавшим свою независимость государствам, то они выступят сообща. По его мнению, такое поведение России будет финальным актом отчаяния. Сейчас Россия чрезвычайно слаба, ситуация в ней настолько плоха, что долго таковой сохраняться не может, близится время, когда она начнет распадаться — все территории от Крыма до Центральной Азии готовы отделиться от России. Кроме того, в Карелии глава местной власти имеет очень слабые контакты с Москвой. Помимо магометан от России отделятся Украина, Белоруссия, Карелия, возможно, территория к востоку от Байкала перейдет под контроль японцев. Знание солдат Красной армии, состоящей сплошь из крестьян, о своих голодающих семьях в случае чрезвычайных обстоятельств станет причиной того, что эту армию не удастся удержать под контролем[116].

В конце июля 1933 г. ИНО ОГПУ информировало руководство о полученной от одного из информаторов оценке ситуации в стране: «Дальнейшие государственно-политические пути Эстонии представляются ее руководящим группировкам особенно сложными и неясными. Сложность и неясность заключаются не только в вопросах внешней и внутренней политики и экономики, но относятся и даже главным образом заботят в смысле будущего страны как таковой, а равно и личного положения тех, кто ныне, управляя страной, упрочил свое личное благосостояние, вошли во вкус обеспеченной жизни, привыкли к влиянию и власти... Руководящий Эстонией и ее жизнью т[ак] ск[азать] “правящий класс” не имеет твердых перспектив на незыблемость теперешнего, суверенного, самостоятельного бытия страны. Подробное исследование этого положения хотя и не произносимо, но весьма повелительно учитывается всеми, кто думает не только о настоящем, но и о будущем Эстонии и о самих

[115] ERA. 138-SM-1–54. L. 85.

[116] H. M. Knatchbull-Hugessen to Simon, 01.03.1933 // FO/371/17185/N1858.

себе. Где-то и как-то надо искать опору застраховаться. И борьба против нынешнего парламентского режима невольно обращает взоры ее руководителей на Германию. Говорить об этом громко они никак не могут, ибо немедленно противниками будут обвинены в “продажности немцам” и сорвут этим дело с голосованием об изменении конституции, но некоторые контакты под сурдинку уже завязываются <...> В последнее время много изменилось. СССР кажется совсем уже не так страшным, прежнее значение государства-буфера слабеет, экономическая и политическая поддержка вследствие общей депрессии и многих перемен далеко не так обеспечена, как раньше, “естественные ресурсы”, т.е. остатки ценностей царской России иссякают. Невольно приходится под другим углом зрения всмотреться, что сулит эстонскому народу восстановление нормальной жизни, т.е. перемена политического строя в России. <...> Не претендуя на установление самостоятельного курса, эстонский государственный корабль напряженно изыскивает фарватер в бурном и богатом подводными мелями море»[117].

В середине августа 1933 г. заместитель полномочного представителя ОГПУ в ЛВО Запорожец направил начальнику ИНО ОГПУ Артузову справку об «эстонской фашистской организации “Освободители”»[118]. В справке констатировалось наличие 5 различных групп в Союзе освободителей, имеющих «разнородную партийную окраску», но при этом обращалось внимание на то, что анализ из политических требований позволяет выделить три течения: 1) наиболее реакционная группа, требующая фашистской диктатуры, все вожди которой «имеют тесный контакт с отдельными воинскими частями»; 2) группа, стремящаяся к законным эволюционным реформам; 3) группа, считающая необходимым создание на основе Союза новой политической силы. «По неполным данным “Союз освободителей” насчитывает в своих рядах свыше 5000 человек, среди которых имеются также и ингерманландцы, и финансируется банками и крупными фирмами в Эстонии... освободители поддерживают связь с финскими лапуасцами, в контакте с которыми ведут свою работу... Близко к Союзу освободителей стоит “Патриотическое общество”, объединяющее прибалтийских немцев»[119]. Активизацией деятельности Союза в связи с предстоящими парламентскими выборами, по мнению автора записки, и было вызвано объявление правительством осадного положения (усиленной охраны) в стране. К концу августа озабоченность ИНО ОГПУ ростом влияния Германии в Эстонии нашла отражение в специальной информации «Деятельность гитлеровцев в Эстонии». В ней, в частности, обращалось внимание на возглавляемую бывшим ротмистром Балтийского полка фон цур Мюлленом (давно лично знакомого с Гитлером) национал-социалистическую организацию.

[117] Политический обзор Эстонии. Источник Л-29 («о сообщении Б. В. Энгельгарда для немцев»). 25.07.1933 // ERA. 138-SM-1–54. L. 94–95.

[118] Ibid. L. 101.

[119] Ibid. L. 103–104.

Таллин (Ревель), по данным автора справки, должен был стать центром национал-социалистического движения в Прибалтике[120].

Складывавшаяся в Эстонии ситуация, как и ситуация в Латвии, к концу 1933 г. послужила импульсом для разработки в Москве комплексной программы развития отношений с Эстонией, Латвией и Литвой.

References

Arumäe H. Ühe illusiooni purunemine. Abipalve Briti valitsusele 1924. aasta detsembris // Tuna. 2014. L. 88–103.

Eesti Ajalugu. VI. Vabadussõjast taasiseseisvumiseni. Tartu: Kirjastus Ilmamaa, 2005.

Ilmjärv M. Hääletu alistumine: Eesti, Läti ja Leedu välispoliitilise orientatsiooni kujunemine ja iseseivuse kaotus: 1920. aastate kekspaigast anneksioonini. Tallinn: Argo, 2004.

Ilmjärv M. Veel Konstantin Pätsist ja tema suhetest Nõukogude Liidu Tallinna saatkonnaga. Kas ainult Nõukogude diplomatide silmade läbi? // Acta historica Tallinensia. 2009. N 2. L. 2.

Ken O. N., Rupasov A. I. Moskovskij protokol ili «Varšavskij pakt»? // Rossiâ v kontekste mirovoj istorii: Sb. statej. SPb.: Nauka, 2002. S. 223–233.

Kenkmann P. Kas 1933. aasta põhiseadus lubas autoritaarset valitsemist? // Tuna. 2009. N 3. L. 42–49.

Pajur A. Vabadussõjalaste retseptsioon Pätsi ajast kaasajani // Tuna. 2009. N 3. L. 34–41.

Pihlamägi M. Väikeriik maailmaturul: Eesti väliskaubandus 1918–1940. Tallinn: Argus, 2004.

Renning R. Eesti tööstussaaduste turud 1923–26 a. Tallinn: [s. n.], 1927.

Rosental R., Tamming M. Sõda enne sõda. Nõukogude eriteenistuste tegevusest Eestis kuni 1940. aastani. Tallinn: SE&GS, 2013.

Rupasov A. I. Garantii. Bezopasnost'. Nejtralitet. SSSR i gosudarstva-limitrofy v 1920-h — načale 1930-h gg. SPb.: Evropejskij dom, 2008.

Rupasov A. I. Polnomočnyj predstavitel' SSSR v Èstonii F. F. Raskol'nikov (1930–1933 gg.). Neskol'ko štrihov k portretu // Klio. 2002. N 3. S. 171–181.

Sahlström A. Under blåsvarta färger. Den estniska konstitutionella krisens verkningar i de finsk-estniska relationerna åren 1934–1938. Helsinki, 2000.

Valge J. Eesti vabadussõjalased ja Saksa natsionaalsotsialistid deoloogia, poliitiline taktika ja kontaktid // Tuna. 2009. N 3. L. 50–63.

Valge J. Konstantin Päts ja N. Liidu huvid // Akadeemia. 2007. N 1. L. 1163–1200; N 2. L. 1453–1484.

Valge J. Konstantin Päts, 12 märts ja Moskva // Tuna. 2007. N 2. L. 42–66.

Valge J. Top Estonian Politician's Financial Dealings with Moscow // Journal of Baltic Studies. 2012. Vol. 43. N 4. P. 459–478.

Valge J. Veel kord Konstantin Pätsi suhetest Moskvaga // Ajalooline Ajakiri. 2010. N 1. L. 59–78.

Список литературы

Кен О. Н., Рупасов А. И. Московский протокол или «Варшавский пакт»? // Россия в контексте мировой истории: Сб. статей. СПб.: Наука, 2002. С. 223–233.

Рупасов А. И. Гарантии. Безопасность. Нейтралитет. СССР и государства-лимитрофы в 1920-х — начале 1930-х гг. СПб.: Европейский дом, 2008.

Рупасов А. И. Полномочный представитель СССР в Эстонии Ф. Ф. Раскольников (1930–1933 гг.). Несколько штрихов к портрету // Клио. 2002. № 3. С. 171–181.

Arumäe H. Ühe illusiooni purunemine. Abipalve Briti valitsusele 1924. aasta detsembris // Tuna. 2014. L. 88–103.

Eesti Ajalugu. VI. Vabadussõjast taasiseseisvumiseni. Tartu: Kirjastus Ilmamaa, 2005.

Ilmjärv M. Hääletu alistumine: Eesti, Läti ja Leedu välispoliitilise orientatsiooni kujunemine ja iseseivuse kaotus: 1920. aastate kekspaigast anneksioonini. Tallinn: Argo, 2004.

Ilmjärv M. Veel Konstantin Pätsist ja tema suhetest Nõukogude Liidu Tallinna saatkonnaga. Kas ainult Nõukogude diplomatide silmade läbi? // Acta historica Tallinensia. 2009. N 2. L. 2.

Kenkmann P. Kas 1933. aasta põhiseadus lubas autoritaarset valitsemist? // Tuna. 2009. N 3. L. 42–49.

[120] Политический обзор Эстонии. 25.07.1933 // ERA. 138-SM-1–54. L. 116–118.

Pajur A. Vabadussõjalaste retseptsioon Pätsi ajast kaasajani // Tuna. 2009. N 3. L. 34–41.

Pihlamägi M. Väikeriik maailmaturul: Eesti väliskaubandus 1918–1940. Tallinn: Argus, 2004.

Renning R. Eesti tööstussaaduste turud 1923–26 a. Tallinn: [s. n.], 1927.

Rosental R., Tamming M. Sõda enne sõda. Nõukogude eriteenistuste tegevusest Eestis kuni 1940. aastani. Tallinn: SE&GS, 2013.

Sahlström A. Under blåsvarta färger. Den estniska konstitutionella krisens verkningar i de finsk-estniska relationerna åren 1934–1938. Helsinki, 2000.

Valge J. Eesti vabadussõjalased ja Saksa natsionaalsotsialistid deoloogia, poliitiline taktika ja kontaktid // Tuna. 2009. N 3. L. 50–63.

Valge J. Konstantin Päts ja N. Liidu huvid // Akadeemia. 2007. N 1. L. 1163–1200; N2. L. 1453–1484.

Valge J. Konstantin Päts, 12 märts ja Moskva // Tuna. 2007. N 2. L. 42–66.

Valge J. Top Estonian Politician's Financial Dealings with Moscow // Journal of Baltic Studies. 2012. Vol. 43. N 4. P. 459–478.

Valge J. Veel kord Konstantin Pätsi suhetest Moskvaga // Ajalooline Ajakiri. 2010. N 1. L. 59–78.

УДК 930(470)«20»

Н. А. Власов

История международных отношений или история дипломатии в Европе?

Проблема изучения и преподавания истории международных отношений Нового времени

Для развития исторической науки вопрос профессиональной подготовки молодых научных кадров имеет огромное значение. Ключевую роль здесь играет высшее образование, формирующее ту базу, на которой в дальнейшем строится профессиональная деятельность ученого-историка. Если эта база не отвечает современным требованиям, то молодому ученому приходится в лучшем случае тратить годы на осознание недостаточности своей подготовки и заполнение пробелов. В худшем же случае начинается «воспроизводство некомпетентности», когда плохо подготовленные студенты превращаются в плохо подготовленных преподавателей, и этот цикл может повториться множество раз. Поэтому вопрос качества обучения истории в вузах — в том числе качества учебной литературы — никогда не утратит своей актуальности.

В рамках настоящей статьи данный вопрос рассматривается на примере учебников и учебных пособий по истории международных отношений Нового времени. Это далеко не случайный выбор. На рубеже XX–XXI вв. интерес к изучению и преподаванию этого предмета в российских вузах значительно повысился. Связано это было не в последнюю очередь с появлением многочисленных факультетов международных отношений. Если в советское время МГИМО занимал практически монопольное положение в сфере подготовки

специалистов-международников, то в 1990-х гг. обучение студентов по направлению «Международные отношения» начали десятки высших учебных заведений. В результате история международных отношений стала одним из базовых предметов для многих тысяч студентов. Всё большее внимание уделяется этому предмету и на исторических факультетах российских вузов.

На растущий спрос быстро отреагировал рынок учебной литературы. За последние 20 лет появилось множество учебников по истории международных отношений. Некоторые из них подготовлены коллективами весьма авторитетных ученых, работающих в ведущих университетах страны. Особенно велико число изданий, посвященных событиям бурного XX в. Однако и предшествующий ему период Нового времени не обойден вниманием авторов. Пожалуй, наиболее распространенным на сегодняшний день является учебное пособие А. В. Ревякина «История международных отношений в новое время»[1], текст которого в несколько переработанном виде образовал первый том учебника «История международных отношений» под редакцией А. В. Торкунова[2]. Кроме того, следует отметить учебники и учебные пособия по истории международных отношений Нового времени, принадлежащие перу А. С. Медякова[3], В. В. Асташина и А. И. Кубышкина[4], М. Ю. Золотухина, В. А. Георгиева и Н. Г. Георгиевой[5].

Указанный период также освещен в учебниках и учебных пособиях, хронологические рамки которых более широки, охватывая в том числе и период Новейшего времени. Количество наименований такого рода изданий исчисляется десятками. Наиболее ярким (и одновременно наиболее распространенным) примером является выдержавший множество изданий учебник А. С. Протопопова, В. М. Козьменко и М. А. Шпаковской[6].

Обращаясь к этим изданиям, необходимо в первую очередь обратить внимание на их названия. Все они претендуют на то, чтобы осветить историю *международных отношений*. В реальности же основное внимание в них уделяется проблемам *международной политики*. Другие составляющие истории международных отношений оказываются в тени и упоминаются в лучшем случае

---

1 *Ревякин А. В.* История международных отношений в новое время: Учебное пособие. М., 2004.

2 История международных отношений: В 3 т. Учебник / Под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. Т. 1: От Вестфальского мира до окончания Первой мировой войны. М., 2012.

3 *Медяков А. С.* История международных отношений в новое время: Учебник для вузов. М., 2007.

4 *Асташин В. В., Кубышкин А. И.* История международных отношений (XV — начало XX века): Учебное пособие для студентов вузов. Волгоград, 2008.

5 *Золотухин М. Ю., Георгиев В. А, Георгиева Н. Г.* История международных отношений и внешней политики России в Новое время (XVI–XIX вв.): Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2014.

6 *Протопопов А. С., Козьменко В. М., Шпаковская М. А.* История международных отношений и внешней политики России (1648–2010): Учебник для студентов вузов. М., 2012.

вскользь, как нечто, не имеющее непосредственного отношения к предмету рассмотрения. В этом плане авторы советского многотомного труда «История дипломатии» оказались честнее — название произведения полностью соответствует его содержанию.

История международных отношений — сложный, многофакторный процесс. Дипломатия, как и войны, является лишь одной из составляющих этого процесса. К истории международных отношений, безусловно, относятся история торгово-экономических связей, научного, технологического и культурного обмена, миграций. Международная экономическая, культурная, демографическая история тесно переплетены с военно-политической историей и образуют вместе с ней единый комплекс, который и является историей международных отношений. В этом контексте, к примеру, развитие представлений разных народов друг о друге имеет не меньшее значение, чем войны и дипломатические соглашения.

Между тем попытки обнаружить отражение этого комплекса в современных российских учебниках обречены на провал. К примеру, история дипломатии и история международных экономических отношений в учебной литературе фактически трактуются как различные, очень слабо связанные друг с другом процессы. Попыток синтеза политической и экономической истории в рамках единой истории международных отношений практически не происходит. Разумеется, на словах все авторы в той или иной форме признают значение экономических факторов для международной политики; однако при освещении конкретных событий и процессов они в большинстве случаев забывают об этом тезисе.

Авторы учебников и обобщающих научных трудов, опубликованных в советский период, вольно или невольно вынуждены были учитывать экономические факторы при описании политических процессов. Это считалось необходимым в рамках методологической основы, на которой базировалось в те годы изучение и преподавание истории. После окончания советской эпохи политика и экономика в рамках истории международных отношений вновь разошлись в разные стороны. По сути, в методологическом плане в этой области был сделан шаг назад. Он особенно очевиден на фоне растущего во всем мире во второй половине XX в. интереса к глобальной истории, охватывающей все стороны человеческой деятельности и рисующей целостную картину исторического процесса. Этот шаг, возможно, менее ярко выражен в современной отечественной исследовательской литературе, однако в учебниках и учебных пособиях он очевиден.

Можем ли мы объяснить процессы, происходившие в европейской политике XIX в., не касаясь ни промышленной революции, ни представлений, существовавших у европейских народов друг о друге, ни доминировавших идеологических течений? Можем ли мы проследить эволюцию роли США в мировой политике этого периода, не затрагивая ни миграционные процессы, ни изменение

характера трансатлантических торговых связей? Ответ очевиден. Между тем именно такие попытки раз за разом предпринимаются авторами учебников и обобщающих научных трудов по истории международных отношений эпохи Нового времени.

Так, в учебнике А. С. Медякова (на наш взгляд, это едва ли не лучший отечественный учебник по истории европейской дипломатии Нового времени) промышленной революции и ее влиянию на международные отношения XIX в. уделено менее двух страниц. Автор ограничивается самыми общими суждениями, не приводя практически никаких конкретных фактов[7]. Это особенно заметно на фоне следующих параграфов, в которых подробно рассматривается структура внешнеполитических ведомств ведущих европейских стран. В итоге читатель узнаёт, когда и какие структурные подразделения были созданы во французском министерстве иностранных дел, однако остается в неведении относительно того, как менялось место страны в системе глобальных экономических связей в эпоху промышленной революции и какое влияние эти изменения оказывали на внешнюю политику Франции.

Тем не менее, произведение А. С. Медякова выгодно отличается от других учебников и учебных пособий, в которых промышленная революция если и упоминается, то вскользь, как нечто не имеющее прямой связи с международными отношениями. Их авторы хранят верность «истории королей и войн», по поводу которой иронизировал еще Вольтер. Так, В. В. Асташин и А. И. Кубышкин прямо заявляют в предисловии к своему учебному пособию: «При подготовке книги авторы исходили из того положения, что в силу сложившихся объективных причин именно военный фактор являлся определяющим в расстановке сил и в развитии международных отношений»[8]. Авторы не дают ответа на вопрос о том, какие именно «сложившиеся объективные причины» заставляют их занимать позицию, считавшуюся безнадежно устаревшей еще сто лет назад.

Второй важной особенностью современных российских учебников и учебных пособий по истории международных отношений является их предельный европоцентризм в отношении периода Нового времени. При описании истории дипломатии XVI–XIX вв. авторы концентрируются практически исключительно на европейской системе государств. Все остальные части света — Африка, Азия, Латинская Америка — интересуют их лишь постольку, поскольку они попадают в орбиту европейской политики.

Прекрасной иллюстрацией к вышесказанному служит первый том учебника «История международных отношений» под редакцией А. В. Торкунова, написанный А. В. Ревякиным и Н. Ю. Васильевой[9]. Из примерно 380 страниц содержательной части этого труда международным отношениям за пределами

[7] *Медяков А. С.* Указ. соч. С. 152–154.

[8] *Асташин В. В., Кубышкин А. И.* Указ. соч. С. 8.

[9] История международных отношений: В 3 т. Т. 1. М., 2012.

Европы посвящено лишь около 60, причем в подавляющем большинстве случаев речь идет о колониальной экспансии всё тех же европейских держав! Напрасно читатель учебника станет искать в нем, например, характеристику дальневосточной системы международных отношений XVIII в., описание китайской экспансии этого периода и тем более роли и места Китая в азиатской системе международной торговли. Другой пример: вкратце рассказав о войне за независимость государств Латинской Америки, авторы совершенно теряют к последней всякий интерес и оставляют целый континент за рамками исторического процесса.

Ту же картину мы наблюдаем в учебнике А. С. Медякова. Уже на первых страницах своего труда автор без обиняков заявляет о том, что «любое изложение истории международных отношений в Новое время с неизбежностью носит европоцентристский характер». На чем же основано столь категоричное суждение? По мнению А. С. Медякова, «азиатские государства были изолированы от остального мира, и связь между ними, как правило, носила сугубо локальный, спорадический и двусторонний характер, к тому же часто имела форму вассальной зависимости»[10]. На наш взгляд, каждое утверждение в этой фразе можно оспорить — особенно если обращать внимание не только на военно-политические, но и на торгово-экономические связи. Однако даже если бы процитированное выше объяснение полностью соответствовало действительности, оно всё равно не могло бы являться основанием для игнорирования международных отношений за пределами Европы.

Еще более откровенно высказываются В. В. Асташин и А. И. Кубышкин. Декларируя во вступлении к своему учебному пособию отказ от европоцентризма, они буквально на соседней странице высказываются следующим образом: «Основной ареной международной политики вплоть до XVIII века являлась Европа, где сталкивались интересы практически всех существовавших тогда государств»[11]. Это утверждение сложно воспринимать всерьез. Знал ли, к примеру, Шах Джахан, что его интересы сталкивались с интересами Сефевидов не на территории современного Афганистана, а в Европе? Разумеется, авторы могут ответить, что империя Великих Моголов не являлась государством современного типа; однако ровно то же самое можно сказать и о многих европейских странах раннего Нового времени. Предельный европоцентризм авторов наглядно отражает номенклатура карт, включенных в учебник. Всего их двадцать две, при этом девятнадцать посвящены Европе, две — США и только одна — Азии. Этой единственной является карта русско-японской войны 1904–1905 гг.

М. Ю. Золотухин, В. А. Георгиев и Н. Г. Георгиева в предисловии к своему (на наш взгляд, весьма подробному и качественному) учебному пособию прямо заявляют о том, что в нем «освещаются тенденции и особенности

[10] *Медяков А. С.* Указ. соч. С. 15.

[11] *Асташин В. В., Кубышкин А. И.* Указ. соч. С. 11.

внешнеполитической деятельности государств Европы и Америки»[12]. Необходимо воздать должное авторам — в отличие от А. В. Ревякина они посвятили развитию международных отношений в Латинской Америке в XIX в. целую главу. Однако Азия (и тем более Африка) и в этом учебном пособии фигурирует в основном лишь в качестве пассивного объекта европейской колониальной экспансии.

Приходится с сожалением констатировать, что в своей европоцентричности современные российские учебники твердо следуют далеко не лучшей традиции XIX–XX вв., которая в рамках мировой исторической науки рассматривается сегодня как антиквариат. «Эти историки выходили за пределы своих собственных “наций”, чтобы заявить о том, что “Европа” и “Запад” были и есть “пуп” (а также сердце и душа) всего мира. Если они обращали внимание на кого-то еще, то делали это с неохотой. Их “история”, как движущийся исключительно на запад Восточный экспресс, проходила по некому тоннелю времен от древних египтян и жителей Месопотамии через классических греков и римлян, а затем средневековую (Западную) Европу к нашему времени. Персы, турки, арабы, индусы и китайцы удостаивались лишь вежливых, а часто и не очень вежливых, кивков. Вклад в историю и даже самое участие в ней других народов — африканцев, японцев, жителей Юго-Восточной и Центральной Азии — вообще не упоминались»[13]. Эти слова, написанные два десятка лет тому назад, как нельзя лучше подходят для характеристики современных российских учебников.

Итогом знакомства с существующей учебной литературой становится нелицеприятный вывод: в действительности она посвящена не международным отношениям в целом, а европейской дипломатии. В этих условиях неудивительно, что стремление ограничиться дипломатической составляющей международных отношений и европоцентристский подход характерны и для многих отечественных научных изданий.

Есть и еще один важный момент, на который хотелось бы обратить внимание. Авторы большинства учебников, как правило, сосредоточиваются на периоде после 1648 г. Насколько оправданным выглядит данный подход? Еще в середине XX в. доминирующей была концепция, согласно которой Вестфальский мир является точкой отсчета для современной системы международных отношений. Согласно этой концепции, всё предшествующее развитие — лишь предыстория Вестфальской системы, не имеющая большой ценности с точки зрения сегодняшнего дня.

Однако уже в 1970–1980-х гг. взгляды исследователей по данному вопросу начали меняться. Во-первых, была поставлена под сомнение значимость Вестфальского мира как поворотного момента в истории международных отношений в целом и в Европе в частности[14]. Во-вторых, всё больше сторонников приобретала

[12] *Золотухин М. Ю., Георгиев В. А, Георгиева Н. Г.* Указ. соч. С. 3.

[13] *Frank A. G.* ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Oakland, 1998. P. 3.

[14] См., напр.: *Тешке Б.* Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. М., 2011.

идея о том, что ограничиваться последними столетиями при изучении истории международных отношений нельзя, и нужно охватывать гораздо более обширный временной промежуток. В качестве примера можно привести опубликованный в 1993 г. сборник статей с характерным названием «Мировая система — 500 лет или 5000?»[15]. В начале XXI в. стало очевидно, что «анархичная» система международных отношений, основными акторами в которой являются суверенные государства («Вестфальская система» в широком смысле слова), является не венцом, а одним из этапов развития — и, соответственно, изучение предшествующих ей периодов вновь приобрело актуальность с практической точки зрения.

В то же время в российских учебниках подспудно присутствует представление о том, что до 1648 г. можно говорить лишь о некой «предыстории» международных отношений. Так, первый раздел учебного пособия М. Ю. Золотухина, В. А. Георгиева и Н. Г. Георгиевой носит название «Зарождение основ общеевропейской системы международных отношений. Конец XV — первая половина XVII в.»[16]. А учебник А. С. Протопопова, В. М. Козьменко и М. А. Шпаковской и вовсе начинает рассмотрение истории международных отношений с Вестфальского мира. По мнению авторов, эта система соглашений стала «переломным этапом в решении внешнеполитических проблем в Европе», «заложила основные принципы международных отношений». Не останавливаются они и перед таким заявлением, как это: «Вестфальский мир *полностью* изменил *всю* международную обстановку в Европе (курсив наш. — *Н. В.*)»[17]. Конечно, подписанные в 1648 г. договоры стали важным событием; однако расценивать их как основной водораздел во всей истории международных отношений нет никаких причин. Как писал британский исследователь Дж. Блэк, «международные отношения в течение столетия после Вестфальского мира не слишком отличались от международных отношений предшествовавшего ему века»[18].

Здесь, однако, необходимо поставить вопрос: насколько серьезными являются все перечисленные выше претензии, учитывая, что подавляющее большинство рассматриваемых выше учебников и учебных пособий рассчитаны в первую очередь на подготовку студентов-международников и регионоведов, а не историков? Ответ прост. Вряд ли кто-нибудь станет спорить с тем, что специалистам в области международных отношений необходимо изучение истории. Почему же эта история должна представать перед ними «одномерной» и европоцентричной — особенно в ситуации, когда современные международные отношения становятся всё более многофакторными, а Европа давно утратила свое положение главного мирового центра? Трансляция устаревшей и, по сути, искаженной картины прошлого в значительной степени обесценивает процесс обучения.

[15] The World System: Five Hundred Years or Five Thousand? New York, 1993.

[16] *Золотухин М. Ю., Георгиев В. А, Георгиева Н. Г.* Указ. соч. С. 18.

[17] *Протопопов А. С., Козьменко В. М., Шпаковская М. А.* Указ. соч. С. 5–6.

[18] *Black J.* A History of Diplomacy. London, 2010. P. 65.

Вне зависимости от того, какого рода специалистов предполагается готовить, учебники должны соответствовать современному уровню развития науки.

Разумеется, нельзя возлагать всю вину на авторов учебников и учебных пособий. Над ними во многом довлеет сила сложившейся традиции. При составлении учебных курсов преподаватели в значительной степени ориентируются на имеющуюся учебную литературу, доступную студентам. Издательства же, выпускающие учебную литературу, в свою очередь ориентируются на существующие учебные программы и нередко требуют от авторов придерживаться «ортодоксального» подхода. Получается замкнутый круг, в рамках которого воспроизводится давно устаревшая модель. Автор этих строк вынужден признать, что и сам внес свой вклад в это «колесо сансары»[19].

Что следует предпринять в данной ситуации? Ответ очевиден — необходимо создание учебника, написанного на основе новой концепции. Суть последней заключается в том, что предметом рассмотрения являются международные отношения во всем их многообразии. В таком учебнике должно быть отражено тесное переплетение экономических, политических, военных и культурных связей, показана динамика развития международных отношений в различных регионах планеты.

Отметим сразу — создание такого учебника неизбежно столкнется с рядом серьезных трудностей. Далеко не последняя из них — состояние современной историографии. Учебная литература всегда базируется на исследовательских работах, а в этой области сегодня сохраняют свое значение все перечисленные выше тенденции. Читатель, заинтересовавшийся историей Вестфальской или Венской системы, легко найдет множество прекрасных обобщающих трудов; гораздо сложнее ему придется, если он захочет получить представление о международных отношениях в Восточной Азии в XVII–XVIII вв. или в Западной Африке до европейской колонизации. В этой сфере по-прежнему правят бал национальные истории, из которых по крупицам приходится добывать сведения о существовавшей системе международных отношений. Ярким примером является шеститомная коллективная монография «История Востока», представляющая собой по сути сборник очерков по истории отдельных государств[20].

Еще сложнее дело обстоит, если речь идет об экономической или культурной истории. К примеру, обобщающих работ по истории международных экономических отношений в Новое время практически не существует. Имеющиеся монографии и учебники по истории экономики представляют собой в большинстве случаев сумму историй национальных экономик. Лучшие из них концентрируются на процессах и явлениях, характерных для мировой (или европейской) экономики в целом, однако не уделяют большого внимания системе международных экономических отношений[21]. Нам удалось обнаружить только

[19] История международных отношений. Учебник и практикум для академического бакалавриата / Под ред. Н. А. Власова. М., 2016.

[20] История Востока: В 6 т. М., 2004.

[21] См., напр.: Кембриджская экономическая история Европы нового и новейшего времени: В 2 т. М., 2013.

один российский учебник, посвященный истории международных экономических отношений[22].

Стоит особо подчеркнуть, что такая ситуация характерна не только для российской, но и для мировой историографии. Отдельные блестящие работы, посвященные экономическим связям в конкретном регионе в определенный период времени (например второй том знаменитого труда Фернана Броделя[23]), не слишком влияют на общую ситуацию. Работа автора учебника в этих областях будет напоминать труд золотодобытчика, которому в поисках драгоценного металла придется просеивать тонны песка.

Отсюда непосредственно вытекает еще ряд сложностей. Во-первых, для создания такого учебника необходимы обширные знания в самых различных областях. Напрашивается вывод о том, что подобное издание может быть плодом только коллективного творчества. Формирование представительного коллектива специалистов и организация его работы неизбежно потребуют крупных материальных вложений. Тем не менее существует достаточно большое количество успешных примеров реализации подобных проектов — можно вспомнить хотя бы знаменитые «Кембриджские истории». Кроме того, на наш взгляд, является заблуждением представление о том, что отдельно взятый историк не может охватить все стороны исторического процесса и создать масштабное полотно. В качестве примера такого полотна, описывающего длительный период времени, можно назвать историю XIX в., принадлежащую перу немецкого исследователя Ю. Остерхаммеля[24].

Непростой задачей станет для автора систематизация и упорядочивание столь обильного и разнопланового материала. Неизбежно возникнет вопрос о том, как сделать текст учебника сбалансированным, емким, хорошо структурированным. Однако даже самые сложные вопросы вполне можно решить, если поставить перед собой четкую цель.

Однако по силам ли студенту освоение столь масштабного и сложного материала? Здесь перед нами возникает еще одна важная задача — учебник должен быть написан хорошим языком, доступен для понимания, не перегружен избыточной информацией. В то же время, на наш взгляд, было бы неправильно писать учебник по принципу одного из героев знаменитого произведения Фонвизина, самозваного учителя Вральмана, заботившегося в первую очередь о том, чтобы его воспитанник не заболел от слишком усердной учебы. Студент должен уметь понимать и анализировать сложные, комплексные явления — и лучшей помощницей в этом может стать как раз история международных отношений, которая, конечно же, является намного более многогранной, чем та картина, которую рисуют современные отечественные учебники.

[22] *Оводенко А. А., Платова Е. Э.* История международных экономических отношений: Учебное пособие. СПб., 2012.

[23] *Бродель Ф.* Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Кн. 2: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. М., 2003.

[24] *Osterhammel J.* Die Verwandlung der Welt. München, 2013.

References

Astashin V. V., Kubyshkin A. I. Istorija mezhdunarodnyh otnoshenij (XV — nachalo XX veka): Uchebnoe posobie dlja studentov vuzov. Volgograd, 2008.

Black J. A History of Diplomacy. London, 2010.

Braudel F. Sredizemnomor'e i sredizemnomorskij mir v jepohu Filippa II. Kn. 2: Kollektivnye sud'by i universal'nye sdvigi. M., 2003.

Frank A. G. ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Oakland, 1998.

Istorija mezhdunarodnyh otnoshenij: V 3 t. Uchebnik / Pod red. A. V. Torkunova, M. M. Narinskogo. T. 1: Ot Vestfal'skogo mira do okonchanija Pervoj mirovoj vojny. M., 2012.

Istorija mezhdunarodnyh otnoshenij: Uchebnik i praktikum dlja akademicheskogo bakalavriata / Pod red. N. A. Vlasova. M., 2016.

Istorija Vostoka: V 6 t. M., 2004.

Kembridzhskaja jekonomicheskaja istorija Evropy novogo i novejshego vremeni: V 2 t. M., 2013.

Medjakov A. S. Istorija mezhdunarodnyh otnoshenij v novoe vremja: Uchebnik dlja vuzov. M., 2007.

Osterhammel J. Die Verwandlung der Welt. München, 2013.

Ovodenko A. A., Platova E. Je. Istorija mezhdunarodnyh jekonomicheskih otnoshenij: Uchebnoe posobie. SPb., 2012.

Protopopov A. S., Koz'menko V. M., Shpakovskaja M. A. Istorija mezhdunarodnyh otnoshenij i vneshnej politiki Rossii (1648–2010): Uchebnik dlja studentov vuzov. M., 2012.

Revjakin A. V. Istorija mezhdunarodnyh otnoshenij v novoe vremja: Uchebnoe posobie. M., 2004.

Teshke B. Mif o 1648 gode: klass, geopolitika i sozdanie sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenij. M., 2011.

The World System: Five Hundred Years or Five Thousand? New York, 1993.

Zolotuhin M. Ju., Georgiev V. A, Georgieva N. G. Istorija mezhdunarodnyh otnoshenij i vneshnej politiki Rossii v Novoe vremja (XVI–XIX vv.): Uchebnoe posobie dlja studentov vysshih uchebnyh zavedenij. M., 2014.

Список литературы

Асташин В. В., Кубышкин А. И. История международных отношений (XV — начало XX века): Учебное пособие для студентов вузов. Волгоград, 2008.

Бродель Ф. Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Кн. 2: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. М., 2003.

Золотухин М. Ю., Георгиев В. А, Георгиева Н. Г. История международных отношений и внешней политики России в Новое время (XVI–XIX вв.): Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2014.

История Востока: В 6 т. М., 2004.

История международных отношений. Учебник и практикум для академического бакалавриата / Под ред. Н. А. Власова. М., 2016.

История международных отношений: В 3 т. Учебник / Под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. Т. 1: От Вестфальского мира до окончания Первой мировой войны. М., 2012.

Медяков А. С. История международных отношений в новое время: Учебник для вузов. М., 2007.

Оводенко А. А., Платова Е. Э. История международных экономических отношений: Учебное пособие. СПб., 2012.

Протопопов А. С., Козьменко В. М., Шпаковская М. А. История международных отношений и внешней политики России (1648–2010): Учебник для студентов вузов. М., 2012.

Ревякин А. В. История международных отношений в новое время: Учебное пособие. М., 2004.

Тешке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. М., 2011.

Black J. A History of Diplomacy. London, 2010.

Frank A. G. ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Oakland, 1998.

Osterhammel J. Die Verwandlung der Welt. München, 2013.

The World System: Five Hundred Years or Five Thousand? New York, 1993.

УДК 94(47).084+061.22

Е. Ф. Синельникова, В. С. Соболев

Воскрешая величавые образы мыслителей

Из истории Петербургского философского общества (1897–1923)

Важной составляющей истории науки является изучение инфраструктур в развитии ее различных направлений. В то же время историки отечественной философии в своих исследованиях больше внимания уделяли рассмотрению творчества отдельных ученых, направлений и школ. В гораздо меньшей степени они проявляли интерес к изучению истории обществ, кружков, собраний, съездов и конгрессов, а также периодических и непериодических изданий. Однако недостаточное внимание к инфраструктурам в развитии философской мысли в России может привести к упрощенному пониманию процесса становления русской философской традиции, к необъективным оценкам реальной значимости отдельных теорий и идей для научной и общественной жизни и культуры.

В этой связи большой интерес и достаточно существенное значение имеет выявленный нами в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН источник по истории Петербургского философского общества. Это рукопись очерка К. М. Милорадович, подготовленного ею к предстоявшему в октябре 1922 г. 25-летнему юбилею общества[1]. Принимая во внимание, что рукопись Милорадович является пока единственным известным целостным источником по истории Философского общества за весь период его существования (1897–1923), мы посчитали возможным и целесообразным подготовить настоящую публикацию этого архивного документа.

[1] Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Р. IV. Оп. 1–1922. Д. 875. Л. 1–16.

Следует сказать несколько слов об его авторе. Милорадович Ксения Михайловна (1882 — после 1938) родилась в дворянской семье. В 1906 г. окончила Историко-Филологическое отделение Высших женских курсов в Петербурге (ВЖК). С 1909 г. работала в библиотеке ВЖК, сначала письмоводительницей, с 1910 по 1918 г. — помощницей библиотекаря, а с 1919 по 1926 г. — заведующей. Библиотека ВЖК в те годы являлась «филиальным отделением» университетской библиотеки[2]. В ноябре 1926 г. Ксения Михайловна перешла на работу в библиотеку Академии наук помощником библиотекаря. В январе 1927 г. К. М. Милорадович была арестована ОГПУ «за руководство монархическим кружком школьной молодежи» и выслана из Ленинграда в Саратов. В 1930 г. она вернулась в Ленинград, работала библиографом в Государственной публичной библиотеке. В марте 1935 г. была вновь арестована органами НКВД СССР и выслана вместе с матерью на 5 лет в Куйбышев. В апреле 1937 г. Особым совещанием при НКВД Милорадович была приговорена к шести годам ИТЛ и поражению в правах на 5 лет (по ст. 58, п. 10)[3]. Сведения о ее жизни после 1938 г. выявить пока не удалось.

В архивном фонде академического «Комитета учета научных работников и изучения научных сил СССР» (КУИНС) хранится анкета Ксении Михайловны, заполненная ею в 1923 г.[4] Здесь указаны ее основные научные труды: «Ряд статей по философии в Журнале Министерства народного просвещения: “Учение о времени Канта и Бергсона”, “Условия возможности религиозной веры”, “Суд и осуждение” и др., и в “Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона”, переводы в сборнике “Новые идеи в философии” и перевод “Феноменологии духа” Гегеля (в сотрудничестве с другими лицами). В 1915 г. под моей редакцией вышел сборник “Цельное знание”, с моею вводной статьей. В 1920–1921 г. — учебник “Психология” и книжка “Что такое наука” — и то и другое куплены у меня издательством Гржебина. В 1922 г. — статья в журнале “Мысль” “О роли метафизики”»[5].

К. М. Милорадович в предреволюционные годы активно посещала собрания Философского общества, а в 1921 г. была избрана его действительным членом. Вследствие этого в основу очерка ею были положены и собственные воспоминания, и опыт участия в деятельности общества.

Следует отметить, что осмысление прошедшего, настоящего, его проблем и перспектив своими корнями уходит вглубь истории. Формирование инфраструктуры философии началось в «постклассический» период (вторая половина XIX — начало XX в.) и было связано с мировым процессом интернационализации

[2] В настоящее время библиотека ВЖК является сектором Научной библиотеки им. Горького Санкт-Петербургского государственного университета.

[3] Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс] // Междунар. о-во «Мемориал» и др. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Звенья, 2004.

[4] СПбФ АРАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 472. Л. 103 — 103 об.

[5] Там же.

экономики, культуры и науки. В передовых странах этот процесс шел вместе с секуляризацией мировоззрения. В России появление светской мировоззренческой инфраструктуры встречало препятствия со стороны государственного с петровских времен православия, имевшего статус официальной идеологии. В высших сферах государственной власти и у архипастырей православной церкви развитие философских наук в России вызывало стойкую неприязнь.

В своем очерке Ксения Михайловна описывала неудавшуюся попытку организации Философского общества в 1880 г., когда «препятствие встретилось со стороны министра внутренних дел Д. А. Толстого, который не утвердил устава, находя Философское общество праздной затеей»[6]. Таким образом, общество удалось создать только через 17 лет, в 1897 г. У истоков его создания стояли весьма авторитетные и известные ученые — А. И. Введенский, Э. Л. Радлов, В. С. Соловьев, В. М. Бехтерев, Н. Г. Дебольский и др.

В октябре 1897 г. был утвержден устав общества. В § § 2 и 3 устава были прописаны цели и задачи вновь созданной общественной организации: «Общество имеет целью содействие развитию и распространению философских знаний. Для достижения этой цели Общество имеет право: 1) устраивать для научных сообщений, кроме закрытых заседаний, публичные собрания; 2) открывать платные и бесплатные чтения; 3) иметь библиотеку; 4) печатать свои труды в виде отдельных и повременных изданий; 5) предлагать темы и за выполнение их выдавать денежные премии и медали; 6) устраивать съезды»[7].

Ксения Михайловна сообщает в очерке о выборах председателя на первом собрании общества, состоявшемся 22 октября 1897 г., когда «голоса разделились почти поровну»[8] между М. И. Каринским и А. И. Введенским. Только на годичном собрании общества 11 октября 1898 г. Введенский был единогласно избран председателем и в течение 25 лет бессменно занимал этот пост. Первоначально в общество вступило 80 человек, но уже к концу 1898 г. количество его членов достигало 156 человек[9], а в 1900 г. их было 185[10]. Через 15 лет после создания, в 1912 г., в обществе состояло 190 членов[11], а осенью 1921 г. — 210[12].

В очерке К. М. Милорадович содержатся важные и интересные для истории философии сведения об активных участниках общества, о тех докладах,

[6] Там же. Р. IV. Оп. 1–1922. Д. 875. Л. 3.

[7] Устав Философского общества при Санкт-Петербургском университете: утвержден 22 октября 1897 г. СПб., 1897. С. 3.

[8] СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 1–1922. Д. 875. Л. 4.

[9] Там же. Л. 6.

[10] Список членов Философского общества при Императорском С.-Петербургском Университете. СПб., 1900.

[11] Список членов Философского общества при Императорском С.-Петербургском Университете. СПб., 1912.

[12] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 2555. Оп. 1. Д. 341. Л. 1.

лекциях и сообщениях, которые были сделаны на заседаниях общества в течение 25 лет его существования. Всё это позволяет лучше понять мировоззренческий процесс в России тех лет, объективнее оценить значение, которое имели тогда те или иные теории и идеи.

На заседании общества 2 декабря 1899 г. было принято решение начать подготовку и издание переводов классических философских сочинений под общим заголовком «Труды Петербургского Философского Общества». Всего за период с 1901 по 1917 г. было опубликовано 15 выпусков переводов[13]. Среди них можно упомянуть труды Аристотеля, Канта, Гегеля, Фихте.

Результаты переводческой работы и публикаторской деятельности общества имели определенное значение для развития мировоззренческого процесса в России, они обогатили имевшуюся в то время источниковую базу для философского осмысления прошлого и настоящего.

С 1918 по 1921 г. Философское общество бездействовало, однако с 27 февраля 1921 г. оно вновь стало функционировать. На заседании Совета общества 16 октября 1921 г. было постановлено возобновить издательскую деятельность, начав ее с выпуска философского сборника или журнала[14]. В 1922 г. общество приступило к изданию философского журнала «Мысль».

Развитие деятельности общества было прервано высылкой из страны в августе–сентябре 1922 г. большой группы московских, петроградских и киевских профессоров, писателей и журналистов, несогласных с политикой Советского государства, среди которых были активные члены Философского общества. Оно, обескровленное, фактически перестало существовать, но официальное закрытие последовало только в мае 1923 г.

Можно с уверенностью утверждать, что очерк Милорадович написала не позднее июня 1922 г., так как она сообщает, что два номера журнала «Мысль» «уже вышли в свет, третий выпуск выходит на днях»[15]. Известно, что Философское общество успело напечатать три номера журнала с января до июня 1922 г., четвертый номер был уже набран, но не опубликован, так как журнал был запрещен[16].

Рукопись К. М. Милорадович представляет собой архивное дело объемом 16 листов. Размер листа 30 × 23 см. Текст — чернила, автограф с авторской правкой. Текст очерка публикуется полностью, без каких-либо изменений, дополнений и пр. (кроме минимальной и необходимой орфографической правки).

Полагаем, что публикация этого архивного документа в известной степени обогатит источниковую базу отечественной науки. Она также является данью уважения замечательному петербургскому ученому — философу Ксении Михайловне Милорадович.

[13] СПбФ АРАН. Р.IV. Оп. 1–1922. Д. 875. Л. 8.

[14] *Франковский А.* Философское Общество при Петроградском университете // Мысль. 1922. Вып. 1. С. 187–188.

[15] СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 1–1922. Д. 875. Л. 8. Л. 15.

[16] *Лосский Н. О.* Воспоминания // Вопросы философии. 1991. № 11. С. 181.

К. М. Милорадович. Петербургское Философское Общество

22 октября 1922 года исполнится 25 лет существованию Философского Общества при Петербургском Университете. Такое его продолжительное существование и постоянная, неослабевающая деятельность, замолкнувшая только на три года в начале революции, доказывает, что оно отвечает действительной потребности философски мыслящих людей. А именно потребности постоянно проверять свои мысли и философские построения в живой беседе с единомышленниками и противниками, подвергать эти мысли критике последних раньше, чем выступать на более широкую арену печатного слова.

Наряду с Философским Обществом в Петербурге иногда возникали другие общества, ставившие себе более или менее родственные задачи. Таково было, например, Религиозно-Философское Общество[17], деятельность которого развивается на рубеже первого и второго десятилетия нашего века, ставившее своей задачей философское исследование вопросов религии, например, в настоящее время так называемая Вольфила[18], в которой вопросы философии тесно связаны с вопросами общественности. Но хотя ни вопросы общественности, ни тем более вопросы религии никогда не были чужды Философскому обществу, о котором идет речь, то тут они занимают свое место как составные части философского миросозерцания вообще, которое, только будучи взято во всей своей цельности и полноте, только исследуя самые глубины человеческого духа и Божьего мира в их взаимной связи, может дать основание для разрешения отдельных проблем[19]. Вот почему существование других родственных

[17] Петербургское религиозно-философское общество было основано в 1907 г., с целью «всесторонней разработки вопросов религии и философии». Председатель — А. В. Карташев, товарищ председателя — Д. В. Философов, секретарь — Н. Л. Слонимский. Насчитывало до 900 членов. Заседания проводились в помещении Русского географического общества (ул. Большая Зеленина, 14). Издавало «Записки Санкт-Петербургского религиозно-философского общества». Вып. 1–6, сб. 1908–1916. См.: *С. В.* Религиозно-философское общество в Петербурге // Живая жизнь. 1907. № 1. С. 57–61.

[18] Вольная философская ассоциация — «Вольфила». Существовала с 1919 по 1923 г. Насчитывала 350 членов-соревнователей, ее собрания посещали до 1000 человек. Велись различные кружки. Официальный адрес — наб. Фонтанки, 50, кв. 25 (см.: Наука и ее работники. 1920. № 1. С. 24–26; Мысль. 1922. № 1. С. 183–186).

[19] Здесь следует дать некоторые пояснения. «Философия религии» принципиально отличалась и от государственного православия, и от «неохранительства» религиозно-философских обществ (они «требовали права живой религиозной веры» и «личного богословского мнения»). Главными отличительными чертами «философии религии» являлись, во-первых, внеконфессиональный философский подход; во-вторых, стремление исследовать мировоззрение во всей полноте, включая «субъективные, не строго логические элементы». Материалы сборника «Цельное знание» (под ред. К. М. Милорадович, Пг. 1915) свидетельствуют о том, что «философия религии» занималась изучением «конкретности религиозного опыта», находя в ней «Три главных источника веры в Бога»: «Бог народной массы», «как коллективно воображаемый предмет»; «Бог философский» — «первый принцип существования», «центр умопостигаемого единства»; «Бог нравственного мира» — «примат нравственной реальности».

обществ никогда не могло уменьшить значения Философского Общества для его членов или парализовать его деятельности.

К этому нужно прибавить еще и то, что в числе своих членов Философское Общество считает всех тех, чьи имена дороги русской философии, кто в течение двадцати пяти лет выдвигался на поприще этой науки, если только он хоть отчасти был связан с Петербургом. Чтобы не говорить о живых, достаточно назвать два таких имени, как В. С. Соловьев и М. И. Каринский, связанных с Обществом с самого его возникновения.

Т. к. заседания Философского Общества всегда были доступными для студенческой молодежи, то оно имело и немалое педагогическое значение, подготовляя к пониманию задач и методов философии тех, кто был склонен к участию в философской работе. Из поколения, о котором я могу говорить уже по личным воспоминаниям, т.е. того, которое застало деятельность Философского общества в полном ее расцвете, можно было указать значительное число лиц, во многом обязанных этому обществу своим философским развитием. К несчастью, самые талантливые из них сошли в преждевременную могилу, как это и естественно для людей, зрелая молодость которых совпала со временем революции, и для которых, как это подобает философу, ничто человеческое не было чуждо. К таким принадлежат Д. В. Болдырев и Д. Д. Муретов.

Но прежде чем очертить деятельность Общества в последний, послереволюционный его период, обратимся к его возникновению 25 лет назад и даже несколько ранее. Причины, вызвавшие это Общество к жизни, ощущались уже значительно раньше, чем оно фактически возникло. Еще в 1880 году Э. Л. Радлов получил от К. Н. Бестужева-Рюмина следующее письмо:

Многоуважаемый Эрнест Львович.

Учредители Философского Общества просят Вас пожаловать в пятницу 15-го февраля, в 9 часов вечера на квартиру Федора Густавовича Тернера (Певческий Мост, дом № 16).

Февраля 8-го 1880 г. Давно преданный Вам
К. Бестужев-Рюмин

Тернер в то время был товарищем министра финансов, а лица, собравшиеся у него, были Н. Страхов, М. Каринский, А. Светилин, К. Н. Бестужев-Рюмин, Э. Л. Радлов и некоторые другие. Этими лицами был выработан устав, который затем был представлен в Ученый Комитет, где его пришлось рассматривать В. Соловьеву, как члену этого комитета. Однако препятствие встретилось со стороны министра внутренних дел Д. А. Толстого, который не утвердил устава, находя Философское Общество праздной затеей. После такой неудачи идея Философского общества заглохла на 17 лет.

Во второй раз за пропаганду этой идеи взялась дочь академика Безобразова — Мария Владимировна. В 1897 г. она посетила ряд лиц, являвшихся представителями философской мысли в Петербурге — побывала у Э. Л. Радлова, у А. И. Введенского, у Н. Г. Дебольского, у некоторых других — предлагая им взять на себя инициативу учреждения Философского Общества. На этот раз идея не встретила серьезных препятствий, и 7-го декабря 1897 г. на первом заседании — декан историко-филологического факультета и член-учредитель И. В. Помяловский сообщил собранию об утверждении устава Общества, состоявшегося 22 октября 1897 г., и пригласил приступить к выборам председателя Общества и членов Совета.

§ § 2 и 3 устава Общества гласят:

Общество имеет целью содействие развитию и распространению философских знаний.

Для достижения этой цели Общество имеет право: 1) устраивать для научных сообщений, кроме закрытых заседаний, публичные собрания; 2) открывать платные и бесплатные чтения; 3) иметь библиотеку; 4) печатать свои труды в виде отдельных и повременных изданий; 5) предлагать темы и за выполнение их выдавать денежные премии и медали; 6) устраивать съезды.

Между двумя выдвинутыми кандидатами в председатели М. И. Каринским и А. И. Введенским голоса разделились почти поровну, а именно за Каринского было подано 40 голосов, а за Введенского 41. Таким образом, последний оказался избранным большинством одного голоса. Членами Совета были избраны: Э. Л. Радлов, А. С. Фаминцын, В. М. Бехтерев, И. И. Лапшин, Я. Н. Колубовский и А. П. Нечаев. Постановлением Совета Э. Л. Радлов был назначен товарищем председателя. Но такого рода нерешительное избрание не удовлетворило А. И. Введенского, и уже на следующем заседании, состоявшемся 4-го января 1898 г., товарищу председателя Э. Л. Радлову пришлось заявить об отказе А. И. Введенского от председательства, а т.к. собрание единогласно определило отложить избрание председателя до годичного собрания, то товарищу председателя и пришлось в течение целого года фактически исполнять обязанности председателя.

История повторяется, и в настоящее время, при возобновлении собраний Философского Общества, прерванных в начале революции, Э. Л. Радлову опять приходится нести обязанности председателя вместо больного Введенского, который после своего второго и уже единогласного избрания в годичном собрании 11-го октября 1898 г., в течение двадцати пяти лет остается бессменным председателем Философского Общества.

Такова история возникновения и первоначальной организации Общества. Первые его собрания, посвященные философии, которых в течение первого 1897–1898 академического года было всего 8 (включая и организационные),— носили характер открытый и многолюдный, и происходили в актовом зале университета.

На них произносились речи, после которых члены Общества удалялись, чтобы в закрытом заседании обсудить вопросы организационного характера. Из таких речей, произнесенных в течение первой же зимы по возникновении Общества, следует отметить речь Введенского «Судьбы философии в России» — 31-го января и В. Соловьева «Жизненная драма Платона» — 17-го февраля. Затем два заседания были посвящены чествованию О. Конта[20], а на следующем заседании 27 марта, уже не носившем характера публичного чтения, а характер научного доклада, за которым следует его обсуждение, Н. Г. Дебольский прочел реферат на тему «Понятие красоты». Этот характер научных докладов собрания Философского Общества и сохранили впоследствии, только в годичных собраниях или особых случаях, возвращаясь к публичным речам. Так, первая годовщина Общества в октябре 1898 г. ознаменовалась речью В. С. Соловьева «О значении В. Г. Белинского». На годичном собрании 1899 г., на котором исполняющий обязанности секретаря О-ва В. С. Серебреников прочел отчет о возникновении, деятельности и состоянии Общества, можно было уже воочию убедиться в жизнеспособности последнего: первоначальное число членов — 80, из которых трое умерли за этот период, возросло ко второй годовщине до 156-ти человек. Как наиболее интересные, по именам докладчиков и по затронутым темам, следует отметить за первые три года доклады Ф. Д. Батюшкова «Утопия всенародного искусства» (критикующий воззрения на искусство Л. Н. Толстого[21]), П. Д. Боборыкина «Класс философии во французских лицеях и коллежах», Э. Л. Радлова «Очерк историографии истории философии», И. И. Лапшина «О трусости в мышлении», Д. Д. Гримма «К вопросу о психологическом анализе человеческих действий», В. А. Кистяковского «Категории необходимости и справедливости при исследовании социальных явлений». Кроме того, на публичном собрании 2-го декабря 1899 г. В. С. Соловьев прочел интересную речь «Характеристика М. М. Троицкого, Н. Я. Грота и П. Д. Юркевича».

Еще 15-го декабря 1898 г. А. И. Введенский доложил собранию о состоявшемся предварительном соглашении с редакцией журнала «Вопросы Философии и Психологии», относительно печатания в этом журнале протоколов Общества, и предложение Совета о содействии Философского Общества Московскому Психологическому в издании этого журнала. Собрание единогласно приняло предложение Совета[22]. Отношения с Московской философией и ее

[20] См.: *Соловьев В. С.* Идея человечества у Августа Конта. Чтение в публичном собрании Философского общества при Петербургском университете. 7 марта 1898 г. // Собр. соч. В. С. Соловьева. Изд. 2-е. Т. 9. СПб., 1913.

[21] Лев Николаевич Толстой на протяжении ряда лет являлся почетным членом Петербургского философского общества (Список членов Философского общества при Императорском С.-Петербургском Университете. СПб., 1900. С. 5; Список членов Философского общества при Императорском С.-Петербургском Университете. СПб., 1903. С. 5; Список членов Философского общества при Императорском С.-Петербургском Университете. СПб., 1906. С. 5).

[22] От Совета Московского Психологического Общества. От Совета Санкт-Петербургского Философского Общества // Вопросы философии и психологии. М., 1899. Кн. 46 (1). С. V–VII.

представителями у Петербургского Философского Общества с самого начала были очень дружескими. Особенно крепким связующим звеном служил В. С. Соловьев, который в Москве и Петербурге был одинаково дома, был связан личной дружбой с Московскими философами — Лопатиным С. Н. и Е. Н. Трубецким и многими другими, и естественно связывал их с теми, кого любил в Петербурге. Так, например, Э. Л. Радлов, который со своим изящным умом и высоко этическим настроением всегда был особенно близок Соловьеву, всецело приписывал ему свои отношения с москвичами. Обаяние личности Соловьева, удостоверяемое всеми, кто его знал, создавало для русской философии тот нравственный центр, который хотелось бы сравнить — если бы такое сравнение не казалось слишком смелым — с лучшими временами греческой философии, группировавшейся вокруг Сократа. Не личности я сравниваю, разумеется. Они несравнимы, как все своеобразные и выдающиеся. По сравнению с Грецией мы бедны и отвлечены, у нас наука оторвалась от личной жизни и не освещает эту жизнь вдохновением. У нас личные отношения между людьми редко бывают основаны на общей любви к красоте и мудрости. И если что страдает от такого положения вещей, то прежде всего философия, которая требует человека всего, с его размышлениями и любовью, с его общественной и личной жизнью. Нечто в этом роде и вносил Соловьев в свои отношения с друзьями, разбросанными по лицу России, и все-таки главным образом сосредоточенными в Петербурге и в Москве. И эта традиция философской дружбы, хотя и ослабела со смертью Соловьева, однако сохранялась до последнего времени в отношениях между Петербургским Философским обществом и Психологическим Московским. Осязательно это выражалось в том, что у обоих был в сущности общий орган — «Вопросы Философии и Психологии», хотя он и выходил в Москве под редакцией Лопатина. Здесь печатались доклады, прочитанные и в одном и в другом, и для Петербургских философов всегда были открыты его страницы[23].

Но деятельность Философского Общества вскоре получила еще новое направление. В заседании 2-го декабря 1899 г. было постановлено приступить к изданию от имени Общества переводов Малебранша «Recherches de la vérité» под редакцией Э. Л. Радлова и «Méditationes» Декарта под ред. А. И. Введенского. С тех пор и до перерыва в начале революции, под заголовком «Труды Петербургского Философского Общества» вышел ряд переводов классических философских сочинений. Вот их перечисление:

Выпуск I. Декарт. Метафизические размышления. Перев. под ред. А. И. Введенского. 1901.

[23] Прежде всего, в извлечениях были напечатаны протоколы общих собраний Петербургского Философского общества за 1897–1899 гг. (См.: Вопросы философии и психологии. 1899. Кн. 46 (1); 1900. Кн. 51 (1)). Кроме того, в журнале публиковались и некоторые доклады, сделанные в Философском обществе. В 1918 г. журнал «Вопросы философии и психологии» прекратил свое существование. В 1922 г. в третьем последнем номере журнала Философского общества «Мысль» была помещена «Хроника» деятельности Психологического общества при Московском университете за 1918–1922 гг.

Вып. II и III. Малебранш. Разыскание истины. Перев. под ред. Э. Л. Радлова. 1903.

Вып. IV. Беркли. Трактат о началах человеческого знания. Перев. под ред. Н. Г. Дебольского. 1905.

Вып. V. Аристотель. Этика. Перев. Э. Л. Радлова. 1908.

Вып. VI. Кант. 1) О формах и началах мира чувственного и умопостигаемого; 2) Успехи метафизики. Перев. Н. О. Лосского. 1910.

Вып. VII. Аристотель. Политика. Перев. С. А. Жебелева.

Вып. VIII. Гегель. Феноменология Духа. Перев. под ред. Э. Л. Радлова. 1913.

Вып. IX. Секст Эмпирик. Пирроновы положения. Перев. под ред. А. У. Маленна. 1913.

Вып. X. Фихте. Факты сознания. Перев. под ред. Э. Л. Радлова. 1914.

Вып. XI. Кант. Логика. Перев. под ред. А. М. Щербины. 1915.

Вып. XII, XIII и XIV. Гегель. Наука логика. Перев. Н. Г. Дебольского. 1916.

Вып. XV. Гельвеций. Об уме. Перев. под ред. Э. Л. Радлова. 1917.

Данные, которыми я располагаю для того, чтобы обрисовать деятельность О-ва с 1901 по 1917 г., не полны. Совсем отсутствуют данные за 1901[24] и 1914 годы; в остальных есть пробелы, хотя и не большие. Однако из имеющихся данных можно заключить, что наиболее деятельным из членов О-ва за этот период времени является И. И. Лапшин. С 1904 и по 1913 г. им прочитано в заседаниях О-ва 9 речей и докладов. Большая часть их носит осведомительный характер и посвящается творчеству современных европейских мыслителей: «Теоретическая философия Гартмана» — речь, произнесенная в 1907 г. «Пан-эмпиризм Гомперца» — 1907 г. «Несколько слов памяти Фридриха Паульсена» — 1908 г. «Психология эмоционального мышления Генриха Майера» — 1909. «Философия Бергсона» — 1911. «О Фульте» — речь 1912 г. «Философия фикции» — по поводу книги Файгингера — 1913. И только два доклада — «Мистическое восприятие и универсальный аффект» — 1904 г. и «Психология сомнения» — 1910 г. — являются собственными психологическими исследованиями.

Э. Л. Радлов сделал в обществе три доклада — в 1908, 1910 и 1913 гг.: «Никомахова этика. Отношение Аристотеля к предшественникам, в частности к Платону», «Учение В. Соловьева о свободе воли», и, наконец, «По поводу логики проф. А. И. Введенского». Эта логика проф. Введенского, вышедшая в 1912 г. новым изданием, вызвала ответ также со стороны Н. О. Лосского, сделавшего по ее поводу доклад «Отношение между логикой, гносеологией и психологией и учение о логической необходимости». Кроме этого, Н. О. Лосскому принадлежат еще два доклада — в 1904 и в 1916 гг.: «Учение о непосредственном

[24] Нам удалось выявить сведения о двух докладах, сделанных в 1901 г.: 22 февраля А. Яроцкий прочел доклад «Объективная необходимость прогресса» (См.: Вопросы философии и психологии. М., 1901. Кн. 59 (4); Кн. 60 (5)); 11 октября Б. М. Мелиоранский выступил на тему «Философская сторона иконоборчества» (Доклад опубликован уже посмертно: Вопросы философии и психологии. М., 1907. Кн. 87 (2)).

восприятии транссубъективного мира» и «Философские воззрения моравского ученого Маха» (по случаю смерти последнего). Доклады Н. О. Лосского, по какому бы поводу они ни делались, имеют своею главною целью объяснить развиваемое им учение «интуитивизма».

По имеющимся у меня данным, А. И. Введенский сделал только один доклад за этот период времени, а именно в 1908 г. «Новое и легкое доказательство философского критицизма» — вошедшее затем в состав его логики. Логические воззрения А. И. Введенского, И. И. Лапшина и Н. О. Лосского встретили в О-ве остроумную критику со стороны Н. Ф. Букреева, три доклада которого в 1909 г., 12 и 15-м гг. посвящены разбору этих воззрений. Два раза выступал с докладами Б. М. Мелиоранский. Это был серьезный религиозный мыслитель, каких выдвигала иногда духовная академия, к несчастью умерший молодым в 1917 г. В качестве религиозного же мыслителя выступил и Н. Г. Дебольский — гегельянец по своим теоретическим воззрениям. Он и свящ. К. М. Агееев сделали в 1906 г. один за другим по докладу на одну и ту же тему: «О ценности Евангелия для современной нравственности». К этой же группе мыслителей надо отнести и С. А. Алексеева. В течение этого же времени выступали также: Поварнин, Серебреников, проф. Казанского ун-та Ивановский, один из двух докладов которого имел практическую цель: выяснить ценность предметной системы, вводившейся тогда в университетах, в применении к преподаванию философии. Между 1907 и 1912 гг. целых пять докладов сделал Л. Е. Габрилович — по большей части на логические и гносеологические темы. Пять докладов принадлежит также В. Н. Сперанскому, известному своей плодовитостью. Из лиц, не принадлежащих к специалистам философам, но имена и доклады которых привлекали особый интерес, выступали в это время: Зелинский, Лаппо-Данилевский, Фаусек, Мережковский, Бердяев, Овсяннико-Куликовский[25].

С 1908 г. состав докладчиков несколько меняется. Здесь на первое место следует поставить три доклада С. Л. Франка — о книге Штерна «Личность и вещь» — 1908. «Философское учение прагматизма» — 1910 и «Учение Спинозы об атрибутах» — 1912. Два раза выступал А. Ф. Лазурский с докладами

[25] Вопрос о «специалистах философах» требует некоторого уточнения. Согласно постановлению собрания Философского общества от 17 февраля 1898 г., право быть избранными в его действительные члены имели преподаватели высших учебных заведений, преподаватели логики, психологии, истории философии и педагогики средних учебных заведений, а также лица, «имеющие печатные научные труды, соприкасающиеся с философией или переводы специальных философских сочинений» (Список членов Философского общества при Императорском С.-Петербургском университете. СПб., 1900. С. 29). Следовательно, все эти лица по праву считались «специалистами философии». А вот «лица, интересующиеся философскими вопросами», могли быть приняты только «членами-соревнователями». Кроме того, меры, предпринимаемые органами государственной власти и православной церковью против преподавания философии и против развития ее инфраструктуры, породили в образованных слоях России широкую «философскую» самодеятельность (в известной степени «философскую» нелегальность). И в связи с этим большой «пласт» научно-популярной литературы создавался и издавался «непрофессионалами».

на психологические темы[26]. Два раза — С. И. Гессен — однажды с весьма характерным для него докладом «Понятия ценности и реальности» — 1909 г. — во второй раз на случайную этико-правовую тему.

В 1910 и 1911 гг. два раза выступала с психологическими докладами П. О. Эфрусси, продолжающая и теперь неутомимо работать в области экспериментальной психологии. Интересный доклад на логическую тему дал приват-доц. Казанского ун-та Н. А. Васильев. За это время представители не специально философских наук принимают особенно живое участие в заседаниях О-ва. Три интересных доклада дал Д. К. Петров — из области итальянской, французской, а также средневековой испанской философии[27]. Д-р Суханов дал три доклада на психопатологические темы. А. В. Васильев служил сближению философии с математикой и естествознанием. Наконец, в 1916 г. нужно отметить доклад Ф. И. Щербатского «Опровержение солипсизма в индийской философии» и О. Д. Хвольсона «Роль веры в физике»[28]. Как уже сказано, у меня отсутствуют данные за 1914 г. Но, если мне не изменяет память, то именно в этом году большое впечатление произвел доклад о философии Гегеля московского молодого философа Ильина.

Для характеристики материального положения О-ва выписываю утвержденные впоследствии предложения Совета О-ва в годовом собрании 1912 г.: a) Для прочного обеспечения существования О-ва отчислить из имеющихся у него % бумаг (на сумму 14 312 р. 50 к. номинальных) в неприкосновенный капитал 11 937 р. 50 к. номинальных. b) Образовать издательский фонд, который расходовался бы по мере необходимости, а составлялся бы, кроме ежегодно назначаемых на издания О-ва 1200 р., из остатков от сумм, прежде назначенных для той же цели, так что в текущем 1912 г. в этот фонд должно поступить, кроме 1200 р., назначенных сметой на этот год, еще 1165 р., оставшихся от 1200 р., назначенных на издание 1911 г. «Политики Аристотеля».

Этим кончаю характеристику первого периода деятельности О-ва[29]. В 1917 г.

[26] Психолог А. Ф. Лазурский систематически публиковал информацию о деятельности Философского общества на страницах журнала Психоневрологического института, созданного В. М. Бехтеревым (см.: Вестник психологии. 1903. 11 декабря; 1904. 24 января; 1904. 5 марта и др.)

[27] Петров Дмитрий Константинович (1872–1925) — профессор Петроградского университета, арабист, член Неофилологического общества.

[28] Доклад О. Д. Хвольсона был издан в виде брошюры «Знание и вера в физике» (Пг., 1916). Это сочинение получило положительную оценку в официальных православных изданиях (См.: *Бронзов А.* Математика — «мессионер» // Церковный вестник. Пг., 1916. № 49–50. Стб 827–831). И одновременно подверглось критике со стороны московских философов (См.: *Бачинский А., Шпет Г.* Фидеизм профессора Хвольсона // Мысль и Слово. Т. 1. М., 1917. С. 379–388).

[29] Изучение достаточно широкого круга источников позволяет нам предположить, что первый период завершился 9 февраля 1917 г. на 148-м собрании Философского общества. Тогда состоялось слушанье и обсуждение доклада В. М. Бехтерева «Строго объективный метод в изучении нервно-психологической деятельности и его роль в обосновании

эта деятельность была прервана, а в течение последовавшей революции О-во, разумеется, утратило и все свои сбережения[30].

В 1921 г. Философское общество возобновило свои собрания. На заседании, состоявшемся 27 февраля в публичной Библиотеке, товарищ председателя О-ва Э. Л. Радлов сообщил о предложении, сделанном ему председателем О-ва А. И. Введенским принять на себя обязанности председателя на то время, пока А. И. Введенский не может их исполнять по болезни. Собрание постановило просить Э. Л. Радлова принять на себя эти обязанности. Тут же в Совет общества были избраны Н. О. Лосский и А. А. Франковский, которому были поручены обязанности секретаря. После такого продолжительного перерыва при накопившейся потребности в обмене мыслями, деятельность О-ва возобновилась с новой силой, хотя собрания и сделались менее многолюдными. За время перерыва скончались члены Совета О-ва: Н. Г. Дебольский и А. С. Лаппо-Данилевский, почетные члены М. И. Каринский и Л. М. Лопатин, члены-учредители Ф. Д. Батюшков и П. Ф. Каптерев, действительные члены: А. Ф. Лазурский, В. В. Успенский и многие другие. А. И. Введенский был болен и не посещал собраний, С. Л. Франк профессорствовал сначала в Саратове, потом в Москве, Я. Н. Колубовский и многие другие отсутствовали по тем или иным причинам. С другой стороны, в состав действительных членов О-ва, сделавшихся постоянными посетителями их собраний, вошел ряд новых лиц: Данзас Ю. Н., Милорадович К. М., Лазаревский Н. И., Леонтьев В. В., Маржецкий М. Н., Колубовский И. Я., Иоф В. С., Франковский А. А., Андреев Ф. К., Беляев В. А., Зусман С. С., Спасский Л. Л., Казанский Б. В., Берг Л. С., Сеземан В. Э., Срезневский В. В., Останков П. А., Геллер И. С., Пищулин В. Ф., Кроленко А. А., Болдырев В. В., Котельникова О. М., Тубянский М. И., академик В. И. Вернадский и Н. М. Козлович.

Но в наше время «Родина жертв искупительных просит»[31], и из состава перечисленных лиц у О-ва отнят Н. И. Лазаревский[32], понесший незаслуженную

рефлексологии человека» (См.: Программы закрытых Собраний Общества, адресованные В. М. Бехтереву // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 2265. Оп. 1–1908–1917. Д. 1201. Л. 4–5).

30 Практически все научные общества Петрограда до революции обладали капиталами, которые они размещали в банках. Однако в связи с национализацией банков, которая была объявлена соответствующим декретом от 14 (27) декабря 1917 г., все они лишились своих накоплений.

31 «Родина жертв искупительных просит» — несколько измененная строчка из стихотворения Н. А. Некрасова «В больнице» (1855):

Чтоб одного возвеличить, борьба
Тысячи слабых уносит —
Даром ничто не дается: судьба
Жертв искупительных просит.

32 Профессор Петроградского университета Н. И. Лазаревский был арестован и расстрелян в 1921 г. по делу «Петроградской боевой организации В. Н. Таганцева», одного из первых в Советской России дел, когда массовому расстрелу подверглись представители научной и творческой интеллигенции, в основном Петрограда.

кару, тяжело отозвавшуюся в душах всех, кто его знал. Его доклад «о Спинозе», прочитанный в заседании О-ва 10-го июля 1921 г., показал с новой стороны вдумчивого человека и воскресил перед собранием величавый образ давно умершего мыслителя, на минутку заставив почувствовать пафос его мысли и личности.

В независимости от изменившегося состава участников, несколько изменился и характер заседаний О-ва после перерыва. Помнится, до перерыва этот характер носил на себе печать классической немецкой философии. Тут царил Кант, да еще, пожалуй, Гегель и отчасти Фихте. Может быть в этом сказывалось строго кантианское направление председателя А. И. Введенского, налагавшего свою печать на руководимое им О-во. Новейшая философия была несколько в загоне, так что вернувшиеся из заграницы за несколько лет до войны молодые философы (из них назову С. И. Гессена и В. Э. Сеземана), которые завезли к нам из германских университетов борьбу школ Фрайбургской и Марбургской,— даже почувствовали одно время надобность в создании своего особого «молодого» философского общества, где бы не чувствовалось немного высокомерного отношения «классиков» к новаторам. Впрочем, сказанного не надо понимать в абсолютном смысле. Твердой стены между теми и другими не было никогда. Уже одно участие в заседаниях «старого» О-ва таких новаторов, как Н. О. Лосский и С. Л. Франк, гарантировало его от застоя. А строгость критической мысли, господствовавшая тут, только заставляла их острее оттачивать свои бритвы. Представителям «молодого» О-ва также не был закрыт доступ в «старое», в котором они по большей части и состояли членами. Но тон задавали те, кто стоял во главе, и это был тон классического немецкого идеализма.

В настоящее время отношения сторон меняются, и хотя философия Канта, а также Гегеля и Фихте продолжает иметь своих представителей в Философском О-ве, однако она значительно оттеснена на задний план идеал-реализмом Н. О. Лосского и методами мышления, внесенными в философию Когеном[33], методами, чрезвычайно талантливо применяемыми Н. В. Болдыревым, который после возобновления заседаний О-ва показал себя серьезным и зрелым мыслителем, очень ценным не только в качестве докладчика, но и в качестве оппонента. Его деятельное и постоянное участие вносит в собрания всегда свежую и продуманную мысль. Разделение философов на «классиков» и «новаторов», разумеется, весьма условно и произвольно; так, например, Н. О. Лосский, вносящий в свою философскую деятельность атмосферу незаинтересованного служения истине, всегда чуждую каких бы то ни было личных и самолюбивых соображений, несмотря на свое новаторство, многими корнями связан с предшествующими направлениями в философии. Еще труднее отнести к тем или другим третьего из наиболее активных в настоящее время членов О-ва — Л. П. Карсавина, черпающего свое вдохновение у Платона и у Плотина, у Николая Кузанского

33 Герман Коген (1842–1918) — профессор философии в Марбурге, почетный член Петербургского философского общества.

и вообще мистиков всех веков и народов. Мистическая философия всегда отличалась глубиною и некоторой темнотою, благодаря которым она усваивается с большим трудом. Но Л. П. Карсавин обладает способностью придавать своему изложению форму необычайной легкости и блеска, и его парадоксальные доклады обыкновенно вызывают особое оживление. Из других постоянных участников философских собраний И. Я. Колубовский, которого, по-видимому, интересуют главным образом методические задачи, О. М. Котельникова, выступившая с интересным историческим докладом о философии Якоби, и некоторые другие — еще недостаточно выявили свою философскую физиономию. С интересом и с большою благодарностью всегда выслушивает Философское О-во также сообщения представителей физических и вообще естественных наук, тесная связь с которыми является и потребностью, и не всегда достижимой мечтой для представителей философии. К таким относятся сообщение А. В. Васильева «К истории общего принципа относительности» и Л. С. Берга «Новые теории эволюции». Имена С. А. Алексеева, И. И. Лапшина и, наконец, А. И. Введенского, несмотря на болезнь выступившего однажды с докладом в О-ве, вызвав переполнение маленького помещения, отведенного заседаниям в Публичной библиотеке, говорят сами за себя. Перечисляю прочитанные за эти полтора года доклады в том порядке, в каком они были прочитаны:

1) Н. О. Лосский «Отвлеченный и конкретный идеал-реализм».
2) 17 и 24 апреля 1921 г. Н. В. Болдырев «Созерцание и разум, бытие и познание».
3) 8 мая А. В. Васильев «К истории общего принципа относительности».
4) 29 мая С. А. Алексеев «Аналогия как основной метод познания».
5) 12 июня Л. П. Карсавин «Свобода воли».
6) 15 июня И. И. Лапшин «Преодоление солипсизма».
7) 10 июля Н. И. Лазаревский «Спиноза».
8) 16 октября В. А. Беляев «Настоящее и будущее религии».
9) 6 ноября С. С. Зусман-Гарт «О бессмертии души».
10) 20 ноября О. М. Котельникова «Проблема знания в философии Якоби».
11) 27 ноября И. Я. Колубовский «Рассмотрение основоначал».
12) 11 и 17 декабря Л. П. Карсавин «Мираж прогресса».
13) 22 января 1922 г. К. М. Милорадович «Роль философии в метафизике».
14) 5 февраля Н. В. Болдырев «Смысл истории и прогресса».
15) 19 февраля Л. С. Берг «Новые теории эволюции».
16) 5 марта П. О. Эфрусси «Эволюция интеллекта».
17) 19 марта А. И. Введенский «Судьбы веры в Бога».
18) 9 апреля Э. Э. Понтович «Право и сила».
19) 7 мая С. А. Алексеев «Время, вневременность, вечность».

Но деятельность Философского Общества за последние полтора года не ограничивалась этими собраниями. Совершенно новым ее проявлением оказывается то, что теперь, впервые за время своего существования, О-во обладает

собственным органом. Журнал Петербургского Философского Общества «Мысль» выходит под редакцией Э. Л. Радлова и Н. О. Лосского. Два номера этого журнала уже вышли в свет, третий выпуск выходит на днях. Журнал содержит доклады членов О-ва, прочитанные в его заседаниях, критические обсуждения вновь появляющихся книг в области философии как русской, так и иностранной, хронику университетской жизни и различных обществ, преследующих одинаковые с Петербургским Филос. О-вом цели, а также статьи, присланные в редакцию и одобренные ею для печати[34].

Для издания этого журнала, а также для возобновления серии изданий под названием «Труды Петербургского Философского О-ва», потребовалось создать особое издательство, которое и возникло под названием «Academia»[35] в конце 1921 г. Его задачи несколько шире вышеизложенных, т.к. оно издает не только философские, но и вообще научные и научно-популярные книги. Однако с Философским О-вом оно связано теснейшим образом, а непосредственное руководство издательством принадлежит редакционной комиссии в составе: Э. Л. Радлова, Н. О. Лосского, Л. П. Карсавина, Н. В. Болдырева, А. А. Франковского и А. А. Кроленко. Неутомимой энергии последнего это трудное при настоящих условиях предприятие всецело обязано своим существованием.

Из серии «Труды Пет. Фил. О-ва» подготовлены к изданию: 1) Ник. Кузанский. Избранные сочинения. Т. I. «О просвещенном неведении» — перев. Л. П. Карсавина, С. Л. Франка и А. А. Франковского. 2) Иоган Скот Эриугена. Избр. соч. Т. I. «О делении природы» — перев. Л. П. Красавина. 3) Аристотель. Метафизика, перев. под ред. Э. Л. Радлова. Наиболее значительным предприятием в этой области является новый полный перевод сочинений Платона в 15 томах. Редакция перевода поручена смешанной комиссии из филологов и философов в составе: С. А. Жебелева, Ф. Ф. Загинского, Л. П. Карсавина, Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова и И. И. Толстого. В ближайшую очередь предполагается выпустить тома V (Пир, Федр) и I (Евтифрон, Апология, Критон, Федон) в перев. С. А. Жебелева, тт. XII и XIV (Законы и Эпиномис) в перев. А. Н. Ергунова.

Из несбывшихся предположений отмечу подготовлявшийся в этом году философский съезд в Петрограде. Надо надеяться, что осуществление его отложено не на дальний срок. Если в дореволюционный период главная заслуга в руководстве деятельностью О-ва принадлежала А. И. Введенскому, то в период

[34] В журнале «Мысль» были опубликованы доклады Н. О. Лосского, Н. В. Болдырева, С. А. Алексеева (под псевд. Я. Аскольдов), Л. П. Красавина, О. М. Котельниковой, А. И. Введенского, К. М. Милорадович и др. Во втором номере журнала была помещена информация об учреждении 31 января 1922 г. Костромского философского общества и о его деятельности. А в третьем номере — о Философском обществе при Донском университете в Ростове-на-Дону.

[35] См.: *Острой О. С.* Издательство «Academia» // Книга: Исследования и материалы. Сб. 18. М., 1963.

послереволюционный она принадлежит Э. Л. Радлову. Эти два человека, спаянные с О-вом с его возникновения, по-видимому, совершенно необходимы для его процветания. При всей глубокой разнице в философской личности и в направлении того и другого (критическом направлении первого и несколько скептическом, с одной стороны, и глубоко этическом, с другой, второго), они обладают общей чертою, которой представители старшего поколения наших философов выгодно отличаются от большей части своих младших современников: мыслью, доведенной до возможной степени простоты и ясности, никогда не позволяющей себе остановиться на туманности, которая так легко может прикрыть пустоту или ошибку.

References

Bachinskiy A., Shpet G. Fideizm professora Khvol'sona // Mysl i Slovo. T. 1. M., 1917. S. 379–388.

Bronzov A. Matematika — «messioner» // Tserkovnyy vestnik. Pg., 1916. N 49–50. Stb 827–831.

Frankovskiy A. Filosofskoye Obshchestvo pri Petrogradskom universitete // Mysl. 1922. Vyp. 1. S. 187–188.

Losskiy N. O. Vospominaniya // Voprosy filosofii. 1991. N 11. S. 116–190.

Ot Soveta Moskovskogo Psikhologicheskogo Obshchestva. Ot Soveta Sankt-Peterburgskogo Filosofskogo Obshchestva // Voprosy filosofii i psikhologii. Kn. 46 (1). M., 1899. S. V–VII.

S. V. Religiozno-filosofskoye obshchestvo v Peterburge // Zhivaya zhizn. M., 1907. N 1. S. 57–61.

Solovyev V. S. Ideya chelovechestva u Avgusta Konta. Chteniye v publichnom sobranii Filosofskogo obshchestva pri Peterburgskom universitete. 7 marta 1898 g. // Sobr. soch. V. S. Solovyeva. Izd. 2. T. 9. SPb., 1913.

Zhertvy politicheskogo terrora v SSSR // Mezhdunar. o-vo «Memorial» i dr. 3 izd., pererab. i dop. M.: Zvenya, 2004.

Список литературы

Бачинский А., Шпет Г. Фидеизм профессора Хвольсона // Мысль и Слово. Т. 1. М., 1917. С. 379–388.

Бронзов А. Математика — «мессионер» // Церковный вестник. Пг., 1916. № 49–50. Стб 827–831.

Жертвы политического террора в СССР // Междунар. О-во «Мемориал» и др. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Звенья, 2004.

Лосский Н. О. Воспоминания // Вопросы философии. 1991. № 11. С. 116–190.

От Совета Московского Психологического Общества. От Совета Санкт-Петербургского Философского Общества // Вопросы философии и психологии. Кн. 46 (1). М., 1899. С. V–VII.

С. В. Религиозно-философское общество в Петербурге // Живая жизнь. М., 1907. № 1. С. 57–61.

Соловьев В. С. Идея человечества у Августа Конта. Чтение в публичном собрании Философского общества при Петербургском университете. 7 марта 1898 г. // Собр. соч. В. С. Соловьева. Изд. 2-е. Т. 9. СПб., 1913.

Франковский А. Философское Общество при Петроградском университете // Мысль. 1922. Вып.1. С. 187–188.

УДК 94(47).084.5

А. В. Резник

Письмо А. А. Иоффе Г. Е. Зиновьеву 23 января 1924 г.

21 января 1924 г. умер В. И. Ленин, председатель Совета народных комиссаров, а через четыре дня секретариат Григория Евсеевича Зиновьева, члена Политбюро РКП(б) и председателя Коммунистического интернационала, регистрирует получение письма советского дипломата Адольфа Абрамовича Иоффе. Этот документ, несмотря на свою краткость, ярко иллюстрирует политическую культуру большевиков на переломном этапе их истории.

Впервые письмо Иоффе было почти целиком процитировано в книге Н. А. Васецкого «Троцкий: Опыт политической биографии» в 1992 г.[1] Известный с 1980-х гг. историк-пропагандист, специализировавшийся на «борьбе с троцкизмом», Н. А. Васецкий справедливо отметил, что это письмо хранится в фонде Г. Е. Зиновьева в нынешнем Российском государственном архиве социально-политической истории. При этом историком была сделана небольшая, но символичная ошибка: в сноске был указан фонд Л. Д. Троцкого. Полную публикацию письма Иоффе Зиновьеву мы предваряем критическим обзором одной тенденции в историографии политической истории СССР, столь же популярной, сколько и ложной.

Интерпретация этого письма Н. А. Васецким является весьма характерной для определенного направления, представленного Ю. Н. Жуковым, В. А. Сахаровым и другими консервативными историками[2]. Если выразить их мысли

[1] *Васецкий Н. А.* Троцкий: Опыт политической биографии. М.: Республика, 1992.

[2] *Жуков Ю. Н.* Оборотная сторона НЭПа. Экономика и политическая борьба в СССР. 1923–1925 годы. М.: Аква-Тер, 2014; *Сахаров В. А.* «Политическое завещание» Ленина: реальность истории и мифы политики. М.: Изд-во МГУ, 2003.

кратко, то во внутрипартийной борьбе в партии все стороны, включая оппозицию, руководствовались прагматичными и циничными соображениями «борьбы за власть», но победившая сторона в лице фракции И. В. Сталина пользовалась заслуженной поддержкой большинства и оказалась благом для модернизации страны. Н. А. Васецкий даже процитировал письмо Иоффе в контексте рассуждений о «культе личности Троцкого», который, согласно автору, наркомвоенмор сам «поощрял». Более того, отметив «перебор» Троцкого в этом деле, автор заявил: «Это сумел учесть... сменивший его вождь — Сталин. Пропаганда его “достоинств” велась без излишеств стиля и экстравагантности»[3]. Разумеется, в 1992 г. действительно экстравагантно звучало подобное сравнение «культов», и оно звучит еще хуже, если учесть фундаментальное исследование Яна Плампера[4]. Васецкий прибег к этому приему для того, чтобы проиллюстрировать традиционный тезис об отсутствии различий между борющимися за власть вождями партии. Историк привел письмо Иоффе в «доказательство» того, что на Троцкого «делали ставку», и одновременно выполняли его «заказ» те же люди, которые будут «обливать его грязью» в начале 1930-х. Были упомянуты Е. М. Ярославский, А. В. Луначарский и К. Б. Радек, хотя из них только последний, и то с оговорками, поддерживал внутрипартийную оппозицию, а первые двое активно с ней боролись. Не погружаясь в детали, заметим, что проблема культа Троцкого в целом практически не исследована, а его политический эффект во внутрипартийной борьбе 1923–1924 гг. не следует переоценивать[5].

Далее приведем рассуждения Н. А. Васецкого, которыми он сопроводил цитируемый документ: «...писалось оно не для публики и напоминает скорее инструкцию, как Зиновьеву надлежало поступить <...> Вряд ли Иоффе решился бы написать его Зиновьеву, если бы выражал только свои личные взгляды на данный вопрос. Скорее всего, до Зиновьева доводилось решение более авторитетной группы лиц, к которым, возможно, принадлежал Иоффе. <...> Как видно из письма Иоффе, операция замышлялась гораздо масштабнее. Причем ее инициаторы практически не сомневались в успехе задуманного, раз Иоффе писал такие письма Зиновьеву...»[6] Заметим, что Н. А. Васецкий упомянул огромную роль Зиновьева в завершении разгрома оппозиции на XIII партийной конференции 16–18 января 1924 г., но это не помешало сделать конспирологический вывод, весьма характерный для историков консервативной направленности. Для них письмо «доказывает», что некая «авторитетная группа лиц» (за которой, видимо, стоял сам Троцкий) самоуверенно дала «инструкцию» Зиновьеву, как поделить власть со всеми, кроме Сталина.

[3] *Васецкий Н. А.* Троцкий. С. 194.

[4] *Плампер Я.* Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

[5] См.: *Резник А. В.* Левая оппозиция в РКП(б): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. С. 121–133.

[6] *Васецкий Н. А.* Троцкий. С. 193.

В действительности перед нами не улика, свидетельствующая о макиавеллистских интригах, а документальный снимок политической культуры. Риторика Иоффе меньше всего свидетельствует о его вовлеченности в некие закулисные интриги. Укажем на пассажи (вводный и заключительный) письма, которые показались излишними для цитирования Н. А. Васецкому, но которые были естественными для политической культуры таких людей, как Иоффе: «*...момент настолько тяжелый, что мнение каждого товарища должно быть ценно*, а я всё же почти не ошибался все эти годы в политических оценках и прогнозах, по крайней мере сам себе, в этом отношении всё еще верю»; «Простите, что неспрошенный сообщаю свое мнение, *но я считаю себя обязанным это сделать*». Трудно отрицать, что к началу 1924 г. далеко не все большевистские лидеры были убеждены в невозможности компромиссов, необходимых для «единства партии». Смерть Ленина стала одним из решающих факторов капитуляции оппозиционеров, чьи идеи и лидеры, включая самого известного из них, Троцкого, уже были осуждены большинством партии. В этом контексте Иоффе видел наиболее позитивный сценарий в том, чтобы три наиболее авторитетных вождя облекли себя символической властью глав правительства, оставив реальную власть за другим коллективным органом — Политбюро ЦК. Будучи дипломатом по профессии и по личным качествам, Иоффе выделил фактор восприятия «народом и заграницей» как важные, но в то же время следует усомниться в его наивности относительно преодоления конфликта между Троцким и большинством Политбюро. Наконец, представления о принципе коллегиальности управления еще не были вытеснены единоначалием и централизмом, по крайней мере из сознания бывшего кандидата в члены ЦК 1917–1919 гг.[7]

Иоффе относился к числу немногочисленных единомышленников Троцкого, связанных с ним личной дружбой со времен политической эмиграции. В ноябре 1927 г., решив свести счеты с жизнью из-за тяжелой болезни, он написал известное письмо Троцкому, в котором упрекал вождя оппозиции в недостатке «решительности»[8]. Но во внутрипартийной борьбе осени–зимы 1923–1924 гг. Иоффе, судя по всему, не принимал никакого участия. Можно даже предположить, что до января 1924 г. его вообще не было в Москве, куда он вернулся из Японии тяжело больным. По крайней мере, его имя нигде не упоминалось. Как отреагировал Зиновьев на это письмо — на данный момент также неизвестно. Таким образом, наличная база источников опровергает точку зрения Н. А. Васецкого и тех историков, которые склонны искать заговоры, а не реконструировать контекст, для которого важную роль играли особенности политической культуры.

[7] Среди новейших исследований коллегий в народных комиссариатах можно выделить: *Cook L.* Collegiality in the People's Commissariats, 1917–1920 // Revolutionary Russia. 2013. Vol. 26. N 1. P. 1–31.

[8] Опубликовано: *Троцкий Л. Д.* Портреты революционеров. М.: Московский рабочий, 1991. С. 335–342.

Письмо А. А. Иоффе Г. Е. Зиновьеву 23 января 1924 г.

Москва. 23/I 1924

Дорогой Григорий Евсеевич!

Только что мне сообщили о смерти Ленина и, хотя я еще не успел оправиться от сердечного припадка, я считаю нужным написать Вам несколько слов; *момент настолько тяжелый, что мнение каждого товарища должно быть ценно*[9], а я всё же почти не ошибался все эти годы в политических оценках и прогнозах, по крайней мере сам себе, в этом отношении всё еще верю.

Как ни тягостно это субъективно, но вопрос о Предсовнаркоме встает с громадной неотложностью и важностью.

Я полагаю, что было бы весьма рискованным и неудачным пытаться заменить Ленина *одним лицом* и что поэтому необходимо теперь создать *не председателя* Совнаркома, а *президиум*.

Хотя по-прежнему все важные вопросы будут решаться не в Совнаркоме, а в Политбюро,— это — необходимо для народа и для заграницы, прежде всего, чтобы сразу же дать понять, что Ленина и не пытаются *заменить*.

Единственной возможной комбинацией такого президиума была бы: *Троцкий, Зиновьев, Каменев*. Она имеет только тот минус, что все три евреи[10], но она *единственно возможная*.

Если бы даже Вам в этом случае пришлось перестать быть Предкоминтера, то и тогда это необходимо было бы сделать; Вы могли бы остаться *фактическим* председателем Коминтерна, а юридически была бы хоть Клара Цеткин[11]. Впрочем, я *лично* полагаю, что в нынешнее время *это вовсе не нужно*, и Вы спокойно могли бы совмещать *обе* должности.

[9] Выделено в тексте документа.

[10] Выступая на Пленуме ЦК и ЦКК 26 октября 1923 г., Троцкий следующим образом отвечал на упреки в своей адрес, что он отказывал Ленину стать его заместителем в СНК: «Я должен разъяснить вам, товарищи, мой разговор с Владимиром Ильичом, когда я говорил с ним о моем замстве и о прочих вещах. Дело в том, товарищи, что есть в моей работе один личный момент, который, не играя никакой роли в моей личной жизни, так сказать, в быту, имеет большое политическое значение. Это — мое еврейское происхождение. Я прекрасно помню, как 25 октября [1917 г.], лежа на полу в Смольном, Владимир Ильич говорил: “Т. Троцкий! Мы Вас сделаем наркомвнуделом. Вы будете давить буржуазию и дворянство”. Я возражал. Я говорил, что, по моему мнению, нельзя давать такого козыря в руки нашим врагам; я считал, что будет гораздо лучше, если в первом революционном советском правительстве не будет ни одного еврея» (РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы. 1923 г. М.: РОССПЭН, 2004. С. 258–259). Скорее всего, Иоффе знал, что Троцкий изначально отказался возглавить СНК в 1917 г., ссылаясь на свое происхождение.

[11] Клара Цеткин (1857–1933) — одна из самых авторитетных руководителей социал-демократического движения в Германии, одна из основательниц Коммунистической партии Германии, член Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала, глава Международного женского секретариата ИККИ.

Если бы эта комбинация не удалась (а это было бы так печально, что Троцкого, в случае его отказа от этой комбинации, следовало бы *обязать* согласиться), то пришлось бы вернуться к идее единоличного Предсовнаркома и тогда *первым* кандидатом должен был бы быть Троцкий, *вторым* — Вы и третьим — Каменев. Иных кандидатов быть не может.

Простите, что неспрошенный сообщаю свое мнение, *но я считаю себя обязанным это сделать*.

С коммунистическим приветом

Ваш Иоффе.

[*Рукописный текст, без подписи.*] *Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 324. Оп. 1. Д. 539. Л. 130*

References

Plamper Ya. Alkhimiya vlasti. Kul't Stalina v izobrazitel'nom iskusstve. M., 2010.

Reznik A. V. Levaya oppozitsiya v RKP(b): Dis. ... kand. ist. nauk. SPb, 2014.

RKP(b): Vnutripartiynaya bor'ba v dvadtsatye gody: Dokumenty i materialy. 1923 g. M., 2004.

Sakharov V. A. «Politicheskoe zaveschanie» Lenina: real'nost' istorii i mify politiki. M., 2003.

Trotsky L. D. Portrety revolyutsionerov. M., 1991.

Vasetsky N. A. Trotsky: Opyt politicheskoy biografii. M., 1992.

Zhukov Yu. N. Oborotnaya storona NEPa. Ekonomika i politicheskaya bor'ba v SSSR. 1923–1925 gody. M., 2014.

Список литературы

Васецкий Н. А. Троцкий: Опыт политической биографии. М., 1992.

Жуков Ю. Н. Оборотная сторона НЭПа. Экономика и политическая борьба в СССР. 1923–1925 годы. М., 2014.

Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М., 2010.

Резник А. В. Левая оппозиция в РКП(б): Дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2014.

РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы. 1923 г. М., 2004.

Сахаров В. А. «Политическое завещание» Ленина: реальность истории и мифы политики. М., 2003.

Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. М., 1991.

Cook L. Collegiality in the People's Commissariats, 1917–1920 // Revolutionary Russia. 2013. Vol. 26. N 1. P. 1–31.

УДК 94(47).027

В. Г. Вовина-Лебедева

В Древнерусском семинаре

В С.-Петербургском институте истории РАН зимой–весной текущего года продолжал работу постоянно действующий Древнерусский семинар, который является совместным проектом Института истории РАН и Института истории СПбГУ.

Третье заседание семинара состоялось 25 февраля 2016 г. Обсуждался доклад аспиранта кафедры источниковедения истории России Института истории СПбГУ А. Е. Жукова «Литературные источники “Летописца начала царства”» (научный руководитель д.и.н., профессор А. В. Сиренов). В основе доклада лежал текст одной из глав диссертации А. Е. Жукова «“Летописец начала царства” и русское летописание XVI в.», подготовленной и принятой к защите на степень кандидата исторических наук.

Доклад вызвал оживленную дискуссию, поскольку проблема определения источников нарративных текстов — одна из сложнейших в текстологии, в том числе в текстологии летописания. Тема, которую разрабатывает А. Е. Жуков, традиционно находилась в фокусе внимания историков, принадлежащих к научной школе Санкт-Петербургского университета. Более ста лет назад А. Е. Пресняков начал разрабатывать проблему соотношения между собой крупных московских летописных сводов XVI в., а затем эту работу продолжил один из его наиболее талантливых и работоспособных учеников — Н. Ф. Лавров, к сожалению, не закончивший своих многолетних научных изысканий из-за преждевременной гибели в блокаду Ленинграда. Спустя многие десятилетия летописанием XVI в. на историческом факультете СПбГУ стал плодотворно заниматься А. В. Сиренов, а затем и А. Е. Жуков.

«Летописец начала царства» не был уже летописью в традиционном смысле слова. Но он включался в состав многих крупных летописных памятников, и сохранился в их тексте. Поэтому обращение к «Летописцу начала царства» с неизбежностью заставляет исследовать и эти памятники. Это усложняет работу, но придает выводам исследователя бо́льшую ценность, включает их в контекст истории всего летописания XVI в., связывает одновременно со многими вопросами источниковедения этой эпохи.

В данном выпуске «Петербургского исторического журнала» в формате статьи публикуется один из сюжетов, затронутых в докладе А. Е. Жукова.

Четвертое заседание Древнерусского семинара состоялось 28 апреля 2016 г. Слушался и обсуждался доклад д.и.н., профессора Департамента истории НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, директора Центра исторических исследований А. А. Селина «Комплекс материалов коллекции 183 (“Новгородские акты”) из Архива Санкт-Петербургского института истории как источник для изучения визита датского принца Ханса в Московское государство в 1602 г.».

Статья по этому докладу будет опубликована в следующем выпуске «Петербургского исторического журнала».

УДК 930

А. Е. Жуков

«Летописец начала царства» и Воскресенская летопись[1]

«Летописец начала царства» — памятник русского летописания середины XVI в. Гипотезу о его существовании впервые выдвинул А. А. Шахматов. Исследователь обратил внимание на то, что текст данного памятника читается в ряде летописных сборников[2]. Впоследствии Н. Ф. Лавров выявил рукопись, в которой «Летописец начала царства» представлен не как продолжение других летописей, а как самостоятельный памятник[3]. Исследователь отнес его появление ко времени между 1553 и 1555 гг.[4] Наконец, А. А. Зимин привел доводы в пользу существования двух редакций «Летописца»[5]. Первоначальная редакция памятника начинается с известия о смерти великого князя Василия III в 1533 и завершается взятием Казани в 1552 г. В дальнейшем текст «Летописца» был отредактирован и дополнен известиями за последующие годы[6]. Так возникла вторая редакция памятника[7]. Таким образом, «Летописец начала царства» охватывает первые 20–30 лет великого княжения (царствования) Ивана IV. В нем отразились сведения о дипломатических контактах с соседними государствами, военных походах, придворной борьбе, мятежах, строительстве городов, церковной истории. Многие известия «Летописца» уникальны, не читаются в других памятниках. Таким образом, «Летописец начала царства» является одним из важнейших источников по истории эпохи Ивана IV.

Несмотря на столь высокую значимость данного памятника, многие вопросы, связанные с историей его текста, нуждаются в дальнейшем исследовании. В частности, недостаточно изучен вопрос о летописных источниках «Летописца начала царства». В историографии выдвигалось предположение об использовании Воскресенской летописи в качестве его источника. Воскресенская летопись является одним из наиболее масштабных памятников русского летописания. По объему она уступает лишь Никоновской. Вероятно, что в 20-х — начале 30-х гг. XVI в. ее текст уже существовал[8]. Первая редакция Воскресенской летописи доходила до 1533 г., а вторая — до 1537 г. Однако эти два вида данного памятника не сохранились. Текст Воскресенской летописи дошел до нас в третьей редакции, доведенной до 1541 г., которая возникла в 40-х гг. XVI в. В данной редакции читается описание событий великого княжения Ивана IV с 1533 по 1541 г.[9]

По мнению Н. Ф. Лаврова, единственным литературным источником «Летописца» была Повесть о смерти Василия III, заимствованная как раз из Воскресенской летописи. Других случаев использования Воскресенской летописи исследователь не выявил. Это привело Н. Ф. Лаврова к выводу, что в «Летописце начала царства» была использована первая редакция Воскресенской летописи, доведенная до 1533 г.[10] Другое мнение было высказано А. А. Зиминым. Исследователь предположил, что при создании «Летописца» была привлечена редакция Воскресенской летописи, доведенная до 1537 г.[11] Аргументов в подтверждение данной гипотезы А. А. Зимин не привел. Наконец, В. В. Морозов предположил, что была использована сохранившаяся редакция 1541 г.[12] Однако данная гипотеза также не получила доскональной аргументации[13].

[1] Работа выполнена за счет средств гранта РГНФ 14–01–00057 «А. А. Шахматов. Избранная переписка».

[2] *Шахматов А. А.* Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной» (Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова) // Записки императорской Академии наук по Историко-филологическому отделению. СПб., 1899. Т. IV. № 2. С. 175–176.

[3] *Лавров Н. Ф.* Заметки о Никоновской летописи // Летопись занятий Археографической комиссии. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. Вып. 1 (34). С. 74–75.

[4] Там же. С. 87.

[5] *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории общественно-политической мысли середины XVI в. М., 1958. С. 31–41.

[6] В Патриаршем списке текст продолжения доведен до 1556 г.; в списке Оболенского — до 1558 г.; в Своде 1560 г. и Львовской летописи — до 1560 г.; наконец, в Лицевом летописном своде текст завершается 1567 г.

[7] *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. С. 38–41.

[8] *Сиренов А. В.* О времени создания Воскресенской летописи // Историография и источниковедение отечественной истории: Сб. науч. статей (Вып. 7: Историческое повествование в Средневековой России: К 450-летию Степенной книги: Материалы всероссийской научной конференции). М.; СПб., 2014. С. 124.

[9] *Шахматов А. А.* Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение сводов Руси северо-восточной». С. 169–170.

[10] *Лавров Н. Ф.* Заметки о Никоновской летописи. С. 88.

[11] *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. С. 34.

[12] *Морозов В. В.* Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI в. М., 2005. С. 106.

[13] А. А. Зимин не приводит ни одного примера дословных совпадений «Летописца начала

Таким образом, многие вопросы, связанные с привлечением Воскресенской летописи в качестве источника «Летописца начала царства», нуждаются в уточнении. Во-первых, в историографии нет единого мнения относительно редакции, которая была привлечена при создании «Летописца». Во-вторых, не рассматривался вопрос о приемах редактирования текста известий Воскресенской летописи при их включении в «Летописец начала царства». Таким образом, взаимоотношения двух памятников нуждаются в дальнейшем изучении. Данной проблеме и посвящена настоящая статья.

Как было упомянуто выше, в обоих памятниках читается Повесть о смерти великого князя Василия III. По мнению Н. Ф. Лаврова, это единственное известие, которое попало в «Летописец» из Воскресенской летописи[14]. Действительно, значительная часть текста Повести в обоих памятниках совпадает дословно. Однако некоторые фрагменты отличаются. Так, в Воскресенской летописи читается: «Въсклонися мало на одре своем, и възрев на образ Господа нашего Исуса Христа и веле к себе крест принести, и благословил крестом». Выделенный фрагмент в «Летописце начала царства» отсутствует[15]. Благословляя своего сына на великое княжение, Василий III, согласно Воскресенской летописи, говорит: «Сим святым и животворящим крестом благословил святый Петр чюдотворец прародителя нашего великого князя Ивана Даниловича, а прародители наши великие князи благословляли болших своих детей, которым быти на государьстве. Меня благословил отец мой князь великий Иван»[16]. В «Летописце начала царства» выделенный фрагмент изменен: «Сим святым и животворящим крестом благословил святый Петр чюдотворец прародителя нашего великого князя Ивана Даниловича и весь род нашь великих князей Володимерских и всеа Русии»[17]. Таким образом, в «Летописце» подчеркнуто, что традиция благословения крестом имеет давнюю историю и объединяет род владимирских великих князей.

Однако наиболее значимое разночтение «Летописца начала царства» и Воскресенской летописи находится в тексте о передаче животворящего креста Ивану IV. В Воскресенской летописи приводятся слова Василия III: «Да будет тебе сии животворящий крест на попрание врагов. Такоже и вручаю тебе сии скипетр великиа Русиа»[18]. В «Летописце начала царства» между словами

царства» и Воскресенской летописи. В. В. Морозов приводит три случая, когда тексты оказываются сходными, однако только в одном примере памятники совпадают дословно. Таким образом, аргументы текстологического характера в первом случае отсутствуют, а во втором — их недостаточно.

14 *Лавров Н. Ф.* Заметки о Никоновской летописи. С. 88.

15 Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1859. Т. 8 (далее — ПСРЛ. Т. 8). С. 285; Летописец начала царства. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. М.: Наука, 1965 (далее — ПСРЛ. Т. 29). С. 9.

16 ПСРЛ. Т. 8. С. 285.

17 ПСРЛ. Т. 29. С. 9.

18 ПСРЛ. Т. 8. С. 285.

«врагов» и «такоже» сделана обширная вставка: «И борителей наших, много бо иновернии покушахуся на православие, на нашу дръжаву, Богом порученную нам, и разорити хотяще, но не возмогоша одолети крестные силы, есть бо нам верным забрало крест честный и святых молитвы. Благословляем же его животворящим крестом, которой прислан из Царягорода от царя Костянтина Манамаха великому князю Володимеру Манамаху, и венец царской и диядимы и царьские, ими же венчан царь Манамах. И сим сыну своему на царство венчатися повелевает ю, еже Божиим благословлением и бысть»[19]. Акцент сделан на том, что крест, которым Василий благословляет сына на царство, получен был князем Владимиром от Константина Мономаха. Таким образом, в «Летописце начала царства» подчеркивается, что владимирские и московские князья являются правопреемниками Византии. Сообщается также характер этой преемственности: защита православной веры.

В тексте Повести о смерти Василия III в «Летописце начала царства» и Воскресенской летописи по-разному передается название русской державы. В «Летописце» Василию III приписаны слова: «И вручаю тобе сей скипетр, великия Росия дръжаву, великое княжение Володимерское и Московское и Новоградцкое»[20]. В Воскресенской летописи в данном перечне указано также Смоленское княжение[21].

Наконец, в «Летописце начала царства» и Воскресенской летописи по-разному обозначен круг лиц, которым Василий III поручил управление государством при малолетнем сыне. В Воскресенской летописи читается: «А приказывает великую княгиню и дети своя отцу своему Данилу митрополиту; а великой княгине Елене приказывает под сыном своим государьство дръжати до возмужениа сына своего. И възрев на боаре своа и рече им: “Вы же боаре мои, с вами Рускую землю держах, и вас во чти дръжах, и дети ваша жаловах, и в всех странах славен бых, и ркли есте и правду дали служити мне и детем моим, обяжите себе слово свое на вые своей, укрепитеся истинною; приказываю вам княгиню и дети своя, послужите княгине моей и сыну моему великому князю Ивану и поберегите под ним его государьства Рускиа земли и всего християньства от всех его недругов, от бесерменства и от Латынства и от своих силных людей, от обид и от продаж, все заедин, сколко вам Бог поможет”»[22]. В «Летописце начала царства» об этом говорится иначе: «А приказывает великой княгине Елене свои дети и престол области державствовати скипетр великия Русии до возмужения сына своего, ведаше бо ея великий государь боголюбиву и милостиву,

19 ПСРЛ. Т. 29. С. 9. В «Летописце начала царства» читается «врагомъ», а не «врагов». Есть только одна группа списков Воскресенской летописи, которая дает такое же чтение, как и «Летописец». Она представлена Библиотечным, Карамзинским и Музейным списками. Там также читается «врагом» (ПСРЛ. Т. 8. С. 285. Примеч. з).

20 ПСРЛ. Т. 29. С. 9.

21 ПСРЛ. Т. 8. С. 285.

22 Там же.

тиху и праведливу, мудру и мужественну, и всякого царьского разума исполнено сердце ея, но от Бога дарованное и таково дарование, яко во всем уподобися великой и благочестной царице Елене, и прародителницы русской великой княгине Ольге, нареченной во святом крещение Елене. И князь великий полагает на ней все правъление великого государства многаго ради разума по подобию и по достоинству и Богом царьского правления»[23]. Таким образом, единственным лицом, наделенным властными полномочиями при малолетнем великом князе, в «Летописце» названа Елена Глинская. Ей дана хвалебная характеристика. Особое значение имеет то обстоятельство, что Глинская поставлена в «Летописце начала царства» в один ряд с княгиней Ольгой и с императрицей Еленой. Обе эти государыни были причислены к лику святых как равные апостолам. Причем императрица Елена воспитала императора Константина, который установил христианство в качестве официальной религии в Римской империи, а княгиня Ольга была бабушкой князя Владимира, крестившего Русь. Вероятно, Елена Глинская сравнивается с ними как воспитательница Ивана IV, покорившего Казанское ханство и установившего православную веру на его территории.

Рассмотрим другие примеры, когда «Летописец начала царства» и Воскресенская летопись сходны текстуально. Отдельные чтения обоих памятников совпадают в известии о поражении литовского воеводы Андрея Немирова под Черниговом:

Воскресенская летопись (ПСРЛ. Т. 8)	**«Летописец начала царства» (ПСРЛ. Т. 29)**
Того же месяца тот же королев въевода Ондрей Немиров пришел к Чернигову с многими людми и с нарядом да учал к городу приступати, ис пушек и ис пищалей учали на город стреляти; въевода же великого князя, князь Федор Семеновичь Мезецкой послал из города многих людей ночью на Литовские люди, и великого князя люди литовских людей многих побили и пушки и пищали поимали; а на утро князь Андрей Немиров с остаточным нарядом от города вскоре пошли прочь (с. 287)	Того же месяца королев воевода Ондрей Немиров с своими товарыщи и со многими людьми литовскими пришед под Чернигов со многими людьми и с великим нарядом пушечным и пищальным, и учал к городу к Чернигову приступати, и изс пушек и изс пищалей на град стреляти. И из града великого князя пищальники не даша им добре приступитися и Божьим промыслом воевода великого государя Ивана Васильевича и его матери великой княгини Елены князь Федор княж Семенов сын Мезецкого умыслил и выслал на Литовских людей нощию черниговъцов и великого князя люди возмутиша ими. Литва же промеж себя сами сечаахуся. Яко же Гедеон мадиамляном сотвори, такоже и великого князя воевода Литовским людем содела: многих побили Литовских людеи и пушки и пищали со всем нарядом у них поимали, и Андрей Немиров на утреней зоре и прочь побежал с великим срамом (с. 14)

[23] ПСРЛ. Т. 29. С. 9–10.

Выделенные фрагменты в двух памятниках совпадают дословно, что свидетельствует либо об использовании ими общего источника, либо о том, что Воскресенская летопись была источником «Летописца начала царства». Причем в данном известии между двумя памятниками есть и существенные отличия. В «Летописце начала царства» текст более пространный. Кроме того, в «Летописец» внесен ряд стилистических изменений. Так, в Воскресенской летописи говорится, что литовские люди «пошли прочь». В «Летописце начала царства» это чтение изменено на «прочь побежали с великим срамом». Столкновение с литовскими войсками Андрея Немирова сравнивается в «Летописце» с библейским сюжетом о победе Гедеона над мадианитянами. Его составитель проводит параллели со Священным Писанием и тем самым подчеркивает историческое значение события, записанного в летописи. Кроме того, в «Летописце начала царства» сказано, что Федор Мезецкий был воеводой «великого государя Ивана Васильевича и его матери великой княгини Елены», в то время как в Воскресенской летописи он назван только воеводой великого князя. Таким образом, составитель «Летописца» подчеркнул значение государственной деятельности великой княгини. Данная тенденция к возвышению роли Елены Глинской, как было отмечено выше, наблюдается и в тексте Повести о смерти Василия III, включенной в состав «Летописца начала царства».

Тексты «Летописца» и Воскресенской летописи сходны в изложении событий отправления воевод в Литву из Стародуба:

Воскресенская летопись (ПСРЛ. Т. 8)	**«Летописец начала царства» (ПСРЛ. Т. 29)**
Тое же осени, ноября, з Стародуба князь великий посылал въевод своих Литовские же земли въевати с многими людми: в болшем полку князя Феодора Васильевича Телепнева Овчину Оболенского да князя Ивана Тимофеевича Тростенского; а в передовом плъку князя Костянтина Ивановича Шкурлятева; а в сторожевом плъку князя Дмитреа Ивановича Шкурлятева. Въеводы же великого князя князь Феодор Овчина с товарыщи въевали королеву землю: Речицу, Свиславль, Горволь, Петров городок, Мозырь, Случеск, Рогачев, Боруеск, Туров, Брятин, Любечь, и до Новагородка Литовскаго, посады у городов жгли, и села жгли и люди и живот и животину выимали, а иное жгли и вышли поздорову (с. 288–289)	И в то же время послал князь великий и его мати в другое место Литовские же земли воевати из Стародуба лета 7043-го. Тоя же осени и того же месяца ноября, воевод своих: в большем полку князя Федора Васильевича Телепнева Овчину да князя Ивана княжь Тимофеева сына Тростенсково, а в передовом полку князя Костянтина Ивановича Курлятева, а в сторожевом полку князя Дмитрея Ивановича Курлятева же со многими людьми. И воеводы великого князя и его матери шед, воевали королеву державу, городы Речицу, Свислачь, Горвол, Петров городок, Мозырь, Случеск, Рогачев, Бобруеск, Туров, Брятин, Лебеч, и до Новагородка Литовского посады жгли, и волости и села воевали и людей пленили. И божьею милостью, дал Бог, воеводы великого государя и люди все вышли из Литовские земли, дал Бог, здравы со многим пленом (с. 15)

В Воскресенской летописи и «Летописце начала царства» дословно совпадают разрядная роспись воевод и список городов. При этом в «Летописце» читается более пространный текст. Расширено повествование о возвращении

московских воевод из Литвы. В Воскресенской летописи приводится краткое чтение «и вышли поздорову», в то время как в «Летописце начала царства» сообщается, что «воеводы великого государя и люди все вышли из Литовские земли, дал Бог, здравы со многим пленом». Кроме того, если в Воскресенской летописи Федор Овчина назван руководителем похода против Литвы, то в «Летописце начала царства» его имя отсутствует. Наконец, в «Летописце» читается текст: «Воеводы великого князя и его матери» (чтение «его матери» отсутствует в Воскресенской летописи). Таким образом, составитель еще раз подчеркнул причастность Елены Глинской к государственным мероприятиям.

Текст «Летописца начала царства» сходен с Воскресенской летописью в известии о литовском походе на Стародуб в 7043 г.:

Воскресенская летопись (ПСРЛ. Т. 8)	**«Летописец начала царства» (ПСРЛ. Т. 29)**
Того же лета прибежали из Литвы от великого князя изменников, от князя Семена от Белского да от Ивана от Лятцкого, их люди, а сказывали великому князю, что король събрал свои люди многие да и понаймовал многых людей иных земель, а посылает великого князя вотчины въевати Смоленских мест. И князь велики Иван и его мати великаа княгини Елена, послышев то, съветовав з бояры, и послали въевод своих с многими людми против Литовских людей (с. 290)	Того же лета прибежали из Литвы к великому князю на Москву от изменьников великого князя от князя Семена от Бельсково и от Ивана от Ляцково, люди их пограбив казны их, да сказали великому князю, что збираютца королевские воеводы со многими людьми Литовскими, да идти и понаимовал король многих людеи Ляхов, а хотят идти на великого князя Украины на Московские места. И князь великий и мати его великая княгини, слышев то и посоветовав з бояры своими и послав воевод своих против королевых воевод собрания и Литовские земли воевати месяца июня в 20, в неделю; а велел идти с Москвы (с. 17)

Дословно совпадают начальная и заключительная части известия. Большинство разночтений между обоими памятниками несущественны — одни и те же события излагаются разными словами. Но на одном отличии следует акцентировать внимание. В Воскресенской летописи сообщается, что сведения о готовящемся походе великому князю сообщили люди Семена Бельского и Ивана Ляцкого. При этом не уточняется, действовали они по воле своих господ или нет. В «Летописце начала царства» сообщается, что люди Семена Бельского и Ивана Ляцкого бежали из Литвы, пограбив казну своих господ. Подчеркнуто, что слуги Бельского и Ляцкого сообщили о готовящемся походе против воли своих покровителей.

В обоих памятниках дословно совпадает разрядная роспись воевод, участвовавших в Стародубском походе. Далее следует текст о поставлении города на озере Себеже. В Воскресенской летописи сообщается, что это поручение было дано Ивану Бутурлину[24]. В «Летописце начала царства» его имя не упоминается[25]. В изложении событий битвы Воскресенская летопись более

[24] ПСРЛ. Т. 8. С. 290.

[25] ПСРЛ. Т. 29. С. 18.

подробна. Однако в ней отсутствуют сведения о нападении крымских татар на Рязань. В «Летописце начала царства» об этом сообщается. Более того, согласно версии «Летописца», татары действовали по сговору с Сигизмундом Литовским[26]. Таким образом, в Воскресенской летописи описаны только события битвы в пределах Литвы. В «Летописце начала царства» военные действия этого похода поставлены в контекст отношений государств Восточной Европы.

[26] Там же. С. 18–19.

В известии об убийстве царя Яна-Али под 7044 г. между «Летописцем начала царства» и Воскресенской летописью также удалось выявить дословные совпадения:

Воскресенская летопись (ПСРЛ. Т. 8)	«Летописец начала царства» (ПСРЛ. Т. 29)
В лето 7044, сентября 25, Ковъгоршад царевна и Булат князь и вся земля Казанскаа великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии изменили, Яналеа царя убили, которого им князь велики Василей Ивановичь дал им царем на Казань, царем им Крыма Сафа-Киреа царевича (с. 291)	Тоя же осени месяца октомврия в 4 день приехал ис Казани к великому князю Ивану Василиевичю всеа Русии на Москву Фетко Тимофеев сын Девочкина Новогородец, а послан бысть в Казань с Федором Беззубцовым. А сказал великому князю и его матери великой княгине, что Ковгоръшад царевна и Булат князь в головах и все уланы и князи и вся земля Казанская великому князю изменили, Яналея царя, которого им князь великий Василей Ивановичь всеа Русии дал им на Казань царем, и князи Казанские выпустив его изс Казани на Иски-Казани велели его убити, месяца сентября в 25 день в суботу перед Покровом святеи богородицы, а на Казань взяли изс Крыма Сафа-Кирея царевича на царство (с. 20)

Часть текста в «Летописце начала царства» и в Воскресенской летописи совпадает дословно. Однако если в Воскресенской летописи сообщается только сам факт убийства Яна-Али 25 сентября 7044 г., то в «Летописце начала царства» сказано, что эту новость привез из Казани Фетко Девочкин. Причем сведения дошли до Москвы с некоторым опозданием — гонец прибыл лишь 4 октября. Таким образом, «Летописец» содержит здесь дополнительные сведения, которых нет в Воскресенской летописи.

Под 7044 г. в Воскресенской летописи читается краткое известие о смерти Юрия Ивановича: «Того же лета августа 3 в четверток, в 3 час дни преставися князь Юрий Ивановичь брат великого князя в изымании и положен бысть в Архаггеле на Москве»[27]. В «Летописце» чтение «в изымании» заменено на «страдальческою смертью, гладною нужею»[28]. Таким образом, в текст было внесено уточнение причин смерти князя. В остальном известия в двух памятниках совпадают дословно.

Под 7045 г. в Воскресенской летописи и в «Летописце начала царства» читается Повесть о заключении князя Андрея Старицкого под стражу. Однако дословно тексты обоих памятников совпадают только в самом начале известия. В Воскресенской летописи текст начинается словами: «По диаволю действу и лихих людей възмущением учиниша велику замятню»[29]. В данном фрагменте «Летописец начала царства» совпадает с Воскресенской летописью дословно[30]. Последующий текст в обоих памятниках отличается. В Воскресенской летописи говорится, что Андрей Старицкий прогневался на великого князя и на великую княгиню. В «Летописце начала царства»

[27] ПСРЛ. Т. 8. С. 292.
[28] ПСРЛ. Т. 29. С. 27.
[29] ПСРЛ. Т. 8. С. 292.
[30] ПСРЛ. Т. 29. С. 29.

эти сведения отсутствуют. И в Воскресенской летописи, и в «Летописце» упоминается, что князю Андрею сообщили о гневе на него великого князя и великой княгини. Однако в «Летописце» сообщается, что Андрей Старицкий поверил клеветникам, в то время как в Воскресенской летописи этих сведений нет.

Оба памятника сближаются в тексте о направлении к Андрею Старицкому Досифея Крутицкого:

Воскресенская летопись (ПСРЛ. Т. 8)	«Летописец начала царства» (ПСРЛ. Т. 29)
И князь великий и великаа княгини послали за князем за Ондреем Крутицкого владыку Досифеа да архимандрита Симоновского Филофеа да отца его духовнаго протопопа Спаского Семиона, а велели ся им имати по великом князе и по его матери великой княгине, что у них лиха в мысли нет никоторого (с. 293)	И князь великий и его мати великая княгини, чаючи того, что князь Ондрей к Москве не едет, послал ко князю Ондрею владыку Досифея Крутицкого да архимандрита Симановского Филофея да князь Ондреева отца духовнаго Семиона протопопа Спаского в том его увещевати, что промеж ими таковая смута: хто тое смуту чинит. И велел князь великий и мати его великая княгиня дати слово свое правое, что у них нет лиха никоторого (с. 29)

«Летописец начала царства» дополнен подробностями, которые отсутствуют в Воскресенской летописи. Так, в нем сообщается, что великий князь и великая княгиня послали Досифея Крутицкого, Филофея Симоновского и Семиона Спасского, «чаючи того, что князь Ондрей к Москве не едет». Кроме того, в «Летописце начала царства» сказано, что духовные лица должны были узнать, «хто тое смуту чинит». Таким образом, миссия Досифея Крутицкого, Филофея Симоновского и Семиона Спасского, согласно «Летописцу начала царства», не ограничивалась передачей послания Андрею Старицкому. Они должны были также установить, кто стоит за происходящим.

Текстологически близки известия о принесении из Ржевы двух чудотворных икон в 7048 (1540) г.:

Воскресенская летопись (ПСРЛ. Т. 8)	«Летописец начала царства» (ПСРЛ. Т. 29)

В лето 7048 генваря принесены быша ото Ржевы на Москву две иконы чюдотворные образ Пречистые Одигитрие, а другаа икона крест честный, и встретоша чюдотворныя иконы с кресты пресвященный Иасаф митрополит с всем священным съборомъ и князь велики Иван Васильевичь всеа Русии з братом своим с князем Юрьем и з боляры и с всем народом близ Новаго монастыря митрополича. И повеле князь великий на том месте храм поставити в имя пречистыа Богородица (с. 295)	Тоя же зимы генваря 11, в неделю принесены быша ото Ржевы во царствующий град Москву чюдотворные две иконы образ пречистые царици Богородици и приснодевы Марии Одегитрие, да на поле у пречистые образ святый Христов Никола, да другая икона Крест Честный. И сретоша чюдотворныя иконы со кресты пресвященный митрополит Иосаф со всем освященным собором и благоверный великий государь Иван Васильевич всея Руси, и брат его князь Юрьи Васильевич и боляре и князи, и множество народа, близ Введения митрополича манастыря Новинскаго. И повеле благоверный и христолюбивый государь на том месте поставити храм во имя Пречистый и Честнаго Креста, да устроити попов и дияконов, а с образов тех чюдотворных повеле писати таковы же иконы и поставити в храме том (с. 36)

В известиях обоих памятников присутствуют стилистические разночтения. Так, в Воскресенской летописи читается «з братом своим с князем Юрьем и з боляры и с всем народом»; в «Летописце начала царства» чтение изменено на «и брат его князь Юрьи Васильевич и боляре и князи и множество народа». Кроме того, текст статьи в нем дополнен сведениями, отсутствующими в Воскресенской летописи.

Последнее известие Воскресенской летописи — это пространная повесть под заголовком «О приходе Крымского царя Сафа Киреа на Русскую землю к Оке реке на берег» под 7049 (1541) г. В «Летописце начала царства» этот текст существенно сокращен и отредактирован. Дословно в двух памятниках совпадает только заключительная его часть:

Воскресенская летопись (ПСРЛ. Т. 8)	**«Летописец начала царства» (ПСРЛ. Т. 29)**
А царевичь Аминь вышед на Поле да от отца своево отворотил со многими людми на Одоевские места; и князь Володимер Ивановичь Воротынской с своею братьею против татар из Одоева вышед и многих татар побиша, а иных живых переимав к великому князю на Москву прислал 45 человек. А великого князя воеводы приидоша на Москву к великому князю с Коломны все здравы (с. 301)	А царевич Мин-Гиреи вышед на Поле, да от отца своего отворотил со многими людми на Одоевъские места. И князь Володимер Иванович Воротынской и своею братьею против татар из Одоева вышед многих татар побил, а иных живых переимав, к великому князю на Москву прислал 45 человек. А великого князя воеводы приидоша на Москву к великому князю все здравы (с. 41)

В качестве отдельного комплекса известий следует отметить статьи Воскресенской летописи и «Летописца начала царства» о дипломатических миссиях. В обоих памятниках читается текст о возвращении из Крыма посла Василия Сергеева. В Воскресенской летописи читается следующее известие

о данном событии: «Того же месяца 21 приидоша к великому князю изс Крыма Василей Сергеев, а посылал его князь велики Василей к Исламу на царстве поздравьствовати»[31]. Начальная часть рассматриваемой статьи в «Летописце начала царства» совпадает с Воскресенской летописью дословно[32]. Далее, однако, следует текст, который в последней отсутствует. В «Летописце начала царства» сообщается, что Сергеев привез шертную грамоту от крымского царя, а также что с ним прибыло ответное посольство.

Известия о направлении в Крым Даниила Загрязского под 7043 (1535) г. в «Летописце начала царства» и Воскресенской летописи совпадают дословно[33]. Кроме того, в обоих памятниках текстуально сходны статьи о прибытии ливонских послов. В Воскресенской летописи читается краткий текст: «Марта же 8 приидоша к великому князю послы от маистра короля Ливонского, от Германа, Иван Логден, да Федор Онтанов да Ганос, здравствовати великому князю на великих государьствех»[34]. Первая часть известия в «Летописце начала царства» дословно совпадает с Воскресенской летописью[35]. Однако далее в нем изложено содержание переговоров, отсутствующее в последней.

В некоторых «посольских» известиях «Летописца начала царства» и Воскресенской летописи присутствуют общие речевые обороты («здравствовати <...> на великих государствах»). Однако, как правило, в Воскресенской летописи сообщается только сам факт прибытия дипломатической миссии. Ее известия по форме похожи на заготовки, которые необходимо было бы доработать и дополнить новыми сведениями. В «Летописце начала царства» приводится более пространный текст. В большинстве случаев излагается содержание переговоров. Кроме того, самих известий о дипломатических миссиях в «Летописце начала царства» намного больше. Сообщаются сведения о посольствах, которые в Воскресенской летописи не описаны.

Иная ситуация наблюдается в росписях воевод по разрядам, помещенных в «Летописце начала царства». В нем читаются те же росписи, что и в Воскресенской летописи[36]. Вероятно, непосредственно из нее они и попали в «Летописец». Лишь в разрядной росписи, читающейся в известии «О походе на Литву» 7043 г. два памятника по-разному передают имена некоторых воевод. Так, в Воскресенской летописи вторым воеводой левой руки назван Иван Михайлович Троекуров, в «Летописце начала царства» — Иван Мезецкий[37]. В этом же

[31] ПСРЛ. Т. 8. С. 289.

[32] ПСРЛ. Т. 29. С. 16.

[33] ПСРЛ. Т. 29. С. 17; Т. 8. С. 289.

[34] ПСРЛ. Т. 8. С. 289.

[35] ПСРЛ. Т. 8. С. 17.

[36] Разрядные росписи «Летописца начала царства» и Воскресенской летописи см.: ПСРЛ. Т. 29. С. 15, 17, 40; Т. 8. С. 286–287, 290, 299.

[37] ПСРЛ. Т. 8. С. 15; ПСРЛ. Т. 29. С. 287.

известии читается роспись новгородских воевод. В Воскресенской летописи вторым воеводой левой руки там назван Мешок Квашнин, в «Летописце начала царства» — Федор Колычев[38]. В обоих случаях имена, указанные в «Летописце», совпадают с государственной разрядной книгой[39]. Следовательно, текст разрядных росписей в нем более исправный, чем в Воскресенской летописи. Можно предположить, что при создании «Летописца» был привлечен дополнительный разрядный источник (или источники), по которому были выправлены неисправные чтения Воскресенской летописи. Более точно охарактеризовать его затруднительно.

В Воскресенской летописи и «Летописце начала царства» дословно совпадают списки городов, на которые были направлены московские войска во время военных действий 7043 г.:

Воскресенская летопись (ПСРЛ. Т. 8)	**«Летописец начала царства» (ПСРЛ. Т. 29)**
И въеводы великого князя, князь Михаило Васильевичь Горбатой с товарыщи, начаша въевати королеву дръжаву от Смоленского рубежа: Дубровну, Оршу, Дрюческ, Борисово, Прихабы, Соколень, Бобыничи, Заборовье, Свеси, Новой, Боровичи и иные места; а Наугородцкие въеводы, князь Борисъ Ивановичь Горбатой с товарыщи, пошли от великого князя отчины от Опочки и начаша въевати Полотцкие места, Витепские места, Брясловские: Осиновець, Сенну, Латыгошу. И сошлися великого князя въеводы в едино место (с. 288)	Посланные воеводы начаша воевати от великого князя вотчины, от Смоленьского рубежа, королеву державу Дубровну, Оршу, Друческ, Борисово, Прихабы, Соколин, Бобыничи, Заборовие, Сорицу, Свеси, Нову и Боровичи и иные городы, и пришли в Молодечьну и стали дожидатися наугородцких воевод. А Новогороцкие воеводы воевали Полотеск, Витепск, Бряславль, Осеновець, Сенну, Латыгошу и иные городы. И сошлися великого князя воеводы во едино место (с. 15)

Итак, «Летописец начала царства» и Воскресенская летопись содержат ряд известий, тексты которых совпадают дословно на хронологическом промежутке с 1533 по 1541 г. Возможны несколько вариантов взаимоотношений данных двух памятников.

Во-первых, можно предположить, что «Летописец начала царства» был источником Воскресенской летописи. Однако последняя появилась несколько раньше «Летописца». С. А. Левина относит составление Воскресенской летописи в редакции 1541 г. ко времени между 19 марта 1542 и 8 октября 1544 г. на том основании, что в списке русских митрополитов во введении к памятнику последним назван Макарий (стал митрополитом 19 марта 1542 г.), а в списке литовских князей рядом с именем Сигизмунда I имеется пояснение «нынешний король» (занимал трон до 8 октября 1544 г.)[40]. Таким образом, предположение

[38] ПСРЛ. Т. 8. С. 15; ПСРЛ. Т. 29. С. 287.

[39] Ср.: Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. Л. 57–58.

[40] *Левина С. А.* О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. XI. С. 376.

о том, что «Летописец начала царства» был источником Воскресенской летописи, противоречит имеющимся данным о времени появления обоих памятников. Во-вторых, «Летописец» и Воскресенская летопись могут восходить к общему источнику. Однако основным источником Воскресенской летописи в редакции 1541 г. была та же Воскресенская летопись, только в редакции 1537 г. Следовательно, если в «Летописце начала царства» был привлечен основной источник Воскресенской летописи редакции 1541 г., то общие чтения обоих памятников должны были бы прекратиться на статьях за 1537 г. Однако текстологические совпадения продолжаются до 1541 г. Таким образом, предположение об использовании общего источника в «Летописце начала царства» и Воскресенской летописи также представляется маловероятным. В-третьих, Воскресенская летопись могла быть источником «Летописца начала царства». Действительно, на общем для обоих памятников хронологическом промежутке с 1533 по 1541 г. в летописных статьях за каждый год удалось выявить дословные совпадения. Отличия же «Летописца» и Воскресенской летописи можно объяснить тем, что текст последней подвергся кардинальной редакторской обработке. Во-первых, в «Летописце начала царства» был существенно расширен комплекс известий о дипломатических контактах с соседними государствами. Возможно, вопросы внешней политики представляли для его составителей особый интерес. Во-вторых, было выделено значение государственной деятельности Елены Глинской, а также обозначена ее роль воспитательницы Ивана IV. В-третьих, в «Летописец» были внесены изменения стилистического характера, призванные украсить текст. Таким образом, предположение о том, что Воскресенская летопись редакции 1541 г. была источником «Летописца начала царства», кажется нам наиболее вероятным.

Необходимо уточнить особенности списка Воскресенской летописи, послужившего источником «Летописца». Известия за 1533–1541 гг. читаются в Библиотечном I (РНБ, F.IV.239), Парижском (РНБ, F.IV.678), Синодальном (ГИМ, Синодальное собр. № 144), Уваровском (ГИМ, собр. Уварова № 567), Археографическом (СПб ИИ РАН, колл. 11 (собр. Археографической комиссии) № 243), Библиотечном II (F.IV.585) и копиях последнего: Карамзинском (РНБ, F.IV.601) и Музейном списках Воскресенской летописи (РГБ, Муз. № 1509). Причем Библиотечный I, Парижский, Синодальный, Уваровский и Археографический относятся к одной группе списков памятника. Они содержат только вторую половину текста Воскресенской летописи[41]. А. В. Сиренов считает, что эти рукописи скопированы с несохранившегося двухтомника, восходившего непосредственно к оригиналу Воскресенской летописи[42].

[41] *Левина С. А.* Списки Воскресенской летописи // Летописи и хроники: Сб. статей. М., 1984. С. 44–51.

[42] *Сиренов А. В.* «Двухтомник» Воскресенской летописи // Летописи и хроники. Новые исследования. 2011–2012. М.; СПб., 2012. С. 252.

В Библиотечном II списке текст памятника представлен полностью[43]. По мнению А. В. Сиренова, Библиотечный список восходит непосредственно к архетипу Воскресенской летописи[44]. Попытаемся определить, к какой группе относился список данного памятника, привлеченный в «Летописце начала царства».

В отдельных чтениях текст «Летописца» сближается с Библиотечным II списком Воскресенской летописи. Так, в повести о смерти великого князя Василия Ивановича только в нем читается фраза «державу великое княжение Володимерское и Московское и Ноугородцкое и Смоленское и всея Русиа»[45]. В «Летописце начала царства» не упомянуто Смоленское княжение, но в остальном текст совпадает дословно[46]. Ниже в Воскресенской летописи читается: «А из Новагорода из Великого и изо Пскова послал князь велики на Литовскую же землю, [а велел им итти] от Опочки»[47]. Слова, заключенные в квадратные скобки, читаются только в группе Библиотечного списка. Это чтение есть в «Летописце начала царства»[48]. В Библиотечном списке присутствует чтение: «[А велел князь велики и его мати великаа княгини Ивану] Бутурлину на Литовской земле на озере на Себеже город поставити»[49]. Фрагмент, заключенный в квадратные скобки, отсутствует в других списках Воскресенской летописи. В «Летописце начала царства» чтение передано с некоторыми отличиями: «А велел князь великий и мати его поставити в Литовской земле на Себеже на езере город»[50]. В отличие от Библиотечного списка в «Летописце» не сказано, что задание было поручено Ивану Бутурлину.

С другой стороны, в нескольких случаях текст «Летописца начала царства» совпадает со списками, восходящими к двухтомнику Воскресенской летописи. Так, в повести о смерти князя Василия Ивановича в списках, восходящих к двухтомнику, и «Летописце начала царства» читается: «...и оттоле на Москву привезоша его болна ноября 23». В Библиотечном списке и его копиях вместо «болна» читается «болного»[51]. Чтение «и благословил крестом сына своего» совпадает в списках группы двухтомника и «Летописце начала царства». В Библиотечном списке отсутствует слово «крестом»[52]. В известии о нашествии Бориса Ивановича Горбатого на Полотцкие границы Великого княжества Литовского под 7043 (1535) г. в группе двухтомника и «Летописце начала

[43] Там же. С. 51–58.

[44] *Сиренов А. В.* «Двухтомник» Воскресенской летописи. С. 252.

[45] ПСРЛ. Т. 8. С. 285. F.IV.585. Л. 868 об.

[46] ПСРЛ. Т. 29. С. 9.

[47] ПСРЛ. Т. 8. С. 288; F.IV.585. Л. 871 об.

[48] ПСРЛ. Т. 29. С. 288.

[49] ПСРЛ. Т. 8. С. 290. F.IV.585. Л. 874.

[50] ПСРЛ. Т. 29. С. 18.

[51] ПСРЛ. Т. 8. С. 285, примеч. в; ПСРЛ. Т. 29. С. 9. F.IV.585. Л. 868.

[52] ПСРЛ. Т. 8. С. 285, примеч. г; ПСРЛ. Т. 29. С. 9. F.IV.585. Л. 869 об.

царства» читается, что воеводы атаковали «Сенну, Латыгошу», а в группе Библиотечного списка — «Сьньну, Латыгошеву»[53].

Таким образом, некоторые чтения «Летописца начала царства» сближаются с группой двухтомника Воскресенской летописи, некоторые — с группой Библиотечного списка. И гипотетический двухтомник, и Библиотечный список восходят непосредственно к оригиналу памятника[54]. Возможно, при создании «Летописца начала царства» был привлечен список Воскресенской летописи, в котором отразился ее архетип.

Таким образом, заимствования из Воскресенской летописи прослеживаются в «Летописце начала царства» на всем общем для них хронологическом промежутке с 1533 по 1541 г. Вероятно, источником «Летописца начала царства» послужил архетип данного памятника. При этом текст Воскресенской летописи подвергся редакторской обработке. Во-первых, был существенно расширен комплекс известий о дипломатических контактах с соседними государствами. Кроме того, уже читавшиеся в Воскресенской летописи «посольские» статьи были дополнены сведениями о ходе переговоров. Во-вторых, в тексте «Летописца» нашли отражение идеи, отсутствовавшие в Воскресенской летописи. Так, в нем подчеркнута роль Елены Глинской как регента при малолетнем Иване IV. Примечательно, что великая княгиня была поставлена в один ряд с императрицей Еленой и княгиней Ольгой. Последние две правительницы были причислены к лику святых как равноапостольные. Таким образом, подчеркнуто, что Елена Глинская не просто выполняла обязанности регента при Иване IV, но внесла также определенный вклад в распространение христианства. Подвиги великой княгини в области христианизации неизвестны. Однако ее сын Иван IV впоследствии покорил Казанское ханство и установил православную веру на его территории. Таким образом, Елена Глинская поставлена в один ряд с равноапостольными святыми как воспитательница правителя, который внес вклад в распространение христианской веры. В-третьих, в «Летописце начала царства» заметно стремление не просто описать событие, но также поставить его в определенный исторический контекст. Наиболее ярко данная особенность проявилось в известии о походе литовских войск на Стародуб в 7043 г. Как было отмечено выше, в данном известии в «Летописце начала царства» сообщается, что крымские татары действовали по сговору с Литвой против московских полков[55]. В-четвертых, в известия, заимствованные из Воскресенской летописи, в «Летописце начала царства» были внесены многочисленные стилистические изменения. Таким образом, хотя текст «Летописца начала царства» выполнен с опорой на Воскресенскую летопись, его текст представляется нам более завершенным концептуально и эстетически по сравнению с последней.

[53] ПСРЛ. Т. 8. С. 288, примеч. з; ПСРЛ. Т. 29. С. 15. F.IV.585. Л. 871 об.

[54] *Сиренов А. В.* «Двухтомник» Воскресенской летописи. С. 252.

[55] ПСРЛ. Т. 29. С. 18–19.

УДК 930.2:004.65

М. Е. Проскурякова

Просопографические базы данных как инструмент работы с массовыми источниками в современной историографии

Тематику настоящей статьи определил опыт участия в работе конференций, посвященных изучению «Писцовых книг и других массовых источников XVI–XX вв.». Авторы многих докладов, представленных на нескольких последних конференциях (Москва 2008 г., Кириллов 2010 г., Каргополь 2012 г.), не ограничивались изложением конкретных результатов исследований, но уделяли внимание описанию методики сбора и систематизации информации. Нельзя не отметить внимание исследователей к инструментам, способным облегчить решение задачи по накоплению информации в цифровом варианте. Среди них базы данных, сконструированные с использованием специализированного программного обеспечения. И хотя такой инструмент, как базы данных, не может претендовать на статус новаторского в работе с информацией по социальной истории, интерес к нему в России только возрастает. В связи с этим представляется правильным обратиться к опыту зарубежных коллег и выявить те принципы, которыми они руководствуются при создании и заполнении баз данных.

В основу представленной работы положен анализ статей, опубликованных в 1990–2000-х гг. в журнале «*History and Computing*», который с 1989 г. издается одноименной ассоциацией («История и вычислительная техника»). Дело в том, что с середины 1990-х и вплоть до начала 2010-х гг. основной тематикой журнала оставались базы данных, а в фокусе внимания авторов находились проблемы, с которыми они сталкивались при формировании баз и последующем их

использовании. Многие из историков, публиковавшихся на страницах «*History and Computing*», впоследствии приняли участие в создании учебного пособия по просопографии, изданного Оксфордским университетом в 2007 г.[1] В нем вопрос о значении и возможностях баз данных для просопографического исследования стал одним из ключевых.

Несомненно, создание баз данных тесно связано с двумя методологическими подходами к изучению массовых источников прошлого: просопографическим и «лонгитюдным» (*longitudinal study*). Название последнего буквально означает продольное исследование, т.е. исследование, изучающее положение отдельных лиц, групп, всего общества в течение периода достаточно долгого, чтобы можно было отследить их развитие и трансформацию[2]. Просопографическое же исследование традиционно рассматривает исторические группы населения в конкретное, ограниченное время. В центре как просопографического, так и лонгитюдного исследований находятся прежде всего массовые источники, а основным инструментом для работы с ними являются базы данных. В рамках настоящей статьи акцент сделан на просопографическом подходе, который с большой долей уверенности можно назвать наиболее плодотворным при изучении социальной истории.

По наблюдению историка из Великобритании Кэтрин Китс-Рохан (K. S. B. Keats-Rohan), сам термин «просопография», который образован из двух греческих слов «человек» (*prosopon*) и «пишу» (*graphos*), примечателен тем, что существительное в нем стоит во множественном числе «люди» (*prosopa*) и, следовательно, он переводится как «пишу о людях»[3]. Просопографическое исследование действительно имеет целью изучение отдельно взятой группы лиц в контексте социальной и политической истории. Начальный этап работы историка-просопографа состоит в выделении из общей массы ряда индивидов с едиными характеристиками и изоляции их. Группа формируется из лиц, между которыми установлена связь каким-либо общим фактором — знакомством и дружбой с одним индивидом, принадлежностью к одному приходу, соседством. Этим объединяющим фактором также может быть титул, должность, занятие или общий опыт, такой, например, как получение образования в одном университете или путешествие по одному маршруту[4]. Четкое очерчивание границ группы и представляет собой подготовительный этап исследовательской работы, которая в целом направлена на обнаружение констант и переменных в социальной и политической жизни избранной группы. Сущность

[1] Prosopography Approaches and Applications: A handbook (Prosopographica et Genealogica) / Ed. by K. S. B. Keats-Rohan. Oxford: University of Oxford, 2007.

[2] *Dillon L., Roberts E.* Introduction: Longitudinal and Cross-Sectional Historical Data: Intersections and Opportunities // History and Computing. 2002 (publ. 2006). N 14 (1 + 2). P. 1–7.

[3] *Keats-Rohan K. S. B.* Prosopography and Computing: A Marriage Made in Heaven? // History and Computing. 2000. N 12 (1). P. 2.

[4] Ibid. P. 3.

просопографического исследования заключается в установлении идентичности: групповой и индивидуальной (т.е. выявлении типичного и особенного)[5].

Первостепенное значение исторического источника для любого просопографического исследования точно описал преподаватель университета Белфаста Дион Смайт (Dion C. Smythe) в статье 2007 г. «Проблемы и возможности просопографии»[6]. Он пишет, что в просопографическом исследовании число индивидов, включенных в изучаемую группу, ограничивается не чем иным, как числом индивидов, упомянутых в источнике. Индивид может быть вовсе безымянным, однако отнюдь не это обстоятельство является определяющим при вынесении решения о введении или невведении его в группу. Решение принимается исходя из тех характеристик, которыми индивид обладает. Он должен делать что-то, или в отношении него должны совершаться какие-то действия, или он может быть просто описан в источнике каким-либо образом[7]. По утверждению Д. Смайта, отсутствие у индивида всех характеристик, общих для группы, не является основанием для его исключения (он вообще может обладать лишь единственной характеристикой), но всё же большинство индивидов должно обладать большинством характеристик. Именно таким путем формируется общая структура[8].

Основная функция просопографии состоит в том, чтобы создать записи, содержащие информацию об отдельных индивидах, открывая тем самым возможность для дальнейшего анализа всей структуры, собранной из таких записей. Следовательно, особые отношения просопографии и вычислительной техники определяются спецификой задач любого просопографического исследования. В статье 2000 г. с ярким и выразительным заголовком «Просопография и вычислительная техника: Брак, заключенный на небесах?» К. Китс-Рохан приходит к выводу: «Для тех из нас, кто пишет и публикует просопографические книги, нуждающиеся в переиздании еще до того, как высохли типографские чернила, появление баз данных с возможностями бесконечного пополнения их новой информацией стало абсолютной удачей»[9]. В чем же удача? Грамотное создание баз позволяет продолжать работу на основе постоянного обновления и расширения данных, не прибегая к переформатированию всего комплекса собранной информации. При этом обновление происходит точечно: появляются дополнительные сведения, позволяющие отождествить два разных написания имени с одним лицом; уточняются связи между индивидами; исправляется ошибка в имени, случайно допущенная при внесении информации в базу данных.

[5] *Keats-Rohan K. S. B.* Prosopography and Computing. P. 3.

[6] *Smythe D. C.* 'A Whiter Shade of Pale': Issues and Possibilities in Prosopography // Prosopography Approaches and Applications: A handbook. Oxford: University of Oxford, 2007. P. 127–137.

[7] Ibid. P. 129.

[8] Ibid.

[9] *Keats-Rohan K. S. B.* Prosopography and Computing: A Marriage Made in Heaven? // History and Computing. 2000. N 12 (1). P. 4.

Каков же опыт зарубежных коллег в области создания просопографических баз данных (prosopographical database — PDB)? В статье 2007 г. профессор истории Иллинойсского университета Ральф Мэтисен (Ralph W. Mathisen) попытался подвести итоги работы с базами данных за тридцать пять лет, начиная с 1970-х гг.[10] При этом автор видел свою задачу не только в представлении методологии работы с базами данных, но и в создании своего рода рекомендаций будущим создателям этого метаисточника[11]. Так, ему удалось установить, что из двадцати проектов по созданию компьютеризованных просопографических баз данных, о которых ему было известно в 1988 г., к 2007 г. лишь один проект оказался реализован, один стал частью другого проекта и еще два находились в стадии работы[12]. Все остальные провалились или были закрыты по разным причинам. Закономерен вопрос: почему проекты не удалось реализовать? На него Р. Мэтисен пытается ответить, одновременно демонстрируя возможные пути работы над базами данных и анализируя удачный опыт коллег.

Общей проблемой для всех создателей просопографических баз данных Р. Мэтисен называет стремление максимально структурировать информацию первоисточника, поместить ее в «смирительную рубашку»[13]. Перенося сведения в базу данных, историк вынужденно дробит информацию, использует унифицированные для всех случаев термины, принимает один из нескольких вариантов написания имени индивида за основной и иным образом вмешивается в информацию, почерпнутую из источника. Таким образом, сама структура базы данных создает непроницаемый экран между источником и историком и характер этого экрана определяется лишь способностями к интерпретации составителя базы данных[14]. В случае если в базу данных не помещен полный текст первоисточника, сторонний исследователь, знакомящийся с материалами базы, оказывается полностью во власти составителя, его представлений о том, какая информация и как должна быть размещена в базе, т.е. он видит и работает только с «экраном». Причина появления этого «экрана» очевидна. Это бинарность (двоичность) компьютерных систем, т.е. способность этих систем работать только с двумя видами информации[15].

[10] *Mathisen R. W.* Where are all the PDBs? The Creation of Prosopographical Databases for the Ancient and Medieval Worlds // Prosopography Approaches and Applications: A handbook. Oxford: University of Oxford, 2007. P. 95–126.

[11] По определению, данному Ю. Ю. Юмашевой, «метаисточником» является новый единый виртуальный источник, в который сводится вся отобранная информация и который в дальнейшем будет подвергнут анализу. См.: *Юмашева Ю. Ю.* Историография просопографии // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. С. 95–127.

[12] *Mathisen R. W.* Where are all the PDBs? P. 98–99.

[13] Ibid. P. 100.

[14] Ibid.

[15] *Smythe D. C.* 'A Whiter Shade of Pale': Issues and Possibilities in Prosopography // Prosopography Approaches and Applications: A handbook. Oxford: University of Oxford, 2007. P. 128.

Описывая те же препятствия, что и доктор Р. Мэтисен, его ирландский коллега Д. Смайт пишет: «[В базе данных] вся информация должна представлять собой одну идею или другую; должна находится там или не там. Нет места для двусмысленности, для оттенков серого. И это помеха, так как когда мы смотрим на наши исторические источники, то, что мы видим,— это оттенки серого, а исключительно черного или белого цвета не существует»[16]. Так, например, в базе данных при указании на положение человека в органе власти в абсолютном большинстве случаев не может быть использовано написание, приведенное в источнике[17]. В базе важно оставить лишь один вариант написания для всех лиц, занимавших аналогичные должности.

В качестве яркого примера такого рода «исправления» информации, почерпнутой из источника, приведу прием, который использует коллектив ученых из университета Умео при работе с «Демографической базой данных» (*The Demographic Data Base — DDB*)[18]. Созданная историками база основана на информации, извлеченной из нескольких десятков приходских регистров (*parish registers*). Однако, по мысли разработчиков, база также предоставляет исследователям возможность установить связи между каждой записью в ней и сведениями из других оцифрованных источников, доступных в сети Интернет. Для реализации поставленной задачи шведские историки ввели в базу специальное поле, куда они вносят стандартизированное имя[19]. И хотя это вмешательство было оговорено и теоретически обосновано, а в карточке базы данных сохранено имя из первоисточника, названная стандартизация, безусловно, диктует независимому исследователю определенное прочтение и написание имени.

Приведенные выше рассуждения Р. Мэтисена и Д. Смайта дают ключ к пониманию череды статей, авторы которых стремились описать особенности первоисточника, объяснить процесс создания метаисточника и доказать плодотворность работы с ним[20]. В их числе и сам Р. Мэтисен, который, выступая в защиту баз данных, подчеркивает тот факт, что структуризация информации

[16] *Smythe D. C.* 'A Whiter Shade of Pale'. P. 128.

[17] Ibid.

[18] *Vikström P., Edvinsson S., Brändström A.* Longitudinal Databases — Sources for Analysing the Life-Course: Characteristics, Difficulties and Possibilities // History and Computing. 2002 (publ. 2006). N 14 (1 + 2). P. 109–128.

[19] Ibid. P. 118.

[20] *Acun R.* A Multi-Dimencional Database for the Social and Cultural History of Turkye // History and Computing. 2000. N 12 (2). P. 187–201; *Harbor C.* London's Musical Life, 1660–1750: Transforming a Database in an Era of Technological Change // History and Computing. 2001 (publ. 2006). N 13 (3). P. 221–238; *Lipp C.* Political and Revolutionary Culture in a German Town 1830–1850: A Prosopographical Approach // History and Computing. 2000. N 12 (1). P. 73–83; *Ludwig C.* Who is Who in the *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit*? Problems of Identification in the Middle Byzantine Period // Prosopography Approaches and Applications: A handbook. Oxford: University of Oxford, 2007. P. 241–251; *Neškulda B.* The Prosopography of the Prague University of Laws // Prosopography Approaches and Applications: A handbook. Oxford: University of Oxford, 2007. P. 253–274.

является частью повседневной работы историка вне зависимости от того, создает он базу данных или нет[21]. По мнению Р. Мэтисена, структуризации информации в базе должна совершаться с учетом двух принципиальных положений. Первое из них гласит: работа начинается с определения категорий повторяющейся информации, таких, например, как пол, вероисповедание, должность, и продолжается установлением формы фиксации этой повторяющейся информации (князь, граф, крестьянин)[22], т.е. введением расширения. Несоблюдение этого положения и внесение информации даже с небольшими вариациями без расширения неизбежно затруднит поиск данных в базе и их анализ.

Второе. Серьезной проблемой просопографических баз данных Р. Мэтисен склонен считать внесение информации о лицах, чьи имена одинаковы или написаны в источнике в нескольких вариантах[23]. Универсального решения здесь не существует. Понятно лишь, что отождествление информации с индивидом должно стать делом знающего специалиста. Причем и он не может быть абсолютно свободен в своих действиях. Внесение в базу данных информации такого рода необходимо сопровождается тщательнейшей фиксацией причин принятия решения об отождествлении, а также оценки степени уверенности исследователя в его правильности[24]. И чем аккуратней будет проведена данная работа, тем большего доверия заслужит интерпретация автора со стороны научного сообщества.

Основные принципы работы с просопографическим материалом и базами данных схожим образом видятся и доктору Д. Смайту, который важнейшими из них называет: а) аккуратное внесение записей; б) внесение максимального числа данных; в) обязательную фиксацию источника происхождения данных; г) четкое разделение материала, который идет из первоисточника, и того, который стал результатом вторичного анализа; д) постоянное осознание опасности объединения информации о двух индивидах в записи об одном, и, напротив, внесения информации об одном лице в две разные записи; е) разделение данных на две записи при малейших затруднениях в отождествлении личности[25].

Как следует из сказанного, при всех исключительных преимуществах, которыми обладают базы данных, их применение отнюдь не снимает проблемы любого исторического исследования — интерпретации собранных сведений. Необходимо помнить, что в случае исключения из базы данных интерпретационного этапа работы созданный метаисточник неизбежно превращается в электронный

[21] *Mathisen R. W.* Where are all the PDBs? The Creation of Prosopographical Databases for the Ancient and Medieval Worlds // Prosopography Approaches and Applications: A handbook. Oxford: University of Oxford, 2007. P. 101.

[22] Ibid. P. 100.

[23] Ibid. P. 101.

[24] Ibid.

[25] *Smythe D. C.* 'A Whiter Shade of Pale': Issues and Possibilities in Prosopography // Prosopography Approaches and Applications: A handbook. Oxford: University of Oxford, 2007. P. 136–137.

биографический справочник. При этом получение дополнительной информации и анализ изучаемой социальной структуры будет вынесен за рамки базы данных. Следовательно, переход на качественно новый уровень осмысления собранных воедино сведений станет своего рода личным делом каждого историка, который имеет доступ к базе данных. В то же время возможности одного исследователя ограничены. В этой связи специалисты склонны видеть залог успеха создателей базы в грамотном конструировании той ее части, которую можно назвать интерпретационной и которая должна пополняться в ходе работы с базой всё новыми исследовательскими результатами, доступными как для каждого участника проекта, так и для всех заинтересованных лиц.

Полагаю, что изучение практики работы с просопографическими базами данных зарубежных коллег открывает возможность увидеть то, каким образом происходит трансформация метаисточника, в котором структурирована информация об отдельных лицах, в новое знание обо всей социальной группе. В этом отношении, пожалуй, наилучшим примером может служить одна из самых известных баз данных в современной исторической науке «Континентальное происхождение английских лендлордов» (*The Continental Origins of English Landowners — COEL*)[26]. Она была создана группой британских историков по материалам поземельной переписи населения в Англии и Уэльсе в XI в. в рамках проекта «Люди Книги Страшного Суда» (*Domesday People*). Цели проекта сформулировала в середине 1990-х гг. К. Китс-Рохан. Среди них названа и такая: составление просопографического реестра всех лиц, оказавшихся включенными в английские документы административного характера в течение столетия после Норманнского завоевания (1066–1166 гг.)[27]. В базу данных включены латинские тексты из более чем 4 тыс. документов, которые внутри базы связаны с аналитическими материалами о 9 тыс. человек и членах их семей[28].

Описание структуры сконструированной базы данных К. Китс-Рохан поместила в статье «Исторические текстовые архивы и просопография»[29]. Фундаментальными принципами предложенного ею методологического подхода являются: 1) нерушимость связей между историческими данными и источниками их происхождения; и 2) защищенность информации от искажений, которые несет интерпретация[30]. Исходя из этих соображений, база данных была

[26] *Keats-Rohan K. S. B.* Historical Text Archives and Prosopography: the COEL Database System // History and Computing. 1998. N 10 (1/2/3). P. 57–72.

[27] Home page of the COEL Database (Continental Origins of English Landowners, 1066–1166) and the Prosopographica et Genealogica (Occasional Publications UPR). URL: http://www.coelweb.co.uk/coeldatabase.html (дата обращения: 17.01.2016).

[28] Ibid.

[29] *Keats-Rohan K. S. B.* Historical Text Archives and Prosopography: the COEL Database System.

[30] Ibid. P. 59.

задумана как трехуровневая. Первый уровень состоит из полных текстов первоисточников[31]. При этом каждый документ снабжен индексом, содержащим ключевую информацию источника — имена. Во второй слой базы внесены все имена из всех источников, которые представлены в таблицах[32]. Все они сохранены в той латинской форме, в какой даны в источнике.

Третий слой представляет собой интерпретационную фазу, базирующуюся на материалах первого и второго слоя базы данных. Здесь персоны группируются на основании их семейных связей. К каждой персоне или семье добавлены комментарии, в которых могут быть зафиксированы тезисы о сложностях и неточностях идентификации лиц и их взаимоотношений. Эти комментарии содержат ссылки на архивные материалы, не включенные в базу данных, а также ссылки на научные работы. Вся аналитическая информация и выводы включаются исключительно в третий слой. В третий же слой добавлен своего рода датчик. Он запрограммирован на случай затруднений с отождествлением имени и личности. На шкале этого датчика есть несколько цифр, которые фиксируют степень уверенности исследователя в правильности идентификации (цифра 1, например, означает высокую степень уверенности)[33].

В итоге важно, что поистине безграничные технические возможности позволяют достичь колоссальных обобщений внутри одной базы, и поэтому любое современное исследование прошлого может быть построено не на привычном изучении выборки, а на детальном анализе всех известных случаев. Однако решение задач такого уровня увеличивает вероятность ошибок, потенциально опасных для успешной реализации всего научного проекта. Поэтому изучение результатов, полученных специалистами в области создания баз данных и следование их рекомендациям позволяют в определенной мере застраховать будущего разработчика базы от случайных промахов и очертить те границы, внутри которых он может быть свободен в своем творчестве.

References

Acun R. A Multi-Dimensional Database for the Social and Cultural History of Turkey // History and Computing. 2000. N 12 (2). P. 187–201.

Dillon L., Roberts E. Introduction: Longitudinal and Cross-Sectional Historical Data: Intersections and Opportunities // History and Computing. 2002 (publ. 2006). N 14 (1 + 2). P. 1–7.

COEL Database (Continental Origins of English Landowners, 1066–1166) and the Prosopographica et Genealogica (Occasional Publications UPR). URL: http://www.coelweb.co.uk/coeldatabase.html (date of access 17.01.2016).

Harbor C. London's Musical Life, 1660–1750: Transforming a Database in an Era of Technological Change // History and Computing. 2001 (publ. 2006). N 13 (3). P. 221–238.

Keats-Rohan K. S. B. Historical Text Archives and Prosopography: the COEL Database System // History and Computing. 1998. N 10 (1/2/3). P. 57–72.

Keats-Rohan K. S. B. Prosopography and Computing: A Marriage Made in Heaven? // History and Computing. 2000. N 12 (1). P. 1–11.

[31] Ibid.

[32] Ibid.

[33] Ibid.

Lipp C. Political and Revolutionary Culture in a German Town 1830–1850: A Prosopographical Approach // History and Computing. 2000. N 12 (1). P. 73–83.

Ludwig C. Who is Who in the Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit? Problems of Identification in the Middle Byzantine Period // Prosopography Approaches and Applications: A handbook / Ed. by K. S. B. Keats-Rohan. Oxford: University of Oxford, 2007. P. 241–251.

Mathisen R. W. Where are all the PDBs? The Creation of Prosopographical Databases for the Ancient and Medieval Worlds // Prosopography Approaches and Applications: A handbook / Ed. by K. S. B. Keats-Rohan. Oxford: University of Oxford, 2007. P. 95–126.

Neškulda B. The Prosopography of the Prague University of Laws // Prosopography Approaches and Applications: A handbook / Ed. by K. S. B. Keats-Rohan. Oxford: University of Oxford, 2007. P. 253–274.

Prosopography Approaches and Applications: A handbook (Prosopographica et Genealogica) / Ed. by K. S. B. Keats-Rohan. Oxford: University of Oxford, 2007.

Smythe D. C. 'A Whiter Shade of Pale': Issues and Possibilities in Prosopography // Prosopography Approaches and Applications: A handbook / Ed. by K. S. B. Keats-Rohan. Oxford: University of Oxford, 2007. P. 127–137.

Vikström P., Edvinsson S., Brändström A. Longitudinal Databases — Sources for Analyzing the Life-Course: Characteristics, Difficulties and Possibilities // History and Computing. 2002 (publ. 2006). N 14 (1 + 2). P. 109–128.

Yumasheva Yu. Yu. Istoriographiya prosopographii // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2005. N 39. P. 95–127.

Список литературы

Юмашева Ю. Ю. Историография просопографии // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. С. 95–127.

Acun R. A Multi-Dimensional Database for the Social and Cultural History of Turkey // History and Computing. 2000. N 12 (2). P. 187–201.

Dillon L., Roberts E. Introduction: Longitudinal and Cross-Sectional Historical Data: Intersections and Opportunities // History and Computing. 2002 (publ. 2006). N 14 (1 + 2). P. 1–7.

COEL Database (Continental Origins of English Landowners, 1066–1166) and the Prosopographica et Genealogica (Occasional Publications UPR). URL: http://www.coelweb.co.uk/coeldatabase.html (date of access 17.01.2016).

Harbor C. London's Musical Life, 1660–1750: Transforming a Database in an Era of Technological Change // History and Computing. 2001 (publ. 2006). N 13 (3). P. 221–238.

Keats-Rohan K. S. B. Historical Text Archives and Prosopography: the COEL Database System // History and Computing. 1998. N 10 (1/2/3). P. 57–72.

Keats-Rohan K. S. B. Prosopography and Computing: A Marriage Made in Heaven? // History and Computing. 2000. N 12 (1). P. 1–11.

Lipp C. Political and Revolutionary Culture in a German Town 1830–1850: A Prosopographical Approach // History and Computing. 2000. N 12 (1). P. 73–83.

Ludwig C. Who is Who in the Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit? Problems of Identification in the Middle Byzantine Period // Prosopography Approaches and Applications: A handbook / Ed. by K. S. B. Keats-Rohan. Oxford: University of Oxford, 2007. P. 241–251.

Mathisen R. W. Where are all the PDBs? The Creation of Prosopographical Databases for the Ancient and Medieval Worlds // Prosopography Approaches and Applications: A handbook / Ed. by K. S. B. Keats-Rohan. Oxford: University of Oxford, 2007. P. 95–126.

Neškulda B. The Prosopography of the Prague University of Laws // Prosopography Approaches and Applications: A handbook / Ed. by K. S. B. Keats-Rohan. Oxford: University of Oxford, 2007. P. 253–274.

Prosopography Approaches and Applications: A handbook (Prosopographica et Genealogica) / Ed. by K. S. B. Keats-Rohan. Oxford: University of Oxford, 2007.

Smythe D. C. 'A Whiter Shade of Pale': Issues and Possibilities in Prosopography // Prosopography Approaches and Applications: A handbook / Ed. by K. S. B. Keats-Rohan. Oxford: University of Oxford, 2007. P. 127–137.

Vikström P., Edvinsson S., Brändström A. Longitudinal Databases — Sources for Analyzing the Life-Course: Characteristics, Difficulties and Possibilities // History and Computing. 2002 (publ. 2006). N 14 (1 + 2). P. 109–128.

УДК 811.411.16
930.253

О. Е. Шухман

Коллекция Л. Ф. Фридланда в Институте восточных рукописей РАН

История собрания и современное состояние

Фонд книг и периодики на иврите является самым крупным из восточных фондов библиотеки ИВР РАН и при своем универсальном составе дает более или менее полное представление о книжном репертуаре и о развитии еврейского книгопечатания с момента его возникновения (последняя четверть XV в.) и до начала XX в. Название «Библиотека Л. Ф. Фридланда», или Bibliotheca Friedlandiana на сегодняшний день является общим для всего еврейского фонда печатных книг ИВР РАН. Оно сохранено за собранием для выделения его наиболее ценной части — коллекции Льва Файвелевича Фридланда, переданной им в дар Азиатскому музею в 1892 г. Фактически же собрание еврейских печатных книг образовалось в Азиатском музее задолго до поступления в нее библиотеки Л. Ф. Фридланда и пополнялось в течение всего XX в.: в него вливались книги из коллекций известных востоковедов, обязательные экземпляры всех книг, напечатанных на территории Российской империи, книги, экспроприированные после революции 1917 г. из синагог, из еврейских школ, часть изданий были привезены после Второй мировой войны в качестве трофеев и т.п. Так что книги, некогда принадлежавшие Фридланду, составляют в настоящее время примерно пятую часть всего собрания. В силу исторических причин, которым и посвящена данная статья,

бóльшая часть коллекции до сих пор не описана и недоступна для исследователей. Несмотря на большой объем коллекции и ее историческую и культурную ценность обработкой этого фонда в каждый момент его истории занимался один специалист, и когда он прекращал свою работу, иногда проходили годы, прежде чем появлялся следующий. У каждого библиотекаря была своя система каталогизации, кроме того, стандарты описания книг за прошедшие 150 лет неоднократно изменялись. Коллекция, как было сказано выше, постоянно пополнялась, причем книги часто поступали одномоментно большими объемами. С самого начала существования фонда сложилась традиция присоединять новые поступления к уже существующим, даже если речь шла о целых библиотеках, имеющих свой каталог, как, например, в случае с библиотекой Д. А. Хвольсона[1]. Выделялись в отдельное хранение только рукописи, причем они тоже инвентаризировались произвольно и хранились по форматному признаку, лишь с указанием происхождения, если оно было известно, в инвентарной книге. Подобная политика была, очевидно, связана с трудностями хранения больших объемов книг, в особенности если иметь в виду, что еврейская книжная продукция поражает разнообразием форматов печатных изданий. Если первые каталогизаторы могли позволить себе расставлять книги в систематическом или алфавитном порядке, то с ростом коллекции подобное хранение становилось нецелесообразным. Фонд несколько раз переезжал, что, разумеется, не способствовало плодотворной работе по его описанию; фактически, каждый раз приходилось начинать работу заново. В 1818 г. в помещении Кунсткамеры (Университетская наб., д. 3) для специального хранения восточных рукописей и книг была выделена и отремонтирована комната. Новое подразделение Императорской Академии наук стало называться Азиатским музеем. В 1861 г. по постановлению правления Академии наук Азиатский музей был перемещен из Кунсткамеры в комплекс академических зданий по Университетской наб., д. 5, в угловое помещение первого этажа, окна которого выходили в Таможенный переулок и Биржевой сад. В 1925 г. Библиотека академии наук и Азиатский музей переехали в специально построенное здание по адресу Биржевая линия, д. 1. Еврейские печатные книги располагались в хранилище на 5-м этаже. В 1978–1979 гг. руководством библиотеки

[1] Даниил Абрамович Хвольсон (1819–1911) — гебраист, историк, лингвист, член-корреспондент Императорской Академии наук по разряду восточных языков. Библиотеку Д. А. Хвольсона Азиатский музей приобрел в 1909 г. Д. А. Хвольсон сам составил и издал каталог своей библиотеки (*Chwolson D.* Reshimat Sifre Yisrael. Wilna, 1897), содержавший описания 2208 печатных книг, среди которых было 33 инкунабулы и несколько редких палеотипов.

было принято решение перевести коллекцию в хранилище на самый нижний этаж. При переносе книг был нарушен их алфавитный порядок. Зато, возможно, именно перемещение книг спасло их от пожара в феврале 1988 г., когда кроме газетного фонда горело также и хранилище как раз на 5-м этаже. Последний на сегодняшний день большой переезд состоялся в конце 1990-х гг. Поскольку коллекция еврейских книг принадлежала Азиатскому музею, преемником которого стало Ленинградское отделение Института востоковедения, а позднее Институт восточных рукописей, руководство БАН, нуждающееся в дополнительных помещениях для постоянно растущей коллекции, а после пожара — еще и в помещениях для реставрации поврежденных книг, приняло решение о перевозке книг в Новомихайловский дворец (Дворцовая наб., 18), где с 1950-х гг. располагался ЛО ИВАН.

Первым человеком, занимавшимся каталогизацией еврейских книг в Азиатском музее, был Иона Хаим (Иона Ильич) Гурлянд (1843–1890). В 1861 г. он, еще будучи студентом восточного факультета Санкт-Петербургского университета, составил «Полный систематический каталог еврейским книгам, находящимся в Азиатском музее при Академии наук». Этот каталог хранится в Архиве востоковедов ИВР РАН[2]. Во вступлении к каталогу И. И. Гурлянд подробно описывает состояние фонда еврейских печатных книг на 1860 г. и те меры, которые он собирается предпринять по приведению его в порядок. Удивительным является созвучие его слов с современным положением дел: «Богатое книгохранилище Азиатского музея владеет огромным количеством еврейских книг, изданных как в России, так и за границей, которые, впрочем, к сожалению, долгое время находились в большом беспорядке. Молитвенники были заброшены между поэтическими произведениями новейшего времени, а народные сказки и повести между сочинениями научного содержания. По этой же причине очень понятно, что читатель никогда не мог получать требуемого им, а библиотекарь, будучи незнаком с еврейской литературой, до крайности затруднялся в удовлетворении требованиям нуждающегося в какой-либо еврейской книге». Гурлянд расставил все книги в систематическом порядке по шкафам и полкам (получилось 7 шкафов и 45 полок), затем приступил к составлению каталога. Рукописный каталог Гурлянда дает представление о тогдашнем методе каталогизации, а также о составе коллекции на 1860 г. Точное количество книг не указано (систему инвентарных номеров и шифров Гурлянд не использовал), но в основном каталог включал книги, изданные в первой половине XIX в. Название книг и имена авторов составитель каталога указывал исключительно в русской графике. «Весь каталог разделяется на 7 отделов; каждый отдел заключает в себе книги различного содержания, но одного

[2] Архив Института восточных рукописей РАН (далее — Архив ИВР РАН). Ф. 152. Оп. 2. Д. 2.

и того же предмета, а отделы также распадаются на части, обозначенные русскими буквами в их азбучном порядке. Вот содержание каталога:

1) Отдел первый: предметы талмудического содержания (8 частей, обозначенных буквами А–З)

2) Отдел второй: караимские сочинения

3) Отдел третий: книги духовного содержания (6 частей, буквы Л–Ф, например: Махазор, Сиддур, Кинот и пр.)

4) Отдел четвертый: книги Ветхого Завета (3 части, буквы Р–Т: книги Св. Писания, кроме Пятикнижия и Псалмов, Пятикнижие, Псалмы)

5) Отдел пятый: книги литературно-религиозного содержания: нравоучительные сочинения, проповеди, талмудические комментарии на Св. Писание и др. философские творения

6) Отдел шестой: книги светского содержания (4 части, буквы Х–Ш): лингвистические сочинения: грамматики, словари, риторика, история и литература, комментарии на Св. Писание светских ученых, также исследования о халдейском языке; литературные сочинения в прозе и стихах: математические сочинения, арифметика, геометрия, алгебра, астрономия, медицина и естественные сочинения; исторические творения, туда же входят география, археология и путешествия.

7) Отдел седьмой: книги различного содержания на просто-еврейском языке (идиш)».

И. И. Гурлянд работал в Азиатском музее около двух лет. За диссертацию «О влиянии философии мусульманской религии на философию Моисея Маймонида» (1863) он был награжден золотой медалью и, окончив курс, несколько лет посвятил изучению караимских рукописей из коллекции Авраама Фирковича в Императорской Публичной библиотеке. В 1876 г. он покинул Петербург, переехав в Житомир, а затем в Одессу. 18 августа 1883 г. получил разрешение попечителя Одесского учебного округа содержать в Одессе частное мужское 8-классное еврейское с курсом классической гимназии училище совместно с кандидатом новороссийского университета Х. И. Гохманом. С 1884 г., после ухода Гохмана с поста, И. И. Гурлянд получил разрешение одесского учебного начальства о переходе этого учебного заведения в его, Гурлянда, полное распоряжение и заведование с наименованием «Одесское восьмиклассное с курсом классической гимназии училище магистра Ионы Ильича Гурлянда». 21 февраля 1888 г. Гурлянд был избран и утвержден Одесским городовым раввином[3].

Следующая важная страница в истории этой книжной коллекции связана с именами Самуила Еремеевича Винера (1860–1829) и Льва Файвелевича Фридланда (1826–1899). С. Е. Винер, получивший традиционное еврейское образование, приехал в Петербург из города Борисова Минской губернии в 1887 г. по приглашению Академии наук для приведения в порядок еврейских

[3] ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 38174.

коллекций Азиатского музея и был зачислен в его штат в должности младшего хранителя. Вероятно, с этого же времени он начал сотрудничество с Л. Ф. Фридландом, меценатом, общественным деятелем и страстным коллекционером еврейских книг. Лев Файвелевич около 50 лет собирал свою бесценную коллекцию, скупая большие книжные собрания известных раввинов и очень дорожил ею. Его решение передать коллекцию в дар Императорской Академии наук было обусловлено прежде всего желанием сохранить коллекцию в целости на благо потомкам. Исторические обстоятельства конца XIX в., такие как постепенное улучшение положения евреев в Российской империи, разрешение отдельным категориям граждан иудейского вероисповедания получать высшее образование и селиться за пределами черты оседлости, в том числе в Санкт-Петербурге, давали Фридланду надежду на то, что его коллекция будет востребована читателями и учеными. С другой стороны, он заботился о сохранении еврейского наследия, поскольку быстрая интеграция образованной части еврейского населения в российское общество очень часто приводила к потере интереса к еврейской книжной и традиционной культуре, особенно в среде молодежи[4]. Это судьбоносное для коллекции и для Азиатского музея решение было принято Львом Файвелевичем по рекомендации Самуила Еремеевича Винера, который помогал меценату собирать и описывать коллекцию. Итак, на заседании Историко-Филологического отделения Императорской Академии наук № 1 от 8 января 1892 г. «Академик Залеман представил на обсуждение Отделения вопрос о возможности значительного обогащения Азиатского музея. В течение нескольких уже лет купец первой гильдии г. Фридланд занимался приобретением и составлением по возможности полной коллекции главнейших произведений еврейской словесности: ныне библиотека г. Фридланда состоит из 10 000 печатных томов — в том числе немало инкунабул и editions principles — и трехсот рукописей. Желая увековечить свою память и обеспечить сохранность этой стоившей значительных сумм коллекции, г. Фридланд предлагает пожертвовать ее в Азиатский музей Императорской Академии наук вместе с семью шкафами, где размещены книги.

При этом господин Фридланд ставит нижеследующие условия, подлежащие утверждению со стороны конференции:

1) Коллекция Фридланда должна составить особый отдел в библиотеке Азиатского музея;

2) Могущие оказаться при каталогизации дублеты возвращаются г. Фридланду, причем выбор экземпляра — музейского или даримого — предоставляется управлению музея.

Что касается каталога коллекции, то г. Винером уже составлен краткий список книгам и рукописям, а подробный каталог в алфавитном порядке окончен для первой буквы еврейского алфавита алеф и обнимает около 800 номеров.

[4] *Якерсон С. М.* Еврейские сокровища Петербурга. СПб., 2008. С. 49–59.

Эту часть каталога г. Фридланд готов напечатать на собственные средства и предоставить Академии несколько сот экземпляров, — если затем Академия примет на себя заботу составления и напечатания дальнейших частей каталога. <...>

Научное значение библиотеки Фридланда высоко ценится знатоками; так, например, наш член-корреспондент Д. А. Хвольсон утверждает, что эта библиотека занимает едва ли не третье место после знаменитых коллекций в Лондоне и Оксфорде. Кроме того, отказ от безвозмездного приобретения коллекции со стороны Академии имел бы еще то нежелательное последствие, что библиотека Фридланда будет вывезена за границу, да, пожалуй, и впредь прекратились бы подобные предложения. Между тем, разумеется, желательно, чтобы просвещенные лица из общества более часто и деятельно заинтересовывались научными коллекциями и предприятиями Академии, и предоставляли ей материалы и средства для расширения ее деятельности. <...>

Одобрено и положено уведомить г. Фридланда, что Академия в принципе с благодарностью принимает его пожертвование на поставленных им условиях»[5].

Как следует из материалов заседания, Самуил Еремеевич Винер к этому времени уже составил первую часть описи книг из коллекции Л. Ф. Фридланда на букву алеф. Этот печатный каталог также был передан в дар Азиатскому музею и должен был служить образцом для издания последующих выпусков. Упомянутые в материалах заседания «знаменитые коллекции в Лондоне и Оксфорде» — это еврейские коллекции Британского музея (British Museum) в Лондоне и Бодлианской библиотеки (Bodleian Library) Оксфордского университета. Современная еврейская библиография начинается с каталогов этих двух собраний. Каталог еврейских коллекций Бодлианской библиотеки[6] составил гебраист и библиограф Мориц Штейншнейдер (1817–1907) в 1852–1860 гг. Через 7 лет, в 1867 г., гебраист, начавший свою карьеру в известной Берлинской книготорговой Компании Ашер, Джозеф Зеднер[7] (1804–1871) выпустил каталог еврейских коллекций Британского музея. Два этих каталога представляют диаметрально противоположный подход к описанию еврейских книг. Описания Дж. Зеднера — краткие, унифицированные, очень точные, без лишних деталей. Если бы не полнота, высокая достоверность и профессиональная точность описаний, можно было бы подумать, что это коммерческий каталог (разве что без цен). Это впечатление усиливается от периодически встречающихся замечаний относительно сохранности экземпляра. Очевидно, работа в книжной торговле наложила свой отпечаток (в положительном смысле) на методы работы библиографа. Совершенно по-другому работал Мориц

[5] Архив Российской академии наук (далее — Архив РАН). Ф. 4. Оп. 4. Д. 722. Сохранена орфография источника.

[6] *Steinschneider M.* Catalogus Librorum Hebræorum in Bibliotheca Bodleiana. Berlin, 1852–1860.

[7] *Zedner J.* Catalogue of the Hebrew Books in the Library of the British Museum. London, 1867.

Штейншнейдер. Его пространный каталог представляет стремление автора видеть в описании еврейской книги основу развития еврейской учености, словно титульный лист книги является вратами в храм еврейской культуры. Краткое перечисление выходных данных книги претило его желанию донести до читателей всю историческую и культурную ценность каждого конкретного издания. Основные библиографические сведения часто являлись только прелюдией к пространному описанию исторических и культурных деталей, связанных с книгой или автором. Усложняло восприятие и то, что автор использовал огромное количество сокращений, а также что языком библиографических описаний этого каталога являлась латынь. Метод библиографического описания книг С. Е. Винера представляется на фоне этих двух противоположностей золотой серединой[8]. Каталог Винера[9] составлен по алфавиту названий книг; кроме выходных данных каждое описание содержит: кратко сформулированное содержание каждой книги, указаны ее формат и объем, имя печатника или типографии, справки по каталогам и указателям других библиографов, сведения о конкретных экземплярах и их владельцах и пр. Таким образом, это был не просто список книг, а полное научное библиографическое описание изданий, с помощью которого было легко идентифицировать практически любое издание. За годы своей работы в Азиатском музее Винер подготовил и издал семь выпусков каталога еврейских книг библиотеки Фридландиана, включавших 5507 изданий. К сожалению, завершить работу Самуил Еремеевич не успел. В 1925 г. он отправился в командировку в Париж, где неожиданно заболел и в 1929 г. умер. Судьба С. Е. Винера — история талантливого человека, сумевшего пройти нелегкий путь от мальчика-библиофила из городка в черте оседлости до эксперта-библиографа, авторитет которого был очень велик в Императорской Академии наук и в столице Российской империи. Материалы из его дела в Архиве Академии Наук изобилуют прошениями о продлении разрешения на проживание в Санкт-Петербурге. В 1899 г. по ходатайству академика А. К. Залемана[10] С. Е. Винер был награжден званием личного почетного гражданина: «Академик Залеман предложил выразить г. Винеру признательность Академии в таком виде, который был бы для него самым полезным, а именно исходатайствовать ему право жить беспрепятственно в столице. С одной стороны, обязанность дать воспитание подрастающим детям заставляет г. Винера желать свободного жительства в Санкт-Петербурге, а с другой — порученное ему Академией составление каталога, столь успешно

[8] The Hebrew book // An Historical Survey / Eds. Rafael Posner, Israel Ta-Shema. Jerusalem, 1975. P. 67–68.

[9] *Wiener S.* Bibliotheca Friedlandiana: Catalogus librorum impressorum hebraeorum in Museo Asiatico imperialis Academiae Scientiarum Petropolitane asservatorum. SPb., 1893–1918. Fasc. 1–6.

[10] Карл Германович Залеман (1850–1916), филолог-иранист, академик РИАН, директор Азиатского музея в 1890–1916 гг.

начатое и продолжаемое им, достаточно свидетельствует о том, что Академия не может обойтись без содействия этого опытного библиографа»[11]. В 1912 г., в ознаменование 25 лет службы Винера в Академии наук, на заседании историко-филологического отделения РИАН было предложено ходатайствовать о награждении его званием потомственного почетного гражданина. «Отделению хорошо известно, не только то усердие, с которым Винер взялся за исполнение данного ему поручения. Но также с какой любовью он постоянно заботился об обогащении вверенного ему отдела Азиатского музея. Ему музей обязан решением покойного купца 1-й гильдии Л. Ф. Фридланда в 1892 г. пожертвовать музею богатейшую коллекцию еврейских книг и рукописей, составляющую ныне вместе с незначительным старым фондом так называемую Библиотеку Фридландиану. Каталог этой коллекции, составленный Винером, свидетельствует, по отзыву специалистов, о всесторонней осведомленности его в области еврейской библиографии. Другую выдающуюся коллекцию того же рода, библиотеку профессора Д. А. Хвольсона, музею удалось приобрести в 1909 г. также благодаря живому участию Винера, занятого в настоящее время составлением общего для обоих собраний каталога»[12]. В сентябре 1914 г. С. Е. Винер был единогласно избран на должность младшего ученого хранителя сверх штата Азиатского музея.

У Самуила Еремеевича Винера было двое сыновей, Еремей и Давид, оба окончили Императорский Санкт-Петербургский университет, юридический факультет[13]. В дальнейшем старший Еремей после Революции 1917 г. уехал жить во Францию, в город Ментон, а младший остался в Петербурге, похоронен на Еврейском Преображенском кладбище в Санкт-Петербурге. К сожалению, личный архив Самуила Еремеевича Винера до сих пор обнаружить не удалось. В официальных бумагах Академии наук указано, что с 1 августа 1925 г. С. Е. Винер командирован Академией наук СССР в Германию и Францию для научных занятий в области еврейской библиографии сроком на шесть месяцев. Затем 5 марта 1926 г. от него поступает просьба в правление АН о продлении командировки по 1 июля 1926 г. по случаю его тяжелой болезни и необходимости долгого лечения.

В Архиве востоковедов ИВР РАН[14] сохранилось несколько писем из Ментоны, из которых становится понятно, что в конце своей жизни С. Е. Винер был тяжело болен, прикован к постели. Надо отдать должное правлению Академии наук СССР в том, что после известий о болезни библиографа ему продолжали выплачивать зарплату, а после увольнения 1 октября 1926 г. — выплачивали

[11] АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 722. Л. 23 (Выписка из протокола заседания историко-филологического отделения от 8 декабря 1897 г., статья 187).

[12] Там же. Л. 44 (Выписка из протокола заседания историко-филологического отделения от 28 ноября 1912 года).

[13] ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 43269, 44812.

[14] Архив ИВР РАН. Ф. 850. Оп. 3. Д. 21.

пенсию, переводами во Францию. Таким образом, создается впечатление, что Винер не собирался надолго покидать Родину. Однако существует и другой пакет документов, связанный с продажей в 1924 г. С. Е. Винером своей личной библиотеки (около 10 тыс. томов) И. С. Шнеерсону[15]. Из этих документов следует, что, когда в 1924 г. Самуил Еремеевич принял решение покинуть Россию и переехать к сыну во Францию, советское правительство не разрешило ему вывезти за границу свою библиотеку, поэтому он и продал ее И. С. Шнеерсону, который в тот период проживал в Ленинграде. Шнеерсон вывез библиотеку Винера сначала в Европу, затем в США. Эти книги составили основу так называемой Библиотеки Хабада, которая находится в Бруклине, Нью-Йорк. Официальные документы (контракты), связанные с продажей библиотеки, опубликованы в сборнике писем[16] М. М. Шнеерсона[17].

Завершая рассказ о выдающемся библиографе С. Е. Винере, следует добавить, что помимо работы в Азиатском музее РИАН, Самуил Еремеевич вел активную общественную жизнь. Он был членом еврейского Историко-этнографического общества[18], участвовал в редактировании Еврейской энциклопедии[19]. Многие исследователи еврейской письменной культуры выражали в своих работах благодарность Самуилу Еремеевичу за консультации и помощь[20]. Винер также является автором ряда трудов по еврейской письменной традиции. В 1897–1898 гг. Винер издал значительно переработанный и дополненный

[15] Шнеерсон Иосиф Ицхак (Иосиф Соломонович) (1880–1950), VI Любавический Ребе (т.е. лидер хасидского движения Хабад в иудаизме), библиотека которого в ходе Первой мировой войны была перевезена из Любавичей в Москву и оставлена на хранение на книжном складе Персица и Полякова. С приходом к власти в России большевиков собрание Шнеерсона было национализировано, как того требовал декрет Совета народных комиссаров РСФСР о научных фондах РСФСР от 26 ноября 1918 г. Решение о покупке библиотеки С. Е. Винера И. С. Шнеерсон принял, поскольку остро нуждался в книгах для работы, а также после неудачных попыток получить обратно свою фамильную библиотеку.

[16] *Shneerson M.* Igrot Kodesh (Igrois Koidesh). Vol. 16. N.Y., 1987. P. 72.

[17] Шнеерсон, Менахем Мендель (1902–1994), известный как VII и последний Любавический Ребе, являлся зятем и духовным наследником Иосифа Шнеерсона.

[18] Еврейское историко-этнографическое общество (1908–1917, Санкт-Петербург). В задачи общества входили: сбор архивных материалов, подготовка публикаций, чтение докладов с целью изучения всех областей еврейской истории и этнографии, разработка теоретических вопросов этих наук. Общество находилось в ведении Комитета Общества распространения просвещения между евреями в России. Материалы общества находятся в: ЦГИА. Ф. 2129, 1746–1229 гг. Оп. 1–3. 316 дел.

[19] Еврейская энциклопедия // Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. Т. 1–16. СПб.: Изд-во Брокгауз–Ефрон, 1908–1913.

[20] См. *Фрейман А. А.* Список рукописей, приобретенных для Азиатского музея Российской академии наук В. А. Ивановым в Бухаре в 1915 г. II. Еврейско-персидские рукописи // Известия Российской академии наук. VI сер. СПб., 1918. В предисловии к каталогу (с. 3) автор приносит искреннюю благодарность С. Е. Винеру, «содействием которого пользовался ввиду недостаточных познаний в еврейском языке».

им труд И. Эйзенштадта[21] «Да'ат Кедошим»[22]. В 1902 г. издал с обширным предисловием полный библиографический указатель 884 изданий пасхальной Аггады[23], вышедших за 400 лет. Кроме перечисленных трудов, С. Е. Винер напечатал в разных периодических еврейских изданиях ряд статей по библиографии; к изданному С. Гинзбургом и П. Мареком[24] (в 1901 г.) сборнику еврейских народных песен он приложил библиографический указатель сборников жаргонных песен, находящихся в Азиатском музее. Некоторые труды Самуила Винера, к сожалению, не были напечатаны. Например, полное описание еврейских рукописей из коллекции Л. Ф. Фридланда, которое было закончено в 1898 г., а также его труд по истории еврейских типографий в России и Польше. В настоящее время поиски архива С. Е. Винера продолжаются, и остается надежда, что со временем появится больше сведений об этом выдающемся ученом[25].

После С. Е. Винера для продолжения каталога печатных книг на еврейском языке в штат Азиатского музея был зачислен в 1924 г. по рекомендации П. К. Коковцева[26] его ученик Михаил Николаевич Соколов. Первоначальную подготовку в древнееврейском и сирийском языках он получил в Московской духовной академии. Окончив ее курс в 1915 г., он продолжал свои занятия в Петроградском университете. Ускоренный курс по разряду еврейско-арабско-сирийской филологии он прошел в два года под руководством Коковцева и Ю. И. Крачковского и был оставлен в университете для подготовки к профессуре. В 1920-х гг. Михаил Николаевич был председателем секции древневосточных культур в университете. В качестве доцента вел курсы еврейского и арабского языков, и одновременно исполнял обязанности помощника хранителя Семинарии восточных языков и Восточного музея в Москве. В Азиатском музее он вместе с Винером описывал фонд еврейских печатных книг Л. Ф. Фридланда, а после отъезда Самуила Еремеевича самостоятельно занимался упорядочиванием и описанием этой коллекции вплоть до 1929 г.[27] Он завершил расстановку книг по алфавиту внутри раздела буквы (расстановку книг по буквам завершил С. Е. Винер). В его обязанности также входила регистрация всех новых поступлений на еврейском языке. С именем М. Н. Соколова связаны новые крупные приобретения Азиатского музея. В частности, благодаря его стараниям в собрание Азиатского музея поступила коллекция упраздненной Казанской духовной

[21] Эйзенштадт, Израиль Товия (?–1893), еврейский писатель.

[22] *Eisenstadt I. D.* Daat-Kedoshim // Aus Druckwerken und Handschriften der «Bibliotheka Friedlandiana» / Geordnet, ergaenzt und herausgegeben von S. Wiener. SPb., 1897–1898.

[23] *Wiener S.* Bibliographie der Osterhaggadah, 1500–1900. SPb., 1901.

[24] *Ginzburg Sh. M., Marek P.* S. Yiddish folksongs in Russia. SPb., 1901.

[25] Автор выражает благодарность Светлане Львовне Шевельчинской, фотографу ИВР РАН, за помощь в сборе материалов, относящихся к жизни и деятельности С. Е. Винера.

[26] Коковцов Павел Константинович (1861–1942), выдающийся гебраист-семитолог. Преподавал в Санкт-Петербургском университете с 1884 г.

[27] СПбФ АРАН. Ф. 746. Оп. 1. № 22. Соколов М. Н.

академии. В 1933 г. Михаил Александрович был репрессирован и в 1937 г. расстрелян.

С июля 1931 г. работа по составлению каталога была возобновлена с приходом Иосифа Генриховича Бендера (1900–1942). Иосиф Генрихович окончил в 1925 г. Петроградский государственный университет по специальности гебраистика и был зачислен в аспирантуру научно-исследовательского Института сравнительной истории языков и литератур Запада и Востока, где занимался исследованиями в области древнееврейской литературы. С 1931 г. Иосиф Генрихович работает в Институте востоковедения, занимается исследованиями истории культуры еврейского средневековья. В 1938 г. он опубликовал монографию «Азария де Росси как исследователь древней истории евреев»[28], эта работа была принята как диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Параллельно с научно-исследовательской работой Бендер продолжал работу по составлению каталога библиотеки Фридланда. В 1936 г. он опубликовал 8-й выпуск каталога под редакцией академика П. К. Коковцева[29]. Выпуск содержит описания 397 изданий на букву ламед. Для преемственности с предыдущими выпусками каталога описание книг соответствует системе С. Е. Винера. Изменения внесены на основании техники библиотечно-библиографического описания книг, принятой в СССР. Например, вместо формата книг дан их размер (длина) в сантиметрах; формат (наряду с размером) дается только для книг in quarto. Как и в предыдущих выпусках, приводятся ссылки на каталоги крупных библиотек. Для удобства пользования каталогом шифр книги, наряду с порядковым номером, содержит также указание на ее размер: I — до 18 см, II — 19–23 см, III — 24–28 см, IV — больше 28 см. Книги на идиш, изданные после 1840 г., не включены в данный каталог: они описаны по авторам и на них был составлен карточный алфавитный каталог, хранившийся в Еврейском кабинете Института востоковедения. Девятый и десятый выпуски каталога также были подготовлены к печати Иосифом Генриховичем, но, к сожалению, не увидели свет. В 1942 г., во время блокады Ленинграда, И. Г. Бендер трагически погиб.

Достоверной информации о том, кто занимался коллекцией в послевоенные годы, пока обнаружить не удалось. В ходе Великой Отечественной войны погибли многие выдающиеся ученые гебраисты: П. Б. Коковцев, И. Г. Бендер, И. И. Гинцбург[30]. В 1949 г. в СССР началась борьба с так называемым

[28] *Бендер И. Г.* Азария де Росси как исследователь древней истории евреев. Л., 1938.

[29] *Бендер И. Г.* Bibliotheca Friedandiana: Каталог еврейских книг (изданных до 1892 года) библиотеки Института востоковедения Академии Наук СССР / Под ред. П. К. Коковцева. Вып. 8. М.; Л., 1836.

[30] Иона Иосифович Гинцбург (1871–1942), гебраист. Работал в ЛО ИВАН с 1934 по 1942 г. и занимался подготовкой систематического описания всего наличного фонда еврейских рукописей. Трагическая смерть ученого во время блокады Ленинграда не позволила издать этот труд.

«безродным космополитизмом», и кафедра гебраистики ЛГУ была закрыта, этому научному направлению был нанесен огромный удар. Однако о том, что работа над описанием библиотеки всё же велась, свидетельствуют многочисленные совершенно разные системы шифров в некоторых экземплярах книг. Есть книги, в которых встречаются до пяти видов разных шифров, инвентарных номеров при этом нет. Где находятся книги, в которых учитывались эти шифры, пока неизвестно. Можно предположить, что практически все гебраисты так или иначе занимались этой книжной коллекцией, но единой системы в тот момент они не имели, и рано или поздно оставляли ее ради других научных занятий. Как, например, Меер Натанович Зислин, семитолог-гебраист, работавший в Институте востоковедения с 1955 по 1984 г. Вначале он также занимался описанием и комплектацией еврейского книжного фонда библиотеки. В дальнейшем полностью сосредоточился на исследованиях исторической грамматики иврита на базе караимских рукописей из собрания Публичной библиотеки.

Семен Мордухович Якерсон[31], в тот момент сотрудник Библиотеки Академии наук, начал каталогизировать книги в 1979 г. по новой системе, общепринятой в библиотечном деле в СССР. Такое описание, в отличие от системы С. Е. Винера, не предполагало расположения книг в алфавитном порядке названий, также не требовало полного библиографического описания с цитированием колофонов, указанием цензоров, согласия раввинских авторитетов, равно как и ссылок на крупные каталоги еврейских печатных книг. Однако в инвентарных книгах при описании экземпляров из библиотеки Л. Ф. Фридланда в примечании давалась ссылка на каталог С. Е. Винера. В качестве справочных изданий каталогизаторами в основном использовались печатные библиографические труды Х. Фридберга[32], а позднее И. Винограда[33]. В ходе работы, которая по этой же системе продолжается и сейчас, составляются карточные алфавитный и топографический каталоги. Книгам присвоен исторический шифр Fr, они делятся только по форматам: И (малые и сверхмалые), К (средние), Л (крупные), М (сверхкрупные), внутри формата инвентаризация совершенно хаотичная. Семен Мордухович выделил из собрания все экземпляры инкунабул (книг, напечатанных еврейскими подвижными литерами до 1 января 1500 г.) и составил их научный каталог[34]. Уникальное собрание еврейских инкунабул библиотеки ИВР РАН является самым крупным в России и одним из самых крупных в мире. Собрание насчитывает 65 библиотечных единиц хранения, некоторые

[31] Якерсон Семен Мордухович — д. и. н., ведущий научный сотрудник ИВР РАН, заведующий кафедрой гебраистики СПбГУ.

[32] *Friedberg Ch. B.* Bet eked sepharim. Bibliographical lexicon. Tel-Aviv: Bar-Juda M.A., 1951.

[33] *Vinograd Y.* Thesaurus of the Hebrew book. Jerusalem: Institute for computerized bibliography, 2002.

[34] *Якерсон С. М.* Каталог инкунабул библиотеки Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Л., 1985.

издания представлены в двух экземплярах[35]. Среди имеющихся в коллекции изданий, ценность каждого из которых необычайно велика, имеются уникумы, т.е. издания, от тиража каждого из которых остались 1–2 экземпляра. Печатные известия о данных изданиях имеются в предисловии к первой части печатного каталога коллекции Л. Ф. Фридланда и в печатном каталоге коллекции Д. А. Хвольсона. В настоящее время коллекция хранится в шкафу, отдельно от остальных книг, и имеет свои уникальный библиотечный шифр «Инк.».

С 1990 по 2000 г. труд С. М. Якерсона по инвентаризации фонда продолжила Александра Валерьевна Полосина. В этот период времени работа осложнялась тем, что книги всё еще находились в помещении БАН, тогда как сотрудники филиала Библиотеки уже работали в здании на Дворцовой наб., д. 18. Книги приходилось перемещать практически вручную, более того, для уже инвентаризированных экземпляров не было выделено постоянного места в хранилище, поэтому обработанные С. М. Якерсоном и А. В. Полосиной книги до сих пор находятся в так называемом «пачечном хранении», т.е. сложены в коробки и недоступны для читателей. В конце 1990-х гг. все книги Фридландианы были перемещены в здание ЛО ИВАН. С этого момента основной задачей библиотекарей было каким-либо образом расположить книги, поскольку места для них попросту не нашлось. Часть книг среднего формата удалось разместить в шкафах (правда, в два ряда и совершенно бессистемно), остальные, особенно крупноформатные, приходилось складывать в хранилище на пол. Здесь было бы уместно процитировать отрывок из докладной записки Якерсона, адресованной руководству СПб ФИВ РАН от 12 января 2004 г.: «Состояние фонда еврейских печатных книг, по-моему, совершенно катастрофично. Еврейский фонд является безусловной жемчужиной собрания СПб ФИВ РАН. Это крупнейшее отечественное собрание и одно из самых больших собраний еврейских книг в Европе. Оно включает ценнейшие экземпляры первопечатных книг от 1501 г. и до начала XX в. Общее количество книг самым приблизительным образом может быть оценено в 50 тысяч экземпляров. В свое время фонд был расставлен в алфавите названий сочинений в четырех форматах, потом началась интенсивная обработка фонда в соответствии с современными библиографическими стандартами. На сегодняшний день вся эта работа загублена, книги просто уже несколько лет!!! свалены в кучи на полу в нескольких местах совершенно бессистемно. Фонд недоступен исследователям, книги совершенно не заслужили такого варварского отношения. Еврейский фонд, безусловно, мог бы стать одной из блестящих “визитных карточек” Института, сегодня же он является молчаливым упреком всем нам...»[36]

[35] В каталоге учтено 64 единицы хранения, № 65 описан дополнительно в статье: *Якерсон С. М.* Неучтенная еврейская инкунабула в коллекции Института восточных рукописей. Supplementum к Каталогу инкунабул на древнееврейском языке библиотеки Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (Л., 1985) // Письменные памятники Востока. 2009. № 1 (10); весна–лето. С. 204–210.

[36] Дела фондов отд. рукописей документов ИВР РАН Еврейский. № 7/1. Л. 7–8.

Таким образом, самым суровым испытанием для коллекции стал период распада Советского Союза. Книги достаточно спокойно пережили революцию 1917 г., сохранились в тяжелейшие годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда, даже пожар 1988 г. в Библиотеке Академии наук не нанес существенного урона коллекции. Более того, все эти годы книги реставрировались, большое количество экземпляров имеют переплеты, изготовленные в советское время. Однако в ходе последнего переезда часть книг была утеряна, часть повреждена неправильным хранением. Эти потери при подобном состоянии коллекции невозможно даже оценить.

В 2007 г. было принято решение интегрировать коллекцию старопечатных книг на иврите в электронную базу данных БАН — ИРБИС[37]. Интегрированная библиотечно-информационная система ИРБИС — современное средство для автоматизации малых и средних библиотек, была внедрена в БАН в начале 2000-х гг. А электронная база данных начала создаваться еще в 1992 г., правда, на основе другого программного обеспечения. Программа ИРБИС предусматривает большие возможности для описания печатных изданий и простейшего поиска нужной книги. Теперь при описании издания можно вводить не только все необходимые библиографические данные, но и любые дополнения относительно истории издания, состояния и происхождения экземпляра, а также давать ссылки на любые каталоги. Однако эта программа, ориентированная в большей степени на современные издания и успешно работающая в городской библиотечной системе, плохо подходит для описания старопечатных книг. В частности, большие сложности возникают с восприятием программой иврита, что приводит к постоянной корректировке данных вручную. Такое же программное обеспечение используется для описания еврейского фонда Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского, с той лишь разницей, что в НБУ существует специальный отдел программистов, работающих в тесном контакте с каталогизаторами и успешно решающих возникающие проблемы. Все заполняемые каталогизаторами сведения хранятся на сервере, доступном через Интернет. Такая же система и в БАН, информация о новых поступлениях книг доступна через каталог на официальном сайте БАН[38]. Но в случае с описанием Фридландианы это отнюдь не так. Информация хранится только в компьютере каталогизатора и может быть застрахована от утери только сохранением на съемных носителях. Если иметь в виду полную неадаптированность имеющейся в ИВР РАН программной версии для описания еврейских старопечатных книг, а также полную недоступность и незастрахованность базы данных каталога, можно смело считать работу каталогизатора бессмысленной.

Крупные научные библиотеки, имеющие еврейские коллекции, такие как Российская государственная библиотека, Российская национальная

[37] http://irbis.gpntb.ru/.

[38] http://www.rasl.ru/.

библиотека, Национальная библиотека Израиля, используют систему каталогизации Алеф (Aleph), созданную компанией Экслибрис (ExLibris)[39]. Эта система универсальна и прекрасно подходит как для описания современных, так и старопечатных книг практически в любой графике. Еще одним очевидным плюсом этой системы является то, что она позволяет прикреплять к библиографическим описаниям сканированные изображения (эта функция доступна и в обновленной версии программы ИРБИС, но пока работает в тестовом режиме). Создание цифровых копий книг и рукописей — очень важный этап в сохранении письменного наследия, также доступ к материалу через Интернет открывает большие возможности для исследователей всего мира.

Наиболее перспективным направлением работы с коллекцией в настоящее время представляется сотрудничество с Институтом еврейской библиографии (Institute for Hebrew Bibliography). Это крупнейшая в мире база данных, содержащая полную библиографическую информацию о 90 % печатных изданий на иврите и идише с 1470 по 1960 г. База данных создана в специальной программе, доступна через Интернет[40]. С ее помощью можно достаточно быстро описать всю Библиотеку Фридландиану, причем описать ее на высочайшем современном уровне, нужно лишь добавить в уже готовые описания шифры и инвентарные номера экземпляров, а также характерные особенности экземпляров из коллекции ИВР РАН (владельческие надписи, экслибрисы, дефектность и т.п.). Затем достаточно отсортировать из общей базы исключительно издания из коллекции ИВР РАН, и полный библиографический каталог еврейского фонда ИВР РАН будет доступен читателям и исследователям со всего мира. База данных Института еврейской библиографии может быть совмещена с библиотечными программами для автоматизации обслуживания читателей, такими как Алеф или Ирбис, как это уже сделано в Национальной библиотеке Израиля.

В настоящее время бóльшая часть фонда библиотеки остается недоступной для исследователей. В общей сложности сейчас инвентаризировано около 9 тыс. книг еврейского фонда. Из них около 4 тыс. введены в электронную базу данных Ирбис и расставлены в порядке шифров. В продолжение работы С. М. Якерсона по описанию инкунабул из коллекции выделяются палеотипы (книги, напечатанные еврейским шрифтом в период с 1 января 1500 по 1 января 1550 г.). В настоящее время в коллекции ИВР РАН обнаружено 285 экземпляров палеотипов, что составляет (без учета дубликатов, но с учетом конволютов) 243 отдельных издания[41]. В будущем планируется публикация научного каталога еврейских палеотипов из коллекции ИВР РАН.

[39] http://www.exlibrisgroup.com/.

[40] http://www.hebrew-bibliography.com/.

[41] *Шухман Е. О.* Еврейские палеотипы в коллекции Института восточных рукописей РАН (краткий обзор) // Письменные памятники Востока. 2014. № 1 (20). С. 230–241.

В заключение хотелось бы отметить, что несмотря на долгую историю скитаний этих книг, политические и экономические пертурбации, пожары и наводнения, трагические судьбы их бывших владельцев и тех, кто с ними работал, большинство книг находится в прекрасном состоянии и все они вместе являют собой памятник истории книгопечатания и культуры в целом. Коллекция имеет большой потенциал для развития. В настоящее время наблюдается рост интереса к гебраистике в России. Только в СПбГУ в настоящее время на трех факультетах (восточный (гебраистика), философский (иудаика) и филологический (библеистика)) готовят профильных специалистов. Также в нашем городе существует Петербургский институт иудаики, студенты которого проходят практику в ИВР РАН и за последний год много сделали для того, чтобы еврейская коллекция книг сохранялась. В фонде библиотеки большое количество изданий представлено в нескольких экземплярах (иногда до 15 экземпляров одного издания), это делает потенциально возможным восполнение отсутствующих экземпляров путем книгообмена, что часто практикуется в международном библиотечном сообществе. Издания отдельных литературных памятников представлены полностью от первого до наиболее позднего издания, иногда в рукописном отделе имеются даже рукописи, предшествовавшие выходу печатного издания. Это дает прекрасную возможность устраивать выставки одного литературного памятника. Например, в коллекции очень полно представлены издания Еврейской Библии от инкунабул и палеотипов, очень красиво оформленных европейских изданий XVI–XVII вв. и до вышедших в Петербурге в начале XX в. Также в коллекции присутствуют практически все полные издания Талмуда, начиная с самого первого, изданного в Венеции в типографии Даниила Бомберга в 1520–1523 гг. и считающегося библиографической редкостью. Коллекция интересна еще и историей бытования отдельных экземпляров. Л. Ф. Фридланд стремился приобретать книги из коллекций известных еврейских духовных авторитетов, очень многие экземпляры имеют маргиналии и рукописные вставки, принадлежавшие перу известных раввинов. Отдельные экземпляры книг, особенно привезенные в качестве трофеев из Европы после Второй мировой войны, имеют экслибрисы видных европейских ученых и политических деятелей. Это также может стать интересным предметом изучения для исследователей. Так что остается надеяться, что на нашем веку эти книги наконец будут описаны и станут доступны для читателей в полном объеме. И окажется, что Лев Файвелевич Фридланд был совершенно прав, завещав свою коллекцию именно Азиатскому музею Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге.

References

Âkerson S. M. Evrejskie sokrovîsa Peterburga. SPb., 2008.

Âkerson S. M. Katalog inkunabul biblioteki Leningradskogo otdeleniâ Instituta vostokovedeniâ AN SSSR. L., 1985.

Âkerson S. M. Neučtennaâ evrejskaâ inkunabula v kollekcii Instituta vostočnyh rukopisej. Supplementum k Katalogu inkunabul na drevneevrejskom âzyke biblioteki Leningradskogo otdeleniâ Instituta vostokovedeniâ AN SSSR (L., 1985) // Pis'mennye pamâtniki Vostoka. 2009. N 1 (10); vesna–leto. M.: Nauka, 2009. S. 204–210.

Bender I. G. Azariâ de Rossi kak issledovatel' drevnej istorii evreev. L., 1938.

Bender I. G. Bibliotheca Friedlandiana: Katalog evrejskih knig (izdannyh do 1892 goda) biblioteki Instituta vostokovedeniâ Akademii Nauk SSSR / Pod red. P. K. Kokovceva. Vyp. 8. M.; L., 1836.

Chwolson D. Reshimat Sifre Yisrael. Wilna, 1897.

Eisenstadt I. D. Daat-Kedoshim // Aus Druckwerken und Handschriften der «Bibliotheca Friedlandiana» geordnet, ergaenzt und herausgegeben von S. Wiener. SPb., 1897–1898.

Evrejskaâ ènciklopediâ // Svod znanij o evrejstve i ego kul'ture v prošlom i nastoâšem. T. 1–16. SPb.: Izd-vo Brokgauz–Efron, 1908–1913.

Frejman A. A. Spisok rukopisej, priobretënnyh dlâ Aziatskogo muzeâ Rossijskoj akademii nauk V. A. Ivanovym v Buhare v 1915 g. II. Evrejsko-persidskie rukopisi // Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. VI ser. SPb., 1918.

Friedberg Ch. B. Bet eked sepharim. Bibliographical lexicon. Tel-Aviv: Bar-Juda M.A., 1951.

Ginzburg Sh. M., Marek P. S. Yiddish folksongs in Russia. SPb., 1901.

Shneerson M. Igrot Kodesh (Igrois Koidesh). Vol. 16. N. Y., 1987.

Steinschneider M. Catalogus Librorum Hebræorum in Bibliotheca Bodleiana. Berlin, 1852–1860.

Šuhman E. O. Evrejskie paleotipy v kollekcii Instituta vostočnyh rukopisej RAN (kratkij obzor) // Pis'mennye pamâtniki Vostoka. 2014. N 1 (20). S. 230–241.

The Hebrew book // An Historical Survey / Ed. R. Posner, I. Ta-Shema. Jerusalem, 1975. P. 67–68.

Vinograd Y. Thesaurus of the Hebrew book. Jerusalem: Institute for computerized bibliography, 2002.

Wiener S. Bibliographie der Osterhaggadah, 1500–1900. SPb., 1901.

Wiener S. Bibliotheca Friedlandiana: Catalogus librorum impressorum hebraeorum in Museo Asiatico imperialis Academiae Scientiarum Petropolitane asservatorum. SPb., 1893–1918.

Zedner J. Catalogue of the Hebrew Books in the Library of the British Museum. London, 1867.

Список литературы

Бендер И. Г. Bibliotheca Friedlandiana: Каталог еврейских книг (изданных до 1892 года) библиотеки Института востоковедения Академии Наук СССР / Под ред. П. К. Коковцева. Вып. 8. М.; Л., 1836.

Бендер И. Г. Азария де Росси как исследователь древней истории евреев. Л., 1938.

Еврейская энциклопедия // Свод знаний о евреействе и его культуре в прошлом и настоящем. Т. 1–16. СПб.: Изд-во Брокгауз–Ефрон, 1908–1913.

Фрейман А. А. Список рукописей, приобретенных для Азиатского музея Российской академии наук В. А. Ивановым в Бухаре в 1915 г. II. Еврейско-персидские рукописи // Известия Российской академии наук. VI сер. СПб., 1918.

Шухман Е. О. Еврейские палеотипы в коллекции Института восточных рукописей РАН (краткий обзор) // Письменные памятники Востока. 2014. № 1 (20). С. 230–241.

Якерсон С. М. Еврейские сокровища Петербурга. СПб., 2008. С. 49–59.

Якерсон С. М. Каталог инкунабул библиотеки Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Л., 1985.

Якерсон С. М. Неучтенная еврейская инкунабула в коллекции Института восточных рукописей. Supplementum к Каталогу инкунабул на древнееврейском языке библиотеки Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (Л., 1985) // Письменные памятники Востока. 2009. № 1 (10); весна–лето. С. 204–210.

Chwolson D. Reshimat Sifre Yisrael. Wilna, 1897.

Eisenstadt I. D. Daat-Kedoshim // Aus Druckwerken und Handschriften der «Bibliotheca Friedlandiana» geordnet, ergaenzt und herausgegeben von S. Wiener. SPb., 1897–1898.

Friedberg Ch. B. Bet eked sepharim. Bibliographical lexicon. Tel-Aviv: Bar-Juda M.A., 1951.

Ginzburg Sh. M., Marek P. S. Yiddish folksongs in Russia. SPb., 1901.

Shneerson M. Igrot Kodesh (Igrois Koidesh). Vol. 16. N. Y., 1987.

Steinschneider M. Catalogus Librorum Hebræorum in Bibliotheca Bodleiana. Berlin, 1852–1860.

The Hebrew book // An Historical Survey / Eds. R. Posner, I. Ta-Shema. Jerusalem, 1975. P. 67–68.

Vinograd Y. Thesaurus of the Hebrew book. Jerusalem: Institute for computerized bibliography, 2002.

Wiener S. Bibliographie der Osterhaggadah, 1500–1900. SPb., 1901.

Wiener S. Bibliotheca Friedlandiana: Catalogus librorum impressorum hebraeorum in Museo Asiatico imperialis Academiae Scientiarum Petropolitane asservatorum. SPb., 1893–1918.

Zedner J. Catalogue of the Hebrew Books in the Library of the British Museum. London, 1867.

УДК 929.5

Л. В. Тимофеев

Вокруг прототипа Митрофанушки Дениса Фонвизина

Успех комедии «Недоросль» был решительный <...>. В сей комедии так много действительности, что провинциальные предания именуют еще и ныне несколько лиц, будто служивших подлинниками автору. Мне самому случалось встретиться в провинциях с двумя или тремя живыми экземплярами *Митрофанушки,* то есть будто служившими образцом Фон-Визину. Вероятно, предание ложное, но и в самых ложных преданиях есть некоторый отголосок истины.

П. А. Вяземский[1]

Бабушка моя сказывала мне, что в представлении «Недоросля» в театре бывала давка — сыновья Простаковых и Скотининых, приехавшие на службу из степных деревень, присутствовали тут и следств[енно] видели перед собою близких и знакомых, свою семью.

А. С. Пушкин[2]

Более полувека после появления комедии на театральной сцене П. А. Вяземский (1792–1878) отмечал жизненность именно «провинциальных преданий» о находящихся в их среде «подлинниках» персонажей пьесы. О том же сказано и у А. С. Пушкина по рассказам М. А. Ганнибал, бабушки поэта по материнской линии.

[1] *Вяземский П. А.* Фон-Визин // Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1984. С. 221. Первая публикация — в 1848 г.

[2] *Вацуро В. Э.* Пометы Пушкина на книге Вяземского // Временник Пушкинской комиссии, 1964 / АН СССР. Отд-ние лит-ры и яз. Пушкин. комис. Л.: Наука ЛО, 1967. С. 19. Помета сделана на рукописи книги о Д. Фонвизине в 1832 г.

Л. Н. Трефолев (1839–1905), ярославский поэт и краевед, подтвердил эти наблюдения своим примером: тип Митрофанушки срисован с «барчука, обитавшего близ Ярославля <...> Пребывание же Фон-Визина в Ярославской губернии доказывается документами, хранящимися в подростовском селе Угодичах, о чем писал г. Лествицын в “Яросл. Губ. Ведомостях”»[3].

Однако самой привлекательной, а потому и устойчивой оказалась связь образа Митрофанушки не с провинциалом, а с членом Российской академии, почетным членом Императорской Академии наук, первым директором Императорской Публичной библиотеки, президентом Императорской Академии художеств, покровителем искусств и талантов А. Н. Олениным (21.11.1764–17.04.1843).

Виновник распространения этого предания, опубликованного в 1861 г. под псевдонимом Петербургский Старожил, — плодовитый прозаик и автор книг для детей В. П. Бурнашев (1810–1888).

Бурнашев писал о том, что он стал случайным слушателем рассказа литератора А. Е. Измайлова об А. Н. Оленине, повстречавшемся им в Летнем саду: «А знаете ли,— сказал Измайлов своему спутнику,— что до восемнадцатилетнего возраста этот друг наук и искусств был величайшим невеждою, воспитанный матерью, послужившею Фонвизину для портрета Простаковой, тогда как сынок ее был оригиналом знаменитого Митрофанушки, героя комедии “Недоросль” <...> Не будь у Оленина дяди, фамилию которого он произнес невнятно, Оленин и поныне остался бы Митрофанушкой, покрытым сединами; но дядя выхватил мальчика у баловницы матери и, заметив в нем счастливые способности, дал ему самое дельное и блестящее воспитание. Уверяют даже, будто комедия “Недоросль”, увиденная Олениным в молодых летах, но когда он жил уже у дяди, произвела сильное впечатление на молодого человека и заставила его приняться за ученье и бросить голубятничество и страсть к бездельничанью».

Для придачи рассказу большей достоверности Бурнашев сослался и на другие известные ему источники этой легенды: «С тех пор как мне удалось услышать от покойного баснописца и сказочника Измайлова эту любопытную биографическую черту, прошло много лет, но я потом слышал подтверждение слуха, что Оленин был оригиналом Митрофанушки, от умного и просвещенного человека, узнавшего этот факт от одного из наших академиков, недавно умершего»[4].

Публикация Бурнашева не нашла отклика у еще живущих и близких когда-то к дому Оленина современников. И только спустя 16 лет, по поводу Оленина-Митрофанушки и сочинителя откровенно язвительно высказался упомянутый выше Л. Н. Трефолев: «Насколько это верно, и возможно ли перерождение

[3] *Трефолев Л. Н.* Ярославль при императрице Елизавете Петровне // Древняя и новая Россия. 1877. № 3. С. 287.

[4] [*Бурнашев В. П.*] Предание о том, кто был оригиналом «Митрофанушки» Фон-Визина // Иллюстрация. 1861. Т. 7; № 158; 23 февр. С. 126.

Митрофанушки в такого образованного человека, каким был Оленин, предоставим решить самому г. Петербургскому Старожилу, который подарил русскую литературу хотя и любопытными, но, по большей части, сомнительными “Воспоминаниями”»[5]. Других откликов обнаружить не удалось. Отсутствуют они и в архивах Олениных, где хранятся воспоминания дочерей Алексея Николаевича — В. А. Олениной (1802–1877) и А. А. Андро (1807–1888).

Спустя 80 лет после появления на сцене фонвизинской комедии (1782 — в Петербурге, 1783 — в Москве и т.д.), для подтверждения или отвода бурнашевского сообщения требовалось уже обращение к биографии самого «прототипа», однако... М. И. Семевский был вынужден отметить, что этому государственному деятелю эпохи Александра I «доныне еще не уделено места даже ни в одном из наших справочных энциклопедических словарей — явление в высшей степени странное, не делающее чести составителям этих словарей». В его биографической справке сведения о детстве и отрочестве Алексея Николаевича оказались предельно лаконичными: «...родился в 1763 году. Образование получил за границею, именно в Страсбургском университете и в Дрезденском артиллерийском училище»[6].

Н. И. Стояновский (зять В. А. Олениной), занимавшийся систематизацией архива А. Н. Оленина, сообщил, что родился Алексей Николаевич 21 ноября 1763 г. Его родители — статский советник Николай Яковлевич Оленин (скончался в 1802 г.) и Анна Семеновна, дочь генерал-аншефа князя Семена Федоровича Волконского (скончалась в 1812 г.) — жили в Москве. До 10-летнего возраста Алексей находился при родителях, а в 1774 г. «отослан к своей родственнице, известной княгине Екатерине Романовне Дашковой, у которой на него обратила внимание Императрица Екатерина II. По ея повелению Оленин записан в 1774 году в Пажеский корпус, а в 1780 отправлен в Дрезден для обучения воинским и словесным наукам в тамошней Артиллерийской школе, где и находился с 1780 по 1785 год»[7].

Однако родился Алексей Николаевич не в 1763 г., а 21 ноября 1764 г., о чем свидетельствуют его письма разных лет[8]. До 10-летнего возраста мальчик находился не «при родителях», а при матери, поскольку Николай Яковлевич в эти годы служил в Петербурге, о чем будет сказано ниже[9]. Сомнительно и сообщение об отправке Алексея к княгине Е. Р. Дашковой, ибо в Петербурге в 1774 г. продолжал службу отец, и там же находилась матушка, родившая 9 сентября дочь Варвару[10].

Очень далекими оказались родственные связи Олениных с княгиней Е. Р. Дашковой, хотя А. А. Андро назвала ее даже тетушкой своего отца[11]. Сама Е. Р. Дашкова считала генерал-аншефа князя Михаила Никитича Волконского (1713–1786) дядей своего мужа М. И. Дашкова[12]. Однако столь близкой родственной связи по родословным этих фамилий обнаружить не удалось. По линии Волконских Михаил Никитич оказался пятиюродным (!) братом князя Федора Михайловича Волконского, который был дедом Анны Семеновны и прадедом Алексея Николаевича.

За границей А. Н. Оленин учился только в Артиллерийской школе, о чем свидетельствуют записи в его формулярных списках[13].

Вплоть до наших дней во всех энциклопедических изданиях авторы статей об А. Н. Оленине не выходили за рамки объема сведений или от М. И. Семевского, или от Н. И. Стояновского с повторением указанных ошибок[14]. И всё же даже очень лаконичные и не совсем точные сведения о недоросле Оленине должны были вызвать недоверие к Бурнашеву, однако легенда продолжала жить. Многие годы она использовалось С. Б. Рассадиным, порой — в содружестве с Б. М. Сарновым. В их изложении, предназначенном для детей школьного

[5] *Трефолев Л. Н.* Указ. соч. С. 287.

[6] *Семевский М. И.* Алексей Николаевич Оленин. 1763–1843 // Рус. старина. 1875. Т. 14; № 10. С. 280. По-видимому, сведения об учебе А. Н. Оленина за границей были получены от В. А. Олениной.

[7] *Стояновский Н. И.* Очерк жизни Алексея Николаевича Оленина // Археологические труды А. Н. Оленина. Т. 1. СПб., 1881. С. XV–XVI.

[8] Выдержки из двух писем я использовал в книге: *Тимофеев Л. В.* В кругу друзей и муз. Дом А. Н. Оленина. Л.: Лениздат, 1983. С. 254. 9 писем и другие документы включены в статью: *Тимофеев Л. В.* К родословной Олениных // Приютинский сборник. № 2. СПб., 2001. С. 15–17. На контрдоводы О. Д. Голубевой в кн. «Хранители мудрости» (М.: Кн. палата, 1988. С. 7, 235), В. М. Файбисовича в статье «Николай Яковлевич или Матвей Федорович? Обстоятельства рождения А. Н. Оленина» (в кн.: Приютинский сборник. № 2. СПб., 2001. С. 18–28) и в монографии «Алексей Николаевич Оленин: опыт науч. биогр». (СПб., 2006. С. 18) я ответил статьями «Первый директор Публички: к вопросу о подлинной дате рождения Алексея Оленина» (в газете: СПб. ведомости. 2014. 24 янв.) и «Когда же родился А. Н. Оленин?» (в кн.: Национальная библиотека. 2014. № 2 (02). С. 58–63).

[9] Ошибку Н. И. Стояновского закрепил в «Русском биографическом словаре» И. А. Кубасов (СПб., 1905. Т. 12. С. 215).

[10] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 76 (1774 г.). Л. 94 об. (Сообщил С. И. Афанасьев). В «Санкт-Петербургском некрополе» указана ошибочная дата рождения: 5 сент. 1771 г.

[11] *Оленина А. А.* Указ. соч. С. 229.

[12] *Дашкова Е. Р.* Записки. 1743–1810. Л.: Наука, 1986. С. 36.

[13] РГВИА. Ф. 733. Оп. 16. Д. 36 б (1818 г.); РГБ НИОР. Ф. 211. Карт. 3627. Д. 4 (1838 г.). Сообщение Семевского об учебе А. Н. Оленина в Страсбургском университете позаимствовали: Энц. словарь. Изд-во Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. СПб., 1897. Т. 21-А. С. 868; Большая энциклопедия / Под ред. С. Н. Южакова. СПб., [1904]. Т. 14. Стб 374; Новый энциклопедический словарь. Пг., 1916. Т. 29. Стб 419.

[14] В том числе и в самых последних изданиях. См.: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802–1917: Библиогр. спр. СПб., 2011. С. 472–476; *Кружнов Ю. Н.* Олонины // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия в 3 т. СПб., 2005. Т. 2. Кн. 4 (М–О). С. 715–716; Большая Российская энциклопедия. Т. 24: Океанариум–Оясио. М., 2014. С. 92–93. В начальный период знакомства с биографией А. Н. Оленина я также указал на участие Н. Я. Оленина в воспитании сына до его отъезда в 1774 г. в Петербург, а также на учебу в Страсбургском университете. См.: *Тимофеев Л. В.* 1) Мнимый Митрофанушка // Лит. Россия. 1980. 18 янв. С. 16; 2) В кругу друзей и муз. С. 5, 7.

возраста, она больше походила на реальный исторический факт: «Кстати, говорят, что комедия Фонвизина имела и самое прямое действие. По мнению иных его современников, Митрофан был карикатурой на знакомого Фонвизину дворянского мальчика Алексея Оленина. И карикатура произвела на юного Оленина такое впечатление, что он набросился на учебу, учился в Страсбурге и Дрездене, стал одним из образованнейших людей России и даже президентом Академии художеств»[15]. Мнений иных современников, кроме Бурнашева, найти не удалось, а авторы сочинили сценарий радиопередачи для детей[16].

Нет, жизнь Алексея Оленина протекала в иной среде, а его матушка никак не походила на «баловницу» сына госпожу Простакову и держала своего первенца в «ежовых рукавицах». «Он очень хотел вступить в военную службу,— узнаем от А. А. Андро,— но бабушка задумала непременно поместить его при дворе и, чтобы разочаровать его в желании быть военным, она заставляла сына по несколько часов стоять с тяжелым ружьем на карауле, да еще по колено в снегу. До десяти лет батюшка оставался при родных под надзором гувернера-француза...»[17]

Действительно, в гувернерах оказался некий француз по фамилии Лестрад. Подписывался он непременно с предикатом «Де», подчеркивая этим свое дворянское происхождение — De Lestrade[18]. По будням четыре часа утром и столько же в послеобеденное время были отведены для занятий арифметикой, историей, географией, мифологией, языком и чтением по-французски, а также искусству танца, музыке и рисунку[19].

И в то же время мы не знаем, как относился мальчик к учебе, насколько качественно преподавались те или иные предметы. Гувернер-француз, т.е. Лестрад, «только и знал свою французскую литературу и правописание» и «кроме Вольтера и его развратных сочинений он не знал ничего другого»[20]. Но это мнение А. А. Андро, высказанное в преклонном возрасте.

В Пажеском корпусе в дополнение ко всем предметам домашнего образования «величайший невежда» должен был изучать русский язык, естествознание, военные науки, геральдику, генеалогию, а также юриспруденцию и государственный церемониал. Кроме современных иностранных языков воспитанники получали знания в латыни. Обучали мальчиков также фехтованию, верховой

[15] *Рассадин С. Б., Сарнов Б. М.* Рассказы о литературе. М.: Дет. лит., 1977. С. 40.

[16] *Рассадин С., Сарнов Б.* В стране литературных героев: [Сценарии цикла лит. радиопередач для школьников]. М.: Искусство, 1979. С. 85–95; *Рассадин С. Б.* 1) Фонвизин. М.: Искусство, 1980; 2) Сатиры смелый властелин: Книга о Д. И. Фонвизине. М.: Книга, 1985.

[17] *Оленина А. А.* Указ. соч. С. 229. И Анна Алексеевна повторяет ошибку Н. И. Стояновского о пребывании в Москве обоих родителей до отъезда ее отца в 10-летнем возрасте в Петербург.

[18] ОР РНБ. Ф. 542. Д. 602. Л. 3.

[19] Там же. Д. 349.

[20] *Оленина А. А.* Указ. соч. С. 229, 230.

езде, танцам. До 18-летнего возраста и «появления» загадочного дяди-спасителя наш Митрофанушка успел отучиться шесть лет в Пажеском корпусе; пять лет в Артиллерийской школе, где по случаю выпуска из Пажеского корпуса он 6 августа 1783 г. получил чин капитана. Так что он не мог стать объектом внимания сатирика, чему и была посвящена в 1980 г. небольшая газетная публикация[21].

Парис Седов с этим не согласен, заявляя, что «за сто с лишним лет существования этой версии не раз делались попытки опровергнуть ее (кем и где? — *Л. Т.*), высказывалось мнение, что слухи об Оленине-Митрофанушке распускались недругами ученого». Кроме того, «круг воспитателей, хороших и плохих, “перекочевал” из семьи Олениных в семью Простаковых»[22].

Отмечая факт бедности данных о жизни Фонвизина и Алексея Николаевича «доприютинского периода» (земли под дачу приобретены в 1795 г.), автор полагает, что к версии Оленин — Митрофан «стоит присмотреться внимательно»: был ли он знаком с автором комедии до ее премьеры в 1782 г.?

Внимание П. Седова привлек Василий Алексеевич Аргамаков, женившийся в 1764 г. на сестре Д. И. Фонвизина: «Они вместе учились в гимназии при Московском университете. Аргамаков затем служил в лейб-гвардии Конном полку, где одним из эскадронов командовал отец Оленина. В те времена офицеры гвардейских полков составляли собой дружное и крепкое братство». По убеждению П. Седова, эта дружба продолжилась и в следующем поколении: «Нам, например, известно, что племянник Фонвизина, А. В. Аргамаков, офицер и поэт, всю жизнь оставался другом Алексея Николаевича Оленина, часто гостил у него в Приютине».

«Воспитался» же недоросль Алексей в доме своего дядюшки, князя Григория Семеновича Волконского. «По складу характера, взглядам и поведению,— сообщает автор,— это был воспитатель, как говорят, милостью Божьей; гармонично сочетались в нем образованность, добродушие и трезвый рассудок». В доме Волконских «наверняка бывали и Д. И. Фонвизин, и воспитанник Пажеского корпуса Алексей Оленин», и здесь, на Мойке, «писатель мог “сторожить природу”, наблюдая за маленьким Алешей в домашних условиях».

В. А. Аргамаков действительно служил с отцом Алексея Николаевича в Конной гвардии[23], однако прежде учился он в Пажеском корпусе, а затем состоял в камер-пажах российского посла в Варшаве[24]. Однокашником Фонвизина по университету был его брат, П. А. Аргамаков[25].

[21] *Тимофеев Л. В.* 1) Мнимый Митрофанушка... С. 16; 2) В кругу друзей и муз... С. 5–8.

[22] *Седов П.* Вот тебе и Митрофанушка... // Лит. Россия. 1985. 28 июня, № 26. С. 2. Из контекста статьи видно, что она появилась в ответ на мои публикации.

[23] Полный список шефов, полковых командиров и офицеров Лейб-гвардии Конного полка с 1731 по 1886 г. СПб., 1886. С. 66, 69.

[24] *Фрейман О. Р.* Пажи за 185 лет. Фридрихсгам, 1897. С. 34.

[25] Документы и материалы по истории Московского ун-та 2-й пол. 18-го в. Т. 1: 1756–1764. М.: Изд-во МГУ, 1960. С. 82, 336.

О «продолжительной дружбе» А. Н. Оленина с «часто гостившим в Приютине» сыном В. А. Аргамакова нам ничего неизвестно. Что касается князя Г. С. Волконского, то он не удостоился столь лестной характеристики даже в материалах, собранных для его биографии княгиней Е. Г. Волконской. К тому же трудно предположить, что он мог влиять на воспитание своего племянника, находясь вдалеке от Москвы и Петербурга: сначала — в Речи Посполитой (1767–1768), затем на войне против турок (1769–1770; 1773–1774), позже — в Крыму, усмиряя татар (1776–1777)[26]. Вероятность же встреч Д. И. Фонвизина с маленьким Алексеем Олениным в доме на Мойке исключается: этот дом княгиня А. П. Волконская приобрела в 1806 г.[27] Д. И. Фонвизин давно уже находился в ином мире.

В 2002 г. появилась еще одна публикация на тему Митрофанушки-Оленина. По мнению автора, этот широко известный факт «до сих пор никем не оспорен». Далее следует компилятивный рассказ об Алексее Николаевиче и его гостеприимном доме, и членах его семьи с повторением всех отмеченных выше ошибок и своими дополнениями: выйдя в 1795 г. в отставку с военной службы, А. Н. Оленин «переехал (откуда?! — *Л. Т.*) с женой и двумя детьми в Петербург», где в числе друзей-писателей оказался и Денис Иванович Фонвизин![28]

Однако тема Оленина-Митрофанушки неожиданно обрела иной поворот.

Новый прототип Митрофанушки из Олениных. И кто же?

До декабря 1984 г. в архиве А. Н. Оленина, поступившем в Императорскую Публичную библиотеку более века назад, оставалось невостребованным читателями дело с выписками к родословной Олениных. В выписке челобитной от 24 июля 1756 г. Дмитрий и Николай Яковлевичи Олениных назвали себя учениками Московского университета[29].

В протоколе университетской Конференции от 26 февраля 1760 г. сообщалось, что «Дмитрий Аленин в университете 3 года, ничего не знает. Он уволился для поступления на службу». В протоколе от 18 мая 1762 г. отмечено, что «совсем уволился» и Николай Оленин[30]. Материалы по истории университета также засвидетельствовали одновременное обучение с Олениными братьев Дениса и Павла Фонвизиных.

После знакомства В. М. Файбисовича в июне 1999 г. с челобитной братьев Олениных появилась еще одна публикация на тему прообраза Митрофанушки.

[26] *Волконская Е. Г.* Род князей Волконских. СПб., 1900. С. 702–706.

[27] *Седова Г. М., Солдатова Л. М.* Особняк на Мойке, 12. СПб.: Белое и черное, 1999. С. 53.

[28] *Поляков В. Е.* Тысячеискусник // Московский журнал. 2002. № 2. С. 7–11.

[29] ОР РНБ. Ф. 542. Д. 990. Л. 5 об. В учениках числились дети, принятые в дворянскую гимназию, открытую при университете.

[30] Документы и материалы по истории Московского ун-та... С. 162–163, 248–249.

«Никто, кажется, не интересовался фигурой таинственного оленинского дяди-благодетеля,— стремится заинтриговать автор. — По отцовской линии дядей Алексея Николаевича был Дмитрий Яковлевич, старший брат его отца»[31]. На следующей странице: «Единственным дядей А. Н. Оленина по отцу был Дмитрий Яковлевич Оленин, уволенный из гимназии за полное отсутствие знаний. Невольно возникает вопрос: не он ли послужил прототипом Митрофанушки для своего бывшего соученика Дениса Фонвизина? Не с ним ли была изначально связана первооснова анекдота, безбожно искаженного в позднейшей передаче Измайлова–Бурнашева?» (с. 31).

Причина «искаженной первоосновы» — «очевидные анахронизмы», обнаруженные автором в сообщении Бурнашева: разговор в Летнем саду не мог состояться в 1832 г., так как А. Е. Измайлов умер 16 января 1831 г., а с 1826 и до марта 1829 г. он служил в Твери и Архангельске. К тому же «об обстоятельствах отрочества А. Н. Оленина» он мог узнать только по рассказам, поскольку был «на полтора десятка лет моложе Алексея Николаевича». Наконец, «предать гласности» эту легенду Бурнашев решился только через 31 год (после встречи с Измайловым или после его смерти? — *Л. Т.*), а потому «стоит ли удивляться недостоверности этого предания?» (с. 30).

Определив на роль Митрофана Дмитрия Оленина, В. М. Файбисович начал искать дядюшку среди Волконских, но тут же высказал сомнение в его способностях быть «благодетелем» племянника: «Единственным дядюшкой Алексея Николаевича Оленина по линии матери был знаменитый Григорий Семенович Волконский. Он был крестным отцом своего племянника, но о его сколько-нибудь заметной роли в становлении личности Алексея Оленина ничего неизвестно» (с. 32).

О существовании еще одного претендента на место дядюшки В. М. Файбисович нашел в записках В. А. Олениной об отце: «Двенадесяти лет (шестнадцати. — *Л. Т.*) его отправили в Дрезден под попечение дальнаго его родни К-зя Белосельскаго, которой был решительно ему отцом и возвратившись в Петербург продолжал всю жизнь» (sic!)[32].

В. М. Файбисович пояснил сказанное В. А. Олениной: речь идет о русском посланнике в Дрездене князе А. М. Белосельском, получившем «позднее право числиться дядюшкой Оленина», т.е. когда его дочь Зинаида вышла замуж за Никиту Григорьевича Волконского — двоюродного брата Алексея Николаевича (с. 32). «До настоящего времени,— отмечает автор,— никто не обращал

[31] *Файбисович В. М.* Еще раз о прототипе фонвизинского Недоросля // Приютинский сборник. № 2. СПб., 2001. С. 30. Далее отсылки на эту статью даются в основном тексте с указанием в скобках только страницы. В этот сборник вошла и сданная в 1999 г. моя статья «К родословной Олениных» (с. 7–17), в которой впервые были представлены выявленные в РНБ, РГИА и РГВИА рукописные материалы к биографиям Дмитрия, Николая и Алексея Олениных.

[32] ОР РНБ. Ф. 542. Д. 877. Л. 80 об.

внимания на это свидетельство. Имя кн. А. М. Белосельского не упоминается ни одним биографом А. Н. Оленина, между тем кн. А. М. Белосельский, несомненно, сыграл значительную роль в становлении личности Оленина и формировании его художественно-исторических интересов» (с. 33).

Окончательный вывод — в сообщении Бурнашева «причудливо переплелись отголоски преданий о том, что прототипом Митрофанушки Фонвизину послужил незадачливый ученик университетской дворянской гимназии Дмитрий Оленин, дядюшка будущего директора Публичной библиотеки и президента Академии художеств,— и слухов о благотворном влиянии, которое было оказано на юного Алексея Николаевича кн. Александром Белосельским» (с. 34).

В монографии, посвященной А. Н. Оленину, на роль Митрофанушки утвержден Дмитрий Оленин: «Возможно, “Недоросль” содержит аллюзии на Дмитрия Оленина, уволенного из гимназии полным невеждой после трех лет обучения. Имя Д. Я. Оленина, умершего за двадцать лет до премьеры знаменитой фонвизинской пьесы, ничего не говорило большинству зрителей; с годами молва приписала свойства незадачливого гимназиста его знаменитому племяннику».

Место просвещенного «дядюшки-благодетеля» занял князь А. М. Белосельский: «Можно полагать, что имя, невнятно произнесенное Измайловым и оставшееся загадкой для Бурнашева, обозначало князя Александра Михайловича Белосельского (1752–1809), впоследствии Белосельского-Белозерского»[33]. Встрече юного Оленина с будущим «дядей» за границей предшествовали «родственные и московские светские связи А. С. Олениной с князем». Они «позволяют предположить, что откомандированием в Дрезден Алексей Николаевич был обязан не столько вниманию Екатерины Великой, сколько хлопотам матери. Можно думать, что при назначении князя Белосельского посланником при Саксонском дворе Анна Семеновна заручилась его согласием взять на себя попечение об Алексее Оленине»[34].

Произошла также и корректировка сообщений Н. И. Стояновского, В. А. Олениной и А. А. Андро: «Можно предположить, что юный Оленин продолжал образование в Дрездене отнюдь не потому, что только здесь он мог стать первоклассным артиллеристом: если военное ремесло Оленину предстояло постигнуть в артиллерийской школе, то академией “словесных наук” мог с успехом послужить ему дом русского министра»[35].

Аргументы и домыслы В. М. Файбисовича также требуют «корректировки». «Анекдот» о Митрофанушке — А. Н. Оленине нам известен все-таки в изложении В. П. Бурнашева, а не А. Е. Измайлова. Разница в возрасте А. Н. Оленина и А. Е. Измайлова не имеет никакого значения. Ничего не изменилось бы, если

[33] *Файбисович В. М.* Алексей Николаевич Оленин: опыт научной биографии. С. 36.

[34] Там же. С. 42.

[35] Там же. С. 37.

они оказались одногодками. Детство А. Н. Оленина прошло в Москве, А. Е. Измайлова — в Петербурге, однако они были не только знакомы: баснописец был вхож в дом Олениных. 1 февраля 1824 г., например, он сообщал И. И. Дмитриеву об одном из визитов: «Крылов написал несколько новых басен. Я слышал только четыре, читанные им при мне у А. Н. Оленина»[36].

Не стоит сужать хронологические рамки возможной встречи в Летнем саду «уточненными» 1829–1830 гг. только потому, что ранее баснописец находился в Архангельске и Твери. Служба на посту вице-губернатора не могла препятствовать его поездкам в Петербург.

Для опровержения или поддержки «предания» факт временны́х ошибок также не имеет никакого значения. Да и критика упрекала Бурнашева в «недостоверности, хронологических и фактических неточностях, пристрастности»[37]. Единственное невыдуманное место в повествовании Бурнашева, на мой взгляд, это указание на его встречу с А. Н. Олениным в Летнем саду. С октября–ноября 1827 г. Алексей Николаевич жил в нескольких шагах от него, наняв на Дворцовой набережной дом у князя П. Г. Гагарина (ныне — Дворцовая наб., д. 10).

Сомнение в достоверности рассказанного Бурнашевым вызывает иное — наличие нескольких туманных мест: фамилию дядюшки Алексея Николаевича он не смог назвать оттого, что будто бы не расслышал ее; об имени «умного и просвещенного человека», подтвердившего позже рассказ Измайлова, он умолчал. Безымянным остался «один из наших академиков», который информировал этого «умного и просвещенного человека».

В изложении этого «предания» наблюдается обычный для автора прием ссылок на некие знакомые ему лица и на вымышленных «свидетелей»[38]. Дядей Алексея Оленина по отцу был не только «незамеченный биографами» новый прототип Митрофанушки в лице Дмитрия Оленина. Оказался забытым Семен Андреевич Батюшков, женившийся на тетке Алексея Оленина Прасковье

[36] *Измайлов А. Е.* Письма к И. И. Дмитриеву. 1816–1830 // Русский архив. 1871. № 7, 8. Стб 981.

[37] *Лепёхин М. П.* Бурнашев В. П. // Русские писатели. 1800–1917:. Биографический словарь. Т. 1. М., 1989. С. 371.

[38] В другой публикации, сославшись на некоего Селифона Селифонтьевича, он сообщал, что Крылов жил у Олениных в Приютине в «особом домике, называемом Крыловскою кельею <...> В 1849 году, когда Приютино принадлежало доктору Ф. М. Адамсу, были еще следы этого домика, служившего сараем для картофеля». См.: [*Бурнашев В. П.*] Наши чудодеи. Летопись чудачеств и эксцентричностей всякаго рода / Сост. Касьян Касьянов. СПб., 1875. С. 208. М. И. Пыляев закрепил в сознании читателей существование «Крыловской кельи», дословно повторив эту выдумку. См.: *Пыляев М. И.* 1) Старый Петербург. Л.: Титул, 1990. С. 410; 2) Забытое прошлое окрестностей Петербурга. Л.: Лениздат, 1996. С. 65. Театровед А. М. Брянский (1888–1942, псевдоним А. М. Попова), позаимствовал эти сведения и внес свою лепту: «Здесь для Крылова был отстроен специальный домик, где Олениным были предусмотрены все вкусы и привычки знаменитого баснописца. Домик этот в 40-х годах служил для ссыпки картофеля, а в 60-х годах снесен совершенно» (ОР РНБ. Ф. 106. Д. 20. Здесь жил Пушкин. 1937. Л. 8).

Яковлевне[39]. Забыты двоюродные братья отца: Иван, Виктор, Самойла (Самуил), Никанор, Платон, Дормидонт Михайловичи Олениные; мужья их сестер: Нимфадоры — Григорий Алексеевич Каховский и Екатерины — Федор Иванович Веселовский[40].

По линии матери забыты мужья ее родных сестер, а его теток: Марьи Семеновны — А. В. Римский-Корсаков, Натальи Семеновны — А. И. Хрущов, Александры Семеновны — Ф. И. Дмитриев-Мамонов, Екатерины Семеновны — П. Л. Ермолов[41].

Об участии Г. С. Волконского в крещении Алексея Оленина В. М. Файбисович не располагает никакими сведениями. Сообщение А. А. Андро — первоисточник для данного заявления — выглядит иначе: «За отсутствием князя Волконского воспринимал батюшку от купели какой-то монах».

В. М. Файбисович, будучи научным редактором и комментатором воспоминаний А. А. Андро, тогда высказал предположение, что это, «вероятно, Григорий Семенович Волконский»[42]. В статье о происхождении А. Н. Оленина, опубликованной в одном сборнике со статьей о Митрофанушке, он изложил иную версию: «Не исключено, однако, что в “Князе Волконском” следует видеть Михаила Никитича», потому что «вероятнее всего, кн. М. Н. Волконскому роль крестного была отведена как одному из главных участников переворота, отмеченному особой милостью императрицы»[43].

В итоге абсолютно ненужных для поисков «дяди-спасителя» попыток узнать имя несостоявшегося крестного отца появляется неутешительное заключение: «К сожалению, мы не располагаем столь верными сведениями о местонахождении в конце ноября 1763 г. (общепринятая дата рождения А. Н. Оленина. — *Л. Т.*) тех из кн. Волконских, в которых можно предполагать крестного отца Алексея Оленина — Михаила Никитича, Григория Семеновича и др.»[44]

Присутствуют эти бессмысленные поиски и в монографии В. М. Файбисовича: «возможно», это князь Г. С. Волконский; «вероятнее, однако», князь М. Н. Волконский, которого, «можно полагать, <...> пригласили в крестные как вельможу, отмеченного особой милостью императрицы»[45]. Надуманно

[39] Установлению родственных связей Олениных с Батюшковыми предшествовала служба Якова Илларионовича и Ивана Ивановича Олениных в Шляхетном кадетском корпусе, куда были зачислены на учебу братья Михаил и Семен Андреевичи Батюшковы.

[40] *Тимофеев Л. В.* От Парфения (Родословная Олениных) // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник — 2003 / РАН. М.: Наука, 2004. С. 43, 44.

[41] *Волконская Е. Г.* Указ. соч. С. 750. В поколенной росписи женой А. И. Хрущова ошибочно названа не Наталия, а Анастасия; не указано, что П. Л. Ермолов состоял во втором браке.

[42] *Оленина А. А.* Указ. соч. С. 229, 239 (прим. 22).

[43] *Файбисович В. М.* Николай Яковлевич или Матвей Федорович?.. С. 24–25.

[44] Там же. С. 25–26.

[45] *Файбисович В. М.* Алексей Николаевич Оленин... С. 20–21; 46 (прим. 74).

утверждение о «московских светских связях» Анны Семеновны Олениной с князем А. М. Белосельским, жизнь которого никак не была связана с первопрестольной.

Неувязка получилась и с зачислением князя в дядюшки А. Н. Оленина, так как он не успел породниться с бывшим подопечным ему в Дрездене воспитанником Артиллерийской школы, скончавшись за два года до бракосочетания (3 февраля 1811 г.) дочери Зинаиды с Н. Г. Волконским[46].

Сообщение В. А. Олениной о попечительстве князя над ее отцом имеет под собой основу, поскольку все находившиеся за границей российские студенты пребывали под опекой русских посланников.

Об одной из их обязанностей свидетельствуют повеления Екатерины II от 1 апреля 1782 и 31 января 1785 г. оплатить из сумм собственного Кабинета два векселя, предъявленные в Дрездене Белосельскому за содержание и обучение Оленина. В первом случае — пажа, во втором — уже капитана[47].

Аргументы в пользу влияния А. М. Белосельского на формирование эстетических вкусов и интересов «племянника» сведены В. М. Файбисовичем лишь к изложению биографии министра. О контактах между ними в Дрездене и в Петербурге — ни одного слова.

Н. И. Стояновский на основании архива Алексея Николаевича и сведений, полученных от В. А. Олениной, сообщил, где осваивались «словесные науки»: «Еще в Дрездене А. Н. изучал в королевской библиотеке сочинения об истории и древностях. “Изящныя произведения ваяния, живописи и архитектуры, по собственным словам Оленина, с юных лет его сильно на него действовали”, а упражнение в рисовании было его любимым занятием»[48].

Однако оставим в покое Алексея Николаевича и переключимся на его предков.

Знал ли мальчик Денис Фонвизин семью своих однокашников и ровесников Дмитрия и Николая Олениных?

Думаю, что не знал, поскольку со своими братьями, сестрами и родителями жил в Москве, а Олениных — в Смоленской губернии. Причем Дмитрий, Николай и Прасковья очень рано остались сиротами. Сначала умер Яков Ларионович. 1 февраля 1749 г. Устинья Федоровна просила Вотчинную коллегию записать за нею и детьми приобретенное мужем имение[49]. Она же в феврале 1750 г. доносила в Смоленскую губернскую канцелярию, что у нее имеются дети — Дмитрий 7-ми лет и Николай — 6-ти, которые и были представлены на первый смотр[50].

[46] *Волконская Е. Г.* Указ. соч. С. 716.

[47] РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3897. Л. 100; Д. 3900. Л. 69. Эти документы подтверждают сообщение А. А. Андро о принятии императрицей на себя расходов по содержанию ее отца в Дрездене. См.: *Оленина А. А.* Указ. соч. С. 230.

[48] *Стояновский Н. И.* Указ. соч. С. XVII.

[49] ОР РНБ. Ф. 542. Д. 990. Л. 3 об.

[50] Там же. Л. 6 об.

На второй смотр дети из губерний должны были явиться в канцелярию Герольдмейстерских дел Московской сенатской конторы для определения «в военныя сухопутныя и морския службы, и в гражданскую, и в разныя школы, и по желанию отцев отпускают их в домы для обучения»[51]. Это произошло 15 февраля 1755 г., однако на этот смотр явил «внучатых племянников своих Дмитрия да Николая Яковлевых детей Алениных» И. И. Оленин.

В приложенной сказке он показал, что «от роду Дмитрию двенадцатой, Николаю одиннадцатой годы, грамоте Российской и писать обучены и начали обучать Арифметик <...> и желает он, Полковник Аленин, чтоб оных племянников ево для обучения Арифметики и Геометрии отпустить в дом за обязательством ево с пашпортами»[52].

Именно Иван Иванович Оленин (1724–?), командир Коломенского полка Московского гарнизона, принял на себя заботу о трех малолетних детях после смерти Якова Ларионовича. Именно он оказался в душеприказчиках их матери Устиньи Федоровны, составившей 25 мая 1756 г. духовное завещание, в котором она «отказала всё свое имение оным сыновьям, да из онаго же родной дочери своей Прасковье завещала...»[53] и т.д. Вскоре дети оказались полными сиротами. О смерти Устиньи Федоровны мы узнаем из челобитной ее детей от 24 июля 1756 г. с просьбой утвердить за ними всю недвижимость с крестьянами[54].

Казалось бы, дядя, командир полка, должен был определить внучатых племянников в Сухопутный шляхетный кадетский корпус, в котором он сам некогда обучался, а потом и служил одновременно с их отцом. Выбрана же была открывшаяся в 1755 г. Дворянская гимназия при Московском университете, куда родители неохотно отдавали своих детей, опасаясь отставания в получении ими чинов от тех, кто проходил службу приписанными к полку.

18 мая 1756 г. ученикам и студентам университета была предоставлена особая привилегия, утвержденная Правительствующим Сенатом, согласно которой они одновременно с обучением числились в нижних чинах в одном из гвардейских полков: «Недоросли <...> которые были на смотру: первом в 7 лет, и втором в 12 лет и получили паспорты, могут быть приняты в университет и им дозволяется быть в университете до 16 лет, а смотря по склонности и до 20 лет <...> а чтобы они не могли чрез то потерять произведение

[51] Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗРИ). Собрание первое. СПб., 1830. Т. 11. № 8683. С. 740.

[52] История Московского университета (вторая пол. XVIII — нач. XIX в.): Сб. док-тов. Т. 3: 1757 / Сост., автор вступ. ст. и прим. Д. Н. Костышин. М.: Academia, 2014. С. 658–659. В этой же сказке И. И. Оленин отмечает, что «оныя племянники ево на первой смотр явлены в 750 году в Марте м[е]с[я]це в Московской губернской Канцелярии <...> и для обучения Российской грамоте и писма отпущены до двенадцати лет с пашпортом, которыя приложили при сей скаске» (Там же).

[53] ОР РНБ. Ф. 542. Д. 990. Л. 7 — 7 об.

[54] Там же. Л. 5 об.

(производство в следующий чин. — *Л. Т.*), оных в повышениях старшинством не обходить и произвождение им с прочими в тех командах чинить по указам»[55].

Уместно отметить, что жена И. И. Оленина, Екатерина Ивановна (1725–1788), была дочерью генерал-майора И. М. Шувалова-старшего (†1736) и двоюродной сестрой основателя и куратора Московского университета И. И. Шувалова[56]. Определив внучатых племянников в гимназию, И. И. Оленин позаботился и об их сестре, «порученной» ему «по духовной от матери ея». Прасковья была выдана замуж за полкового адъютанта Коломенского полка Семена Андреевича Батюшкова. 25 июля 1757 г. Батюшков выделенное Устиньей Федоровной приданное «всё сполна принял и по сей рядной подписал собственною своею рукою»[57].

Таким образом, Денис Фонвизин мог «наблюдать» своих сверстников Дмитрия и Николая Олениных только в стенах гимназии. Или в доме их дяди, полковника И. И. Оленина. Относительно «первоосновы анекдота» — того, что уволившийся из университета Дмитрий Оленин (1743–1762) дал повод соученику Денису Фонвизину для написания образа Митрофана, — выскажем сомнение.

Подобных ему персонажей в гимназии в первые годы ее существования было немало. За систематические пропуски, леность, отсутствие знаний отчислялись или покидали по своей воле новое учебное заведение многие соученики Дениса Фонвизина и братьев Олениных, о чем свидетельствуют протоколы университетской Конференции[58].

Увольнение 18 мая 1762 г. Николая Оленина (в числе девяти учеников) В. М. Файбисович объяснил необходимостью «вступить во владение оленинскими имениями» после смерти брата Дмитрия (с. 31). Однако это «вступление» имело место 3 мая[59]. До этого акта Николаю пришлось дважды «вступать во владение» без «увольнения»: 22 декабря 1756 г. после смерти матери и 26 марта 1762 г. при выкупе у своей сестры Прасковьи части имения, выделенного ей при замужестве[60].

В жизни 17-летнего ученика Николая Оленина (24.04.1744–05.03.1802) произошло событие, не отраженное в документах университета, но не забытое, как я думаю, его однокашником Денисом Фонвизиным: он женился! 30 мая 1761 г. был скреплен подписями свидетелей документ, определивший дальнейшую судьбу Н. Оленина: «Зговорил я, князь Семен, дочь свою родную девицу имяни Анну в замужество лейб-гвардии Преображенскаго полку за капрала Николая

[55] ПСЗРИ. Собр. второе. СПб., 1840. Т. 14. № 10558. С. 571–573.

[56] *Тимофеев Л. В.* К родословной Олениных. С. 10.

[57] РГИА. Ф. 1343. Оп. 26. Ч. 2. Д. 3478. Л. 59 — 62 об.

[58] Док-ты и материалы по истории Московского ун-та... С. 82, 311, 315, 367–368.

[59] ОР РНБ. Ф. 542. Д. 990. Л. 10 — 10 об.

[60] Там же. Л. 7 об., 6 об.

Яковлева сына Аленина...» За засидевшейся в девицах дочерью, которая была на семь лет старше жениха-гимназиста, князь Семен Федорович Волконский дал «приданого золота и серебра, платьев и белья и протчева» на 4 тысячи рублей и еще добавил 6 тысяч на приобретение деревень[61].

У Д. И. Фонвизина Стародум завещает Софье, воспитаннице Простаковой, 10 тысяч рублей, и она начинает борьбу за богатую невесту для своего сына. Втянутый в эту борьбу Митрофанушка в итоге произносит ставшие крылатыми слова: «Час моей воли пришел. Не хочу учиться, хочу жениться!»

Публикуя сговорную в родословной Олениных, я отметил, что еще с указов Петра I недорослям, не получившим образования, не дозволялось жениться, пока не выучатся. Не он ли, товарищ Дениса Фонвизина по гимназии, позже стал прототипом Митрофанушки в комедии «Недоросль», вопреки устоявшейся версии об Алексее Николаевиче, его сыне?[62]

В. М. Файбисович с этим не согласен: «Однако и карьера Н. Я. Оленина в Конной гвардии, и его двукратное избрание предводителем дворянства Касимовского уезда предполагают известный светский и культурный ценз, который трудно совместить с образом фонвизинского Митрофана»[63]. Но еще труднее совместить с этим образом «известный светский и культурный ценз» Алексея Николаевича, о чем высказался еще в 1877 г. Л. Н. Трефолев.

Покинув в мае 1762 г. университет, капрал Николай Оленин явился к месту своей службы в л.-гв. Преображенский полк, в который был записан в 1757 г.[64] Затем был л.-гв. Конный полк, участие в 1774 г. волонтером в войне с турками и выход 1 января 1777 г. в отставку в чине полковника армии[65].

По словам А. А. Андро, «жил он больше в деревне, в Рязанской губернии, селе Салауре, живописно расположенном при трех огромных озерах, и очень любил свое уединение»[66]. Анна Семеновна предпочитала деревне Москву, где у Николая Яковлевича было два дома[67].

Итак, легенда об А. Н. Оленине как прототипе Митрофанушки, сочиненная или пересказанная В. П. Бурнашевым, появилась на реальном, документально подтвержденном факте совместного обучения братьев Дмитрия и Николая Олениных с Денисом Фонвизиным в стенах Московского университета. Как отметил В. М. Файбисович, «с годами молва приписала свойства» недоучившегося гимназиста его знаменитому сыну Алексею Николаевичу Оленину.

А Алексей Николаевич однажды вспомнил о Митрофанушке. В отзыве на доклад академика Ф. И. Круга по поводу издания русских летописей он отметил репликой то место, где академик «жалуется, что он хотя холост, но не может жить 1400 рублями и для того только и не желает жениться, хотя сие есть его искреннейшее желание»: «“Не хочу учиться, хочу жениться”, — говаривал бывало Митрофан Простаков»[68].

В заключение добавим, что, несмотря на многолетние усилия С. Б. Рассадина и Б. М. Сарнова поддержать версию В. П. Бурнашева об Алексее Оленине — Митрофанушке — с благородной целью воспитания подростков, — современные представители образования и науки предложили школьникам в прототипы Митрофана «некоего барчука, проживавшего в окрестностях Ярославля»[69].

[61] РГИА. Ф. 914. Оп. 1. Д. 122. Первая публикация: *Тимофеев Л. В.* К родословной Олениных... С. 11.

[62] *Тимофеев Л. В.* От Парфения (Родословная Олениных). С. 16.

[63] *Файбисович В. М.* Алексей Николаевич Оленин... С. 49 (прим. 63).

[64] РГИА. Ф. 1374. Оп. 6. Д. 1048. Л. 2.

[65] Полный список шефов, полковых командиров... С. 69.

[66] *Оленина А. А.* Указ. соч. С. 228. Добавлю: в 1781 и 1788 гг. избирался предводителем дворянства Касимовского уезда, в котором находилось село Салаур.

[67] *Туркистанов Н.* Московский адрес-календарь на 1792 год. Списки домовладельцев. СПб., 1898. С. 39; Указатель Москвы, показывающий по азбучному порядку имена владельцев всех домов сей столицы... М., 1793. Ч. 2. С. 111 (ошибочно указан как Оленев), 113.

[68] Цит. по: *Медведев И. П.* Критические заметки А. Н. Оленина на записку академика Ф. И. Круга о проекте издания русских летописей // Круги времен: В память Е. К. Ромодановской. М.: Индрик, 2015. Т. 2. С. 489.

[69] Митрофан Терентьевич Простаков (Митрофанушка) // Все герои произведений русской литературы: Словарь-справочник. М.: Олимп, 1997. С. 153.

References

Annenkov I. V. Istorija leyb-gvardii Konnogo polka. Cz. 3. SPb., 1849.

Burnashev V. P. Nashi chudodei. Letopis' chudachestv i ekscentrichnostey vsyakogo roda. SPb., 1875.

Burnashev V. P. Predanie o tom, kto byl originalom «Mitrofanushki» Fonvisina // Illustraziya. 1861. T. 7. N 158. S. 126.

Dashkova E. R. Zapiski. 1743–1810. L.: Nauka, 1986.

Dokumenty i materialy po istorii Moskovskogo universiteta 2-j poloviny XVIII v. T. 1: 1756–1764. M.: MGU, 1960.

Fajbisovich V. M. Aleksey Nikolaevich Olenin: Opyt nauchnoj biografii. SPb., 2006.

Fajbisovich V. M. Eshhe raz o prototipe fonvizinskogo Nedoroslya // Priyutinskiy sbornik. II. SPb., 2001. S. 29–34.

Fajbisovich V. M. Nikolaj Yakovlevich ili Matvej Fedorovich? (Obstoyatel'stva rozhdeniya A. N. Olenina) // Priyutinskij sbornik. II. SPb., 2001. S. 18–28.

Frejman O. R. Pazhi za 185 let. Fridrichsgam, 1897.

Istoriya Moskovskogo universiteta (2-ja polovina XVIII — nachalo XIX veka): Sb. dokumentov. T. 3: 1757. M.: Academia, 2014.

Izmajlov A. E. Pis'ma k I. I. Dmitrievu // Rus. Arkhiv. 1871. N 7, 8. Stb 961–1014.

Kochetkova N. D. Fonvizin v Peterburge. L.: Lenizdat, 1984.

Kubasov I. Olenin Aleksej Nikolaevich // Russkij biograpficheskij slovar'. SPb., 1905. T. 12 [Obez'janiniov–Ochkin]. S. 215–224.

Lepekhin M. P. Burnashev V. P. // Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficzeskij slovar'. M., 1989. S. 370–372.

Medvedev I. P. Kriticheskie zametki A. N. Olenina na zapisku akademika F. I. Kruga o proekte izdanija russkikh letopisej // Krugi vremen: V pamjat' E. K. Romodanovskoj. M.: Indrik, 2015. T. 2. S. 483–494.

Mitrofan Terent'evich Prostakov (Mitrofanushka) // Vse geroi proizvedenij russkoj literatury: Slovar'-spravochnik. M.: Olimp, 1997.

Olenina A. A. Dnevnik. Vospominanija. SPb.: Akadem. proekt, 1999.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 1. SPb., 1830. T. 11.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 2. SPb., 1840. T. 14.

Polnyj spisok shefov, polkovych komandirov i ofizerov Leyb-gvardii Konnogo polka s 1763 po 1886 g. SPb., 1886.

Polyakov V. E. Tycyacheiskusnik // Moskovskiy zhurnal. 2002. N 2. S. 7–11.
Pylyaev M. I. Staryj Peterburg. L.: Titul, 1990.
Pylyaev M. I. Zabytoe proshloe okrestnostej Peterburga. SPb.: Lenizdat, 1996.
Rassadin S. B. Fonvizin. M.: Iskusstvo, 1980.
Rassadin S. B. Satiry smelyj vlastelin: Kniga o Fonvizine. M.: Kniga, 1985.
Rassadin S. B., Sarnov B. M. Rasskazy o literature. M.: Det. lit-ra, 1977.
Rassadin S. B., Sarnov B. M. V strane literaturnykh geroev. M.: Iskusstvo, 1979.
Sedov P. Vot tebe i Mitrofanushka... // Lit. Rossija. 1985. 28 iyunya. N 26.
Sedova G. M., Soldatova L. M. Osobnyak na Mojke, 12. SPb.: Beloe i chernoe, 1999.
Semevskij M. I. Aleksej Nikolaevich Olenin. 1763–1843 // Rus. starina. 1875. T. 14. N 10. S. 280–283.
Shilov D. N. Gosudarstvennye dejateli Rossijskoj imperii. Glavy vysshich i zentral'nych uczrezhdenij. 1802–1917: Bibliogr. ukaz. SPb., 2011.
Stoyanovskij N. I. Ocherk zhizni Alekseya Nikolaevicha Olenina // Arkheologicheskie trudy A. N. Olenina. SPb., 1881. T. 1. S. XV–XXIX.
Timofeev L. V. K rodoslovnoj Oleninykh // Priyutinskij sbornik. N 2. SPb., 2001. S. 7–17.
Timofeev L. V. Kogda zhe rodilsya Olenin? // Nazional'naya biblioteka. 2014. N 2 (02). S. 58–63.
Timofeev L. V. Mnimyj Mitrofanuchka // Lit. Rossiya. 1980. 18 yanv.
Timofeev L. V. Ot Parfeniya (Rodoslovnaya Oleninych) // Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya: Ezhegodnik — 2003. M.: Nauka, 2004. S. 7–63.
Timofeev L. V. Pervyj director Publichki: K voprosu o podlinnoj date rozhdeniya Alekseya Olenina // SPb. vedomosti. 2014. 24 yanv.
Timofeev L. V. V krugu druzej i muz. Dom A. N. Olenina. L.: Lenizdat, 1983.
Trefolev L. N. Yaroslavl' pri imperatrize Elizavete Petrovne // Drevnyaya i novaya Rossiya. 1877. N 3. S. 255–302.
Vazuro V. E. Pomety Pushkina na knige Vyazemskogo // Vremennik Pushkinskoj komissii, 1964. L.: Nauka, 1967. S. 17–20.
Volkonskaya E. G. Rod knyazej Volkonskikh. SPb., 1900.
Vyazemskij P. A. Fon-Vizin // Vyazemskij P. A. Estetika i literaturnaya kritika. M.: Iskusstvo, 1984. S. 188–230.

Список литературы

Анненков И. В. История лейб-гвардии Конного полка. 1731–1848. Ч. 3. СПб., 1849.
Бурнашев В. П. Наши чудодеи. Летопись чудачеств и эксцентричностей всякаго рода / Сост. Касьян Касьянов. СПб., 1875.
Бурнашев В. П. Предание о том, кто был оригиналом «Митрофанушки» Фон-Визина / Подп.: Петербургский старожил // Иллюстрация. 1861. Т. 7. № 158, 23 февр. С. 126.
Вацуро В. Э. Пометы Пушкина на книге Вяземского // Временник Пушкинской комиссии, 1964. Л.: Наука, 1967. С. 17–20.
Волконская Е. Г. Род князей Волконских. СПб., 1900.
Вяземский П. А. Фон-Визин // Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1984. С. 188–230.
Дашкова Е. Р. Записки. 1743–1810. Л.: Наука, 1986.
Документы и материалы по истории Московского университета 2-й пол. XVIII в. Т. 1: 1756–1764. М.: Изд-во МГУ, 1960.
Измайлов А. Е. Письма к И. И. Дмитриеву // Рус. архив. 1871. № 7, 8. Стб 961–1014.
История Московского университета (вторая половина XVIII — начало XIX века): Сб. док-тов. Т. 3: 1757 / Сост., автор вступ. ст. и прим. Д. Н. Костышин. М.: Academia, 2014.
Кочеткова Н. Д. Фонвизин в Петербурге. Л.: Лениздат, 1984.
Кубасов И. А. Оленин Алексей Николаевич // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 12 [Обезьянинов–Очкин]. С. 215–224.
Лепёхин М. П. Бурнашев В. П. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1. М., 1989. С. 370–372.
Медведев И. П. Критические заметки А. Н. Оленина на записку академика Ф. И. Круга о проекте издания русских летописей // Круги времен: В память Е. К. Ромодановской. М.: Индрик, 2015. Т. 2. С. 483–494.

Митрофан Терентьевич Простаков (Митрофанушка) // Все герои произведений русской литературы: Словарь-справочник. М.: Олимп, 1997.
Оленина А. А. Дневник. Воспоминания. СПб.: Академ. проект, 1999.
Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 11.
Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб., 1840. Т. 14.
Полный список шефов, полковых командиров и офицеров Лейб-гвардии Конного полка с 1731 по 1886 г. СПб., 1886.
Поляков В. Е. Тысячеискусник // Московский журнал. 2002. № 2. С. 7–11.
Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб.: Лениздат, 1996.
Пыляев М. И. Старый Петербург. Л.: Титул, 1990.
Рассадин С. Б. Сатиры смелый властелин: Книга о Д. И. Фонвизине. М.: Книга, 1985.
Рассадин С. Б. Фонвизин. М.: Искусство, 1980.
Рассадин С. Б., Сарнов Б. М. В стране литературных героев: [Сценарии цикла лит. радиопередач для школьников]. М.: Искусство, 1979.
Рассадин С. Б., Сарнов Б. М. Рассказы о литературе. М.: Дет. лит., 1977.
Седов П. Вот тебе и Митрофанушка... // Лит. Россия. 1985. 28 июня, № 26.
Седова Г. М., Солдатова Л. М. Особняк на Мойке, 12. СПб.: Белое и черное, 1999.
Семевский М. И. Алексей Николаевич Оленин. 1763–1843 // Рус. старина. 1875. Т. 14. № 10. С. 280–283.
Стояновский Н. И. Очерк жизни Алексея Николаевича Оленина // Археологические труды А. Н. Оленина. Т. 1. СПб., 1881. С. XV–XXIX.
Тимофеев Л. В. В кругу друзей и муз. Дом А. Н. Оленина. Л.: Лениздат, 1983.
Тимофеев Л. В. К родословной Олениных // Приютинский сборник. № 2. СПб., 2001. С. 7–17.
Тимофеев Л. В. Когда же родился А. Н. Оленин? // Национальная библиотека. 2014. № 2 (02). С. 58–63.
Тимофеев Л. В. Мнимый Митрофанушка // Лит. Россия. 1980. 18 янв.
Тимофеев Л. В. От Парфения (Родословная Олениных) // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник — 2003 / РАН. М.: Наука, 2004. С. 7–63.
Тимофеев Л. В. Первый директор Публички: к вопросу о подлинной дате рождения Алексея Оленина // СПб ведомости. 2014. 24 янв.
Трефолев Л. Н. Ярославль при императрице Елизавете Петровне // Древняя и новая Россия. 1877. № 3. С. 255–302.
Файбисович В. М. Алексей Николаевич Оленин: опыт научной биографии. СПб., 2006.
Файбисович В. М. Еще раз о прототипе фонвизинского Недоросля // Приютинский сборник. № 2. СПб., 2001. С. 29–34.
Файбисович В. М. Николай Яковлевич или Матвей Федорович? (Обстоятельства рождения А. Н. Оленина) // Приютинский сборник. № 2. СПб., 2001. С. 18–28.
Фрейман О. Р. Пажи за 185 лет. Фридрихсгам, 1897.
Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917: Библиогр. спр. СПб., 2011.

УДК 94(47).082

Е. С. Левшина

С. Ю. Витте и И. С. Аксаков в 1880-е гг.

С. Ю. Витте, характеризуя собственные общественно-политические воззрения, в воспоминаниях называл свою семью «в высокой степени монархической», себя, по наследству,— «крайним монархистом, <...> а также и человеком религиозным», подтверждая верность этим взглядам и по прошествии многих лет[1]. Внутренний мир С. Ю. Витте формировался под влиянием его дяди — генерала и военного публициста Р. А. Фадеева, выдвинувшего программу государственных преобразований, положения которой он изложил в труде «Русское общество в настоящем и будущем. Чем нам быть?» (СПб., 1874), а впоследствии переработал, развил, вместе с И. И. Воронцовым-Дашковым, в «Письмах о современном состоянии России» (Лейпциг, 1881)[2]. Р. А. Фадеев, написавший, по его словам, «сочинение чисто политическое о краеугольном вопросе — жить нам или прозябать», отправил свой труд «на суд» И. С. Аксакова, с которым, как он полагал, имел «несомненно несколько точек соприкосновения...»[3] И. С. Аксаков, признавая верность отдельных положений программы критики Р. А. Фадеева, со многим не был согласен и впоследствии отказался поддержать в своей газете «Русь» публикацию «Писем

[1] *Витте С. Ю.* Воспоминания. Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849–1894). М., 1960. Т. I. С. 48, 68.

[2] Подробнее см.: *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте // Вопросы истории. М., 1990. № 8. С. 34; Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания: Рукописные заметки: Рассказы в стенографической записи. СПб., 2003. Т. II. С. 969–970; *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000. С. 18.

[3] ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. № 639. Л. 1.

о современном состоянии России» на родине автора[4]. Тем не менее две статьи об издании появились в «Руси» в 1881 г.[5]

С. Ю. Витте находился под влиянием идей славянофилов с середины 1870-х гг. Занимая пост управляющего движением Одесской железной дороги, он активно участвовал в деятельности Одесского славянского благотворительного общества и сблизился в частности с М. Н. Катковым, а также И. С. Аксаковым, который в 1858–1878 гг. возглавлял Московский благотворительный славянский комитет[6]. С. Ю. Витте стал товарищем председателя Одесского общества, и, увлекаясь вместе со своим начальником «“славянской идеей” — идеей взятия Константинополя», в годы русско-турецкой войны (1877–1878) “очень усердно” занимался отправкой русских добровольцев на Балканы. Идеям славянофилов С. Ю. Витте был верен до конца 1880-х — начала 1890-х гг. К середине 1890-х гг. он далеко ушел от славянофильских теорий, но его планы политических преобразований сохраняли по крайней мере внешние признаки воззрений славянофилов и его дяди Р. А. Фадеева[7].

После гибели Александра II, в связи с борьбой в придворных кругах накануне убийства императора и для широкого противодействия революционному движению в России была создана конспиративная организация «Священная дружина», одним из руководителей которой был Р. А. Фадеев. Инициатива создания на добровольных началах подобной охранительной организации исходила от С. Ю. Витте и была изложена в его не сохранившемся письме к дяде (написано до 14 марта 1881 г.). Вскоре после восшествия на престол Александра III письмо было передано царю через генерал-адъютанта И. И. Воронцова-Дашкова — идея была одобрена[8]. «Священная дружина» существовала с весны 1881 по конец 1882 г.; ее члены начали активную работу уже летом 1881 г. С. Ю. Витте, выступив инициатором создания «Дружины», являлся, однако, не «исполнителем», а ее «тайным центром», следуя настоянию Р. А. Фадеева, не желавшего подставлять племянника под удар[9].

Вероятно, наиболее существенной стороной деятельности С. Ю. Витте в «Дружине» было его участие в литературно-издательской и провокационной

[4] Там же. Оп. 2. № 77. Л. 1 об.

[5] «Письма о современном состоянии России. 11 апреля 1879 г. — 6 апреля 1880 г.» Лейпциг, 1881 г. // Русь. 1881. 11 июля. № . 35. С. 10–11; Письма о современном состоянии России (изданные в Лейпциге 1881 года) // Русь. 1881. 18 июля. № 36. С. 5–6.

[6] *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте. С. 35; Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. 2003. Т. II. С. 972; *Витте С. Ю.* Воспоминания. 1960. Т. I. С. 95, 518.

[7] *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Р. А. Фадеев, С. Ю. Витте и идеологические искания «охранителей» в 1881–1883 гг. // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. С. 326.

[8] Там же. С. 300, 304.

[9] Подробнее см.: *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. С. 20–25.

работе. В частности, он финансировал издание в Женеве газеты «Вольное слово»[10]. Возможно, С. Ю. Витте был автором брошюры «Современные приемы политической борьбы» (Берлин, 1882), в которой рассказывалось об истории русского революционного движения, «Народной воле», доказывалась обреченность террористического пути борьбы[11]. Впоследствии, сделав успешную карьеру, С. Ю. Витте высоко оценивал значение государственной пропаганды, контактов с прессой, поддержки общественного мнения. Вероятно, личный опыт написания фельетонов, статей, сотрудничество в различных изданиях в начале служебной деятельности позволили ему в дальнейшем активно и целенаправленно использовать прессу в политических целях[12]. Так, по нуждающимся в проверке данным, в начале 1870-х гг. С. Ю. Витте печатал фельетоны в одесских газетах «Правда» и «Новороссийский телеграф»[13]; во второй половине 1870-х — начал публиковать статьи о тарифной политике на страницах журнала «Инженер» и вступил в полемику с редактором газеты «Киевлянин» Д. И. Пихно[14]; позже, со второй половины 1880-х гг., С. Ю. Витте активно печатался в «Московских ведомостях», причем его сотрудничество с изданием продолжалось вплоть до 1905 г., кроме того, опубликовал статью в киевской газете «Заря» (1886), а также принял участие в основании газеты «Киевское слово» (1886)[15]; как минимум одна статья С. Ю. Витте появилась и в газете И. С. Аксакова «Русь».

В начале 1880 г. С. Ю. Витте переехал в Киев после назначения на должность начальника службы эксплуатации в администрации акционерного Общества Юго-Западных железных дорог и проживал в городе до 1889 г., когда был назначен директором Департамента железных дорог в министерстве финансов. В начале 1880-х гг. С. Ю. Витте был весьма близким единомышленником для И. С. Аксакова, о чем свидетельствуют сохранившиеся фрагменты их переписки. С. Ю. Витте считал себя наследником и душеприказчиком Р. А. Фадеева (после кончины дяди в декабре 1883 г. все его бумаги оказались у С. Ю. Витте)[16] и некоторое время спустя после его смерти обратился с письмом к И. С. Аксакову,

[10] *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. С. 21–25.

[11] Там же. С. 30–32.

[12] *Толчинская Т. И.* Становление печати как механизма формирования общественного мнения в России в начале XX века // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск, 2012. Вып. 5. С. 63.

[13] *Якутин Н.* Зеленый попугай // Журналист. 1999. № 7–8. С. 56; *Селевич Ю. Л.* Сергей Юльевич Витте // Science and technogy. URL: http://www.science-techno.ru/nt/article/sergei-yulevich-vitte/page/1 (дата обращения 24.03.2016).

[14] *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. С. 14.

[15] *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* И. А. Вышнеградский и С. Ю. Витте — корреспонденты «Московских ведомостей» // Проблемы общественной мысли и экономическая политика России XIX–XX вв. Л., 1972. С. 20–34.

[16] *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Р. А. Фадеев, С. Ю. Витте и идеологические искания «охранителей» в 1881–1883 гг. С. 325.

в котором причислял себя к его сторонникам[17]. Возможно, потеряв человека, так сильно повлиявшего на формирование его взглядов, С. Ю. Витте чувствовал потребность установить тесную связь с И. С. Аксаковым как лидером славянофилов, рассматривая его в качестве нового идейного наставника.

Сведения о сотрудничестве С. Ю. Витте в газете И. С. Аксакова «Русь» (выходила с 1880 по 1886 г.) ограничены. Тем более что в издании появилась лишь одна подписанная его именем статья: «Мануфактурное крепостничество»[18]. Полагаем, следует с осторожностью говорить о возможных публикациях С. Ю. Витте на страницах газеты до 1885 г.

В девятой главе мемуаров, «Моя служба в Киеве», С. Ю. Витте в том числе рассказывал о Н. Х. Бунге, будущем министре финансов (1882–1886). Упомянув о довольно либеральном направлении газеты «Киевлянин», особенно с 1879 г., когда Д. И. Пихно, ученик Н. Х. Бунге, стал ее редактором, С. Ю. Витте написал и о своей публицистической деятельности в 1880-х гг.: «В то время иногда писал в “Московских Ведомостях” у Каткова и у Аксакова в “Руси”. К моему складу ума более подходило направление, которого держался Аксаков»[19]. Далее в тексте речь шла о помощи С. Ю. Витте в назначении Н. Х. Бунге на пост товарища министра финансов в 1880 г., полемике С. Ю. Витте с Д. И. Пихно по поводу железнодорожных тарифов и др.

Отметим, что начало сотрудничества С. Ю. Витте в газете «Московские ведомости» напрямую было связано с именем Н. Х. Бунге. Именно к кампании против этого государственного деятеля Витте присоединился в середине 1885 г., заявив себя сторонником экономической политики И. А. Вышнеградского — будущего преемника Н. Х. Бунге на посту министра финансов (1888–1892). К 1886 г. между С. Ю. Витте и И. А. Вышнеградским установились весьма тесные деловые отношения. В мае 1886 г. в газете «Заря» появилась статья Витте за подписью «Х», в которой поддерживалась кандидатура И. А. Вышнеградского[20]. Последний связал себя с влиятельнейшей партией «Московских ведомостей» уже в конце 1883 — начале 1884 г. и печатался на страницах газеты, поддерживая выпады М. Н. Каткова против Н. Х. Бунге[21]. Таким образом, весь процитированный выше отрывок мемуаров С. Ю. Витте о работе для

[17] *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. С. 33.

[18] *Витте С.* Мануфактурное крепостничество // Русь. 1885. 19 января, № 3. С. 17–19.

[19] В нескольких публикациях воспоминаний С. Ю. Витте в данном отрывке имеются следующие расхождения: в издании, предпринятом в 2003 г., читаем: «В то время *я* (курсив мой. — *Е. Л.*) иногда писал в “Московских ведомостях” у Каткова и у Аксакова в “Руси”...»: Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. 2003. Т. I. С. 150; в издании воспоминаний 1960 г. вместо «я» читаем «он же» (т.е. Д. И. Пихно): *Витте С. Ю.* Воспоминания. 1960. Т. I. С. 169; в то время как в берлинском издании 1923 г. какое-либо местоимение отсутствует: *Витте С. Ю.* Воспоминания: Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849–1894). Берлин, 1923. С. 151.

[20] *Х.* // Заря. 1886. 8 мая.

[21] *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. С. 44.

«Московских ведомостей» и «Руси» логично отнести скорее к 1885 г. — очевидно, в памяти Витте начало сотрудничества с этими изданиями относилось примерно к одному времени.

Добавим также, что в письме от 18 сентября 1884 г. И. С. Аксаков, поблагодарив С. Ю. Витте за предыдущее, уже упоминавшееся нами послание (со словами о причислении себя к сторонникам Аксакова) признавался: «Я не избалован получением писем столь искренних и столь содержательных, тем более в направлении мне сочувственном. Вы представляете для меня редкое утешительное явление самостоятельного (вне всяких влияний) последователя того направления, которому служу. Пожалуйста, пишите, я буду рад Вашему сотрудничеству»[22]. Последнюю фразу можно расценивать скорее как приглашение к работе в газете в качестве нового автора-единомышленника, чем в качестве благодарности за уже написанные статьи. Кроме того, указанная выше статья С. Ю. Витте «Мануфактурное крепостничество» также была направлена против экономической политики Н. Х. Бунге и появилась на страницах газеты «Русь» в январе 1885 г. — спустя всего три месяца после процитированных слов И. С. Аксакова о сотрудничестве.

На наш взгляд, открытым остается вопрос о работе С. Ю. Витте в газете И. С. Аксакова «Русь» в качестве добровольного информатора. Основания для сомнения предоставляет письмо С. Ю. Витте к И. С. Аксакову от 9 октября 1884 г. (см. Приложение). Речь в письме шла о студенческих беспорядках, имевших место в центре Киева в начале сентября 1884 г., в дни празднования 50-летнего юбилея университета св. Владимира. Поводом к ним послужило принятие в августе 1884 г. нового университетского устава, упразднившего университетскую автономию[23]. Свои мысли о происходившем С. Ю. Витте изложил в письме.

Указанное послание было написано через месяц после киевских событий. С одной стороны, это — достаточно длительный срок для того, чтобы составить объективное представление о произошедшем и взвешенно представить его редактору; периодичность издания, выходившего два раза в месяц, это позволяла.

С другой стороны, за указанный период информация для газетной публикации могла потерять актуальность, тогда как роль информатора предполагает более оперативное реагирование на события. Складывается впечатление, что неосуществленное вовремя желание С. Ю. Витте написать И. С. Аксакову о беспорядках не имело конкретной цели предоставить сведения для статьи в газете.

[22] ЦГИА. Ф. 1622. Оп. 1. № 394. Л. 1.

[23] Подробнее см.: Устав Императорских Российских университетов 1884 года // Сб. постановлений М-ва нар. просвещения. СПб., 1893. Т. IX. 1884; *Новиков М. В., Перфилова Т. Б.* Университетский устав 1884 г.: иллюзия академической свободы (Часть I) // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. Т. I (Гуманитарные науки). С. 27–40; *Щетинина Г. И.* Университеты в России и устав 1884 г. М., 1976. С. 150–153.

Тема высшего образования и просвещения в России обсуждалась корреспондентами и раньше октября 1884 г. и, очевидно, по инициативе С. Ю. Витте. Письмо И. С. Аксакова от 18 сентября 1884 г. было написано в ответ на не сохранившееся послание С. Ю. Витте, в котором, судя по словам адресанта, высказывались возражения против ряда положений передовой статьи И. С. Аксакова, появившейся в середине августа в газете «Русь»[24]. В указанной статье, посвященной слабости насаждаемого государством «общественного образования» в целом, фиктивности и даже ненужности высшего образования в России в том виде, в каком оно существовало в 1880-е гг., значительное внимание было уделено проблеме университетов[25]. Отказывая отечественным университетам в праве называться «храмами науки», «свободными лабораториями самой науки», И. С. Аксаков объяснял их появление в России «правительственной потребностью в *образованных* (курсив автора. — *Е. Л.*) людях» и называл университет «коридором, который вел к гражданской служебной карьере»[26]. Критикуя саму организацию образовательного процесса, студенческую и преподавательскую среду, автор статьи усомнился в способности нового университетского устава 1884 г. решить проблемы, кроющиеся в самом «ходе общественного воспитания»[27]. Исходя из текста письма И. С. Аксакова от 18 сентября 1884 г., основные возражения С. Ю. Витте по поводу статьи были направлены против тезиса о ненужности и «запрещении» высшего образования в России, в том числе в привилегированных учебных заведениях — Александровском лицее, Училище правоведения и др.; кроме того, в письме к И. С. Аксакову он, вероятно, апеллировал ко «всесословности» университетов как к несомненному благу, а также касался проблемы нигилизма и его порождений — анархистов, террористов и др. как «продуктов исторического отступничества от народности»[28].

Предположим, таким образом, что письмо С. Ю. Витте к И. С. Аксакову от 9 октября 1884 г. было и своеобразным продолжением дискуссии об отечественном высшем образовании, и естественным следствием взаимной симпатии, которая установилась между корреспондентами, но его написание не имело конкретной цели информировать о событиях И. С. Аксакова как редактора газеты. Напечатанная в других периодических изданиях информация о беспорядках, вызвавшая глубокое возмущение С. Ю. Витте, стала мощным стимулом, благодаря которому письмо всё же было написано.

Тема высшего образования, в первую очередь университетского, в современной ему России всегда была близка С. Ю. Витте. Окончив в 1870 г. физико-математический факультет Новороссийского университета, спустя

[24] РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 394. Л. 1.

[25] Русь. 1884. 15 августа, № 16. С. 2–15.

[26] Там же. С. 5, 7.

[27] Там же. С. 14.

[28] РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 394. Л. 1–3.

много лет, в 1900 г., С. Ю. Витте так сказал о себе: «Я сам человек университетский, люблю университеты и всё для них готов сделать, что могу»[29]. Зимой 1910–1911 гг., диктуя «стенографические рассказы», С. Ю. Витте уделил значительное внимание воспоминаниям о студенческой жизни, преподавателях и резюмировал свои представления о назначении и потребностях университетов, об «университетской науке», изложил взгляды на организацию университетского обучения[30].

С. Ю. Витте полагал, что тот, кто сам «не прошел курса в университете, не жил в университете, тот никогда не в состоянии правильно судить о потребностях университета», и «не поймет разницу между университетом и высшей школой». Разница эта весьма существенна и заключается в том, что «университет живет свободной наукой» — только в этом случае он достоин звания университета. Однако, утверждал автор воспоминаний, «для лиц, которые сами это не прочувствовали, она (т.е. разница. — *Е. Л.*) будет непонятна. Потому лица эти, будучи призваны решать дела, касающиеся университетов, решают их или по-военному, или же, становясь на ту точку зрения, что университет есть не университет, а школа». Тем не менее С. Ю. Витте не защищал «ложную свободу университетов», когда вместо «свободной науки во всех ее проявлениях, <...> занимаются политикой, и, в сущности, политикой данного момента, всегда отравленной страстями, ложью и грубым цинизмом», и сам, принадлежа, по его словам, «к числу студентов наиболее правых, <...> мало занимался политикой, потому что постоянно занимался ученьем»[31].

Безусловно, в основе подобных воззрений С. Ю. Витте лежал не только личный опыт обучения в университете, но и впечатления от многочисленных волнений и беспорядков, в том числе студенческих, ставших важным фактором общественно-политической жизни России с 60-х гг. XIX в. Волнения в Киеве и их последствия стали для С. Ю. Витте одним из наглядных примеров для осмысления методов правительства по пресечению и подавлению подобных беспорядков.

И. С. Аксаков использовал полученные в письме от С. Ю. Витте сведения: 15 октября 1884 г. в газете «Русь» появилась большая передовая статья, посвященная произошедшему в Киеве[32]. Обращаясь к событийной канве беспорядков, полемизируя с данными официального сообщения, И. С. Аксаков несколько раз сослался на «свидетельства достоверных очевидцев», «надежный источник» и почти дословно процитировал отдельные фразы из письма

[29] *Шигабутдинов Р. Р.* «Я сам человек университетский...» Документы Национального архива Республики Татарстан об избрании С. Ю. Витте почетным членом Казанского императорского университета. 1900–1901 гг. // Исторический архив. 2008. № 6. С. 163.

[30] *Витте С. Ю.* Воспоминания. 1960. Т. I. С. 68–83.

[31] Там же. С. 79, 81.

[32] Русь. 1884. 15 октября. № 20. С. 2–11.

С. Ю. Витте[33]. В своей эмоциональной, ироничной по отношению к университетскому начальству публикации И. С. Аксаков также использовал сведения С. Ю. Витте о разделении киевского общества на партии[34].

В следующем номере газеты появилась вторая статья И. С. Аксакова о событиях в Киевском университете — ответ на публикацию в издании «Киевлянин», перепечатанную в «Московских ведомостях» и других газетах «в виде победоносного опровержения выводов “Руси”»[35]. Причем, по версии «Киевлянина», фактологическая сторона беспорядков была «извращена» под влиянием «разных местных инспираций», под которыми, видимо, имелись в виду киевские информаторы И. С. Аксакова, а возможно, и С. Ю. Витте[36]. Напомним, что бессменным редактором «Киевлянина» с 1879 до 1913 г. был Д. И. Пихно — постоянный киевский оппонент Витте.

Возвращаясь к словам И. С. Аксакова о высокой достоверности сведений, полученных им из Киева, нужно признать, что письмо С. Ю. Витте от 9 октября не может служить надежным источником для восстановления деталей событий, имевших место в начале сентября 1884 г.: не являясь очевидцем многих происшествий, автор описывал их И. С. Аксакову с чужих слов. Данное письмо, безусловно, уступает по полноте и точности информации воспоминаниям начальника Киевского губернского жандармского управления В. Д. Новицкого. Отдельная глава его мемуаров «Из воспоминаний жандарма» посвящена студенческим волнениям в Киевском университете. Благодаря этому исследователи имеют весьма подробное и беспристрастное описание как самих беспорядков, так и принятых властями мер по их пресечению[37].

Представляется, что В. Д. Новицкий был более объективен и в описании тактики поведения, избранной киевским генерал-губернатором А. Р. Дрентельном во время волнений, и конкретных поступков его приближенных. Что касается С. Ю. Витте, то он был тесно связан с окружением генерал-губернатора, и в «Воспоминаниях» этой политической фигуре уделено достаточное внимание[38]. Характеристики, которые С. Ю. Витте дал А. Р. Дрентельну в мемуарах («почтенный человек», «был очень хорошим, знающим свое дело генералом», «был очень жесток с инородцами», но одновременно «был очень справедливым, безусловно честным и порядочным человеком») свидетельствуют о симпатии автора. В письме С. Ю. Витте к И. С. Аксакову явно прослеживается стремление адресанта показать генерал-губернатора в выгодном свете: перед читателем предстает образ «сурового солдата», далекого от «либеральничанья»,

[33] Там же. С. 5–7.

[34] Там же. С. 9.

[35] Русь. 1884. 1 ноября. № 21. С. 13–15.

[36] Там же. С. 13.

[37] *Новицкий В. Д.* Из воспоминаний жандарма. М., 1991. С. 131–140.

[38] *Витте С. Ю.* Воспоминания. 1960. Т. I. С. 136–139.

покровителя студенческой молодежи, которого, однако, вероломно обмануло университетское начальство. С. Ю. Витте, очевидно, так же сознательно обходил стороной скандальные подробности столкновения чиновника для особых поручений при генерал-губернаторе Ф. Ф. Трепова с профессором университета В. А. Субботиным, которое имело неприятные последствия для Ф. Ф. Трепова и могло бросить тень на репутацию А. Р. Дрентельна[39].

Тем не менее обращение к тексту указанного письма может способствовать, как было показано выше, пониманию взаимоотношений между корреспондентами, а также уточнению общественно-политических взглядов С. Ю. Витте. Так, в предисловии к изданию мемуаров С. Ю. Витте, его вдова, М. И. Витте, вспоминала слова супруга, которые он часто повторял: «Я не либерал и не консерватор, я просто культурный человек. Я не могу сослать человека в Сибирь только за то, что он мыслит не так, как мыслю я, и не могу лишать его гражданских прав только потому, что он молится Богу не в том храме, в котором молюсь я...»[40] И нужно отметить, что в письме к И. С. Аксакову С. Ю. Витте действительно проявил снисходительное отношение к «юношескому буйству», защищая студенчество как таковое, возмущаясь чрезмерной строгостью принятых мер по отношению ко всем учащимся университета, иронизируя над паническими настроениями попечителя учебного округа и столичного начальника от образования. Возможно, С. Ю. Витте с самого начала не придал большого значения киевским событиям осени 1884 г., рассматривая их как одни из многих происходивших в то время в городе беспорядков — так, по крайней мере, он вскользь упомянул о них в мемуарах[41]. В то же время С. Ю. Витте показал себя сторонником «строжайших» мер по отношению к по-настоящему виновным, и эта мысль также была поддержана в статье И. С. Аксакова от 15 октября 1884 г.[42]

Таким образом, о сотрудничестве С. Ю. Витте в газете Аксакова «Русь» можно сказать следующее. Витте, бесспорно, является автором одной подписанной его именем статьи, появившейся в номере газеты от 19 января 1885 г. О других его статьях в издании пока ничего неизвестно. Между тем, ссылаясь на приведенный выше отрывок из мемуаров С. Ю. Витте о газетах «Московские ведомости» и «Русь», исследователи склонны делать вывод о неоднократном появлении его статей на страницах «Руси»[43]. Однако сохранившаяся часть переписки С. Ю. Витте с И. С. Аксаковым позволяет предположить, что до 1884 г. между ними не было близких дружеских отношений. Скорее всего, они быстро установились, но только

[39] Подробнее см.: *Новицкий В. Д.* Из воспоминаний жандарма. С. 138–140.

[40] Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. 2003. Т. I. С. 18.

[41] *Витте С. Ю.* Воспоминания. 1960. Т. I. С. 178.

[42] Русь. 1884. 15 октября; № 20. С. 7.

[43] Вопрос о сотрудничестве и работе С. Ю. Витте в качестве добровольного информатора в издании был впервые поставлен Д. А. Бадаляном: *Бадалян Д. А.* Круг авторов газеты И. С. Аксакова «Русь» // Культура и история: Материалы межвузовских научных конференций «Культура и история» (2004–2007). СПб., 2009. С. 197–198.

после смерти Р. А. Фадеева, и сам обмен корреспонденцией начался, вероятно, только летом 1884 г. — с упоминавшегося письма С. Ю. Витте по поводу статьи И. С. Аксакова. И. С. Аксаков приглашал и поощрял С. Ю. Витте к написанию статей для газеты, но если таковые и были опубликованы в издании до 1885 г., то в незначительном количестве. Сомнительно, что статьи могли быть написаны в 1881–1882 гг., когда Витте активно участвовал в деятельности «Священной дружины» и воплощении в жизнь идей Р. А. Фадеева, и до смерти его дяди в конце 1883 г. Наиболее вероятным для первых статей остается конец 1884 г.

Представляется, что переписка С. Ю. Витте с И. С. Аксаковым не была регулярна и обширна (судя по сохранившейся ее части), поэтому сомнительно и то, что С. Ю. Витте был постоянным информатором газеты «Русь». Скорее, определяющим было желание С. Ю. Витте высказать свою точку зрение на те или иные события, поделиться своими взглядами со старшим единомышленником — И. С. Аксаковым.

Письмо С. Ю. Витте к И. С. Аксакову (см. Приложение) публикуется по автографу из фонда Т. С., К. С. и И. С. Аксаковых: Рукописный отдел ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. № 106. Л. 1 — 4 об. Пунктуация и орфография в документе (за редкими исключениями) приведены в соответствие с современными нормами. Авторские подчеркивания выделены курсивом. Сокращения раскрыты в угловых скобках.

Приложение

Письмо С. Ю. Витте к И. С. Аксакову

9 октября [1884 г.]

Милостивый Государь Иван Сергеевич.

Хотел я в свое время сообщить Вам о бывших студенческих беспорядках, да своевременно не имел времени. Потом появились сообщения об этих беспорядках в других газетах[44]. И, наконец, официальное сообщение[45]. Так как все эти сообщения не определяют настоящего положения дела, то я считаю нужным сообщить Вам кое-что об этом деле, дабы Вы имели о нем соответствующее суждение.

Беспорядки описаны в официальном сообщении возмутительно неверно. Всё, что в нем описано, и было, и не было. Было нечто [подобное] описанному, но всё преднамеренно, невероятно преувеличено. Официальное сообщение, например, говорит: бросали в кареты высокопоставленных лиц поленья и камни. В действительности бросали сливы, в карету попечителя[46]

[44] См., напр.: Московские ведомости. 1884. 17 сентября; 8 октября; 9 октября; Русские ведомости. 1884. 12 сентября; 18 сентября; 30 сентября; 1 октября; 6 октября и др.

[45] Правительственный вестник. 1884. 29 сентября.

[46] Голубцов Сергей Платонович (1810/1815–1888) — доктор медицины, тайный советник, попечитель Одесского (1866–1880) и Киевского (1880–1888) учебных округов.

и Победоносцева[47]. Первому бросили также зонтик, который разбил стекло. И при проезде их студенты и публика свистала. В карету Дрентельна[48] бросили несколько слив, но, узнав его, сейчас же прекратили. Более никого не трогали. Когда же ехал наш высокоуважаемый архипастор Платон[49], *то все студенты* обнажили головы и проводили его с благоговением. Затем студенты прошлись по Крещатику с песнями, но никого не трогали и возмутительных песен не пели. Накануне юбилея двери ректору[50] дегтем вымазали. В день юбилея разбили окна в его квартире. Но это не была осада его квартиры, как передает официальное сообщение,— осада, продолжавшаяся 20 м[инут]; а просто несколько человек подошли к его квартире, бросили каменья, разбили окна и разошлись. Я хорошо знаком со всем киевским обществом, и если не общее, то убеждение *громадного* большинства, а в том числе генерал-губернатора (лично от него слышал) и всего начальства,— что официальное сообщение описало беспорядки ложно, так, «что читая его, думаешь, что беспорядки эти происходили не в Киеве, а в Петербурге или другом городе не на наших глазах». Когда у ректора разбили окна, генерал-губернатор приехал к нему с адъютантом полковником Треповым[51] немедленно после случая. Генерал-губернатор с ректором удалились в кабинет, а рядом осталось несколько профессоров (партии ректора и попечителя), Трепов и Новицкий[52] (жандармский полковник). Профессор Субботин[53] начал ругать генерал-губернатора — после слова «негодяй» Трепов его ударил, и произошла неприличная сцена[54]. Трепов вызвал Субботина на дуэль. Субботин отказался. Этот случай, конечно, усугубил скандал.

[47] Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) — государственный деятель, правовед, действительный тайный советник, в 1880–1905 гг. — обер-прокурор Святейшего Синода.

[48] Дрентельн Александр Романович (1820–1888) — военный и государственный деятель, генерал от инфантерии, в 1881–1888 гг. — Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор, командующий войсками Киевского военного округа.

[49] Платон (Городецкий; 1803–1891), в 1882–1891 гг. — митрополит Киевский и Галицкий и священноархимандрит Киево-Печерской Успенской Лавры.

[50] Ренненкампф Николай Карлович (1832–1899) — доктор государственного права, ординарный профессор по кафедре юридической энциклопедии, действительный статский советник, в 1883–1890 гг. — ректор Киевского университета св. Владимира.

[51] Трепов Федор Федорович-мл. (1854–1938) — военный и государственный деятель; генерал от кавалерии, генерал-адъютант, в 1884 г. — чиновник для особых поручений при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе.

[52] Новицкий Василий Дементьевич (1837–1907) — государственный деятель, генерал-лейтенант Отдельного корпуса жандармов, в 1878–1903 гг. — начальник Киевского губернского жандармского управления.

[53] Субботин Виктор Андреевич (1844–1891/1898) — доктор медицины, ординарный профессор по кафедре гигиены, медицинской полиции, медицинской географии и статистики Медицинского факультета Киевского университета св. Владимира, статский советник, в 1884–1887 гг. — декан Медицинского факультета Киевского университета.

[54] Вот от чего у Субботина оказалась физиономия «оцарапленная», как сказано в официальном сообщении (*Прим. автора*).

Во время юбилея, т.е. после первого скандала на улице, генерал-губернатор начал получать невозможные депеши от Делянова[55]. Вероятно, его перепугал попечитель. Делянов, напр<имер>, телеграфирует: «Ради Бога, спасите университет и профессоров». Понятно, что подобные депеши совсем не согласовались с действительностью. Генерал-губернатор их не понимал, т[ак] к[ак] он (как и большинство) смотрел на беспорядки «как на юношеское буйство, так часто имеющее место», и не придавал им никакого угрожающего значения.

Во время юбилейного акта (где не было студентов), когда объявляли некоторых членов, аплодисментами оттеняли сочувствие к выбору. Провозгласили Платона — общий восторг. Дрентельна — менее, но все-таки сочувственно. Победоносцева — раздалось два, три удара, и всё смолкло. Вслед за ним — Стояновского[56] — общие овации, нескончаемые аплодисменты. Конечно, это делали не для Стояновского, а для Победоносцева. Победоносцев, конечно, уехал из Киева уязвленный. Вслед за ним выехал [в] Петербург попечитель — ходячий умственный и телесный ремолисмент[57], бывший маленький провинциальный чиновник и адвокат гр[афа] Толстого[58] и получивший в вознаграждение, за заслуги, оказанные графу, место попечителя. Я его хорошо знаю. Он был попечителем Одесского округа во время всего моего пребывания в университете.

В результате, явилось известное правительственное сообщение и опубликованное распоряжение[59]. Но кроме опубликованного распоряжения явилось неопубликованное распоряжение: в течение двух недель выслать всех студентов из Киева по месту их жительства[60]. Никто не будет спорить против того, что виновные должны подвергнуться строжайшему наказанию. Пошлите их в Ташкент солдатами. Но виновных 100 человек, не более. Как же можно так жестоко

[55] Делянов Иван Давидович (1818–1897) — граф, государственный деятель, статс-секретарь, действительный тайный советник, директор Публичной библиотеки (1861–1882), в 1882–1897 гг. — министр народного просвещения.

[56] Стояновский Николай Иванович (1820–1900) — государственный деятель, правовед, товарищ министра юстиции (1862–1867), участвовал в работе редакционных комиссий для подготовки проекта крестьянской реформы 1861 г., совместно с юристами С. И. Зарудным, Н. А. Буцковским, Д. А. Ровинским, К. П. Победоносцевым и др. разрабатывал основы судебной реформы 1864 г.; председатель редакционной комиссии по составлению проекта гражданского уложения (1882–1897).

[57] Рамолисмент (от франц. ramollissement) — расслабленность, маразм (устар.); в мед. — особенные изменения некоторых органов, которые размягчаются.

[58] Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889) — граф, государственный деятель, обер-прокурор Святейшего Синода (1865–1880), министр народного просвещения (1866–1880), в 1882–1889 гг. — министр внутренних дел и шеф Отдельного корпуса жандармов, президент Академии наук.

[59] См. прим. 2.

[60] По сообщению газеты «Русские ведомости», высылке подлежали лишь иногородние студенты, не имевшие постоянного места жительства в Киеве. См.: Русские ведомости. 1884. 10 октября.

наказывать 1500[61] *невинных*. Сотни студентов не было совсем в Киеве. Понятно, что теперь общий переполох. Невинные — бросятся в пущую крайность. Создастся новый материал для динамитщиков. Родители — в отчаянии проклинают существующее положение дела. Всё общество возмущено и открыто выражает свое недовольство. Вчера еще губернатор мне говорил, что он не знает, что ему делать. Приходится выселять студентов — в Сибирь, на Кавказ. Денег нет — нищета. Говорят: «Садите нас в тюрьму — ехать не можем — нет средств». Приходится требовать, а одновременно околичными путями учат: «Выезжайте, мол, в соседнюю деревню».

Всё это было сделано без участия генерал-губернатора. Теперь Дрентельн написал письмо царю, где он (как мне передавали из верных источников) прямо пишет, что его (т.е. Александра III. — *Е. Л.*) обманули. Что всё дело происходило не так, как его описали. Что университетское начальство несоответственно распорядилось. Что принятые меры принесут громадный вред. Дрентельн — суровый солдат. Его в слабости и в либеральничаньи никто не заподозрит. Если он решился писать это прямо царю — значит, общество, возмущенное происшедшим, не совсем не право.

Примите уверение в совершенном уважении и преданности Вашего покорнейшего слуги С. Витте.

References

Anan'ich B. V., Ganelin R. Sh. I. A. Vyshnegradskij i S. Ju. Vitte — korrespondenty «Moskovskih vedomostej» // Problemy obshhestvennoj mysli i jekonomicheskaja politika Rossii XIX–XX vv. L., 1972. S. 12–34.

Anan'ich B. V., Ganelin R. Sh. R. A. Fadeev, S. Ju. Vitte i ideologicheskie iskanija «ohranitelej» v 1881–1883 gg. // Issledovanija po social'no-politicheskoj istorii Rossii. L., 1971. S. 299–326.

Anan'ich B. V., Ganelin R. Sh. Sergej Jul'evich Vitte // Voprosy istorii. M., 1990. N 8. S. 32–52.

Anan'ich B. V., Ganelin R. Sh. Sergej Jul'evich Vitte i ego vremja. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2000.

Badaljan D. A. Krug avtorov gazety I. S. Aksakova «Rus'» // Kul'tura i istorija: Materialy mezhvuzovskih nauchnyh konferencij «Kul'tura i istorija» (2004–2007) / Pod. red. Ju. K. Rudenko, A. A. Shelaevoj i dr. SPb., 2009. S. 190–201.

Iz arhiva S. Ju. Vitte. Vospominanija: Rukopisnye zametki: Rasskazy v stenograficheskoj zapisi / Sost.: B. V. Anan'ich, R. Sh. Ganelin. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2003. T. II.

Jakutin N. Zelenyj popugaj // Zhurnalist. 1999. N 7–8. S. 56–57.

Kivlickij E. A. Kievskij universitet sv. Vladimira // Jenciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona. T. XV (29). SPb., 1895. S. 261–262.

Novickij V. D. Iz vospominanij zhandarma / Predisl. A. A. Levandovskogo, V. V. Vodovozova. M.: Izd-vo MGU SP «Ost-Vest korporejshen», 1991.

Novikov M. V., Perfilova T. B. Universitetskij ustav 1884 g.: illjuzija akademicheskoj svobody (Chast' I) // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2014. N 4. T. I (Gumanitarnye nauki). S. 27–40.

«Pis'ma o sovremennom sostojanii Rossii. 11 aprelja 1879 g. — 6 aprelja 1880 g.» Lejpcig, 1881 g. // Rus'. 1881. 11 ijulja. N 35. S. 10–11.

Pis'ma o sovremennom sostojanii Rossii (izdannye v Lejpcige 1881 goda) // Rus'. 1881. 18 ijulja. N 36. S. 5–6.

Russkie vedomosti. 1884. 10 oktjabrja.

Rus'. 1884. 15 avgusta. N 16. S. 2–15.

Rus'. 1884. 15 oktjabrja. N 20. S. 2–11.

Rus'. 1884. 1 nojabrja. N 21. S. 13–15.

Selevich Ju. L. Sergej Jul'evich Vitte / Science and technogy. URL: http://www.science-techno.ru/nt/article/sergei-yulevich-vitte/page/1 (date of access 24.03.2016).

Shhetinina G. I. Universitety v Rossii i ustav 1884 g. M.: Nauka, 1976.

Shigabutdinov R. R. «Ja sam chelovek universitetskij...» Dokumenty Nacional'nogo arhiva Respubliki Tatarstan ob izbranii S. Ju. Vitte pochetnym chlenom Kazanskogo imperatorskogo universiteta. 1900–1901 gg. // Istoricheskij arhiv. 2008. N 6. S. 162–172.

Tolchinskaja T. I. Stanovlenie pechati kak mehanizma formirovanija obshhestvennogo mnenija v Rossii v nachale XX veka // Nauchnye problemy gumanitarnyh issledovanij. Pjatigorsk, 2012. Vyp. 5. S. 58–66.

Ustav Imperatorskih Rossijskih universitetov 1884 goda // Sb. postanovlenij M-va nar. prosveshhenija. SPb., 1893. T. IX. 1884.

Vitte S. Manufakturnoe krepostnichestvo // Rus'. 1885. 19 janvarja. N 3. S. 17–19.

Vitte S. Ju. Vospominanija: Detstvo. Carstvovanija Aleksandra II i Aleksandra III (1849–1894). Berlin: Slovo, 1923.

Vitte S. Ju. Vospominanija. Detstvo. Carstvovanija Aleksandra II i Aleksandra III (1849–1894). M.: Izd-vo soc.-jek. literatury, 1960. T. I.

X. // Zarja. 1886. 8 maja.

Список литературы

Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. И. А. Вышнеградский и С. Ю. Витте — корреспонденты «Московских ведомостей» // Проблемы общественной мысли и экономическая политика России XIX–XX вв. Л., 1972. С. 12–34.

Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Р. А. Фадеев, С. Ю. Витте и идеологические искания «охранителей» в 1881–1883 гг. // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. С. 299–326.

Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте // Вопросы истории. М., 1990. № 8. С. 32–52.

Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.

Бадалян Д. А. Круг авторов газеты И. С. Аксакова «Русь» // Культура и история: Материалы межвузовских научных конференций «Культура и история» (2004–2007) / Под. ред. Ю. К. Руденко, А. А. Шелаевой и др. СПб., 2009. С. 190–201.

Витте С. Мануфактурное крепостничество // Русь. 1885. 19 января. № 3. С. 17–19.

Витте С. Ю. Воспоминания: Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849–1894). Берлин: Слово, 1923.

Витте С. Ю. Воспоминания. Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849–1894). М.: Изд-во соц.-эк. литературы, 1960. Т. I.

Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания: Рукописные заметки: Рассказы в стенографической записи / Сост. Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. II.

Кивлицкий Е. А. Киевский университет св. Владимира // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XV (29). СПб., 1895. С. 261–262.

Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Университетский устав 1884 г.: иллюзия академической свободы (Часть I) // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. Т. I (Гуманитарные науки). С. 27–40.

Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма / Предисл. А. А. Левандовского, В. В. Водовозова. М.: Изд-во МГУ СП «Ост-Вест корпорейшен», 1991.

«Письма о современном состоянии России. 11 апреля 1879 г. — 6 апреля 1880 г.» Лейпциг, 1881 г. // Русь. 1881. 11 июля. № 35. С. 10–11.

Письма о современном состоянии России (изданные в Лейпциге 1881 года) // Русь. 1881. 18 июля. № 36. С. 5–6.

Русские ведомости. 1884. 10 октября.

Русь. 1884. 15 августа. № 16. С. 2–15.

Русь. 1884. 15 октября. № 20. С. 2–11.

Русь. 1884. 1 ноября. № 21. С. 13–15.

[61] В 1884 г. в Киевском университете числились 1709 студентов (см.: *Кивлицкий Е. А.* Киевский университет св. Владимира // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XV (29). СПб., 1895. С. 262). По сообщениям газеты «Русские ведомости», было подписано и разослано более 1,5 тыс. увольнительных свидетельств, в первую очередь — студентам первого и второго курсов Медицинского факультета (одного из наиболее «многолюдных» в университете) (см.: Русские ведомости. 1884. 6 октября; 10 октября).

Селевич Ю. Л. Сергей Юльевич Витте / Science and technogy. URL: http://www.science-techno.ru/nt/article/sergei-yulevich-vitte/page/1 (дата обращения 24.03.2016).

Толчинская Т. И. Становление печати как механизма формирования общественного мнения в России в начале XX века // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск, 2012. Вып. 5. С. 58–66.

Устав Императорских Российских университетов 1884 года // Сб. постановлений М-ва нар. просвещения. СПб., 1893. Т. IX. 1884.

Шигабутдинов Р. Р. «Я сам человек университетский...» Документы Национального архива Республики Татарстан об избрании С. Ю. Витте почетным членом Казанского императорского университета. 1900–1901 гг. // Исторический архив. 2008. № 6. С. 162–172.

Щетинина Г. И. Университеты в России и устав 1884 г. М.: Наука, 1976.

Якутин Н. Зеленый попугай // Журналист. 1999. № 7–8. С. 56–57.

Х. // Заря. 1886. 8 мая.

УДК 94(470.24).084.8

Б. Н. Ковалев

Палачи и жертвы Колмовской больницы

Из всех невозвратных потерь Великой Отечественной войны наибольшее количество приходится на ее начальный период. Причин этому несколько: отступление Красной армии, большое количество военнопленных. Именно они стали одной из основных по численности категорий жертв Второй мировой войны. Но погибали не только солдаты, страдало и мирное население: женщины, дети, старики, пациенты больниц. В самом тяжелом положении оказались пациенты медицинских учреждений. Зачастую оторванные от дома, страдающие от болезней и начавшегося голода, они оказывались беспомощными перед новыми условиями своего существования.

Но не только реалии войны вели к гибели этих людей. Так, нацистская политика по отношению к душевнобольным предполагала их безусловное уничтожение. В засекреченном указе от 29 августа 1939 г., за три дня до вторжения в Польшу, Гитлер приказал рейхсляйтеру Боулеру и доктору Брандту установить практику, согласно которой все дипломированные врачи получали право даровать неизлечимо больным смерть «из милосердия». Под нацистское определение «неизлечимо больных» попадал довольно широкий круг лиц[1].

Медицинские комиссии посещали дома для умалишенных и отбирали там пациентов, которых затем убивали в газовых камерах. Родственников погибших обычно извещали о том, что эти лица скончались от сердечного приступа либо от воспаления легких. Однако везде, где бы ни появлялись эти медицинские комиссии, возникали подозрения, которые в конце концов привели к возмущению широких масс германского населения.

[1] *Герцштейн Р.* Э. Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск, 1996. С. 371.

Их настроение ярко выразил в своих отважных публичных разоблачениях епископ города Мюнстера Гален. В результате в 1941 г. правительство вынуждено было свернуть все работы по программе эвтаназии. Эта программа закончилась точно так же, как и началась: был разослан особый секретный циркуляр, предписывающий остановить ее осуществление[2]. Но оккупированной гитлеровцами территории России эта отмена, естественно, не касалась.

Дело врача Льва Любимова было рассекречено в архиве Новгородского управления ФСБ только в 2015 г. Оно позволяет более подробно оценить трагические события уничтожения больных колмовской психиатрической больницы в пригороде Новгорода зимой 1941–1942 г.

Спецслужбы разыскивали этого человека около трех лет. Его обвиняли в том, что он, «работая в период оккупации немецко-фашистскими войсками города Новгорода главным врачом областной психиатрической лечебницы, организовал уничтожение 250-ти человек больных, находившихся в больнице»[3].

Любимова арестовали в феврале 1947 г. в городе Новохоперске Воронежской области, который находится в 1200 километрах от Новгорода. На момент ареста ему уже исполнилось 56 лет.

Его биография — биография интеллигента, весьма оппозиционно относившегося к порядкам в царской России. Он родился в Петербурге в 1891 г., в 1909 г. там же закончил 12-ю мужскую гимназию. Поступил учиться в Петербургскую военно-медицинскую академию, откуда был отчислен с 4-го курса в 1913 г. за отказ подчиниться вновь введенным правилам внутреннего распорядка. После этого Любимов поступил на 4-й курс Юрьевского университета, который окончил в феврале 1918 г. со специальностью врача-терапевта. С 1918 по 1922 г. работал врачом в Красной армии. По возвращении из Красной армии работал в различных медицинских учреждениях[4].

Наиболее крупные психиатрические больницы (кроме, конечно, Ленинграда) на Северо-Западе России находились под Псковом в деревне Черняковичи и в пригороде Новгорода — Колмово, где располагалась «1-я Ленинградская областная психиатрическая лечебница». Именно туда в августе 1938 г. Любимова перевели на работу. С 1939 г. до самой немецкой оккупации города он числился в должности главного врача этого медицинского учреждения.

Для российской медицины Колмовская психиатрическая больница еще с начала XX в. являлась своего рода научно-испытательным полигоном, где шли успешные эксперименты по лечению хронического алкоголизма. Увеличилось штатное количество мест для больных с 400 в 1900 г. до 580 в 1905 и 560 в 1906 г. В последующие годы коечный фонд больницы не превышал 600.

[2] *Герцштейн Р. Э.* Война, которую выиграл Гитлер. С. 371.

[3] Архив Управления ФСБ по Новгородской области (далее — АУФСБНО). Д. № 1/7358, Л. 3.

[4] Там же. Л. 11 — 11 об.

Советская власть не смогла выделить достаточно средств на содержание крупной психиатрической больницы. Количество коек сократилось до 150, и только благодаря осторожным и настойчивым усилиям главных врачей в больнице увеличивалось постепенно, по 20–25 больничных коек в год. Количество их достигло в 1930 г. 200, а в 1940 г. — 600. Главным врачом больницы как до революции, так и после нее являлся известный российский психиатр А. А. фон Фрикен[5].

Таким образом, Лев Любимов прибыл не просто в провинциальную лечебницу, а в достаточно известный среди советских психиатров научный центр.

Новгород был занят нацистами с 19 августа 1941 г. до начала Новгородско-Лужской операции Красной армии в январе 1944 г. Всё это время он был в непосредственной близости от линии фронта, она прошла всего в километре от города.

Следует признать, что работа по эвакуации шла из рук вон плохо. В первую очередь подлежали вывозу материальные ценности, в частности промышленное оборудование. Однако и его слишком быстрый демонтаж мог быть приравнен к паникерству и вредительству. В воспоминаниях Александра Орлова «Новгород. Война!» последние часы перед оставлением его частями Красной армии описываются так: «Брать ничего особенного не давали, говорили, что если и увезут, то месяца на три... Прибегает комендант станции: “Вы чего панику наводите? Какая эвакуация!” — “Никакой паники я не навожу, возьмите трубку и спросите сами”. Он позвонил, послушал, трубку бросил и умчался куда-то...»[6]

Если верить утверждениям врача Любимова, то советское медицинское руководство после начала войны вообще не планировало эвакуировать психиатрические больницы. «В июле 1941 г. было получено распоряжение Ленинградского облздравотдела и областного психиатра принять меры к недопущению возбуждения у больных, добиться приобретения соответствующих наркотических средств для успокоения больных, так как об эвакуации больницы вопрос не может быть поднят.

Поэтому к моменту занятия Новгорода немцами в августе 1941 г. больница со всеми больными, большей частью персонала: врачами, средним медперсоналом осталась не эвакуированной»[7].

Можно назвать несколько причин отказа от эвакуации. Здесь было нежелание оставлять больных людей, полностью зависящих от медицинского персонала, страх перед опасной дорогой, оправдываемый для себя избитой фразой «дома и стены помогают», а также неверие в победу Красной армии и желание предложить новым хозяевам свои услуги[8].

[5] *Москалев В. П.* Страницы истории земской медицины: Колмовская психиатрическая больница // Вестник Новгородской психиатрической ассоциации. Вып. 1. Новгород, 1997. С. 44.

[6] *Орлов А. И.* Новгород. Война! // Новгородский комсомолец. 1991. 25 июня.

[7] АУФСБНО. Д. № 1/7358. Л. 9.

[8] Проблема эвакуации Колмовской больницы упоминается в рассказе Е. Б. Хотиной «Ужас» (*Хотина Е. Б., Малаховская Н. Л.* Перекличка в тумане времен. СПб.: Алетейя,

Остался на месте и кладовщик Иван Моногаров, который вскоре станет комендантом Колмово. В постановлении на арест этого человека от 15 марта 1946 г. значилось следующее: «Моногаров И. П., проживая в городе Новгороде в период временной оккупации его немецкими войсками, принимал участие в совершённых немцами на территории поселка Колмово преступлениях и злодеяниях.

Будучи завхозом Колмовской больницы и комендантом поселка Колмово, Моногаров в 1941 г. руководил погрузкой на автомашины психически больных после их отравления смертельной дозой скополамина. Тогда других сотрудников больницы поразило то деловитое равнодушие, с которым он занимался подготовкой деревянного помоста, по которому жертвы должны были попасть в кузова машин. Моногаров также составлял списки на неблагонадежных по отношению к немцам лиц, участвовал в арестах советских граждан, организовывал обыски квартир с целью обнаружения партизан, избивал военнопленных красноармейцев.

При активном содействии Моногарова, путем голода и отравления, в поселке Колмово немцами истреблено более двух тысяч советских граждан, в том числе пленных военнослужащих Красной армии»[9].

Этот человек просто упивался своей властью. В желании выслужиться перед немцами он был готов идти на любые гнусности. Свидетель К. И. Королёва показала: «В 1942 году, числа и месяца не помню, к военнопленным в Колмово приходил немецкий офицер, он был “шефом” над военнопленными. Осмотрев военнопленных, этот офицер стоял с Моногаровым около мужского корпуса больницы и разговаривал с ним. Я в это время также вышла из помещения... и с площадки крыльца, невдалеке от которого они стояли, слышала, как офицер Моногарову задал следующий вопрос: “Господин Моногаров, почему Вы так плохо кормите военнопленных, ведь у Вас есть на складе продукты?”

На этот вопрос офицера Моногаров ответил следующим заявлением: “Господин офицер, это я делаю потому, что для вас стараюсь. Продукты я оставляю для вашей армии”»[10].

Выдавая местным жителям продукты, Иван Моногаров любил «пошутить». Вместо того чтобы отдать их в руки голодным людям, он бросал хлеб и картошку на пол. А ведь любая еда зимой 1941/1942 г. была синонимом слова «жизнь». Особенно тяжело это осознавать, когда понимаешь, что даже сами оккупанты иногда были гуманнее, чем собственные соотечественники, по сути своей соседи. «Бóльшая часть погибших умерщвлена голодом. Моногаров Иван является прямым соучастником этих чудовищных злодеяний немцев. Несмотря

2010. С. 51). Согласно ее воспоминаниям, Л. Любимов пытался добиться эвакуации, но получил отказ. — *Прим. ред.*

[9] АУФСБНО. Д. № 1/6717. Л. 1.

[10] Там же. Л. 2.

на наличие продуктов, находившихся в распоряжении Моногарова, он не кормил больных. В результате этого осенью и зимой 1941 г. от голода ежедневно умирало от 25 и больше советских граждан»[11].

Иллюзия безнаказанности порождает самые отвратительные поступки. Так, свидетель А. А. Пензин 7 марта 1945 г. сообщил чекистам о следующем преступлении: «Я был очевидцем, как Моногаров участвовал в погрузке психически больных на автомашины в 1941 году после специальных смертельных уколов, которыми немцы отравили и умертвили до 200 человек этих больных.

Я лично видел, как Моногаров стоял около машин вместе с немецким полицейским офицером и отдавал обслуживающему персоналу приказания о сооружении из пустых ящиков мостика, по которому бы больные могли быстрее взобраться в кузов автомашины.

Автомашины, в которые производилась погрузка психических больных, были накрыты брезентом»[12].

При этом в уголовном деле И. П. Моногарова находится весьма любопытный документ. Это справка, предоставленная Исполкомом Новгородского горсовета депутатов трудящихся: «Дана в том, что Новгородская психиатрическая больница, расположенная в поселке Колмово, не была эвакуирована в глубь страны по причине отсутствия транспортных средств.

Все больные и значительная часть обслуживающего персонала этой больницы были захвачены немецкими оккупантами в августе 1941 года.

Председатель Исполкома Новгородского Горсовета депутатов трудящихся М. Юдин. Июль 1946 г.»[13]

Таким образом, как следует из этого документа, в гибели пациентов психиатрической больницы была и косвенная вина городских властей. Но он несколько отличается от заявления врача Любимова, так как согласно его показаниям, попытки эвакуации даже не предпринимались.

Одной из самых серьезных проблем в это время стало снабжение больных и обслуживающего персонала больницы. Любимов заявил на допросе в 1947 г.: «При занятии г. Новгорода немцами больница осталась без достаточного запаса продовольствия, личного инвентаря, что негативно влияло не только на состояние здоровья больных, но и на их психическое спокойствие»[14].

Ни со стороны оккупационных властей, ни со стороны русской коллаборационистской администрации ничего, чтобы помочь больнице, сделано не было. Наоборот, немецкое командование изъяло весь скот, принадлежавший больнице. Количество пациентов значительно возросло за счет больных

[11] Там же. Л. 3.

[12] Там же. Л. 1–3.

[13] Там же. Л. 185.

[14] Там же. Д. № 1/7358. Л. 9.

военнопленных, а также больных из Хутынской психиатрической лечебницы. Продовольствия для больных в этих условиях вообще не отпускалось, но немецкое командование пока еще разрешало выкапывать картошку на огородах.

В течение примерно двух недель после оккупации города немцы не интересовались больницей. Затем на ее территории расположилась немецкая воинская часть. Установив орудия на территории больницы, немцы стали производить обстрел советских позиций, так как линия фронта проходила в непосредственной близости. В связи с этим среди больных и проживающего населения появились жертвы от ответных артиллерийских обстрелов.

Во второй половине октября 1941 г. в психиатрическую больницу прибыл из комендатуры в городе Новгороде немецкий военный доктор с переводчиком. Он распорядился, чтобы перед ним собрали всех русских врачей для прослушивания лекции о последних достижениях немецкой психиатрии. Кроме Льва Любимова на ней присутствовали заместитель главврача Анна Помогаева, заведующий отделением хронических больных Иван Андриевский, заведующая отделением слабых больных Анна Жемчужина, заведующая женским отделением Анна Тимофеева, врач-терапевт Васильева и врач-ординатор Анна Константинова[15].

Немецкий врач сказал, что для очищения расы и предупреждения неблагоприятной наследственности в Германии производится кастрация хронических венериков, а психически больные в тех случаях, когда заболевание переходит в хроническое состояние и нет надежды на выздоровление, уничтожаются.

Сохранять жизнь и лечить, по его словам, нужно было только тех психически больных, которые по роду болезни временно впадают в психическое расстройство, а затем снова становятся психически здоровыми людьми и могут использоваться на различных работах.

После этих предварительных разъяснений немецкий врач предложил русскому медицинскому персоналу последовать немецким прогрессивным взглядам и уничтожить всех хроников, психически больных, оставив только необходимое количество людей для выполнения хозяйственных работ.

Уничтожение больных он предложил провести путем введения под кожу сильнодействующих наркотических средств. На проведение этой «работы» было дано два дня срока[16].

Во время допросов в 1947 г. Лев Любимов несколько раз менял свои показания. В уголовном деле находится его собственноручное объяснение, датированное 19 января 1947 г. Из него следует, что «после ухода немецкого офицера врачи обсудили положение и вынесли единогласное решение, что заниматься уничтожением больных и вводить им наркотики не будут. На другой день немецкий врач снова прибыл и, узнав настроение врачей, распорядился выделить

[15] АУФСБНО. Д. № 1/7358. Л. 12 об.

[16] Там же. Л. 12 — 12 об.

250 больных, сказав, что выделенные больные будут эвакуированы в Псковскую психбольницу»[17].

Через два дня после совещания, на котором выступал немецкий врач, в психиатрическую лечебницу приехал немецкий генерал с несколькими офицерами. Он обругал русских врачей за медлительность, обозвал их слюнтяями и уехал.

Было понятно, что слова про эвакуацию являются немецкой ложью. Но врачи занялись отбором больных. Определялись безнадежные хроники, и по консультации врачей были составлены два экземпляра списков. Их подписали лечащие врачи и заведующие отделениями. Любимов лично передал эти списки представителю немецкого командования.

Понятно, что 250 — круглое число. Немецкий врач, называя его, не знал, сколько в больнице находится действительно неизлечимых людей. На самом деле их было меньше, но количество жертв уже было озвучено в немецком приказе. Ответственность же за это решение перекладывалась на плечи главного врача больницы: «В числе 250 психически больных, отобранных нами и находившихся в лечебнице, а позднее уничтоженных немцами, около 50 были без острого хронического беспокойства и не ослабленные. Эти пятьдесят были внесены в список после продолжительного разговора с начальниками отделений Помогаевой, Андриевским и Тимофеевой, которые были против внесения этих лиц в списки, так как считали, что они могут быть излечимы»[18].

В новых показаниях Льва Любимова встреча с немецким врачом предстает несколько в ином свете. Далеко не все русские врачи оказались готовы противоречить «последним достижениям немецкой психиатрии»: «Присутствующие при этом врачи: Помогаева, находящаяся в настоящее время якобы в городе Кирове; Жемчужина (умерла в 1941 или 1942 г.) высказались, поддерживая точку зрения немцев, что действительно нужно уничтожить хронических больных и нет никакого смысла заниматься их лечением. На этом совещании в присутствии немца я (т.е. Лев Любимов. — *Б.К.*) дал указание находившимся здесь врачам отобрать слабых и безнадежных больных 250 человек, как того требовал немец, и составить на этих лиц список»[19].

Борис Филистинский в своих воспоминаниях представил Жемчужину под фамилией Алмазова. «Молодая женщина-врач Людмила Георгиевна Алмазова проживала в Псковской слободе.

Еще до поступления в медицинский институт она окончила музыкальный техникум, и ее густое, звучное меццо-сопрано часто раздавалось в кабинете главврача...

Людмила Георгиевна, красивая полнотелая тридцатипятилетняя брюнетка, недурно говорила на немецком языке, еще лучше пела, заразительно смеялась,

[17] Там же. Л. 9.

[18] Там же. Л. 14.

[19] Там же.

весело рассказывала анекдоты, оживленно вела любую общежитейскую беседу»[20].

Волей случая она познакомилась как раз в это время с офицером испанской Голубой дивизии, русским белоэмигрантом и с материальной точки зрения ее жизнь резко улучшилась: «Обед удался на славу. Конина, да еще запиваемая коньячком, показалась всем очень вкусной. Варить борщ Алмазова была мастерица, а хлеба было вволю — его принес с собой новый знакомый. Он же принес и консервов, и масла, и хороших сигарет»[21].

После нескольких встреч русский врач и поручик Голубой дивизии повенчались в сельской церкви. Через месяц доктор скончалась от скоротечного гриппа, а ее муж был легко ранен в ногу. Но пока подоспели санитары, пока его доставили на перевязочный пункт, он истек кровью. Так что они также не пережили зиму 1941/1942 г.[22]

В процессе подготовки уничтожения больных немецкие офицеры потребовали от руководства больницы, чтобы вся эта акция представлялась как некий акт гуманизма — эвакуация пациентов от линии фронта, где они страдали от бомбежек и обстрелов. Однако сам главный врач однозначно признавал: «Для меня лично и всех остальных было ясно, что речь идет о лицах, подлежащих физическому уничтожению, поскольку перед тем, как назвать цифру 250 человек, он говорил о необходимости уничтожения хронических больных. Я оговариваюсь и уточняю, что нам прямо было сказано об уничтожении этих больных. Для низшего медперсонала, который не присутствовал на этом совещании, по указанию немца следовало говорить, что 250 человек будут увезены из больницы в город Псков будто бы в целях разгрузки больницы»[23].

Любимовым были составлены списки на 250 потенциальных жертв по форме: № по порядку; фамилия, имя, отчество; и у кого было известно, то год рождения, название болезни[24].

После этого немецкий врач прислал в лечебницу наркотики и передал, чтобы эти наркотики были введены психически больным перед отправкой на уничтожение. В сопроводительном письме уточнялось, что следует сделать подкожное вливание в руку 0,0005 граммов препаратов «Геоссин» и «Скополамин»[25].

На другой день прибыло 5 больших грузовых машин в сопровождении 15 немецких военных санитаров. При выводе пациентов из палат они стали каждому делать под кожу инъекцию наркотиком, отчего возбуждение у больного

[20] *Филиппов Б. А.* Всплывшее в памяти. Лондон, 1990. С. 144–145.

[21] Там же. С. 151.

[22] Об этом см. более подробно книгу: *Ковалев Б. Н.* Добровольцы на чужой войне. Великий Новгород, 2014.

[23] АУФСБНО. Д. № 1/7358. Л. 22.

[24] Там же. Л. 14.

[25] Там же. Л. 13 об.

прекращалось, и он без сопротивления шел к машине и садился. Только некоторые больные бессвязно кричали, но не оказывали активного физического сопротивления[26].

Кроме немцев, введение наркотиков психически больным проводили по распоряжению Любимова врачи Помогаева, Андриевский, Тимофеева и Жемчужина[27].

Дозировка при введении наркотиков психически больным, намеченным к уничтожению, не была смертельной, а только оглушала последних. Любимов это проверял, когда стоял в дверях, откуда выводили психически больных для посадки в машины и отправки.

Но во время допроса следователь ему задал достаточно жесткий вопрос: «Мог наступить общий паралич и смерть психически больного от введенного ему наркотического средства в дороге при их перевозке?

— Это зависело от дозировки введенного наркотика.

— Вы эту дозировку проверяли?

— Не проверял»[28].

Психически больных, подлежащих уничтожению, выводили лица, обслуживающие их: медсестры и санитары. Им не говорили, что эти больные будут уничтожены. Главный врач уверил их, что часть больных просто эвакуируется в город Псков.

Но антураж этой «простой эвакуации» явно настораживал. Ведь кроме санитаров там присутствовали вооруженные жандармы с бляхами на груди. Часа через полтора-два машины увезли первую партию больных. Вернулись и, погрузив остальных больных, уехали.

Последующих вывозов больных не было. От русского населения позднее стало известно, что больные были выгружены в 20–22 км от Новгорода по направлению к Луге, помещены в длинный, большой сарай и уничтожены. Способы уничтожения и куда делись трупы — слухи по городу ходили разные. Одним из рассказывающих об уничтожении больных был санитар психбольницы Егоров[29].

После этого было несколько случаев, когда родственники психически больных интересовались состоянием здоровья своих близких, которые были уже истреблены. Однако врач Любимов отвечал им, что «часть больных эвакуирована во Псков, в числе их ваш больной и поэтому о состоянии его здоровья сказать ничего не могу»[30].

В 1941 г. в Колмовскую больницу поступали и новые пациенты. В первую очередь ими являлись пленные красноармейцы. Ведь мест для их размещения теперь вполне хватало. Доктор Любимов показал в 1947 г. на допросе:

[26] Там же. Л. 13 об.

[27] Там же. Л. 14.

[28] Там же. Л. 14 — 14 об.

[29] Там же. Л. 14 об.

[30] Там же. Л. 15.

«Из общего количества больных в 800 человек к моменту сдачи мною больницы 5 ноября 1941 года осталось не более 100 человек, причем это были больные-рабочие, занимавшиеся хозяйственным обслуживанием больницы. Все же остальные умерли от голода или были расстреляны»[31].

Информация об этом массовом уничтожении больных достаточно быстро стала известна в Ленинграде сотрудникам советских спецслужб. Так, в материалах для книги, предназначенной для внутреннего пользования, «Чекисты на защите Ленинграда» (Л., 1945) говорится в том числе и «о массовом умерщвлении немцами и их пособниками больных советских граждан в одной из психлечебниц в Новгородском районе...

К моменту оккупации г. Новгорода немцами в 1941 г. в Колмовской психиатрической больнице осталось неэвакуированными около 800 человек больных советских граждан»[32].

Да, безусловно, их эвакуация была бы исключительно сложной. Ведь в условиях паники и неразберихи августа 1941 г. из Новгорода не удалось вывезти даже большинство экспонатов местных музеев. Немалое их число если не погибло в пожарах, то досталось врагу в качестве трофея.

Но кто-то ждал гитлеровцев как освободителей, как носителей европейской цивилизации, борющейся с коммунизмом. Бывший ленинградец Борис Филистинский оказался в Новгороде не по своей воле. По окончании срока в 1941 г. он был освобожден и поселился в Новгороде, так как находиться в Ленинграде ему как бывшему заключенному было запрещено. Жил он у своей матери Лидии Филистинской (она проживала в Новгороде с середины 1940 г.), зубного врача Колмовской больницы, и тетки Надежды Благовещенской, художника-реставратора. Мать помогла ему устроиться на работу в Колмовскую психиатрическую больницу техником-строителем[33].

Начало войны с нацистской Германией Филистинский воспринял положительно. Ему нравилась нацистская Германия с ее культом силы, физического развития и безусловной доминантой титульной нации[34]. В новых реалиях у него появилась возможность отплатить советской власти за все перенесенные страдания и репрессии. Любую силу, которая воевала с большевиками, он считал правой и полагал своим долгом ей всячески помогать.

Одним из основных направлений работы коллаборационистской администрации Новгорода являлась борьба с любыми проявлениями сопротивления новым властям. Для этого были созданы городская стража («русская полиция») и политическая полиция, которую возглавил Борис Филистинский. В условиях,

[31] АУФСБНО. Д. № 1/7358. Л. 13.

[32] Там же. Д. № 1/6717. Л. 36.

[33] СРАФ УФСБ СПБЛО. Обзорная справка по архивному делу № 41-485, на Филистинского Бориса Андреевича, 1905 г. рождения, уроженца г. Ставрополя. Л. 220; АУФСБНО, Д. 43689.

[34] СРАФ УФСБ СПБЛО. Д. 10586. Л. 27 об., 100.

когда город жил впроголодь, любой кусок хлеба казался роскошью. На общем собрании персонала Колмовской больницы, где Филистинский по-прежнему числился, его решили лишить пайка как переставшего работать. На это предложение он с угрозой заметил: «Попробуйте. Я сейчас работаю в русском гестапо»[35].

Согласно показаниям свидетелей, выступая перед полицейскими и сотрудниками городской управы, Филистинский неоднократно заявлял о том, что нужно «активизировать выявление коммунистов и евреев и передавать их на расправу немцам. “Нечего их жалеть”, — говорил он»[36]. Согласно информации, полученной после освобождения Новгорода органами государственной безопасности, Филистинский в сентябре 1941 г. лично арестовал советского партизана Прокошина, бывшего начальника штаба ПВХО (противохимической обороны) Колмовской больницы. Арест был им произведен вместе с русскими полицаями, служившими под его началом. Всё это происходило в кладовой больницы, где скрывался раненый партизан[37].

В конце сентября 1941 г. Филистинский выдал немцам столяра Колмовской больницы, еврея Гринберга[38].

Однако позднее, в США, Филистинскому вспоминалось несколько другое: «Война. Немецкая оккупация. Голодная и холодная зима 1941–1942 г. Город разбит, сожжен, разрушен дотла. Немногие погорельцы скучились и прижились на территории уцелевшей чудом пригородной Колмовской психиатрической больницы, поселившись в полуподвальных этажах больничных корпусов, в докторских флигельках. Тут поселились и Аскольдов, и крупный эллинист, известный переводчик Платона и поэт-футурист А. Н. Николев (псевдоним), и его младший брат — поэт и прозаик Александр Котлин (псевдоним), и я, и еще несколько уцелевших...

И в тесной комнатке психиатра и литературоведа И. М. А. при ночнике, у железной печурки — под канонаду и разрывы бомб — философские споры, чтение своих стихов и особенно своевременного венка сонетов Вячеслава Иванова.

Гадания о будущем раздираемой войной и террором — и советским и немецким — России.

Еле-еле брызжет свет ночника. То и дело дом пошатывается от взрывов. Кровля пробита осколками снарядов. Иной раз доносится явственно исступленный вой смертельно напуганных сумасшедших. И тем глубже западают строфы “Зимних Сонетов”»[39].

Розыскные дела на Бориса Филистинского будут заведены в пяти Управлениях КГБ СССР. Но они не станут уголовными, так как привлечь этого человека к уголовной ответственности не удалось.

[35] Там же. Л. 56.

[36] Там же. Д. 1/13280. Л. 64.

[37] Там же. Д. 43689. Л. 72.

[38] Там же.

[39] *Филиппов Б.* Статьи о литературе. Лондон, 1981. С. 55–56.

Специфика середины 1940-х гг. заключалась в том, что следственные действия проводились «по свежим следам». Были живы свидетели, факты преступлений не стерлись в их памяти. Однако сталинская юстиция предполагала получение быстрого результата. Далеко не всегда факты, выявленные во время допросов, перепроверялись. Следователей в большей степени интересовало, в какой форме тот или иной человек изменил Родине.

Арестованный чекистами Иван Моногаров пытался доказать на следствии, что он всегда ненавидел гитлеровцев и всячески им вредил. В частности подсыпал толченое стекло в корм лошадям, чтобы они не достались немцам[40]. Ему не поверили, и в 1946 г. он был приговорен к 10 годам лагерей.

Профессор Вашингтонского университета Борис Филистинский (псевдоним — Борис Филиппов) станет в эмиграции известным литературоведом и писателем, скончается в 1991 г. в США.

В ноябре 1941 г. доктор Любимов по личной просьбе был освобожден от должности главного врача психлечебницы и направлен заведовать медпунктом в Фарафоново для оказания медицинской помощи русскому населению. Там он проработал до 1943 г., когда его арестовало немецкое командование, заподозрив в связях с Сопротивлением. Далее он был через Литву вывезен в Германию, где в 1945 г. его освободила Красная армия.

По его просьбе он был отправлен на работу в Воронежскую область, где его в 1947 г. арестовали, обвинив в уничтожении умалишенных Колмовской психиатрической больницы.

Лев Любимов военным трибуналом войск МВД Новгородской области 07.07.1947 был приговорен к ссылке в каторжные работы сроком на 15 лет, с поражением в избирательных правах на 5 лет, с полной конфискацией имущества. Дальнейшую его судьбу по материалам дела пока установить не удалось.

References

Filippov B. Stat'i o literature. London, 1981.

Filippov B. A. Vsplyvshee v pamjati. London, 1990.

Gercshtejn R. Je. Vojna, kotoruju vyigral Gitler. Smolensk, 1996.

Kovalev B. N. Dobrovol'cy na chuzhoj vojne. Velikij Novgorod, 2014.

Moskalev V. P. Stranicy istorii zemskoj mediciny: Kolmovskaja psihiatricheskaja bol'nica // Vestnik Novgorodskoj psihiatricheskoj associacii. Vyp. 1. Novgorod, 1997.

Orlov A. I. Novgorod. Vojna! // Novgorodskij komsomolec. 1991. 25 ijunja.

Список литературы

Герцштейн Р. Э. Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск, 1996.

Ковалев Б. Н. Добровольцы на чужой войне. Великий Новгород, 2014.

Москалев В. П. Страницы истории земской медицины: Колмовская психиатрическая больница // Вестник Новгородской психиатрической ассоциации. Вып. 1. Новгород, 1997.

Орлов А. И. Новгород. Война! // Новгородский комсомолец. 1991. 25 июня.

Филиппов Б. Статьи о литературе. Лондон, 1981.

Филиппов Б. А. Всплывшее в памяти, Лондон, 1990.

[40] АУФСБНО. Д. № 1/6717. Л. 184.

УДК 929.651

Е. А. Яровая

Рецензия на издание: Sigilla regum et reginarum Poloniae. Pieczęcie królów i królowych Polski ze zbiorów Archiwum Głównego Akt Dawnych (AGAD). (Kings' and Queens' seals from the collection of the Central Archives of Historical Records in Warsaw, Poland). Warszawa: Widawnictwo DiG Sp. J., 2015. 244 L. 217 colour pics.

Рецензируемая публикация осуществлена при финансовой поддержке национального управления дворянскими архивами. Автор (коллектив авторов) вступительного слова в выходных данных не указан.

Публикация любого корпуса исторических памятников отдельных стран всегда приветствуется. Не одно десятилетие издаются многотомные силлоги монет античного мира, Италии, Великобритании, отдельных земель Германии. Корпусы актовых печатей Скандинавии (Дании, Швеции), Византии, Древней Руси хорошо известны специалистам в области вспомогательных исторических дисциплин. Поэтому выпуск каталога печатей из польских архивов не мог не привлечь к себе пристального внимания исследователей.

Издание представляет собой каталог оттисков печатей, скреплявших исторические документы тридцати трех польских и польско-литовских королей и королев в период с 1320 по 1795 г. — начиная с Владислава Локотка (1320–1333) и заканчивая последним монархом независимой Польши Станиславом Августом Понятовским (1764–1795). Каталог подготовлен по материалам, хранящимся в Главном Архиве древних актов в Варшаве, также были привлечены оттиски из частных собраний семейных документов знатных польских

фамилий — Радзивиллов, Потоцких, Замойских. Публикация осуществлена на двух языках — польском и английском. Билингвальность каталога обусловлена не только мировой практикой или желанием выйти на мировой рынок исторической литературы, но и тем фактом, что сами предметы исследования выходят за рамки узкорегиональных интересов, но, несомненно, представляют интерес для исследователей из сопредельных Польше славянских государств, а также Швеции и Франции, чьи монархи из династий Васа и Валуа правили в Польше в период выборных королей. Их родовые гербы размещали в центральном щитке государственного герба.

Жанр каталога не предусматривает наличия обширных текстовых вступлений. В кратком предисловии дается характеристика предшествовавших трудов, в частности каталога Мариана Гумовского (1881–1974) Pieczęcie królów polskich, изданного в Кракове в 1920 г. Блестящий знаток польской нумизматики и сфрагистики, Гумовский не только дал описания и систематизировал королевские печати по хронологии, но и попытался увязать их с конкретными историческими датами и событиями. Как указывают анонимные авторы (или автор) вступления, термин «каталог» кажется слишком узким для работы, проделанной Гумовским. Привлекая все доступные источники и документы, Гумовский старался собрать всю информацию о рассматриваемых печатях, давая им наиболее полную, можно без преувеличения сказать — исчерпывающую характеристику. Впервые исследователем был поднят важный вопрос об авторстве указанных печатей. Труд Гумовского, хоть и был впоследствии подвергнут критическому осмыслению и пересмотру отдельных положений, связанных каждый раз с конкретными печатями, с попыткой расширить и углубить знание об отдельном периоде (например в ряде работ польских и литовских исследователей по печатям периода правления династии Пястов, Сигизмунда Вазы и пр.), в целом не потерял своей актуальности спустя без малого столетие. Создание полной картины польской королевской сфрагистики — его заслуга. М. Гумовский использовал результаты своей работы с гербовыми печатями в своем обобщающем опусе, посвященном польской геральдике, увидевшем свет в Австрии в 1969 г.[1] Авторы не скрывают, что их труд является продолжением труда Мариана Гумовского.

Другим источником, послужившим подспорьем авторам каталога в описании многочисленных земельных и территориальных гербов, входящих в состав королевской гербовой печати, стала книга известного польского гербоведа, члена международной Академии геральдики Стефана Кучиньского (1938–2010), посвященная генезису и традициям польских территориальных гербов[2]. Львиная доля гербов, обозначающих территории, подвластные польским монархам и включенные в государственные гербы, как указывают авторы каталога, определены профессором Кучиньским.

[1] Handbuch der polnischen Heraldik. Graz, 1969.

[2] *Kuczynski S.* K. Polskie herby ziemskie. Geneza, tresci, funkcje. Warszawa, 1993.

Главными элементами всех королевских печатей является коронованный Белый орел в красном поле — древняя эмблема польского государства. Начиная с 1386 г. — с принятия Унии с Великим Княжеством Литовским — в состав герба включается фигура рыцаря в латах, скачущего на коне, с мечом и щитом, иначе — Погоня. Остальные элементы подвергаются изменениям — тасуются территории, попадающие под юрисдикцию Польши, меняют свой статус провинции, воеводства, герцогства. В период выборных королей с 1573 г. закрепляется традиция размещать на груди польского орла щиток с династическим гербом правящего монарха. Так, в состав польских гербов вошли французские золотые лилии, знаменуя короткое правление Генриха Валуа (1573–1575). В эпоху Стефана Батория (1576–1586) — трансильванские три зуба дракона. «Сноп» шведской династии Васа и лев Фолькунгов появляются при Сигизмунде III (1587–1632) и остаются в геральдике Владислава IV (1632–1648). Красный щиток с десятиконечным крестом, золотым полумесяцем и шестилучевой звездой возникает на гербе короля Михаила из рода князей Вишневецких (1669–1673). Скрещенные саксонские мечи в черно-белом поле в сочетании с зеленым рутовым венком на фоне диагональных перевязей обозначают присутствие Саксонско-Веттинской династии на польском троне (1697–1763). И при двух последних Станиславах — Лещинском (1704–1709) и Понятовском (1764–1795) на груди Белого орла помещались бычья голова в красном поле и красный теленок в белом поле.

Земельные гербы, отражающие территориальные изменения польского королевства, располагаются по кругу и перечислены по часовой стрелке, независимо от статуса. В ряде печатей встречаются гербы Киева и Смоленска.

Печати двенадцати королев не содержат гербов территорий — центральный щиток с гербом династии наложен на польско-литовский четырехпольный герб, в котором в 1-м и 4-м полях — Белый орел, во 2-м и 3-м полях — Погоня.

Каталог содержит описания и изображения 205 оттисков печатей в воске и на бумаге и один экземпляр матрицы серебряной печати Яна III — Большой печати Великого княжества Литовского. Обращает на себя внимание заключительный каталожный номер — печать Станислава Августа Понятовского — оттиск в красном сургуче, оставленный инталией с изображением правого профиля мужчины в завитом парике согласно моде XVIII в. Черты вполне определенные — вряд ли это условное изображение. Можно отметить длинный нос с характерной горбинкой и линию двойного подбородка — знакомый по многочисленным прижизненным изображениям короля облик. По всей вероятности, профиль, вырезанный на инталии,— это портрет самого короля, служащий в данном случае аналогом подписи и удостоверяющий личность подписавшего акт. К большому сожалению, авторы каталога не уделили дополнительного внимания данному памятнику, и он так и остался нераскрытым. В этой связи напрашивается аналогия с перстнем-печаткой сэра Горацио Нельсона — известно, что свои письма к возлюбленной Эмме Гамильтон герой

Трафальгарской битвы запечатывал особой печатью — инталией с изображением профиля красавицы Эммы, вырезанным итальянкой Терезой Талани. С перстнем этим адмирал никогда не расставался. Возможно, некая романтическая история скрывается и за последней печатью последнего короля Польши.

Каталог превосходно издан, фотографии печатей даны с максимальной точностью, так что можно рассмотреть детали невооруженным глазом. В целом книга производит благоприятное впечатление. Ее значение как источника по истории польско-литовского государства трудно переоценить. Не вызывает сомнений востребованность данного каталога у группы специалистов по вспомогательным историческим дисциплинам — в первую очередь по геральдике, нумизматике, сигиллографии и палеографии.

КОНКУРС «АКТУАЛЬНАЯ НАУКА»

Польский институт в Санкт-Петербурге,

Санкт-Петербургский институт истории РАН

и Институт истории и политических наук Университета в Белостоке

объявляют

Девятый открытый конкурс студенческих и аспирантских работ

«АКТУАЛЬНАЯ НАУКА»

(«Советский Союз, Польша и другие страны Центральной и Восточной Европы в мировой политике XX века») памяти выдающегося историка

Олега Николаевича КЕНА

К участию в конкурсе приглашаются студенты, аспиранты и соискатели из России, Польши и других стран, занимающиеся изучением истории и культуры Советского Союза, Польши и других стран Центральной и Восточной Европы в мировой политике XX в.

Работы принимаются до 15 октября 2016 г.

Лучшие работы будут опубликованы в сборнике. Подробная информация о конкурсе доступна на сайтах: www.polinst.ru, www.spbiiran.nw.ru, www.olegken.ru, а также по телефону 336–31–49

Польский институт Санкт-Петербург

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук СПбИИ РАН

Актуальная наука

Аннотации

Андреева Т. В. Государственное управление России во второй половине XVIII — первой четверти XIX в.: к проблеме преемственности и различия в правительственной преобразовательной политике

Преобразования в государственном управлении в царствования Екатерины II, Павла I и Александра I в статье представлены как целостный процесс, отражавший поступательный характер политического развития России и направленный на преодоление кризиса «традиционной» абсолютной монархии. Такой подход позволил заключить, что при всех особенностях и отличительных чертах реформаторской тактики — «просвещенного абсолютизма», «регулярного государства», правительственного конституционализма — прослеживается единство стратегической цели (укрепление российской государственности) и определенная преемственность преобразовательной политики. В целом официальное реформаторство, в основе которого лежали преобразовательные программы или их элементы, было направлено на формирование монархического государства с эффективной, унифицированной и рационализированной системой управления и кодифицированным законодательством. Для носителей верховной власти и представителей управленческой элиты было характерно стремление только бюрократическим путем решать проблемы российской модернизации, преобладало приспособление просветительских принципов к условиям России.

Ключевые слова: Россия, государственное управление, модернизация, реформирование, абсолютная монархия, Екатерина II, Павел I и Александр I.

Букалова С. В. Роль местного самоуправления в организации помощи беженцам в годы I Мировой войны

Статья представляет собой опыт систематизации деятельности органов местного самоуправления по оказанию помощи беженцам. В центре внимания находятся губернские, уездные и городские органы самоуправления, чья деятельность в отношении беженцев рассматривается в связи с государственной политикой и работой Земского и Городского союзов. Органы местного самоуправления могли создавать специальные структуры (беженские комитеты), открывать и содержать специализированные учреждения для беженцев — общежития, столовые, лечебницы, мастерские и т.п. Ведущими направлениями деятельности местного самоуправления в отношении беженцев были: предоставление жилья, регистрация, распределение пайков и оказание дополнительной материальной помощи, предоставление медицинских услуг, привлечение к труду. Помощь беженцам стала для местного самоуправления новым направлением деятельности. Без всестороннего анализа реализации данных функций невозможно ни воссоздать структуру организации беженского дела в Российской империи, ни приблизиться к пониманию места беженцев в локальном сообществе, ни раскрыть в полной мере значение местного самоуправления в системе мобилизационной политики государства.

Земства принимали участие в регламентации положения беженца, определяя его трудоспособность и степень материальной нужды. Значительная часть ресурсов местного самоуправления была направлена на помощь беженцам, в том числе в качестве компенсации недостатка государственной поддержки. В то же время органы местного самоуправления являлись проводниками государственной политики в отношении беженцев, направленной на форсированную интеграцию их в локальный социум в качестве его маргинальной пауперизированной части.

Ключевые слова: Российская империя, I Мировая война, беженцы, местное самоуправление, земство, Земский союз, Союз городов.

Власов Н. А. История международных отношений или история дипломатии в Европе? Проблема изучения и преподавания истории международных отношений Нового времени

Основной целью статьи является оценка современных российских учебников по истории международных отношений Нового времени с точки зрения их соответствия современным требованиям к подготовке как историков, так и других специалистов в сфере гуманитарных наук. Рассматривая наиболее распространенные учебники и учебные пособия, автор статьи приходит к выводу о том, что все они обладают рядом существенных недостатков. К числу последних относятся в первую очередь концентрация исключительно на политической составляющей международных отношений и европоцентристский подход. С точки зрения автора, существующие учебники по истории международных отношений Нового времени правильнее было бы назвать учебниками по истории европейской дипломатии. Учебника по указанной дисциплине,

который соответствовал бы современному уровню развития исторической науки, в настоящее время в России не существует. Такой учебник должен рассматривать не только военно-политическую, но и экономическую и культурную составляющую международных отношений, освещать историю миграций, распространения знаний и технологий. Подготовка такого учебника является, с точки зрения автора статьи, сложной, однако вполне решаемой задачей.

Ключевые слова: история международных отношений, Новое время, учебник, дипломатия, европоцентризм, Вестфальский мир, экономическая история, история культуры, история миграций.

Гинев В. Н. Мажоритарные или пропорциональные? Полемика в связи с первыми в России выборами в волостное земство в 1917 г.

В настоящее время в демократических странах в избирательных кампаниях на выборах в органы центральной и местной власти применяются различные варианты мажоритарной или пропорциональной систем организации выборов и подсчета голосов.

В России впервые в 1917 г. после введения всеобщего избирательного права обе указанные системы использовались в период летне-осенних выборов в волостное земство. В статье рассматриваются споры во Временном правительстве и на местном уровне о преимуществах и недостатках обеих систем, показана неоднозначная реакция избирателей (в основном крестьян) на идущие сверху указания, как надо выбирать своих представителей в волостное управление. Делается вывод, что, хотя выборы в большинстве волостей и уездов всё же состоялись, основная масса полуграмотных и неграмотных избирателей, не имеющая никакого опыта участия в свободных всеобщих выборах, оказалась не готова к немедленному позитивному восприятию демократических принципов нового общественного устройства после неожиданно быстрого устранения векового российского самодержавия.

Ключевые слова: земская волость, выборы, мажоритарная система, пропорциональная система, Временное правительство, партия Конституционных демократов (кадетов).

Жуков А. Е. «Летописец начала царства» и Воскресенская летопись

В статье рассматривается вопрос о взаимоотношениях «Летописца начала царства» и Воскресенской летописи. Исследователи отмечали, что последняя послужила источником «Летописца». Однако некоторые ответы на вопросы

необходимо уточнить. В частности, не установлено, какая редакция Воскресенской летописи была привлечена при создании «Летописца начала царства». Автор сопоставил тексты обоих памятников и выявил близкие чтения на общем хронологическом промежутке (1533–1541 гг.). В статье произведен анализ приемов редактирования известий Воскресенской летописи при их включении в «Летописец начала царства». В результате была уточнена редакция Воскресенской летописи, привлеченная в «Летописце».

Ключевые слова: летописи, Иван IV, Воскресенская летопись, «Летописец начала царства».

Ковалев Б. Н. Палачи и жертвы Колмовской больницы

Одной из трагедий Великой Отечественной войны является уничтожение осенью–зимой 1941–1942 гг. пациентов Колмовской психиатрической больницы около Новгорода. Статья написана на материалах рассекреченных документов архива Новгородского Управления ФСБ. Для непосредственного совершения медицинских преступлений нацистам часто требовались послушные исполнители. Обычно ими становились русские коллаборационисты. Причин такого сотрудничества было несколько. Кто-то из сотрудников советских медицинских учреждений поверил в необходимость эвтаназии для неизлечимых, в первую очередь психически больных пациентов, а кто-то просто не раздумывая выполнял приказы оккупационных властей. Некоторые люди стремились выжить в условиях оккупации любой ценой, даже за счет смерти других. Господствовавшая в Третьем рейхе идеология не только воспитывала и оправдывала жестокость в отношении миллионов людей, но и извращала понятия о профессиональном долге врачей, превращая некоторых из них из помощников страждущим, обязанных (согласно клятве Гиппократа) всеми силами бороться за их жизнь, в убийц.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Северо-Запад России, нацистская оккупация, уничтожение психических больных.

Кучурин Б. Н. Из истории политической борьбы в начале XIX в.: нереализованный проект масонской реформы М. М. Сперанского

В статье рассматривается политическая борьба, развернувшаяся в начале XIX в. в связи с намерением М. М. Сперанского параллельно с общим реформированием государственного управления провести масонскую реформу. При этом обращение М. М. Сперанского к масонству было лишь эпизодом, который был локализован в его биографии определенными хронологическими границами и вызван конкретной социально-культурной ситуацией, с одной стороны,

и политическими задачами — с другой. Кроме того, к ее разработке М. М. Сперанский приступил во многом в связи с увлечением всякого рода мистическими и эзотерическими учениями, а также искренней верой «в перерождение мира посредством тайных обществ», в частности масонских. О целях и содержании масонской реформы известно по нескольким независимым источникам. Это сохранившиеся специальные записки (донесения) о масонстве М. М. Сперанского, И.-А. Фесслера и Г. А. Розенкампфа, а также воспоминания Ф. М. Гауеншильда. Судя по этим источникам, М. М. Сперанский планировал вписать масонство в разработанную им общую государственную систему страны как идеологический инструмент духовного или нравственного воспитания нации, т.е. он хотел превратить масонство в одно из государственных учреждений, а его членов — в служащих этого учреждения. Одновременно М. М. Сперанский предлагал Александру I в качестве государственной идеологии христианизированный вариант масонской вселенской религии, в которой согласны все люди. По сути, это был проект огосударствления масонства, который в сложившихся условиях острой политической борьбы ему так и не удалось реализовать.

Ключевые слова: политическая борьба, масонство, вселенская религия, экуменизм, мистицизм, мистические учения, эзотеризм.

Левшина Е. С. С. Ю. Витте и И. С. Аксаков в 1880-е гг.

В статье рассмотрены взаимоотношения С. Ю. Витте и И. С. Аксакова в 1880-х гг. Установившиеся между ними в середине 1870-х гг. связи переросли в достаточно близкое дружеское общение после смерти в конце 1883 г. Р. А. Фадеева — дяди С. Ю. Витте, при непосредственном участии которого формировался его внутренний мир. Возможно, Витте чувствовал потребность установить тесную связь с И. С. Аксаковым как лидером славянофилов, рассматривая его в качестве нового идейного наставника. Автор допускает, что переписка корреспондентов завязалась по инициативе Витте в конце лета — начале осени 1884 г. В настоящей статье значительное внимание уделено сотрудничеству Витте в газете «Русь» и вопросу о его работе в издании в качестве добровольного информатора. В газете появилась лишь одна подписанная его именем публикация (январь 1885 г.), и автор данной статьи полагает, что следует с осторожностью говорить о возможных публикациях Витте на страницах газеты до начала 1885 г. Введение в научный оборот текста письма Витте к И. С. Аксакову от 9 октября 1884 г., речь в котором идет о студенческих беспорядках в Киеве в начале сентября 1884 г., может способствовать пониманию взаимоотношений между корреспондентами, а также уточнению общественно-политических взглядов Витте. Данное письмо публикуется в качестве приложения.

Ключевые слова: С. Ю. Витте, И. С. Аксаков, Р. А. Фадеев, «Священная дружина», славянофильство, «Русь», «Московские ведомости», университетский устав 1884 г., Киевский университет.

Проскурякова М. Е. Просопографические базы данных как инструмент работы с массовыми источниками в современной историографии

Рассматривается одна из методик работы с массовыми источниками по социальной истории — просопографическими базами данных. В статье предпринята попытка на основании изучения работ зарубежных историков определить те сложности, с которыми неизбежно сталкивается создатель базы данных. Свое ви́дение принципов обобщения и анализа просопографического материала выработали несколько ученых — античников и медиевистов, специализирующихся в области социальной истории (Кэтрин Китс-Рохан, Ральф Мэтисен, Дион Смайт и др.) в ходе создания ими баз данных, впоследствии признанных образцовыми и получивших широкую известность в научном сообществе.

Наиболее трудноразрешимой проблемой при формировании баз данных оказывается необходимое изменение структуры информации первоисточника. К такого рода изменениям относится унификация наименования титулов, чинов, должностей или дробление информации для внесения в несколько полей. В силу особенности работы компьютерных систем обозначенная проблема не может быть разрешена. Поэтому задачей для историка является не столько максимально близкая к тексту первоисточника передача информации в базе данных, сколько корректное конструирование и заполнение самой базы. Изучение современной научной литературы дает возможность определить те принципы, следование которым должно помочь в успешном выполнении этой задачи. Именно на описании принципов, которые были предложены зарубежными историками, сделан основной акцент в представленной статье.

Ключевые слова: просопография, социальная история, базы данных, исторический источник, массовые источники, историография, методика исторического исследования.

Резник А. В. Письмо А. А. Иоффе Г. Е. Зиновьеву 23 января 1924 г.

Впервые полностью публикуется письмо Адольфа Абрамовича Иоффе Григорию Евсеевичу Зиновьеву, написанное 23 января 1924 г., через два дня после смерти основателя советского государства Владимира Ильича Ленина. В этом письме известный дипломат ставит вопрос о невозможности замещения Ленина на посту председателя СНК СССР одной личностью, предлагая формат президиума в составе Троцкого, Зиновьева и Каменева. В противном случае он считал необходимым назначить Троцкого. Несмотря на краткость, письмо представляет важный источник по политической культуре большевиков в 1920-х гг.

Ключевые слова: РКП(б), большевики, Зиновьев, Троцкий, Каменев, Ленин, советская власть.

Рупасов А. И. Советско-эстонские отношения в период мирового экономического кризиса

Отношения с Эстонией только на первый взгляд носили для СССР во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. маргинальный характер. Сильное политическое влияние Польши в Эстонии рассматривалось советской дипломатией как одна из предпосылок для создания военно-политического блока вдоль всей западной границы СССР. В силу объективных причин у советской дипломатии отсутствовали сколько-нибудь значительные возможности для изменения складывавшейся ситуации. В период мирового экономического кризиса, серьезно затронувшего ориентированную на экспорт экономику Эстонии, в качестве такой возможности стало рассматриваться развитие торговых контактов. Однако заключение в 1929 г. торгового договора с Эстонией не дало советской стороне желаемых результатов.

Ключевые слова: Эстония, СССР, торговый договор, гарантийный пакт, транзит, концессии, политические партии, НКИД.

Синельникова Е. Ф., Соболев В. С. Воскрешая величавые образы мыслителей. Из истории Петербургского философского общества (1897–1923)

Публикуемая рукопись очерка замечательного петербургского ученого — философа Ксении Михайловны Милорадович, подготовленная ею к предстоявшему в октябре 1922 г. 25-летнему юбилею Философского общества при Петербургском (Петроградском) университете, является на данный момент единственным известным целостным источником по истории этого общества. В очерке К. М. Милорадович содержатся важные и интересные для истории философии сведения об активных участниках общества — выдающихся русских философах — А. И. Введенском, Э. Л. Радлове, В. С. Соловьеве, Н. О. Лосском и др., о тех докладах, лекциях и сообщениях, которые были сделаны на заседаниях общества за весь период его существования (1897–1923). Всё это позволяет лучше понять мировоззренческий процесс в России тех лет, объективнее оценить значение, которое имели тогда те или иные теории и идеи.

Ключевые слова: Петербургское философское общество, Санкт-Петербургский государственный университет, история науки, К. М. Милорадович, А. И. Введенский, Э. Л. Радлов, В. С. Соловьев, Н. О. Лосский.

Смирнова Л. В., Уваров С. Н. Эвакуированные ленинградцы в Удмуртской АССР в годы Великой Отечественной войны (численность, размещение, трудовая деятельность)

Героической страницей истории Санкт-Петербурга является эвакуация из города во время Великой Отечественной войны. Одним из мест, где размещались эвакуированные ленинградцы, была Удмуртская АССР. Использование архивных материалов позволило рассмотреть численность эвакуированных ленинградцев, их размещение, трудовую деятельность в республике, а неопубликованные воспоминания помогли выяснить их отношение к эвакуации из города. Эвакуировались ленинградцы из родного города в основном неохотно, часто предпочитая выезду в другую местность лишения дома. Максимальное количество эвакуированных жителей «северной столицы» в Удмуртской АССР оказалось в апреле 1944 г., когда она превысила 6 тыс. чел. В составе всех эвакуированных, разместившихся в республике, доля ленинградцев доходила до одной седьмой. В целом для Удмуртской АССР приезд ленинградцев сыграл очень значительную роль. Попав в Удмуртию, они самоотверженно работали за станком, трудились в поле, воспитывали подрастающее поколение, лечили больных, внося свою, очень важную лепту в Победу. Но как только была снята блокада, эвакуированные ленинградцы стали рваться обратно и уезжали, невзирая на запреты. Это говорит о жителях Ленинграда как о больших патриотах своего родного города.

Ключевые слова: эвакуация, эвакуированное население, численность, воспоминания, Великая Отечественная война, Ленинград, Удмуртская АССР.

Тимофеев Л. В. Вокруг прототипа Митрофанушки Дениса Фонвизина

Предание (легенда, вымысел) об Алексее Николаевиче Оленине (1764–1843) как прототипе Митрофанушки из комедии Д. И. Фонвизина (1744–1792) «Недоросль» (1782 г.), было опубликовано в 1861 г. В. П. Бурнашевым. Более века оно не подвергалось сомнению. В статье рассматриваются все pro и contra этой версии. После выявления документов о совместной учебе в гимназии при Московском университете автора будущей комедии и двух братьев Олениных — отца Алексея Николаевича и дяди — появились новые версии. Значительная часть статьи посвящена анализу аргументов, зачастую построенных на предположениях и незнании фактической стороны жизни прототипов.

Ключевые слова: В. П. Бурнашев, А. Н. Оленин, Д. И. Фонвизин, Д. Я. Оленин, Н. Я. Оленин, Московский университет, прототипы, В. М. Файбисович, П. Серов, вымыслы и факты.

Шухман О. Е. Коллекция Л. Ф. Фридланда в Институте восточных рукописей РАН. История собрания и современное состояние

Статья посвящена коллекции еврейских книг известного мецената Л. Ф. Фридланда. В 1892 г. он передал свою библиотеку в дар Азиатскому музею. В настоящее время коллекция находится в Институте восточных рукописей РАН. Это богатое собрание редких еврейских книг, известное в мире под названием «Bibliotheca Friedlandiana», считалось одной из крупнейших коллекций подобного рода в Европе. Описание истории бытования собрания основано на материалах из архива РАН и из архива востоковедов ИВР РАН. Судьба коллекции тесно связана с историческими событиями, происходившими в России с конца XIX в. и до наших дней. По многим причинам Bibliotheca Friedlandiana почти на всем протяжении своей истории была недоступна для исследователей и читателей. В настоящее время ведется активная работа по каталогизации печатных изданий из коллекции Л. Ф. Фридланда.

Ключевые слова: коллекция еврейских книг, Bibliotheca Friedlandiana, гебраистика, семитология, история книжных собраний, еврейская библиография.

Яровая Е. А. Рецензия на издание: Sigilla regum et reginarum Poloniae. Pieczęcie królów i królowych Polski ze zbiorów Archiwum Głównego Akt Dawnych (AGAD). (Kings' and Queens' Seals from the collection of the Central Archives of Historical Records in Warsaw, Poland). Widawnictwo DiG Sp. J. 2015. 244 L.

Краткая рецензия на вышедший в Варшаве в 2015 г. каталог оттисков печатей польских королей и королев начиная с XIV в. и заканчивая 1795 г. Роль сфрагистики для исторических дисциплин трудно переоценить, поэтому любое обращение к данной теме вызывает пристальный интерес исследователей. В рецензии освещены труды, послужившие основой для данного издания — это прежде всего работы польского нумизмата и историка Мариана Гумовского. Приводятся примеры геральдических эмблем, входивших в состав гербов польских монархов, прослежена их эволюция. В заключение делается вывод о несомненной ценности данного издания.

Ключевые слова: печати, сфрагистика, гербы, геральдика, матрицы, оттиски, Польша, короли, каталог.

Abstracts

Andreeva T. V. Russia: State control in second half 18th — first half of 19th century. The problem of continuity and differences in transformational government policy

Transformations in state administration in the reign of Catherine II, Paul I and Alexander I are presented in the article as process, reflecting the progressive nature of the political development of Russia and aimed at overcoming of crisis of the «traditional absolute monarchy». This approach allowed concluding that, for all the peculiarities and distinctive features of the reformist tactics of «enlightened absolutism», «regular state», government of constitutionalism — there is evidence of the unity of strategic goals (strengthening of the Russian statehood) and some continuity transformative policies. In general, official reformism, which, lying transformative programs were focused on the formation of a monarchical state with an effective, unified and streamlined control system and codified laws. For carriers of the Supreme power and representatives of the managerial elite was characterized by a tendency only a bureaucratic way to solve the problem of Russian modernization, has dominated the adaptation of educational principles to the conditions of Russia.

Key words: Russia, public administration, modernization, reformation, absolute monarchy, Catherine II, Paul I and Alexander I.

Bukalova S. V. The role of the local self-government in the organization of refugees' aid during World War I

This article represents the attempt of systematization of the local self-management activity for the refugee's aid. The author's attention is disposed a regional, county and township structures of the local self-management. Their operations, connected with the refugees' problem, reviews in the article through the state policy and the work of the All-Russian Zemstvos Union and the All-Russian Union of the Towns. Bodies of the local self-management could establish special structures;

also, they could open and maintain special facilities for refugees, such as asylums, refectories, hospitals, workshops, etc. The main directions of the local self-management activity for the refugee's aid was housing, registration, cash benefits distribution, offering the additional aid, providing the health care and involving into a labor. The refugees' problem became a new direction of the local self-management activity. Without the comprehensive analysis of realization those functions we can't neither reconstruct the structure of the refugee's aid, nor recognize the place of the WWI refugee in the local community, which was connected with the state refugees' policy, realized mainly by the local self-management. Also without such analysis, we cannot discover the importance of the local self-management in the state mobilization policy.

Key words: Russian Empire, World War I, refugees, local self-government, zemstvo, All-Russian Zemstvos Union, All-Russian Union of the Towns.

Ginev V. N. Majority or proportional voting system? Debates concerning the first elections to volost zemstvo in Russia

Nowadays different variants of majority or proportional voting systems are used in election campaigns in democratic countries.

In Russia in 1917, for the first time after universal suffrage was introduced, both systems were used during summer/autumn elections to volost zemstvo (local government). The article studies the controversies in the Provisional Government, and also on local levels, about benefits and drawbacks of both systems, shows ambiguous responses of voters (mostly peasants) to incoming directives on how to elect their representatives to volost government. The article concludes that though in most volosts and uyezds the elections took place, yet the general body of semi-literate or illiterate voters with no experience in free general elections appeared to be not ready for positive perception of democratic principles of the new social order after the quick elimination of the centuries-old Russian autocracy.

Key words: volost zemstvo (local government), elections, majority voting system, proportional voting system, Constitutional Democratic party (kadets), Provisional government.

Jarovaya E. A. Review on: Sigilla regum et reginarum Poloniae. Pieczęcie królów i królowych Polski ze zbiorów Archiwum Głównego Akt Dawnych (AGAD). (Kings' and Queens' Seals from the collection of the Central Archives of Historical Records in Warsaw, Poland). Warszawa: Widawnictwo DiG Sp. J., 2015. 244 L.

This review deals with the new coming catalog of the Kings' and Queens seals of the 14–18th centuries from the collection of the Central Archives of Historical Records in Warsaw, Poland, printed in 2015.

Key words: print, sphragistics, coats of arms, heraldry, matrices, prints, Poland.

Kovalev B. N. The executioners and victims of Kolmovskaya Hospital

One of the tragedies of the Great Patriotic War is the extermination of patients of Kolmovskaya psychiatric hospital in the vicinity of Novgorod during the autumn–winter 1941–1942. This article is based mainly on declassified documents from the Novgorod FSB archive. For direct commission of medical crimes the Nazis often were in need of obedient executors. Usually, Russian collaborators gave their consent to exterminate civilians. There were several reasons for that. Some of the employees of the Soviet medical institutions believed in the necessity of euthanasia for the incurable — mentally ill patients in the first place, while others did not hesitate to follow the orders of the occupation authorities. Others tried to survive under occupation at any cost, even at the expense of the death of patients. The prevailing ideology of the Third Reich not only promoted but justified violence against millions of people. It perverted the idea of professional duty of doctors, transforming some of them from helpers to the suffering (who are obliged, according to the Hippocratic Oath, to fight for patients' lives by all means) to killers.

Key words: The Great Patriotic War, North-Western Russia, the Nazi occupation, the extermination of the mentally ill.

Kuchurin V. V. From the history of political struggle in the early 19th century: M. M. Speransky's unrealized project of the Masonic reforms

The article discusses the political struggle that took place in the beginning of the 19th century in connection with the intention of M. M. Speransky to conduct in parallel with the overall reform of the public administration the Masonic reform. In this case Freemasonry of M. M. Speransky was only an episode located in

his biography inside certain chronological boundaries and was caused by a specific socio-cultural situation, on the one hand, and political objectives, on the other. In addition M. M. Speransky began its development largely due to the enthusiasm of all kinds of mystical and esoteric teachings and sincere faith «in the regeneration of the world by means of secret societies», in particular Masonic. Purposes and content of the Masonic reforms are known from several independent sources. They include preserved special notes (reports) about Freemasonry by M. M. Speransky, I. A. Fessler and G. A. Rosenkampf and memoires of F. M. Gauenshild. According to these sources, Speransky planned install Freemasonry in general state system of the country as an ideological tool of spiritual and moral education of the nation, it means that he wanted to turn the Freemasonry into one of government institutions, and its members into employees of the institution. At the same time, M. M. Speransky offered Alexander I Christianized version of the Masonic universal religion in which all people are agree with each other as a state ideology. In fact, it was the project of nationalization of Freemasonry, which in the current conditions of acute political struggle, he had not embodied.

Key words: political struggle, Freemasonry, the universal religion, ecumenism, mysticism, esotericism, esoteric teaching.

Levshina E. S. S. Yu. Witte and I. S. Aksakov in the 1880s

In this article the relations of S. Yu. Witte and I. S. Aksakov in the 1880s are examined on the basis of the preserved part of their correspondence and newspaper articles in the «Rus'». Their connections were established in the middle of the 1870s and evolved into close friendly terms after the death of R. A. Fadeev (late 1883) — S. Yu. Witte's uncle who directly influenced the forming of his world views. Perhaps S. Yu. Witte felt the need to establish a close relationship with I. S. Aksakov as a leader of the Slavophils, regarding him as a new ideological mentor. The author assumes that their correspondence began in late summer — early autumn 1884 on S. Yu. Witte's initiative. Considerable attention is paid to S. Yu. Witte's cooperation in the «Rus'» and to the subject of his work in this newspaper as a voluntary informant. The only one newspaper article signed by his name appeared in the «Rus'» (January 1885); the author of the present article believes that we should speak with caution about possible publications of S. Yu. Witte in this newspaper until the beginning of 1885. An introduction to the scientific circulation of the text of Witte's letter to I. S. Aksakov in which the student disturbances in Kiev in the beginning of September 1884 were spoken about (1884, October 9) may contribute to understanding of the relationship between the correspondents, as well as more precise definition of the social and political views of S. Yu. Witte. The letter is published as an appendix.

Key words: S. Yu. Witte, I. S. Aksakov, R. A. Fadeev, «The Sacred Squad», Slavophilia, «Rus'», «Moskovskiye Vedomosti», university regulations of 1884, Kiev University, student disturbances.

Proskuryakova M. E. Prosopographical databases as an instrument for mass sources' study in modern historiography

The present article examines one of the methods of study of mass sources on social history — prosopographical databases (PDB). In the article on the basis of intensive study of findings of the foreign researchers an attempt is made to reveal the difficulties a database creator will face. A few concepts on principles for generalizing and analyzing of prosopographical information were developed by scholars in field of Ancient and Medieval social history (K. S. B. Keats-Rohan, Ralph W. Mathisen, Dion C. Smythe and etc.) in course of constructing of the databases that later had gained a status of perfect example and received wide popularity in scientific community. Probably, obligatory change of structure of information, which was obtained from historical primary source, inside database can be recognized as the most arduous issue for database designers. For instance, standardization of naming for titles, ranks, positions, or subdivision of earlier consolidated information between several databases fields belong to the number of obligatory changes. The designated problem cannot be solved because of the specificity of computer systems' functioning. On account of this a correct constructing and filling of database appear a key task for historian; the task that should prevail over aspiration to repeat in database the same structuring of information as in historical source. Study of contemporary scientific literature provides an opportunity to define the principles that can predetermine a success in performing of named task. In the frames of this article, an emphasis is made exactly on describing of such principles formulated and suggested by foreign historians.

Key words: prosopography, social history, databases, computing, historical source, mass sources, historiography, methods of historical research.

Reznik A. V. The A. A. Ioffe's letter to G. E. Zinoviev 23 January 1924

This letter of Adolf Ioffe to Grigorii Zinoviev is published here for the first time in its entirety. It was written two days after the death of Vladimir Lenin, founder and leader of the Soviet state. Ioffe, a prominent diplomat, suggested that replacing Lenin as the chairman of the Soviet government with one person was impossible. He proposed instead appointment of a presidium composed of Trotsky, Zinoviev, and Kamenev, or else appointment of Trotsky alone. Despite its brevity, the letter represents an important source on Bolshevik political culture in the 1920s.

Key words: Russian Communist Party, the Bolsheviks, Zinoviev, Trotsky, Kamenev, Adolf Ioffe, Lenin, the Soviet authorities.

Rupasov A. I. The Soviet-Estonian relations during the global economic crisis

Relations with Estonia were marginal for the USSR in the second half of 1920s — early 1930s. Strong political influence of Poland in Estonia was considered by the Soviet diplomacy as one of the prerequisites for creating a military-political bloc along the western border of the USSR. Due to objective reasons, the Soviet diplomacy did not possess any significant opportunities to change the emerging situation. The global economic crisis seriously affected the export-oriented Estonian economy. In Moscow Soviet authorities have come to believe that it was possible trade to minimize the political influence of Poland and to achieve some other political goals with the development of bilateral. However, the conclusion in 1929 of the trade agreement with Estonia did not provide the desired results. The trade agreement resulted in negative consequences for the Estonian economy. In turn, sharply aggravated political situation in Estonia was one of the reasons for the consolidation of the Polish-Estonian and Finnish-Estonian contacts.

Key words: Estonia, USSR, trade agreement of 1929, transit, concessions, political parties, People's Commissariat for Foreign Relations, M. M. Litvinov.

Smirnova L. V., Uvarov S. N. The evacuation of the population of Leningrad in Udmurtia during the Great Patriotic war (the number, placement, labor activity)

Heroic page in the history of St Petersburg is the evacuation of the city during the Great Patriotic war. One of the places, which housed the evacuated people from Leningrad, was the Udmurt ASSR. The use of archival materials allowed clearly recognize the number of Leningraders evacuated, their location, work activity in the Republic, and unpublished memoirs helped to find out their attitudes to the evacuation of the city. The people of Leningrad were evacuated from their home town mostly reluctantly, often preferring losing their house to travel to another area. The maximum number of evacuated inhabitants of «Northern capital» in Udmurt ASSR was in April 1944, when it exceeded 6000 people, composed of all evacuees located in the Republic, the share of Leningrad reached the seventh one. In general for the Udmurt ASSR the arrival of Leningrad has played a very significant role. Once in Udmurtia, they worked selflessly on machines, worked in the field, educate the younger generation, treated the sick, bringing their very important contribution to the Victory. But once the blockade was raised, evacuated Leningraders began to break back and went, in spite of the bans. It tells about the people of Leningrad as great patriots of their native town.

Key words: evacuation, evacuees, the numbers, the memories, the Great Patriotic war, Leningrad, Udmurt ASSR.

Shukhman E. O. Bibliotheca Friedlandiana: The history of the collection and its present condition

The present paper is actually a review of a provenance of the vast collection of Hebrew books, known as Bibliotheca Friedlandiana. Now the collection is kept in the Institute of Oriental Manuscripts of Russian Academy of Sciences. Its core came from a private collection belonging to a well-known benefactor and collector, Moshe Arieh Leyb (Lev Faivelevich) Friedland who donated his library to the Asiatic Museum of St Petersburg Academy of Sciences in 1892. Bibliotheca Friedlandiana is considered the one of the largest Hebrew books collection in Russia and in Europe. For many reasons, closely related to the historical processes in Russia since the end of the 19th century until today, Bibliotheca Friedlandiana has been inaccessible for researchers and readers. The article tells the story of numerous attempts of generations of librarians to put the collection in order. The present condition of the Hebrew Books Fund of IOM RAS and the modern methods of cataloguing Hebrew books are described.

Key words: Hebrew book, Bibliotheca Friedlandiana, Semiology, Judaica, Catalogue, Database of Hebrew Books, History of Books Collection, Hebrew Bibliography.

Sinelnikova E. F., Sobolev V. S. Resurrecting the majestic images of thinkers. From the history of the St Petersburg Philosophical Society (1897–1923)

The published manuscript essay by Ksenya Miloradovich was prepared for the 25th anniversary of the Philosophical Society of St Petersburg (Petrograd) University (upcoming in October 1922). It is currently the only known source on coherent history of the society. Ksenya Mikhaylovna Miloradovich was a remarkable scientist — philosopher. The essay contains important and interesting information about active participants of the Philosophical Society — outstanding Russian philosophers — A. I. Vvedenskiy, E. L. Radlov, V. S. Solovyev, N. O. Losskiy. Besides there are data on reports, lectures and messages, which were made at the meetings of the society for the entire period of its existence (1897–1923). The manuscript allows both understand the ideological process in Russia in those years better and objectively assess the value of some theories and ideas.

Key words: St Petersburg Philosophical Society, history of science, Saint Petersburg State University, K. M. Miloradovich, A. I. Vvedenskiy, E. L. Radlov, V. S. Solovyev, N. O. Losskiy.

Timofeev L. V. Around prototype of Mitrofanushka by Denis Fonvizin

The legend (fiction, speculation) about Alexey Olenin (1764–1843) as a prototype of Mitrofanushka from comedy «Nedorosl» (1782) by D. I. Fonvizin (1744–1792) was published in 1861 by V. P. Burnashev. More than a century it hasn't been questioned. The article deals with all pro and contra of this version. After identifying documents on cooperative studies of the author of a comedy with two brothers Olenins in the gymnasium at Moscow University — Alexey's father and uncle — there are new versions. A significant part of the article is devoted to analysis of arguments based on assumptions and ignorance of the facts of life prototypes.

Key words: V. P. Burnashev, A. N. Olenin, D. I. Fonvizin, D. Y. Olenin, N. Y. Olenin, Moscow University, prototypes, V. M. Faibisovich, P. Serov, fictions and facts.

Vlasov N. A. The history of international relations or the history of diplomacy in Europe? The problem of studying and teaching the history of international relations of the Modern epoch

The present article is dedicated to the estimation of today's Russian textbooks on the modern history of International Relations. Do these textbooks meet the requirements of contemporary historical education and of studying the humanities in general? Analysis of the most popular textbooks let author to conclude that all of them have some essential shortcomings. The biggest defects of the textbooks stems from the concentration on the political aspects of IR and eurocentrism. From our point of view the existent works are mostly the textbooks on European Diplomacy than on IR and today there is no Russian textbook corresponding with the current developments of historical science. The need for new textbook is obvious. It should not only provide the narrative of military and political events, but also include the history of economy, culture, migrations, knowledge and technologies spread. The author thinks that writing such textbook is difficult but still manageable task.

Key words: international history, Modern history, textbook, diplomacy, eurocentrism, Westphalian treaty, economic history, cultural history, history of migration.

Zhukov A. E. The Chronicle of the beginning of the kingdom and the Voskresenskaya chronicle

The question about the correlations between the Chronicle of the beginning of the kingdom and the Voskresenskaia chronicle has been considered in the article. The scholars insisted that the latter became the source of the Chronicle of the beginning of the kingdom. But some moments connected with this problem should be elaborated. Firstly, the author compared the text of the Chronicle of the beginning of the kingdom and Voscresenskaia chronicle and revealed shared readings between these two manuscripts concerning common chronological period (1533–1541). Secondly, the analysis of the methods of the editors' work with the articles of the Voskresenskaia chronicle was made. In conclusion, the exact edition of the Voskresenskaia chronicle was clarified.

Key words: chronicles, Ivan IV, Voskresenskaia chronicle, Chronicle of the beginning of the kingdom.

Сведения об авторах

Андреева Татьяна Васильевна, д. и. н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.
E-mail: ta.a.andreeva2014@ya.ru
Букалова Светлана Владимировна, к. и. н., доцент Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.
E-mail: STL1612@yandex.ru
Вовина-Лебедева Варвара Гелиевна, д. и. н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.
E-mail: varvara_vovina@mail.ru
Гинев Владимир Николаевич, д. и. н., главный научный сотрудник-консультант Санкт-Петербургского института истории РАН.
E-mail: spb_ii_ran@mail.ru
Власов Николай Анатольевич, к. и. н., доцент факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: ovb1@yandex.ru
Жуков Артем Евгеньевич, младший научный сотрудник научно-исследовательского отдела рукописей Библиотеки РАН.
E-mail: artemnovgor@inbox.ru
Ковалев Борис Николаевич, д. и. н., профессор, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.
E-mail: bnkov@mail.ru
Кучурин Владимир Владимирович, к. и. н., декан факультета менеджмента государственного автономного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования «Ленинградский областной институт развития образования».
E-mail: vkpostal@gmail.com
Левшина Екатерина Сергеевна, младший научный сотрудник Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом).
E-mail: svoim4eredom@mail.ru
Проскурякова Мария Евгеньевна, к. и. н., научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.
E-mail: m-proskuryakova@mail.ru
Резник Александр Валерьевич, к. и. н., Пермский государственный национальный исследовательский университет.
E-mail: reznik@comparativestudies.ru
Рупасов Александр Иванович, д. и. н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.
E-mail: rupasov_ai@mail.ru
Синельникова Елена Федоровна, к. и. н., ученый секретарь Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН.
E-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru
Смирнова Людмила Владимировна, к. и. н., доцент ФГБОУ ВО «Ижевская государственная сельскохозяйственная академия».
E-mail: ghjdjqye@mail.ru
Соболев Владимир Семенович, д. и. н., заведующий сектором истории Академии наук и научных учреждений Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН.
E-mail: vlad_history@mail.ru
Тимофеев Лев Валентинович, историк, первый директор Литературно-художественного музея-усадьбы «Приютино», автор книг «В кругу друзей и муз. Дом А. Н. Оленина» (Л.: Лениздат, 1983), «Приют, любовью муз согретый» (СПб.: Нестор-История, 2007).
E-mail: lev_t36@mail.ru
Уваров Сергей Николаевич, к. и. н., доцент ФГБОУ ВО «Ижевская государственная сельскохозяйственная академия».
E-mail: sergey.uvarov@mail.ru
Шухман Екатерина Олеговна, семитолог, библиотекарь 1-й категории, отдел рукописей и документов Института восточных рукописей РАН.
E-mail: choukhman@mail.ru
Яровая Елена Александровна, к. и. н., старший научный сотрудник Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа.
E-mail: tristi1101@rambler.ru

Contacts of authors

Andreeva Tatiana Vasilievna, Dr. of Sciences (History), St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, major scientist.
E-mail: ta.a.andreeva2014@ya.ru
Bukalova Svetlana Vladimirovna, Ph.D., associate Professor, Oryol branch of the Russian Academy of national economy and state service under the President of the Russian Federation.
E-mail: STL1612@yandex.ru
Ginew Vladimir Nikolaevich, Doctor of Sciences (History), chief researcher-consultant, St Petersburg Institute of history of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: spb_ii_ran@mail.ru
Jarovaya, Elena Aleksandrovna, Ph. D., senior researcher of the Numismatics Department, State Hermitage Museum.
E-mail: tristi1101@rambler.ru
Kovalev Boris Nikolayevitch, Dr. of Sciences (History), professor, leading research fellow, St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: bnkov@mail.ru
Kuchurin Vladimir Vladimirovich, Ph. D. in History, Dean of the Faculty of Management State Autonomous Educational Institutions of Supplementary Professional Leningrad Regional Institute of Education Development.
E-mail: vkpostal@gmail.com
Levshina Ekaterina Sergeevna, researcher of the Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House).
E-mail: svoim4eredom@mail.ru
Proskuryakova Maria Evgenievna, Ph. D., Researcher, St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: m-proskuryakova@mail.ru
Reznik Aleksandr Valerievich, Ph. D., Perm State University.
E-mail: reznik@comparativestudies.ru
Rupasov Aleksandr Ivanovich, Dr. of Sciences (History), leading research fellow, St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: rupasov_ai@mail.ru
Shukhman Ekaterina Olegovna, librarian, Institute of Oriental Manuscripts Russian academy of Sciences.
E-mail: choukhman@mail.ru

Sinelnikova Elena Fedorovna, Ph. D., Scientific secretary of Saint Petersburg Branch of the Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences.
E-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru
Smirnova Lydmila Vladimirovna, Ph. D., assistant professor, Izhevsk State Agricultural Academy.
E-mail: ghjdjqye@mail.ru
Sobolev Vladimir Semenovich, Dr. of Sciences (History), Head of History of the Academy of Sciences and research institutions Division of Saint Petersburg Branch of the Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences.
E-mail: vlad_history@mail.ru
Timofeev Lev Valentjnovich, historian, former Director of the Literary Museumestate «Priyutino» (1969–1977); author of monographs «In the circle of friends and muses. House of A. N. Olenin» (L.: Lenizdat, 1983) and «Shelter, love of the muses warmed» (SPb.: Nestor-History, 2007).
E-mail: lev_t36@mail.ru
Uvarov Sergey Nikolaevich, Ph. D., assistant professor, Izhevsk State Agricultural Academy.
E-mail: sergey.uvarov@mail.ru
Vlasov Nikolay Anatoljevich, Ph. D., Associate Professor, School of International Relations, Saint Petersburg State University.
E-mail: ovb1@yandex.ru
Vovina-Lebedeva Varvara Gelievna, Dr. of Sciences (History), leading researcher, St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.
E-mail: varvara_vovina@mail.ru
Zhukov Artem Evgenievich, junior researcher, Manuscript department, Library of Russian Academy of Sciences.
E-mail: artemnovgor@inbox.ru.

Требования к публикации статей и материалов

• Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а. л. (для аспирантов — не более 0,5 а. л.). Объем публикуемых документов и рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном и распечатанном виде (шрифт текста Times New Roman, 14 кеглем, сноски — 10 кеглем).

• Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, ученого звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.

• Текст должен быть снабжен аннотацией на русском и английском языках (не менее 200–300 слов), перечнем ключевых слов (10–15), указанием индекса УДК (универсальной десятичной классификации), который приводится над фамилией автора слева.

• Сноски к тексту — постраничные, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов. В конце текста должен быть представлен транслитерированный (в латинице) список использованной литературы.

• Иллюстрации принимаются только черно-белые, в форматах tif и jpg, с разрешением не менее 300 dpi.

• Ответственность за точность цитат, приводимых фактов, имен собственных, географических названий лежит на авторах материалов, так же как и за то, что в них отсутствует упоминание сведений, не подлежащих открытой публикации.

• Статьи, поступившие в редакцию, регистрируются. Решение о публикации / отказе в публикации / направлении рукописи на доработку принимается ответственным редактором и сообщается автору в срок до 60 дней.

• Все поступившие в редакцию материалы подлежат предварительной оценке редакционной коллегией или ответственным редактором на предмет соответствия установленным формальным требованиям, а также на предмет отсутствия в рукописи неправомерного заимствования текста, иллюстраций, таблиц и пр.

• Все материалы, не отклоненные в результате предварительной проверки, подлежат обязательному независимому научному рецензированию без указания фамилии автора. Научное рецензирование может осуществляться любыми специалистами, в том числе и членами редакционной коллегии.

• До публикации материалов рецензенты и члены редакционной коллегии не вправе использовать рецензируемые материалы или ссылаться на них.

• Авторы должны подписать с редакцией журнала лицензионный договор на право использования научного произведения в «Петербургском историческом журнале».